

Институт философии и права Национальной академии наук Азербайджана

На правах рукописи

ГУРБАНОВ РАМИН АФАД ОГЛЫ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Специальность 12.00.10 – Международное право;
Европейское право

Научные консультанты:

Капустин Анатолий Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор

Джафаров Азер Мамед оглы
доктор юридических наук,
заслуженный юрист Азербайджанской Республики

Баку– 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	33
§1. Правовые факторы, способствующие установлению взаимодействия судебных органов на европейском пространстве	34
§2. Институционально-правовые особенности международно-правового статуса европейских региональных судебных органов	70
§ 3. Правовые основы и субъекты сотрудничества в судебной сфере на европейском пространстве	92
ГЛАВА 2. ВИДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	145
§ 1. Виды сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия.....	147
§ 2. Виды сотрудничества судебных органов государств-членов ЕС в сфере гражданского правосудия.....	194
ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ С СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОВЕТА ЕВРОПЫ	229
§ 1. Правовая природа и механизмы взаимодействия судов государств- членов ЕС с судебными органами Европейского Союза.....	230
§ 2. Правовая природа и принципы взаимодействия судов государств-членов Совета Европы с Европейским судом по правам человека	249
§ 3. Международно-правовая природа взаимодействия региональных и национальных судебных органов	269

ГЛАВА 4. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	287
§ 1. Влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику Суда ЕС.....	289
§ 2. Международно-правовой прогноз присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	322
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	329

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Еще в начале XIX века выдающийся русский юрист Ф.Ф. Мартенс не допускал возможности создания постоянно действующего международного суда, обладающего в отношении государств обязательной юрисдикцией¹. Но уже в 1922 году при Лиге Наций был образован международный судебный орган – Постоянная палата международного правосудия (фр.: *La Cour permanente de Justice internationale*, англ. *Permanent Court of International Justice*), юрисдикция которого, однако, носила факультативный характер. Вместе с тем сам факт учреждения подобного органа свидетельствовал о новых тенденциях в развитии международного правосудия, что привело в настоящее время к дискуссии по вопросу «правосудиялизации» международных отношений, т.е. широкому созданию и использованию международных судов и трибуналов для урегулирования международных споров различного характера. Как представляется, такая тенденция является не только значительным компонентом либерального подхода к пониманию международного правопорядка, но и в некотором смысле совершенно необходимым сопутствующим компонентом «юридизации» международных отношений².

Современный этап развития международных отношений и международного права характеризуется активным ростом межгосударственного взаимодействия и появлением новых более интегрированных форм такого сотрудничества. Особое проявление данного феномена современности наблюдается в области судебного сотрудничества. Если ранее оно осуществлялось преимущественно на уровне национальных органов исполнительной власти в области правосудия (так называемое, классическое сотрудничество), то в настоящее время наблюдается

¹ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / под ред. и с биографическим очерком д.ю.н., проф. В.А. Томсинова. Том 1. М., 2008. С. 192.

² Более подробно см.: *Институты международного правосудия* / под ред. В.Л. Толстых. – М., 2014. 504 с.

тенденция к установлению прямых интеграционных связей между национальными судебными органами, что ведет к прямому взаимодействию, исключая любое посредничество.

Более того, появление в современном мире международных универсальных и региональных судебных органов и постепенное увеличение их количества³ стало одной из предпосылок возникновения новой формы международного судебного сотрудничества – взаимодействия национальных судебных органов с международными региональными судами⁴.

В этой связи наибольший интерес для теоретического анализа международного правового регулирования взаимодействия судебных органов представляет изучение опыта такого взаимодействия на европейском пространстве⁵, на котором действуют самые «старые» международные региональные судебные органы – Суд Европейского Союза, который был образован в 1952 году и назывался Суд Европейского объединения угля и стали⁶, а также Европейский суд по правам человека Совета Европы, образованный в 1959 году.

Не претендуя на признание их «идеальными моделями» в отправлении правосудия на межгосударственном уровне, тем не менее отметим, что правовая природа и формы взаимодействия национальных судов европейских государств с названными международными региональными

³ См., например: *Шинкареуца Г.Г.* Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития). М., 2010.

⁴ Понятие «*взаимодействие судебных органов*» вводится для того, чтобы отграничить процесс непосредственного воздействия от опосредованного воздействия таких субъектов друг на друга, которое в работе определяется термином «сотрудничество».

⁵ Понятие «*европейское пространство*» использовано в целях установления политико-географических пределов сотрудничества европейских государств. Дело в том, что множественность межгосударственных союзов, действующих в Европе, «размывает» ее географические пространственные пределы, что имеет исторические корни. В этом смысле понятие «*европейское пространство*» является консолидирующим пространственные пределы, по меньшей мере, ЕС, Совета Европы и иных субрегиональных европейских международных организаций (ЕАСТ и др.).

⁶ С 1958 года он поменял название на Суд Европейских сообществ, а с вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 году изменил название на ныне действующее.

судами, а также международных региональных судов между собой, представляет особый интерес для научного анализа, что объясняется как значительным опытом судебного сотрудничества, накопленного ими, так и новизной правовых форм и механизмов сотрудничества, настоятельно требующих теоретического осмысления. С учетом того, что Российская Федерация и Азербайджанская Республика являются членами Совета Европы, изучение данных вопросов приобретает особую актуальность.

Кроме того, именно на европейском пространстве планируется создание «европейского пространства правосудия». Впервые о «пространстве свободы, безопасности и правосудия» упоминалось в Договоре о Европейском Союзе 1992 г. Специальная глава, посвященная «пространству свободы, безопасности и правосудия», была также включена в Договор о введении Европейской Конституции 2004 г., который так и не вступил в силу. Вместе с тем одноименная глава содержится в тексте Договора о функционировании Европейского Союза. Таким образом, в доктрине под европейским пространством правосудия большинство ученых понимают комплекс мер и механизмов, действующих в рамках только Европейского Союза⁷.

Региональные интеграционные процессы, происходящие в настоящее время на евразийском пространстве, также обостряют интерес к исследованию правовой природы и форм сотрудничества национальных органов с судами, образованными в соответствующих интеграционных объединениях. Указанные процессы на определенном этапе своего развития делают необходимым сотрудничество участвующих в них государств в сфере правосудия, вначале между органами исполнительной власти в сфере правосудия, а затем и судебных органов указанных государств между собой. Так, например, в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) были

⁷ См., например: Бирюков М.М. Европейский Союз до и после Лиссабонского договора. М., 2010; Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Правовая система Европейского союза: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012; Волеводз А.Г. Европейская судебная сеть // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 1 и т.д.

созданы: Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников СНГ; Совет председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, рассматривающих дела по спорам в сфере экономики и т.д.⁸

Первый на евразийском пространстве международный судебный орган Экономический Суд СНГ был создан в целях обеспечения обязательств, вытекающих из заключенных между государствами СНГ экономических соглашений и договоров, путем разрешения споров, возникающих в процессе экономических отношений. Решение о создании Хозяйственного Суда Содружества (так изначально назвался Экономический Суд СНГ) было принято при заключении Соглашения о мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран – участниц СНГ от 15 мая 1992 года в г. Ташкенте.

При подготовке статутных документов суда в соответствии с задачами, стоящими перед ним, было принято решение переименовать его в Экономический Суд Содружества Независимых Государств, что наиболее полно отражало задачи, которые предстояло решать.

6 июля 1992 года на заседании высшего органа Содружества — Совета глав государств СНГ в г. Москве было подписано Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств, которым одновременно утверждено Положение об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств.

⁸ См.: *Бадаев А.Г.* Проблемы и перспективы сотрудничества и взаимодействия органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников СНГ по обеспечению экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 88-92; *Литвишко П.А.* Создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп в СНГ: текущий этап нормотворчества // Российский следователь. 2010. № 4. С. 34-38; *Волобуев В.П.* К вопросу о проблемах международного сотрудничества органов прокуратуры РФ с государствами – участниками СНГ и другими государствами в сфере выдачи лиц, осуществления уголовного преследования и оказания правовой помощи при расследовании преступлений // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 39-42; *Григорьева Л.* Первое заседание Совета министров юстиции государств-участников СНГ // Адвокат. 2006. № 5. С. 54-57.

В соответствии с Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года был создан Суд Евразийского экономического сообщества. 5 июля 2010 года государствами – членами Евразийского экономического сообщества был подписан Статут Суда Евразийского экономического сообщества, которым были регламентированы вопросы организации деятельности Суда, компетенции Суда, судопроизводства, в том числе особенности судопроизводства в рамках Таможенного союза.

В связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 году Суд ЕврАзЭС был преобразован в Евразийский экономический суд (Суд ЕАЭС), который стал функционировать в целях обеспечения применения государствами-членами и органами Евразийского экономического союза Договора о ЕАЭС и иных международных договоров и актов ЕАЭС.

Достигнутый уровень развития интеграционных процессов на евразийском пространстве, обуславливающий необходимость создания судебных структур в международных евразийских организациях, свидетельствует о том, что всестороннее международно-правовое исследование правовой природы и форм взаимодействия судебных органов, в частности, в Европейском Союзе, Совете Европы, Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), Бенилюксе представляется весьма актуальным. Положительный опыт международно-правового регулирования взаимодействия судебных органов в рамках европейских интеграционных организаций может быть востребован при разработке концептуальных моделей сотрудничества действующих судебных органов евразийских интеграционных объединений (СНГ, ЕАЭС и т.д.) между собой, а также с судебными органами государств – членов этих интеграционных объединений; при создании в будущем судебных органов ШОС, БРИКС и др., способных органично встроиться в евразийское правовое пространство.

Принимая во внимание важную роль Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) в формировании региональных стандартов прав человека, можно предположить, что со временем она может стать единым правозащитным стандартом всех интеграционных процессов в «Большой Европе». В этих условиях особое значение приобретает анализ перспектив возможного присоединения к данной Конвенции европейских интеграционных организаций, к примеру, Европейского Союза⁹. Кроме того, учитывая возрастающую активность в гармонизации национальных законодательств в рамках евразийских интеграционных объединений (ЕАЭС и т.д.), подобное исследование будет представлять интерес и в контексте международно-правового регулирования взаимоотношений Совета Европы, Европейского Союза с ЕАЭС.

Таким образом, возрастает актуальность выработки в порядке академического прогнозирования международно-правовой модели использования стандартов ЕКПЧ в деятельности интеграционных организаций в Европе и на евразийском пространстве, а также в практике их судебных органов.

Изложенное свидетельствует об объективной необходимости исследования международно-правового регулирования сотрудничества между судами не только на горизонтальном уровне (т.е. между судебными органами различных государств, а также между международными региональными судами различных правопорядков), но и в вертикальном разрезе (между судебными органами государств и международными региональными судами).

Объектом диссертационного исследования являются международные отношения, складывающиеся между судебными органами государств – членов ЕС, между национальными судами европейских государств и международными региональными судами (Европейским судом

⁹ См. подробнее: Глава 4.

по правам человека, Судом ЕС, Судом ЕАСТ, Судом Бенилюкса), а также между международными региональными судами в процессе их деятельности по отправлению правосудия.

Предметом диссертационного исследования являются системы международно-правовых норм европейских организаций (Совета Европы, Европейского Союза, ЕАСТ, Бенилюкса) и национального права, судебная практика национальных и международных региональных судов (Суда ЕС, Европейского суда по правам человека и т.д.), а также российская и европейская доктрины.

Развитие международно-правового взаимодействия судебных органов датируется второй половиной XX века, т.е. является сравнительно новым явлением международной жизни, что объясняет относительную новизну предмета настоящего исследования: до этого периода исследование могло ограничиваться лишь изучением сотрудничества правопорядков или органов исполнительной власти в сфере правосудия, поскольку для сотрудничества судебных органов (органов судебной власти) различных государств между собой и с международными судебными органами не сложились в то время необходимые условия.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение международно-правовой природы, различных механизмов и средств международного взаимодействия судебных органов, а также перспектив развития соответствующего международно-правового регулирования.

Достижение поставленной цели осуществлялось посредством решения следующих основных задач:

– сформулировать и исследовать юридическое содержание понятия «международно-правовое взаимодействие судебных органов», определить его соотношение с понятиями «взаимодействие судебных органов» и «механизмы и средства взаимодействия судебных органов», выработать научные критерии и классифицировать сложившиеся

международно-правовые средства и механизмы взаимодействия судебных органов;

- исследовать факторы, способствующие становлению взаимодействия судебных органов на европейском пространстве, определить принципы международно-правового регулирования сотрудничества судебных органов и его международно-правовые основы;

- определить международно-правовую природу и формы взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС в общем ряду правовой регламентации отношений судебных органов, складывающихся в рамках их деятельности по отправлению правосудия, а также классифицировать данные формы сотрудничества в сфере уголовного и гражданского правосудия;

- проанализировать международно-правовые нормы и национальное законодательство европейских государств в сфере регулирования отношений между судебными органами различных государств, возникающих при осуществлении деятельности по отправлению правосудия, и исследовать возможность применения в рамках международно-правового регулирования таких отношений механизмов и инструментов взаимодействия судебных органов, используемых на национальном уровне;

- исследовать механизмы и способы взаимодействия судебных органов европейских государств с судебными органами ЕС и Совета Европы и определить правовые последствия влияния судебной практики ЕСПЧ на национальную судебную практику;

- выявить проблемы международно-правового взаимодействия национальных и международных региональных судов, в том числе отдельные аспекты, отрицательно влияющие на его эффективность, и выработать научные рекомендации по их разрешению;

– на основе концепции дружественного диалога проанализировать основные черты международно-правовой модели взаимодействия европейских и евразийских судов с ЕСПЧ;

– сформулировать предложения по правовому прогнозу развития и совершенствованию существующих механизмов международно-правового взаимодействия судов, предложить новые механизмы такого взаимодействия, а также рекомендации по использованию новых механизмов международно-правового взаимодействия национальных и международных региональных судов.

Степень научной разработанности темы. Учитывая новизну исследуемой темы, следует констатировать отсутствие монографических или диссертационных исследований по заявленной теме. Отдельные аспекты данной темы получили полное и всестороннее изучение как в российской, так в зарубежной науке международного права, однако комплексный анализ международно-правовых аспектов взаимодействия судов на европейском правовом пространстве в науке не проводился.

Например, отношения судебных органов государств – членов ЕС с Судом ЕС являлись предметом исследования на протяжении более чем полувековой истории европейских интеграционных объединений. Среди зарубежных представителей науки международного права, заинтересовавшихся данной тематикой, необходимо в первую очередь выделить представителей французской, немецкой и итальянской научных школ, а также ученых-юристов стран Бенилюкса. Наиболее значительный вклад в изучение отношений судебных органов государств – членов ЕС с Судом ЕС внесли работы таких исследователей, как Г. Вандерсанден¹⁰, М. Вателет¹¹, Х.П. Ипсен¹², П. Пескаторе¹³, Ж. Ж. Сальмон¹⁴ и др.

¹⁰ См.: *Vandersanden G.* Renvoi préjudiciel en droit européen. 2013., Bruylant. 210 p.

¹¹ См.: *Wathelet M.* Contentieux européen. 2014., Larcier. 790 p.

¹² См.: *Ipsen H.P.* Europäisches Gemeinschaftsrecht. Mohr Siebeck, 1972.

¹³ См.: *Pescatore P.* Le droit de l'intégration. Geneve, 1972.

Помимо указанных авторов эти вопросы стали предметом исследования ученых практически всех европейских государств¹⁵.

Российские ученые-правоведы также посвятили множество трудов этой теме¹⁶. Среди них следует отметить С.А. Бартенева¹⁷, А.Я. Капустина¹⁸, С.Ю. Кашкина¹⁹, Д.Д. Ландо, М.Н. Марченко²⁰, И.В. Орина²¹, Е.А. Пушечникову²², Ю.М. Родионову²³, В.И. Самарина²⁴, Д.С. Тихоновецкого²⁵, Б.Н. Топорнина²⁶, С.А. Трыканова, Л.М. Энтина²⁷, Е.Е. Юрьева²⁸ и др.

¹⁴ См.: *Salmon J.J.* Les Communatautes en tant que personnes de droit et leurs privele ges // *Droit des Communatautes europeennes: Les Nouvelles.* Bruxelles, 1969. P. 130-131.

¹⁵ См., например: *Horspool M.* European Union Law. 2-nd ed. London, Edinburgh, Dublin: Butterworths, 2000; *Lasok D.* Law and Institutions of the European Union. 6-th ed. London. Dublin, Edinburgh: Butterworths, 1994; *Schermers H.G.* International institutional law. Rockville, 1980; *Weatherill S., Beaumont P.* EC Law. London: Penguin Books, 1995.

¹⁶ См.: *Кашкин С.Ю., Ядрихинская О.А.* История становления и развития науки европейского права в России. // <www.eulaw.edu.ru/documents/articles/sciencehistory.htm>; *Бойцова Л.В.* Европейское образование и преподавание права ЕС // *Московский журнал международного права.* 1998, № 3; *Ленников А.С.* Европейское право в России: международный семинар «Современные тенденции развития права ЕС и российского юридического образования» // *Московский журнал международного права.* 2000. № 4. *Аверин Д.Д.* Суд Европейского экономического сообщества // *Вестник Московского университета. Серия «Право».* 1964. № 4.

¹⁷ См.: *Бартенев С.А.* Европейский Союз и государства-члены: разграничение компетенции. М.: Юрлитинформ, 2009. 195 с.

¹⁸ См.: *Капустин А.Я.* Европейский Союз: интеграция и право. М.: Изд-во РУДН, 2000.

¹⁹ См., например: *Кашкин С.Ю., Каличенко П.А., Четвериков А.О.* Введение в право Европейского Союза. М.: Эксмо, 2010. 464 с. *Интеграционное правосудие: сущность и перспективы, монография, отв. ред. С.Ю. Кашкин.* М.: Норма, ИНФРА, 2014. 112 с.

²⁰ См.: *Марченко М.Н., Дерябина Е.М.* Право Европейского Союза. Основы истории и теории. М.: Проспект. 2010; *Марченко М.Н.* Европейский Союз и его судебная система: монография. М.: Проспект. 2015. 288 с.

²¹ См.: *Трыканова С.А., Энтин М.Л., Орина И.В., Энтин Л.М.* Актуальные проблемы европейского права. М.: Флинта, 2011. 168 с.

²² См.: *Пушечникова Е.А.* Некоторые вопросы преюдициальной процедуры в Суде Европейских Сообществ // *Материалы семинара «Преподавание права Европейского Союза в Российских ВУЗах - II».* М., 2001. С. 299-305.

²³ См.: *Родионова Ю.М.* Компетенция Европейского Суда Правосудия // <www.law.edu.ru>.

²⁴ См.: *Ландо Д.Д., Самарин В.И.* Европейское публичное право. М.: Проспект, 2014. 226 с.

²⁵ См.: *Тихоновецкий Д.С.* Проблемы прецедента в праве ЕС // *Московский журнал международного права.* 2003. № 24.

²⁶ См.: *Топорнин Б.Н.* Право Европейского Союза. М.: Юрист, 2001.

²⁷ См.: *Энтин Л.М.* Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. М: Аксиом, 2009; *Энтин М.Л.* Суд Европейских сообществ: Правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М.: Международные отношения, 1987.

Менее изученным является вопрос организации взаимодействия между судебными органами государств – членов ЕС²⁹. Изначально организованные в рамках двусторонних межправительственных отношений, а также на основе конвенций, разработанных в рамках Совета Европы, отношения государств – членов ЕС в сфере правосудия вышли на уровень прямого взаимодействия судебных органов сравнительно недавно: наработанная база норм международного права была интегрирована, совершенствована и развита в праве Европейского Союза лишь начиная с конца 90-х гг. прошлого века.

Такие аспекты темы, как вопросы взаимодействия между Судом ЕС и Европейским судом по правам человека, практически не были изучены в российской науке международного права. Научные работы по данной тематике появились в России сравнительно недавно, что обусловлено интересом к предстоящему присоединению Европейского Союза к Европейской конвенции по правам человека. Тогда как зарубежная наука права ЕС отнеслась с большим интересом к теме взаимодействия Суда ЕС с Европейским судом по правам человека (см., например, работы И. Бос-Платьер, С. Дево, Д. Деро-Буньи³⁰, Р. Лебут³¹, С. Рапопорт³², Ф. Сюдра³³, Ф.

²⁸ См.: *Юрьев Е.Е.* Право Европейского Союза и международный коммерческий арбитраж: особенности взаимодействия. М.: Юрлитинформ, 2010. 159 с.

²⁹ См., например: *Demanet G.* Considérations sur l'entraide judiciaire en matière pénale. // *RD pén. crim.* 1997. P. 801; *M. Wasmeier.* The principle of ne bis in idem // *RID pén.* 2006. Vol. 77½. P. 115; *Moreillon L., Willi-Jayet A.* Coopération judiciaire pénale dans l'Union européenne. Bruxelles, Paris, Bruylant: LGDJ, 2005; *Шамсутдинова Р.Р.* Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза: становление, развитие и основные формы сотрудничества государств-членов. Казань, 2009; *Каюмова А.Р.* Создание единого европейского пространства свободы, безопасности и правосудия – приоритетная задача Европейского Союза на современном этапе развития интеграционных процессов / Науч. ред. Л.Х. Мингазов // *Европейское право. Политика и интеграция: Актуальные проблемы.* Казань: Таглимат ИЭУП, 2005; *Сафаров Н.А.* Европейский ордер на арест: трансформация процесса экстрадиции. // *Московский журнал международного права.* 2003. № 4; *Дамирчиев Э.И.* Европейская организация правосудия (Евроюст): практика взаимодействия и перспективы развития // *Международное право и международные организации.* 2011. № 2.

³⁰ См.: *Dero-Bugny D.* Les rapports entre la Cour de justice de l'Union européenne et la Cour européenne des droits de l'homme. Bruylant, 2015. 232 p.

Тулкенс³⁴ и др.), что объясняется необходимостью применения судами государств – членом ЕС судебной практики двух европейских судебных органов. Разночтения в судебных практиках этих судебных органов и даже явные противоречия между ними ставят суды государств – членом ЕС, обязанных учитывать их судебную практику в затруднительное положение. В зарубежной научной доктрине данный вопрос изучается уже довольно продолжительное время, можно отметить ряд работ, в которых рассмотрены в первую очередь теоретические аспекты взаимодействия двух этих судебных органов³⁵.

Иные аспекты исследования, в частности взаимодействие судов государств – членом Совета Европы с Европейским судом по правам человека, были проанализированы и в российской, и в азербайджанской науке международного права. Присоединение Российской Федерации и Азербайджанской Республики к Европейской конвенции по правам человека не могло не вызвать интереса науки международного права к вопросам взаимодействия национальных судебных органов с Европейским судом по правам человека. Так, вопрос о соблюдении обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, и применении судебной практики Европейского суда по правам человека российскими судебными органами часто становился предметом исследования в российской науке международного

³¹ См.: *Devaux S., Leboutte R.* Le traité de Rome: histoires pluridisciplinaires, l'apport du traité de Rome instituant la communauté économique européenne. Peter Lang, 2009. 208 P.

³² См.: *Bosse-Platière I., Rapoport C.* L'Etat tiers en droit de l'Union européenne. Bruylant. 2014. 504 p.

³³ См.: *Sudre F.* Droit européen et international des droits de l'homme. PUF, 2015.

³⁴ См.: *Tulkens F., Callewaert J.* La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux // *L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne.* IEE, 2002. P. 177.

³⁵ См., например: *Rozakis Ch.* La position des organes de la convention européenne des droits de l'homme à l'égard des actes de l'ordre juridique communautaire // *I. Iliopoulus-Stragas (ed.), La protection des droits de l'homme dans le cadre européen.* Baden-Baden Nomos Verlag, 1993. P. 291.

права³⁶. Данное обстоятельство свидетельствует, что интерес к такому вопросу является не только научным, но и практически значимым.

Теоретическую основу исследования, в первую очередь, составили фундаментальные труды российских ученых в области международного права. В их числе следует назвать работы А.Х. Абашидзе, К.А. Бекяшева, М.М. Бирюкова, И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанина, А.Я. Капустина, С.Ю. Кашкина, А.И. Ковлера, И.И. Лукашука, В.Л. Толстых, Б.Н. Топорнина, В.А. Туманова, Г.И. Тункина, В.Е. Чиркина, Л.М. Энтина, М.Л. Энтина, Ю.М. Юмашева и т.д.

При рассмотрении отдельных правовых аспектов, касающихся вопросов международного правосудия, были использованы работы Л.П. Ануфриевой, Г.М. Вельяминова, А.М. Джафарова, С.Е. Егорова, В.Д. Зорькина, В.В. Лазарева, П.А. Лаптева, Е.Г. Ляхова, Ф.Ф. Мамедова, М.Н. Марченко, Т.Н.Нешатаевой, О.И. Тиунова, Ю.С. Тихомирова, Г.Г. Шинкарецкой, Б.С. Эбзеева и др.

Диссертационное исследование базируется также на теоретических разработках таких известных зарубежных правоведов, как И. Бос-Палтьер, К. Грабенвартер, С. Дево, Д. Деро-Буньи, Ж.-П. Коста, Р. Лебут, С. Рапопорт, М. де Сильва, Ф. Сюдр, Ф. Тулкенс и иных зарубежных специалистов.

Нормативную базу исследования составили основополагающие (учредительные) акты Европейского Союза и Совета Европы, законодательство Европейского Союза (вторичное право ЕС), резолюции, судебная практика национальных и международных региональных судов (Суда ЕС, Европейского суда по правам человека и т.д.), статистические данные, внутренние регламенты международных региональных судебных

³⁶ См., например: Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / Под. ред. А.Л. Быкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. инст-та, 2006. *Бурков А. Л.* «Конвенция о защите прав человека в судах России». М.: Волтерс Клувер, 2010. 448 с.; *Воронцова И.В.*, *Соловьева Т.В.* Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М.: Wolters Kluwer Russia, 2010. 214 с.

органов и ряд других официальных документов, разработанных органами Совета Европы и Европейского Союза.

Эмпирическая база исследования основывается на судебной практике международных региональных и национальных судов, включая судебную практику судов Российской Федерации и Азербайджанской Республики, на материалах научно-практических конференций, а также на статистических данных.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные и частно-научные диалектические методы познания. В процессе работы использовались методы анализа и синтеза, комплексного подхода, логический и функциональный, сравнительного правоведения, формально-юридический метод и методы научного моделирования, толкования закона и толкования права.

Особую важность для настоящего исследования имеет метод сравнительно-правового анализа, использование которого объясняется тем, что предметом исследования являются правовые нормы различных европейских региональных и национальных правопорядков.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые комплексно исследован вопрос взаимодействия судебных органов на европейском пространстве.

Классическое взаимодействие между государствами осуществляется органами исполнительной власти (министерствами иностранных дел и дипломатическими службами), а взаимодействие в сфере правосудия реализуется министерствами юстиции сотрудничающих государств. Сотрудничество органов государств, не относящихся к исполнительной ветви власти, а именно судебных органов, является новым явлением в современной международной жизни. Как следствие, исследование международно-правового взаимодействия судебных органов обладает несомненной новизной для науки международного права. Пример сотрудничества данных органов на европейском пространстве является

наиболее актуальным, так как процессы интеграции в Европе достигли наивысшего уровня, который особенно благоприятствует организации прямого (без посредничества органов исполнительной власти) взаимодействия судебных органов.

В работе разработаны классификация и типология механизмов международно-правового взаимодействия судебных органов, определены уровни и направленность их взаимодействия, дана характеристика их взаимодействия и т.п. На основе такого подхода выявлена взаимозависимость уровня интеграции различных правопорядков и уровня взаимодействия их судебных органов, а также используемых при этом инструментов судебного права. Комплексный анализ также позволил продемонстрировать возможность подчинения, т.е. иерархической структуры судебных органов при отсутствии системных связей между ними, характерных для отдельно взятых судебных систем того или иного правопорядка. К основным результатам используемого подхода следует отнести идентификацию международно-правового взаимодействия судебных органов при отсутствии специально предназначенных для этого механизмов процессуального права – нормативное международно-правовое взаимодействие судебных органов.

Впервые на уровне докторской диссертации проведено изучение права Европейского Союза и права Совета Европы, регулирующего вопросы взаимодействия судебных органов на европейском пространстве, в том числе вторичное право ЕС, имеющее первостепенное значение в организации взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС, судебной практики как национальных, так и международных региональных судебных органов, являющихся основой взаимоотношений между судебными органами европейских государств и международными региональными судебными органами, внутреннее право государств – членов Совета Европы и Европейского Союза, научной доктрины международного права.

Положения, выносимые на защиту:

1. На современном этапе международных отношений увеличивается потребность в согласованной деятельности государств по защите интересов личности, общества, государства, международного сообщества от транснациональных преступных посягательств, а также по обеспечению законных прав и интересов граждан и юридических лиц и содействию эффективному отправлению правосудия. Анализ взаимоотношений между национальными судебными органами различных государств, а также отношений национальных судов с международными судебными органами позволил определить основные факторы, способствующие расширению взаимодействия судебных органов в Европе. К ним относится юридическая глобализация, наиболее полно осуществляемая в области основных прав и свобод человека, которая сопровождается процессом «нормативной инфляции», порождающей потребность не только гармонизации законодательства, но и диалога судебных органов, а также увеличения их роли в обеспечении основных прав и свобод.

Следующим фактором является «юридическая регионализация», которая в Европе имеет свои особенности, выражающаяся в большей степени интегрированности государств и субъектов национальных правовых систем, более сложным характером и структурой отношений между европейскими государствами. Европа характеризуется наличием нескольких международных региональных организаций с близкой, или даже пересекающейся компетенцией (Совет Европы, Европейский Союз, ОБСЕ и др.), а также появлением нескольких европейских судебных органов, что порождает конкуренцию международных юрисдикций. Правовая интеграция в форме гармонизации законодательства европейских государств, ведущая в ряде случаев (ЕС) к интеграции их правопорядков, рассматривается как юридический феномен, способствующий взаимодействию судебных органов в Европе.

Формирование и развитие интеграционного правопорядка в ЕС, характеризуемого своеобразными принципами его взаимоотношений с национальными правовыми системами его государств-членов (прямое действие норм права ЕС, верховенства права ЕС, обязательство применять право ЕС внутригосударственными органами государств – членов ЕС), привело к усилению взаимодействия судебных органов в ЕС.

Развитие механизма контроля за соблюдением ЕКПЧ в Совете Европы усилило роль данного судебного органа и его влияние на практику применения ЕКПЧ в государствах – участниках конвенции. Это обстоятельство также способствует расширению взаимодействия (информационного и иного) между судами европейских государств. Объективно уже само существование судебной системы ЕС (Суд ЕС) и ЕСПЧ представляется необходимым условием становления и развития взаимодействия судебных органов в Европе на различных уровнях (между судами различных государств и европейскими судами межгосударственного характера). Таким образом, объективные предпосылки взаимодействия судебных органов в Европе сформировались в результате взаимовлияния международных процессов (юридическая глобализация, регионализация и интеграция) и формирования необходимых правовых (интеграционные правопорядки) и институциональных (контрольные конвенционные механизмы и судебные органы международных региональных организаций) условий.

С учетом изложенного и исходя из объективного характера интеграционных процессов в Европе, можно прогнозировать дальнейшую диверсификацию форм и методов взаимодействия судов на европейском пространстве.

2. Международно-правовой статус региональных судебных органов характеризуется рядом институционно-правовых особенностей, позволяющих им оказывать влияние на судебное правоприменение в национальных правовых системах и, соответственно, способствовать

судебному взаимодействию в Европе. К таковым можно отнести следующие.

Судебные органы европейских организаций имеют международно-правовую основу либо в форме учредительных актов указанных международных организаций (учредительные договоры ЕС), либо в форме отдельных международных договоров государств – членов европейской международной организации (Суд ЕАСТ, ЕСПЧ, Суд Бенилюкса). В ряде случаев государства – члены европейских международных организаций заключают дополнительно особые международные договоры (протоколы к учредительным актам) о статусе и полномочиях соответствующих судов (статуты или уставы). Наличие договорной основы у судебных органов европейских региональных организаций позволяет обеспечить юридически значимый признак – постоянный характер их деятельности, придающий завершенность правовым системам указанных международных организаций.

Среди значимых принципов деятельности европейских региональных судебных органов можно выделить обязательный характер их юрисдикции, определенность компетенции каждого регионального судебного органа, не исключающие в ряде случаев ее конкуренцию; независимость европейских судебных органов (институциональную, независимость состава судебных коллегий, несовместимость судебного мандата с другими видами деятельности, установление иммунитета от уголовного преследования, права регламентации собственной деятельности); обязательный характер принимаемых европейскими региональными судами решений, которые в ряде случаев формируют их судебную практику, имеющую прецедентный характер (как минимум де-факто).

3. Выявлено три вида взаимодействия судебных органов в Европе: классическое международное сотрудничество в сфере правосудия; углубленное взаимодействие судебных органов различных государств; взаимодействие на основе принципа «взаимного признания судебных решений».

Классическое международное сотрудничество государств в сфере правосудия осуществляется посредством взаимодействия национальных органов исполнительной власти (органы юстиции, ведомства иностранных дел). Оно, как правило, осуществляется на основе международных договоров о правовой помощи, в которых обязательства возлагаются на государства, а не непосредственно на судебные органы. Данный вид характерен для сотрудничества государств – членов Совета Европы в сфере правосудия, а также для взаимоотношений Суда ЕАСТ и Суда Бенилюкса.

Второй вид – углубленное взаимодействие государств, в процессе которого отношения в правовой сфере выстраиваются непосредственно между национальными судами. Такое взаимодействие исключает посредничество органов исполнительной власти интегрирующихся стран. Данный вид взаимодействия можно наблюдать в ЕС как между судами государств – членов ЕС, так и между национальными судами и Судом ЕС. Международно-правовой основой такого взаимодействия являются акты институтов ЕС, принятие которых предусмотрено учредительными договорами Европейского Союза. Формой подобного взаимодействия является Европейская сеть контактных пунктов в сфере правосудия, представляющая собой достаточно гибкое средство поддержания связей судебных органов государств – членов ЕС.

Третий вид взаимодействия судебных органов получает выражение в принципе «взаимного признания судебных решений», который выступает одной из основополагающих норм строительства пространства правосудия ЕС – так называемого «европейского пространства правосудия». Данный вид взаимодействия судебных органов является уже менее значимым, так как взаимное признание судебных решений предполагает, что суды одного правопорядка в определенной мере являются судами другого правопорядка, с которым устанавливается взаимодействие в сфере правосудия. Международно-правовой основой данного вида взаимодействия выступает доктрина европейского права, получившая выражение в актах «мягкого

права» ЕС, и акты вторичного права ЕС (Рамочное решение, касающееся Европейского ордера на арест; Рамочное решение, касающееся ордера на выдачу доказательств и др.), имеющие юридически обязательный характер.

Выявленные разновидности взаимодействия судебных органов позволяют утверждать о незавершенности формирования в настоящее время как европейского пространства правосудия (в рамках ЕС), так и общеевропейского пространства правосудия, которое в работе определено как формирование правовых основ для взаимодействия между международными региональными судами, действующими на общеевропейском пространстве (Судом ЕС, Судом Бенилюкса, Судом ЕАСТ и ЕСПЧ), их взаимодействия с национальными судами государств – членов этих региональных образований с учетом соблюдения права Совета Европы, и в первую очередь Европейской конвенции по правам человека.

Обоснован вывод о том, что строительство общеевропейского пространства правосудия осуществляется посредством двухуровневого взаимодействия судебных органов различных правопорядков: «вертикального» и «горизонтального» взаимодействия. На «вертикальном» уровне взаимодействие реализуется между региональными судами (Судом ЕС, ЕСПЧ и т.д.) и национальными судами государств. На «горизонтальном» уровне отношения складываются между национальными судами стран ЕС, а также между региональными судами (между Судом ЕС и ЕСПЧ).

При этом для отношений судебных органов как «вертикального», так и «горизонтального» уровней в рамках ЕС характерным является применение механизмов *прямого* взаимодействия (преюдициальный запрос, европейский исполнительный лист, европейское распоряжение об уплате, принцип взаимного признания судебных решений и т.д.), предусмотренных либо учредительными актами ЕС, либо актами вторичного права ЕС. В отличие от права ЕС, взаимодействие национальных судов государств –

членов Совета Европы с ЕСПЧ выстраивается в отсутствие таких механизмов прямого действия.

В Совете Европы влияние судебной практики и постановлений ЕСПЧ на решения и судебную практику судов государств – членов Совета Европы осуществляется на основе принципа приоритета применения международного права по отношению к национальному праву, а также на основе обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека и обязательной юридической силе его постановлений, закрепленных в ЕКПЧ и в национальном законодательстве государств – членов. В результате такие отношения предложено квалифицировать как *опосредованное* взаимодействие национальных судебных органов с ЕСПЧ.

4. Аргументировано положение о том, что характер международно-правового взаимодействия судебных органов (слабо или сильно интегрированный) зависит либо от уровня интеграции национальных правопорядков государств-членов и их судов, либо от наличия или отсутствия специальных процессуальных механизмов обеспечения единства правоприменения в правопорядке такой региональной организации (например, в рамках региональной организации (ЕС) механизм преюдициального производства в Суде ЕС). Так, например, отношения национальных судов государств – членов ЕС, а также их отношения с Судом ЕС характеризуются более высоким уровнем интегрированности. Объясняется это тем, что правовые системы государств – членов ЕС на современном этапе развития отличает высокий уровень гармонизации между собой и высокую степень интеграции с правопорядком ЕС. В ЕС функционируют специальные судопроизводственные механизмы взаимодействия между судебными органами, которые регулируют отношения как между судами государств – членов ЕС (нормы вторичного права ЕС регулируют сотрудничество судов по уголовным и гражданским делам), так и между судами государств – членов ЕС и судебными органами ЕС (производство по преюдициальным запросам).

5. Взаимодействие между судами на европейском пространстве, отличающееся наиболее высокой степенью интегрированности, основано на праве ЕС и установленных принципах формирования пространства правосудия ЕС, среди которых выделяется в качестве определяющего принцип взаимодействия судов различных государств – членов ЕС в виде взаимного признания судебных решений. Анализ современного уровня взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС, построенного на основе принципа взаимного признания судебных решений, позволил сделать вывод о существовании глубоко интегрированных связей в сфере правосудия между судами государств – членов ЕС, которые определены в работе как международно-правовая основа формирования «европейского пространства правосудия ЕС».

6. Выявлено, что для разновидности углубленного взаимодействия между национальными судебными органами характерно заимствование отдельных элементов и механизмов регулирования отношений, которые ранее были присущи судебным системам отдельно взятых национальных правовых порядков. Примером такого заимствования является производство Суда ЕС по преюдициальным запросам, направляемым Суду ЕС любым судом государств – членов ЕС. Изначально адаптированное для взаимодействия национального органа конституционной юстиции с судами общей юрисдикции отдельно взятого правового порядка данное производство с успехом было применено к отношениям судебных органов государств – членов ЕС и Суда ЕС в рамках единого интеграционного правового порядка ЕС.

Данное заимствование обусловлено тем, что взаимодействие судебных органов отдельных государств также характеризуется большей (например, между судами нижней и кассационной инстанций) или меньшей (например, между конституционными судами и судами общей юрисдикции, а также между последними и специализированными судебными органами) степенью иерархичности.

Проведенный анализ особенностей функции преюдициального производства в Суде ЕС позволяет сделать вывод, что подобное заимствование национально-правовых процессуальных механизмов, основанное на положениях международного договора, не меняет принципиального характера складывающихся отношений между Судом ЕС и национальными судами государств-членов. Суд ЕС не становится в силу этого общим конституционным судом Союза, а организация отношений между этим судом и национальными судами государств – членов ЕС посредством преюдициального производства приводит к формированию единой судебной системы Союза, включающей национальные суды и Суд ЕС. Движение в этом направлении станет возможным лишь в результате параллельного заключения соответствующего международного договора с осуществлением конституционных реформ во всех государствах – членах ЕС.

7. Обоснован вывод о том, что взаимодействие между региональными и национальными судами, реализуемое в отсутствие специальных судопроизводственных механизмов, осуществляется исключительно посредством влияния судебной практики региональных судов на национальную судебную практику. Такие отношения, основанные на приоритете регионального правопорядка над национальными правопорядками государств-членов, поддерживаются обязательной в отношении национальных органов правосудия силой решений региональных судов. Они складываются в международных региональных организациях (например, в Совете Европы). Кроме того, рассматриваемые отношения являются наименее интегрированными, что также обусловлено отсутствием во взаимодействии региональных и национальных судов классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих судов вышестоящим, характерных для отношений в рамках национальных судебных систем (кассация, апелляция, надзор и т.п.).

С учетом того, что механизм одностороннего влияния судебной практики регионального суда (ЕКПЧ) не урегулирован в достаточной мере ни международно-правовыми нормами, ни нормами национального законодательства, в практике некоторых национальных судов иногда наблюдается нежелание добровольно соблюдать принятые международные обязательства и придерживаться судебной практики регионального суда, что в ряде случаев усугубляется наличием «пересекающихся» юрисдикций европейских региональных судебных органов. Урегулирование подобных ситуаций предлагается путем использования международно-правовых средств.

8. Аргументировано положение о юридической природе взаимодействия национальных судов государств – членов Совета Европы и Европейского Союза и международных региональных судебных органов (Судом ЕС и Европейским судом по правам человека). Данный тип взаимодействия судебных органов, с одной стороны, не может быть отнесен к отношениям международной иерархии, так как они действуют в различных правовых порядках (международных региональных и национальных). С другой стороны, юридическая обязательность решений региональных судов для национальных судов, имеющая в ряде случаев императивный характер, придает этому взаимодействию «квазиерархичный» характер, отличный от традиционной концепции «координационной природы» международных организаций и их органов.

Нельзя согласиться с мнением, высказанным в зарубежной науке международного права, в соответствии с которым отношения между национальными и международными региональными судами строятся на основе диалога или равноправного взаимного отношения. Такая позиция, обосновываемая отсутствием санкций за несоблюдение национальными органами (в том числе и судами) обязательной силы решений международного регионального суда, а также отсутствием других механизмов принуждения судов государств-членов, аналогичных тем,

которые существуют в рамках судебных систем отдельно взятого правопорядка (апелляция, кассация, надзор и т.п.), представляется ошибочной.

Принимая во внимание сложившийся порядок в отношениях судов двух уровней (национальных и региональных), согласно которому в них отсутствует системность классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих судов вышестоящим (верховным), предлагается определить их в качестве взаимодействия судов, связанных между собой установленными в международно-правовом порядке принципами распределения компетенции по согласованным вопросам.

9. Проанализированы перспективы развития отношений между судебными органами Европейского Союза и Совета Европы (Суда ЕС и Европейского суда по правам человека), характер которых изменится в результате возможного присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека. В настоящее время, ввиду неприсоединения ЕС к Европейской конвенции, несмотря на положения Договора о Европейском Союзе и Хартии Европейского Союза об основных правах, судебные органы Европейского Союза буквально обязаны соблюдать положения ЕКПЧ, но не судебную практику и решения Европейского суда по правам человека. Иначе говоря, в настоящее время отношения между Судом ЕС и ЕСПЧ можно квалифицировать как отношения международных судов, один из которых признал приоритет компетенции другого суда (ЕСПЧ), несмотря на отсутствие полноценного юридического обязательства Суда ЕС применять решения и судебную практику Европейского суда по правам человека.

Обоснован вывод о том, что в случае присоединения ЕС к ЕКПЧ Суд ЕС по отношению к Конвенции и ЕСПЧ окажется в положении, аналогично ситуации суда одного из государств – членов ЕС, в связи с чем отношения между Судом ЕС и ЕСПЧ будут идентичны отношениям, существующим между судами государств – членов Совета Европы и Европейским судом по

правам человека. Иными словами, без формального изменения своего правового статуса Суд ЕС исключит из своего ведения вопросы, входящие в компетенцию ЕСПЧ.

В перспективе развитие отношений между судами на европейском пространстве приведет ко все более сложносоставной системе, что может отрицательно сказаться на положении лиц, участвующих в судебных разбирательствах. В частности, развитие взаимоотношений европейских судов как многоуровневой системы, окончательно выстроенной в случае присоединения ЕС к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, будет состоять из следующих звеньев: классических судебных систем государств – членов ЕС; Суда ЕС, который является единственным судебным органом интеграционного правопорядка по отношению к судебным системам государств – членов ЕС; последний, в свою очередь, в случае присоединения ЕС к Европейской конвенции будет признавать юрисдикцию Европейского суда по правам человека, который, соответственно, будет обладать исключительной юрисдикцией толкования ЕКПЧ, решения которого будут обязательными как для судебных органов государств – членов ЕС (и государств – членов Совета Европы), так и для Суда Европейского Союза.

Такая система предполагает возможное существование как минимум пяти инстанций: трех в рамках судебной системы государства – члена ЕС (первая инстанция, апелляция, кассация) и двух – на международном региональном уровне, в рамках судебной системы ЕС и Европейского суда по правам человека. Представляется, что увеличение количества судебных гарантий прав граждан ЕС отрицательно отразится на их качестве, поскольку процессы, состоящие из большого количества (национальных и международных региональных) судебных инстанций, приведут к длительному разбирательству.

10. Обоснован феномен «мультиполярности» международно-правовых отношений судебных органов, который создает сложности в

деятельности и функционировании как отдельных судов, так и судебных систем различных европейских правопорядков в целом.

Так, довольно сложным остается вопрос использования судебной практики региональных судебных органов в деятельности судами европейских государств: судебная практика европейских региональных судебных органов часто либо игнорируется последними, либо не учитывается ими в связи с недостатком информации. Данный феномен можно наблюдать в отношении судов государств – членов Совета Европы, которые в некоторых случаях не соблюдают обязательства, установленные судебной практикой Европейского суда по правам человека.

Кроме того, противоречия в судебной практике международных региональных судебных органов и высших судебных органов отдельных государств создают объективные сложности для нижестоящих судов, так как последним приходится соблюдать решения как вышестоящих судебных органов, так и международных региональных судов, которые нередко противоречат друг другу. В частности в отношении судов государств – членов ЕС, которые одновременно участвуют в Совете Европы, неоднократно отмечалась проблематичность соблюдения судами этих государств судебной практики двух европейских судебных органов, которая зачастую в отношении определенных вопросов бывает противоречивой.

В связи с этим делается вывод о необходимости упорядочения процедур согласования правовых позиций европейских судебных органов путем разработки и принятия международно-правовых актов между европейскими организациями и их государствами – членами.

11. Анализ международно-правовых норм, доктрины и практики взаимодействия судебных органов в Европе позволяет сделать вывод, что в науке международного права в рамках формирующейся отрасли по изучению институтов международного правосудия складывается самостоятельное направление исследования международно-правовых основ взаимодействия судов в отдельных регионах.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В диссертации проанализированы международно-правовые основы взаимодействия европейских региональных и национальных судов, исследована возможность применения в рамках международно-правового регулирования национальных механизмов и инструментов взаимодействия судебных органов, на основе концепции дружественного диалога проанализированы основные черты международно-правовой модели взаимодействия европейских и евразийских судов с ЕСПЧ, сформулированы научные рекомендации и предложения по дальнейшему совершенствованию механизмов международно-правового взаимодействия судов, предложены новые механизмы такого взаимодействия.

Вместе с тем, интеграционные процессы на евразийском (постсоветском) пространстве также требуют от евразийских государств налаживания сотрудничества в сфере правосудия. Российская Федерация и Азербайджанская Республика являются государствами – членами Совета Европы и, соответственно, на них распространяется обязательная юрисдикция Европейского суда по правам человека.

Выводы, полученные в результате исследования, обогащают правовую науку новыми знаниями и могут быть использованы в процессе изучения взаимодействия между судебными органами евразийских региональных организаций при дальнейшем углублении интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Предложения и рекомендации, сформулированные в диссертации, могут быть использованы при выработке государственной политики в рассматриваемой области, в правотворческой деятельности по совершенствованию законодательства в рамках евразийских интеграционных процессов, в качестве рекомендательной базы при последующих научных исследованиях, при подготовке учебников и учебных пособий по соответствующим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Научные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, монографиях и иных научных изданиях, изложены на научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, а также применяются диссертантом в процессе его практической деятельности в качестве члена Бюро Европейской комиссии по эффективности правосудия (ЕКЭП) Совета Европы и эксперта Комитета по оценке европейских судебных систем этой комиссии.

Структура и основное содержание работы обусловлены целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, девяти параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изучение различных аспектов взаимодействия судебных органов, существующих на европейском пространстве, предполагает предварительное изучение основ данного феномена, предпосылок его возникновения и развития. Речь идет не только о юридической эволюции на современном европейском пространстве, которую можно было наблюдать на протяжении послевоенного периода (т.е. последних 60 лет), но и о социально-экономической, идеологической и политической эволюции, которая служила ей основанием. В данной главе представлены теоретические и исторические аспекты темы, рассмотрены понятия взаимодействия юридических систем, правовой и институциональной основы, эволюции государства и общества и т.п.

Проводимая унификация и гармонизация права различных европейских правовых порядков привела к беспрепятственному сотрудничеству между юридическими системами европейских государств, а также между последними и международными европейскими организациями. Независимо от исследуемого источника права (конституции различных европейских государств; конвенции, заключенные в рамках Совета Европы; право ЕС), а также правоприменительной практики (в частности судебной практики различных судебных органов) можно констатировать, что на европейском пространстве используются единые юридические концепты и принципы, что способствует взаимодействию судебных органов.

Среди теоретических основ взаимодействия судебных органов на европейском пространстве необходимо выделить роль и место международного права в регулировании статуса и деятельности судебных органов. В рамках настоящей главы представлены основные аспекты международного права, обуславливающие международную значимость и

авторитет, которыми в настоящее время обладают международные региональные судебные органы. Рассмотрены такие аспекты международного права, как создание международных региональных судебных органов и их функционирование на постоянной основе, обязательная юрисдикция международных региональных судов, определение международным правом компетенции международных региональных судебных органов, их независимость в международном праве и т.п.

Для настоящего исследования, помимо юридически оформленных социо-экономических, идеологических и политических изменений, основными факторами взаимодействия субъектов права (и, в частности, судебных органов) являются собственно юридические основы или источники права, в соответствии с которыми осуществляется взаимодействие судебных органов на европейском пространстве. В главе проанализированы как основополагающие (учредительные) акты, разработанные в рамках международных региональных объединений, закрепляющие принцип верховенства международного права, а также нормы, устанавливающие обязательную силу решений международных региональных судов, так и правовые акты европейского законодателя, оформляющие взаимоотношения между судебными органами государств – членом ЕС.

§1. Правовые факторы, способствующие установлению взаимодействия судебных органов на европейском пространстве

1.1. Глобализация, регионализация и взаимодействие судебных органов

Глобализация права, или юридическая глобализация³⁷, помимо других сфер правового регулирования (экология, коммерция), наиболее полно была осуществлена в области основных прав и свобод человека, значение

³⁷ См., например: *Ross J. Harper*. Global law in Practice. Cambridge, MA: Kluwer Law International. 1997. P. 12.

которых для международного сообщества трудно переоценить. Данный феномен характерен именно для современного периода развития общества, права и экономики³⁸, что подтверждается «нормативной инфляцией» правовых текстов, посвященных правам человека.

Среди текстов международного права, посвященных основным правам и свободам и появившихся начиная со второй половины XX в., следует назвать Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.³⁹; Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴⁰; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁴¹; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.⁴²; Американскую конвенцию о правах человека 1969 г.; Африканскую хартию прав человека и народов 1981 г.; Хартию Европейского Союза по правам человека 2000 г.⁴³ и т.д.

Даже не перечисляя отраслевых документов международного права, касающихся определенных категорий прав человека или их субъектов (носителей, бенефициариев)⁴⁴, а также текстов современных конституций, каждая из которых содержит обширный каталог основных прав и свобод и объявляет их «высшей ценностью» (ст. 2 Конституции Российской Федерации) или «высшей целью государства» (ст. 12 Конституции Азербайджанской Республики), становится очевидным, что основные права и свободы человека являются одним из средств юридической глобализации.

Подобный вывод в полной мере применим и в отношении юридических (и прежде всего судебных) гарантий прав человека, количество которых увеличивается как на государственном уровне,

³⁸ *Villey M. Le droit et les droits de l'homme. PUF. 1983. P. 18 et s.*

³⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 217 А от 10 декабря 1948 года.

⁴⁰ ETS № 5.

⁴¹ Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года.

⁴² Там же.

⁴³ *Journal officiel des Communautés européennes, 18 décembre 2000, p. 364/1.*

⁴⁴ См., например: Конвенцию о правах ребенка, принятую резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года.

например, существуют производства в конституционных судах, направленные исключительно на защиту прав и свобод человека (см. ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 130 ч. V Конституции Азербайджанской Республики), так и на международном уровне, например, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека. Более того, возможность обращения граждан в международные региональные судебные органы (см., например, ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека) привела к изменению субъектного состава участников международных отношений, который был расширен за счет физических и юридических лиц⁴⁵.

Такие тенденции в развитии современного права приводят к различным выводам, некоторые из которых имеют первостепенное значение для настоящего исследования.

Во-первых, юридическая глобализация, помимо гармонизации права (аспект, который будет рассмотрен подробнее ниже), приводит к «*нормативной инфляции*»⁴⁶ или, проще говоря, к увеличению количества юридических текстов на различных уровнях (международном, региональном, национальном).

Во-вторых, современные процессы глобализации и гармонизации права, а также повышение значимости прав и основных свобод человека, что подтверждается увеличением количества юридических текстов, институтов, направленных на их защиту (в частности, международных организаций, а также специализированных судебных органов), обусловили существенное усиление роли и легитимности судебных органов, которые как на национальном, так и на региональном уровнях призваны гарантировать соблюдение основных прав и свобод.

⁴⁵ См. подробнее: *Шинкарецкая Г. Г.* Новые действующие лица в международном праве // *Международное право и международные организации.* 2011. № 1.

⁴⁶ *Majone G.* La communauté européenne. Un Etat régulateur. Montchrestien, 1996. P. 32.

Такие тенденции приводят к необходимости налаживания диалога как между правопорядками, устанавливающими в качестве своих ценностей единые стандарты, так и между основными гарантами данных ценностей, т.е. между относящимся к ним судебными органами.

В числе наиболее ярких примеров такого развития можно привести следующие.

Так, например, Межамериканский суд по правам человека в деле *Hilaire, Constantine and Benjamin et al. vs. Trinidad and Tobago* от 21 июня 2002 г., в котором рассматривались вопросы, связанные со смертной казнью, квалифицировал Европейскую конвенцию по защите прав человека как часть «универсального общего права». Конституционный трибунал Испании в Решении № 64/2001 от 17 марта 2001 г. и в Решении № 2/2003 от 19 февраля 2003 г. сослался на пятую поправку к Конституции США об исключении двойного инкриминирования за одно и то же деяние, а также на Протокол № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека (на тот момент данный текст не был еще ратифицирован Испанией и, как следствие, не имел обязательной силы в отношении данного судебного органа).

Приведенные примеры очевидным образом демонстрируют, как отдельные судебные органы в делах о защите прав и основных свобод применяют международные правовые акты, не только не имеющие обязательной юридической силы, но и в ряде случаев не являющиеся частью национального права.

Более того, судебная практика, например, Европейского суда по правам человека, учитывается теми судебными органами, которые не подпадают под его юрисдикцию, что также является следствием глобализации права в области защиты прав и основных свобод.

Например, Верховный суд США в решении *Atkins vs. Virginia* от 20 июня 2002 г. и в решении *Lawrence et al. vs. Texas* от 26 июня 2003 г., которые касались соответственно применения смертной казни к психически больным лицам за гомосексуальные отношения, сослался на решение

Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) *Dudgeon vs. Royaume-Uni*⁴⁷.

В качестве еще одного примера налаживания и углубления связей между судебными органами, между которыми отсутствуют юридические взаимоотношения или обязательства (подчинения (иерархии) или сотрудничества), можно назвать создание различных организаций, ассоциаций и форумов судебных органов различных государств. Так, например, существует Ассоциация конституционных судов, использующих в своей деятельности французский язык (*Association des Cours Constitutionnelles ayant en Partage l'Usage du Français*)⁴⁸, целью которой является осуществление юридического и технического сотрудничества между конституционными судами. Также действует Конференция конституционных судов (*Conférence des cours constitutionnelles*)⁴⁹, основной целью которой является создание и поддержание связей между конституционными судами.

Создание этих и других подобных ассоциаций и организаций также объясняется глобальными и региональными интеграционными процессами. Данные примеры еще раз свидетельствуют о том, что современная глобализация и регионализация права, которая рассматривается в данном случае на примере основных прав и свобод человека, подтверждает, что она является одним из факторов, способствующих установлению взаимодействия между судебными органами в современном мире. Более того, данные процессы осуществляются под действием самого феномена глобализации, то есть даже в отсутствии конкретного принуждения и какой-либо юридической связи между судебными органами.

⁴⁷ Решение от 22 октября 1981, А № 45.

⁴⁸ <<http://www.accpuf.org>>.

⁴⁹ <<http://www.confcoconsteu.org>>.

«Регионализация права»⁵⁰ (не следует путать с «интеграцией», которая будет рассмотрена далее), которая на международном уровне наиболее ярко осуществляется именно на европейском пространстве, заключается в появлении новых, общих источников права (прежде всего международного), или же в их увеличении, а также в появлении новых международных региональных судов и юридических связей между ними (а также между ними и судами государств – членов европейских интеграционных организаций). В отличие от юридической глобализации, уровень отношений в рамках феномена регионализации между различными субъектами права на европейском пространстве является более интегрированным и многоуровневым, что свидетельствует о том, что отношения между ними имеют иное значение.

В отличие от глобальных, европейские процессы обладают большей сложностью и большей интеграцией⁵¹. Это выражается не столько множественностью действующих в регионе европейских организаций (Совет Европы, Европейский Союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и т.д.), сколько появлением европейских судебных органов, наделенных конкурирующей компетенцией по рассмотрению индивидуальных жалоб физических и юридических лиц.

Каждый из них, в соответствии с положениями основополагающих (учредительных) актов создавшего его международного регионального объединения, обладает эксклюзивной или исключительной компетенцией по рассмотрению вопросов о соответствии актов органов регионального объединения, а также актов органов соответствующих европейских государств по отношению к учредительным актам своего регионального правопорядка и интерпретацией этих актов в последней инстанции (см., например, ст. 32 ЕКПЧ).

⁵⁰ См.: *Twining W. Globalization and Legal Theory*. Butterworths, 2000. P. 54.

⁵¹ См.: *Gessner V., Budak A. C. Emerging Legal Certainty: Empirical Studies on the Globalization of Law*. Asghate, 1998. P. 32. См. также: *Kennedy D. Three Globalizations of Law and Legal Thought*. Princeton University Press, 2011. P. 23-45.

Тем не менее судебный контроль указанных судебных органов, а также национальных судов (например, конституционных судов), осуществляется в целях защиты основных прав и свобод, перечень которых, как уже отмечалось, сравнительно схож и практически не меняется от одного правового порядка к другому. Иначе говоря, фактически различные суды призваны применять общее право. Более того, право международных региональных судебных органов рассматривать индивидуальные жалобы лиц (см., например, ст. 34 ЕКПЧ), прямое действие международного права в законодательстве государств-членов, а также компетенция по рассмотрению вопросов о соответствии актов органов соответствующих государств-членов по отношению к международному праву приводят к необходимости сотрудничества между судами на европейском пространстве.

В ситуации, когда в рамках одного правового пространства сосуществует несколько правовых порядков и судебных систем (государств, Совета Европы, Европейского Союза), которые интегрированы между собой и имеют конкурирующую и/или совпадающую компетенцию, расхождение их судебной практики ставит вопрос «правовой обеспеченности» или «юридической безопасности»⁵² на европейском пространстве. Даже гипотетическая возможность противоречия обязательств, налагаемых решениями различных европейских судебных органов на субъекты права в рамках одного и того же дела или схожей категории дел, может привести последних в состояние, которое можно назвать состоянием «юридической фрустрации»⁵³.

В итоге наивысшая степень интеграции отношений между различными субъектами права на европейском пространстве требует установления взаимодействия между судебными органами всех уровней. Во-первых, это вызвано существованием юридических обязательств (связей)

⁵² См.: *Wyatt D.* New legal order, or old? *European law Review*. Juin 1982. P. 147 ed s.

⁵³ См.: *Jacobs F.-G.* The evolution of the European legal order. Contributions to 40th Anniversary Conference, *CMLR* 2004. Issue 41.2. P. 303.

между ними. Во-вторых, расхождения в судебных решениях по конкретному делу, а также расхождения в судебной практике данных судебных органов чреватые негативными последствиями как с объективной точки зрения, т.е. для организации взаимодействия различных правовых порядков, так и с субъективной точки зрения, т.е. для защиты основных прав и свобод отдельно взятого лица. Таким образом, можно сделать вывод, что даже в отсутствие между ними эксплицитной юридической связи, устанавливающей отношения сотрудничества или подчинения (иерархии), их взаимодействие является необходимым.

1.2. Гармонизация законодательства как фактор, способствующий взаимодействию судебных органов на европейском пространстве

Межгосударственное взаимодействие не всегда сопровождается гармонизацией национального законодательства сотрудничающих государств. Однако именно гармонизация способствует углублению интеграционных связей между государствами и их судебными органами (так как последние являются в первую очередь правоприменительными), что позволяет рассматривать данный феномен современного мира как один из факторов, способствующих такому взаимодействию⁵⁴.

Чаще всего гармонизация законодательства соответствует более высокому уровню сотрудничества, более того в науке международного права гармонизация законодательства любой сферы жизнедеятельности ассоциируется с интеграцией правовых порядков различных государств⁵⁵. Тем не менее можно констатировать, что данный юридический феномен также характерен и для отношений государств – участников Совета Европы и даже

⁵⁴ См., например: *Papadopoulos Thomas Gr.* EU Law and Harmonization of Takeovers in the Internal Market. Kluwer Law International, 2010. 280 p.; *Fazio S.* The Harmonization of International Commercial Law. Kluwer Law International, 2007. 292 p.

⁵⁵ См.: *De Biolley S.* L'harmonisation des procédures. Actualités de droit pénal européen. Bruxelles, La Charte. 2003. P. 111 s ed.

(в ограниченной мере) для отношений Европейского Союза и Совета Европы.

Гармонизация или сближение законодательства государств как один из факторов интеграционных процессов несколько отличается от таких видов взаимодействия, как сотрудничество, которое в принципе может осуществляться посредством межправительственных отношений. Также можно сказать, что гармонизация отличается и от унификации законодательства. Унификация или униформизация в сравнении с гармонизацией характерна для более углубленного уровня правовой интеграции. Несмотря на сходство этих уровней сотрудничества – гармонизации и униформизации, между ними можно провести относительное различие. Унификация предполагает замену национального законодательства едиными нормами, применяемыми ко всем национальным правовым порядкам, и, соответственно, передачу определенной части компетенции, принимая, таким образом, на себя достаточно «жесткие» правила взаимодействия. В этом смысле гармонизация является более «мягкой» интеграционной формой, поскольку для нее характерно сохранение сотрудничающими государствами определенной внутренней свободы, позволяющей адаптировать свое законодательство в соответствии со своими местными особенностями.

Помимо того, что гармонизация или даже унификация уголовного и гражданского законодательства могут быть рассмотрены как инструменты взаимодействия государств в сфере правосудия, данный феномен должен быть рассмотрен с точки зрения его функции по организации и продвижению взаимодействия судебных органов. Гармонизация законодательств как таковая не является инструментом сотрудничества судебных органов, так как она осуществляется на уровне исполнительных и законодательных органов государственной власти. В связи с этим гармонизация законодательства европейских государств может рассматриваться в рамках данного исследования лишь как юридический

феномен, способствующий взаимодействию судебных органов, а не как инструмент сотрудничества судебных органов различных (европейских) государств.

Говоря о функциях гармонизации законодательства, основной из которой, как уже отмечалось, является организация и упрощение сотрудничества между различными органами государств (и, в частности, между судебными органами), стоит также отметить, что гармонизация необходима для реализации целей, прямо поставленных в рамках права ЕС. Многие зарубежные авторы отмечают, что гармонизация законодательств государств – членов ЕС «является необходимым условием реализации пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза»⁵⁶. Таким образом, среди функций гармонизации (в первую очередь уголовного) законодательства можно выделить основные и дополнительные функции.

Среди дополнительных функций гармонизации уголовного законодательства можно назвать борьбу с преступностью. Действительно, преступность, и в частности трансграничная преступность, использует преимущества, вытекающие из расхождения уголовного права и судопроизводства, тогда как сотрудничество правоохранительных и судебных органов различных государств затруднено расхождениями, существующими между их законодательствами.

Среди многочисленных второстепенных функций гармонизации уголовного законодательства также можно отметить необходимость обеспечения гарантий прав обвиняемого в уголовном процессе, что связано со значимостью прав человека в современном мире⁵⁷, и подтверждается, в частности, интерпретацией, которую дает Европейский суд по правам человека ст. 6 ЕКПЧ. Различия уголовного и процессуального права

⁵⁶ См.: *Weyembergh A. L'harmonisation des législations: conditions de l'espace pénal européen et révélateur de ses tensions*, Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles. 2004. P. 13.

⁵⁷ См.: *Brysk A. Globalization of Law and Human Rights: From Norms to Fulfillment*. Routledge, 2013. 244 p.

государств – членов Совета Европы ставят участников процесса в неравное положение, что не сочетается с необходимостью однообразного применения конвенции на территории этих государств.

Среди основных функций гармонизации уголовного законодательства и уголовного судопроизводства следует назвать совершенствование функционирования механизмов взаимодействия судебных органов или их организации. Так, например, в рамках классического сотрудничества судебных органов государств сотрудничество не может осуществляться в случае отсутствия хотя бы минимального общего для сотрудничающих государств понятия уголовно наказуемых деяний, а также двойного инкриминирования преступных деяний (см. §1 гл. 2). Взаимное доверие государств, судебные органы которых организуют сотрудничество, необходимое для реализации углубленного взаимодействия в сфере правосудия, также требует сближения (гармонизации) законодательств. Иначе говоря, организация сотрудничества судебных органов невозможна без минимальной гармонизации материального и процессуального права.

Помимо вышеуказанной функции гармонизации законодательства, состоящей в создании основы, на которой будет организовано взаимодействие судебных органов, необходимо назвать еще одну, которая состоит в упрощении уже существующего сотрудничества между ними.

Так, например, запросы судов, направляемые ими своим зарубежным коллегам в рамках так называемого углубленного сотрудничества (см. гл. 2), приводят к необходимости оценки зарубежного законодательства на соответствие стандартам национального права, без которого реализация сотрудничества по тому или иному делу невозможна. Суд государства-члена, запрашивающий юридическую помощь у своего зарубежного коллеги, «*vice versa*», вынужден анализировать законодательство другого государства-члена, для того чтобы быть уверенным, что запрашиваемые им процессуально значимые действия у суда другого государства соответствуют требованиям его законодательства и будут, таким образом,

законны и, как следствие, применимы в рамках рассматриваемого им дела (см. гл. 2).

Очевидно, что приведенные примеры свидетельствуют о том, что гармонизированное законодательство способствует как организации, так и упрощению взаимодействия судебных органов различных государств – членов ЕС.

Более того, данная логика применима не только к сотрудничеству государств – членов ЕС, но также и к сотрудничеству государств – членов Совета Европы, так как проблемы в организации сотрудничества между ними схожи.

Гармонизация процессуального, уголовного и гражданского законодательства различных государств характерна не только для права ЕС.

Источники гармонизации или сближения уголовных законодательств европейских государств многочисленны и в основном берут начало в праве Европейского Союза и праве Совета Европы. Их можно классифицировать на прямые и опосредованные источники гармонизации.

Среди прямых источников гармонизации законодательства стоит отметить те из них, которые прямо направлены на гармонизацию уголовного законодательства. Так, в рамках Совета Европы таковыми являются: Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.⁵⁸; Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 4 ноября 1998 г.⁵⁹; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.⁶⁰ Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами 25 марта 2015 г.⁶¹ и др.

В рамках Европейского Союза гармонизация законодательств в сфере уголовного права была закреплена Амстердамским договором (ст. 29, 31е,

⁵⁸ STCE № 141.

⁵⁹ STE № 172.

⁶⁰ ETS № 173.

⁶¹ STCE № 216.

34 Договора о создании Европейского Союза). Позднее Суд ЕС в решении от 13 октября 2002 г.⁶² перераспределил компетенцию в данном вопросе и позволил европейскому законодателю принимать общеобязательные нормы в сфере уголовного права, в случае если они необходимы для эффективности издаваемых им норм в других сферах жизнедеятельности.

Среди других источников, которые изначально не были направлены на сближение правопорядков, однако приводят к гармонизации законодательства стран европейского пространства, можно назвать множество уже упомянутых выше актов: например, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и судебную практику Европейского суда по правам человека, которые имеют значительное влияние как на материальное право (гражданское и уголовное), так и на процессуальное право государств. Также стоит отметить, что в рамках Совета Европы не последнюю роль в продвижении идеи необходимости гармонизации законодательств европейских государств в данной сфере играют предложения Европейского комитета по правовому сотрудничеству⁶³. Кроме того, в праве ЕС также можно обнаружить ряд документов, которые не без помощи Суда ЕС опосредованно приводят к изменению гражданского, уголовного и процессуального права государств-членов, что в итоге ведет к гармонизации законодательств в данной сфере⁶⁴.

Гармонизация законодательства в широком смысле слова также возможна и в отношении положений основополагающих (учредительных) актов Европейского Союза и Совета Европы, в частности Хартии об

⁶² C-176/03.

⁶³ Европейский комитет по правовому сотрудничеству (CDCJ) с 1963 года отвечает за многие направления правовой деятельности Совета Европы. Этот комитет определяет политику межправительственного правового сотрудничества и устанавливает приоритеты в области публичного и частного права, а также содействует развитию правовой реформы и сотрудничества в следующих областях: административное право, гражданское право, охрана информации, семейное право, права детей, информационные технологии и информационное право, правосудие и верховенство права.

⁶⁴ В качестве примера можно привести Директиву 91/308 от 10 июня 1991 г., касающуюся предупреждения использования финансовой системы в целях отмывания доходов. См.: Journal Officiel des communautés européennes, 28 Juin 1991.

основных правах Европейского Союза и Европейской конвенции о защите прав человека. Разработка и принятие Хартии об основных правах Европейского Союза⁶⁵ свидетельствуют о существовании общего наследия идей и ценностей у европейских государств, так как оба текста содержат схожий каталог основных прав и свобод. Копирование «учредительной властью» ЕС большей части текста Европейской конвенции о защите прав человека и судебной практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) объясняется необходимостью адаптации европейского законодательства в свете возможного присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека и свобод. Тем не менее судебная практика Суда ЕС уже с давних пор учитывала императивы Европейской конвенции о защите прав человека и судебную практику ЕСПЧ в связи с отсутствием в собственном правовом порядке соответствующего каталога основных прав и свобод (см. гл. 4).

Таким образом, можно утверждать, что уже длительное время, по крайней мере на уровне судебных органов ЕС и Совета Европы, осуществляется взаимное использование актов данных европейских организаций. Появление текста Хартии об основных правах Европейского Союза лишь подтвердило данную преемственность, что, в частности, следует из §5 преамбулы Хартии, где наравне с «конституционными традициями государств – членов» и другими ссылками имеет место ссылка и на Европейскую конвенцию о защите прав человека и на Социальную хартию Совета Европы. Если принять во внимание данное положение, а также судебную практику судебных органов Европейского Союза, то нормативная гармонизация права ЕС, точнее заимствование правом ЕС стандартов, разработанных в рамках Совета Европы, представляется бесспорным правовым явлением.

⁶⁵ См.: Journal Officiel des communautés européennes, 18 Décembre 2000.

Следует отметить, что процесс гармонизации как гражданского, так и уголовного законодательства (в первую очередь уголовного) является довольно сложным процессом. Уголовное законодательство и уголовное судопроизводство являются центральными в определении суверенитета каждого государства, что приводит к тому, что на практике тексты международного права, в первую очередь европейские тексты, требующие гармонизации законодательства, оставляют государствам значительную долю усмотрения при их имплементации в национальное законодательство⁶⁶. По свидетельствам ряда авторов, наибольшие сложности в гармонизации законодательства касаются законодательства в части определения уголовно наказуемых деяний (инкриминирования)⁶⁷.

Тем не менее большинство правовых актов ЕС и международных конвенций, обязывающие европейские государства в сфере уголовного права, касаются инкриминирования деяний. Данные тексты требуют от государств-членов инкриминировать определенные деяния, а также устанавливают общие элементы того или иного состава преступления. Вместе с тем данные тексты закрепляют лишь минимально необходимые для определения состава преступления понятия, что оставляет законодателям европейских государств определенную долю усмотрения в закреплении более широких понятий преступлений в их собственном законодательстве.

Некоторые из текстов (в частности права ЕС) даже содержат положения, гармонизирующие санкции за те или иные преступления. Необходимо отметить, что в отношении определения тяжести санкций государства-члены обладают еще большей долей усмотрения, чем в определении составов преступлений. Так, например, в ряде текстов права ЕС содержатся такие абстрактные формулировки, как «эффективные, пропорциональные и действенные санкции», «минимальный уровень

⁶⁶ *Flore D.* Une justice pénale européenne après Amsterdam. // JTDE, 1999. P. 122 et 123.

⁶⁷ Там же.

наименьшего наказания», «минимальный уровень наиболее строго наказания» и т.п.⁶⁸ Очевидно, что использование подобного понятийного аппарата предоставляет государствам значительную долю усмотрения.

1.3. Право ЕС и национальное право государств – членов Европейского Союза в контексте интеграционных процессов

Одна из особенностей права ЕС заключается в том, что оно обладает прямым действием или действием прямого применения, т.е. граждане государств-членов могут ссылаться на это право даже в рамках дел, рассматриваемых национальными судами государств – членов ЕС⁶⁹. Возможность национальных судов ссылаться на нормы права ЕС в рамках рассматриваемых ими дел была установлена Судом ЕС как «право на судебную защиту» в решении *Johnston*⁷⁰ и в решении *Van Gend en Loos*⁷¹. Суд ЕС в данных решениях отмечает, что «Сообщество представляет собой новый правопорядок международного права, которому была передана часть суверенных прав государств-членов, и членами которого являются не только государства-члены, но и их граждане; из этого следует, что право ЕС независимо от права государств-членов создает обязательства в отношении граждан этих государств и наделяет их правами... Таким образом, ограничение применения права ЕС лишь процедурами, предназначенными

⁶⁸ См. по данной теме: *Barbe E.* L'espace judiciaire européen. Paris, La Documentation française, Réflexe Europe. 2007. P. 45 ; *M. Roccati*, Le rôle du juge national dans l'espace judiciaire européen, du marché intérieur à la coopération civile, Primento, 2014. 632 P.

⁶⁹ Касательно общих вопросов взаимодействия европейского правопорядка с правопорядками государств-членов ЕС см.: Бирюков М.М. Право Европейского Союза / М.М. Бирюков // Международное право: Учебник / [Б. М. Ашавский и др.]; отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко; Дипломатическая акад. МИД России. М.: Проспект, 2008; Кашкин С.Ю. Право Европейского Союза. М.: Юрайт, 2011; *Кашкин С.Ю.* Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / Кашкин С.Ю. М.: Инфра-М, 2011; *Кашкин С.Ю.* Право Европейского Союза / Кашкин С.Ю. М.: Проспект, 2011.; Введение в право Европейского Союза: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. М.: ЭКСМО 2010.

⁷⁰ CJCE, 15 mai 1986, aff. 222/84, Rec. CJCE 1986, I, P. 1651. См. Также: CJCE, 15 oct. 1987, aff. 222/86, Heylens, Rec. CJCE 1987, I, P. 4097. – CJCE, 11 sept. 2003, aff. C-13/0, Safalero, Rec. CJCE 2003, I, P. 8679.

⁷¹ CJCE, 5 févr. 1963, aff. 26/62, Van Gend en Loos, Rec. CJCE 1963, I, P. 3.

для восстановления нарушенных прав, которые может инициировать Комиссия или государства-члены, является недостаточным, так как такой подход уничтожил бы средства прямой судебной защиты граждан»⁷². Иначе говоря, право на судебную защиту является следствием принципа прямого действия права ЕС.

Стоит отметить, что ЕС не является федерацией, у него нет необходимости в учреждении федеральных органов управления. При этом в настоящее время сосуществуют, взаимно переплетаясь, две системы материального права и две судебные системы: международная (европейская) и национальные. В связи с этим можно согласиться с зарубежными юристами в том, что «в федеральной системе мы представляем, что права федерации и права государств-членов, установленные в качестве компетенций конституцией, реализуются разными путями. И, напротив, право ЕС и национальные правовые порядки, находятся во взаимном симбиозе»⁷³. Таким образом, как Европейский Союз не располагает судебными инстанциями, которые можно было бы квалифицировать как «федеральные суды», точно также право ЕС не нуждается в учреждении специальных процедур его применения национальными судебными инстанциями. В подтверждение этому можно процитировать еще одно из решений Суда ЕС, в соответствии с которым «Римский договор не предполагает создания специальных процедур, инициируемых в рамках национальных систем правосудия, предназначенных для защиты права ЕС. Для этих целей должны использоваться уже существующие процедуры внутреннего права»⁷⁴. Такое положение называют «процедурной автономией» государств-членов,

⁷² Там же.

⁷³ *Grévisse F., Bonichot J.-C.* Les incidences du droit communautaire sur l'organisation et l'exercice de la fonction juridictionnelle dans les États membres, *L'Europe et le droit*, Mélanges en hommage à Jean Boulouis. Dalloz, 1991. P. 297.

⁷⁴ CJCE, 7 juill. 1981, aff. 158/80, Rewe, Rec. CJCE 1981, I, p. 1805.

которая позволяет им предусмотреть любые средства реализации права ЕС в рамках национальных систем правосудия.

Таким образом, судьям национальных судов приходится учитывать в работе, подходит ли тот или иной вид национального производства для применения права ЕС или применение права ЕС требует адаптации того или иного производства. Так, по мнению Мертенса дэ Вильмара, «права и обязанности, создаваемые международным правом, приходят в национальные правовые порядки «голыми», что делает необходимым их адаптацию как к национальным системам правосудия, так и к системе национального материального права»⁷⁵. Адаптация права ЕС была установлена в качестве обязательства еще в Римском договоре, ст. 10 которого установила, что «государства-члены предпринимают специальные или общие средства, необходимые для исполнения обязательств, установленных настоящим договором...»

Таким образом, ответственными за эффективное применение и реализацию права ЕС являются судьи национальных судов, которые реализуют обязательство по его применению в рамках судебных производств национального законодательства. По словам г-на Барава, «граждане располагают правом на судебную защиту, которая реализуется свободно и полностью и позволяет судье рассмотреть вопрос о соответствии национального права европейскому. Это предполагает отсутствие в национальном законодательстве норм, которые могли бы помешать реализации такой компетенции национальных судей»⁷⁶. Этот же автор также отмечает, что «судебная практика Суда Европейских сообществ (в настоящее время Суда ЕС) рассматривает эффективность защиты прав

⁷⁵ *Mertens de Wilmars J.* L'efficacité des différentes techniques nationales de protection juridique contre les violations du droit communautaire par les autorités nationales et les particuliers. Cah. dr. eur. 1981. P. 379.

⁷⁶ *Barav A.* La plénitude de compétence du juge national en sa qualité de juge communautaire, dans *L'Europe et le droit, Mélanges en hommage à J. Boulouis*, Paris, Dalloz, 1991, p. 1

граждан, которые закреплены европейским законодательством как показатель эффективности самого европейского права»⁷⁷.

Необходимо отметить, что компетенции по отправлению правосудия, которыми наделены судьи государств-членов, могут быть изменены под действием требований обязательности применения права ЕС⁷⁸. Как уже было отмечено зарубежными исследователями, «системы правосудия государств-членов не всегда являются системами, подходящими для применения права ЕС, а национальные судьи не всегда располагают средствами, необходимыми для реализации миссий европейского характера»⁷⁹. Так, например, принцип верховенства права ЕС над национальным правом, который обусловил необходимость применения национальными судьями (в отдельных случаях) норм права ЕС, а не национального права, существенно изменил в некоторых государствах-членах взаимоотношения между судебными органами и законодателем⁸⁰. Как отметил Г. Каниве, «приписывая любой норме европейского права силу более высшую, чем национальное законодательство, принцип верховенства европейского права над национальным законодательством привел к изменению роли судов в национальном правопорядке»⁸¹.

Таким образом, «влияние европейского права на национальные правопорядки государств-членов стало причиной переоценки роли национальных судебных органов, которые отныне стали «европейскими

⁷⁷ A. Barav, *Le juge et le justiciable*, Scritti in onore di G.-F. Mancini, Giuffrè, 1998, vol. II, p. 1.

⁷⁸ F. Picod, *Le droit au juge en droit communautaire* in *Le droit au juge dans l'Union européenne*. CEDECE (sous la direction de J. Rideau), LGDJ, 1998. P. 141.

⁷⁹ Rideau J. *Le contentieux de l'application du droit communautaire par les pouvoirs publics nationaux*. D., 1974. chron. P. 147.

⁸⁰ См.: Waelbroeck M. *Community Law and National Courts, rights and remedies*. Conférence des 26 et 27 mars 1994. Centre for European Legal Studies and Trinity Hall, University of Cambridge. P. 27.

⁸¹ Canivet G. *Le droit communautaire et l'office du juge national* // *Gaz. Pal.* 1992, 1, doct. P. 190.

органами правосудия», что повысило авторитет судебных органов государств-членов»⁸².

В настоящее время судебные органы государств-членов выполняют двойную роль: судебного органа государства-члена и судебного органа Европейского Союза. В связи с применением принципа верховенства права ЕС судебным органам государств – членов ЕС в некоторых случаях приходится идти против своего собственного внутреннего права⁸³. Такое развитие права ЕС может привести к сомнениям в необходимости функционирования Суда ЕС, тем более что «Римский договор не предполагает создания специальных процедур, иницируемых в рамках национальных систем правосудия, предназначенных для защиты права ЕС. Для этих целей должны использоваться уже существующие процедуры внутреннего права»⁸⁴. Так, например, в деле *Factortame*⁸⁵ Суд ЕС был близок к утверждению о необходимости установления в государствах – членах ЕС специальных процедур по приостановлению действия национальных нормативных актов, которые гипотетически не соответствуют праву ЕС⁸⁶. Также в решении *Zückerfabrik* Суд ЕС потребовал введения процедуры приостановления действия нормативного акта государства-члена, принятого на основе нормативного акта ЕС, соответствие которого оспаривается в судебном порядке⁸⁷. Таким образом, требование единообразного

⁸² Там же.

⁸³ Там же. P. 15.

⁸⁴ CJCE, 7 juill. 1981, aff. 158/80, *Rewe*, Rec. CJCE 1981, I. P. 1805.

⁸⁵ CJCE, 19 juin 1990, aff. C-213/89, Rec. CJCE 1990, I. P. 2433. *Bonichot J.-C.* Les pouvoirs d'injonction du juge national pour la protection des droits conférés par l'ordre juridique communautaire // RFD adm. n° 6[5], oct. 1990. P. 912; *Simon D. et Barav A.* Le droit communautaire et la suspension provisoire des mesures nationales, les enjeux de l'affaire *Factortame*. Rev. Marché commun n° 340, oct. 1990. P. 491; *Fourgoux J.-C.* La Cour de justice des Communautés européennes et les pouvoirs du juge national en matière de mesures provisoires // Dalloz Sirey 22 nov. 1990, n° 39. P. 547.

⁸⁶ *Simon D.* Les exigences de la primauté du droit communautaire: continuité ou métamorphose? L'Europe et le droit. Mélanges en hommage à Jean Boulois. Dalloz, 1991. P. 481.

⁸⁷ CJCE, 21 févr. 1991, aff. C-143/88 et C-92/89, Rec. CJCE 1991, I. P. 415. См. Также: CJCE, 9 nov. 1995, Atlanta, aff. C-465/93, Rec. CJCE 1995, I. P. 3761.

применения права ЕС в его странах-участницах привело к необходимости создания специальной процедуры, условия применения которой уже не находятся в исключительной компетенции государств-членов.

Наконец, в решении Суда ЕС *Dorsch Consult*⁸⁸, в котором суд посредством интерпретации обязал национальные судебные органы в рамках дел, касающихся частноправовых сделок, заключаемых с государственными учреждениями, рассматривать жалобы даже в отсутствие соответствующего (в данном случае немецкого) национального законодательства, переносящего во внутренний правопорядок соответствующие положения законодательства ЕС.

Такое развитие судебной практики Суда ЕС ставит вопрос, имеющий первостепенное значение для любого государства – его члена и заключающийся в том, на каком юридическом основании с точки зрения внутригосударственного права суды государств-членов применяют право ЕС⁸⁹.

Так, например, французские юристы-международники задались вопросом о том, на каком основании право ЕС обладает верховенством по отношению к национальному праву: на основании ст. 55 Конституции Франции или на основании самого права ЕС⁹⁰. Разрешение данного вопроса является довольно важным, так как в зависимости от ответа на него меняются средства применения права ЕС национальными судебными органами. Как отметил в этом отношении Д. Симон, «основной проблемой является определение условий защиты прав граждан, которыми они располагают в соответствии с правом ЕС: данные права закреплены напрямую правом ЕС, которое требует, чтобы гарантии этих прав были действительно эффективными. В свою очередь национальные суды, которые

⁸⁸ CJCE, 17 sept. 1997, aff. C- 54/96, Rec. CJCE 1997, I. P. 4961.

⁸⁹ *Boulouis J.* Note ss l'arrêt Cass. ch. mixte, 24 mai 1975, Jacques Vabre // AJDA 1975, jurispr. P. 567.

⁹⁰ *Olmi G.* Les hautes juridictions nationales, juges du droit communautaire. Liber amicorum P. Pescatore. Nomos, 1987. P. 499.

в качестве органов применения права ЕС обязаны гарантировать корректную защиту прав граждан, гарантированных правом ЕС, осуществляют данную миссию в рамках процессуального права, определенного законодательством государства-члена, которое не всегда способствует оптимальной реализации права ЕС»⁹¹.

Неопределенность того, на каком юридическом основании судьи государств-членов применяют право ЕС, приводит к тому, что в юридической науке возникают вопросы даже о возможности признания судами общей юрисдикции положений конституции собственного государства несоответствующими праву ЕС⁹². Таким образом, проблема определения юридического основания, закрепляющего полномочия судебных органов государств-членов по применению положений права ЕС, является вопросом непосредственно производным от вопроса верховенства права ЕС по отношению к национальному праву. В итоге остается спорным вопрос о том, необходимо ли существование национального юридического основания для применения права ЕС судебными органами государств-членов или же обязательства, взятые государствами-членами в рамках ЕС, достаточны сами по себе.

Европейскому законодателю не запрещено регламентировать процедуры применения права ЕС. Такая ситуация имела место в сфере перераспределения доходов, получаемых от таможенных пошлин⁹³. Также существовали примеры, когда на европейском уровне принимались

⁹¹ *Simon D.* Les exigences de la primauté du droit communautaire : continuité ou métamorphose ? L'Europe et le droit. Mélanges en hommage à Jean Boulois. Dalloz, 1991. P. 481.

⁹² *Simon D. et Rigaux A.* Droit communautaire et Constitution française, une avancée significative de la Cour de cassation. À propos de l'arrêt Fraisse du 2 juin 2000. Europe 2000. chron. 8.

⁹³ См. регламенты Совета: CEE n° 1430/79, 2 juill. 1979, relatif au remboursement ou à la remise des droits à l'importation ou à l'exportation // JOCE n° L 175, 12 juill. 1979. P. 1; CEE n° 1697/79, 24 juill. 1979, concernant le recouvrement a posteriori des droits à l'importation ou des droits à l'exportation qui n'ont pas été exigés du redevable pour des marchandises déclarées pour un régime douanier comportant l'obligation de payer de tels droits // JOCE n° L 197, 3 août 1979. P. 1.

нормативные акты, гармонизирующие правила различных судебных производств государств-членов⁹⁴.

Как уже отмечалось, при рассмотрении определенных дел суды государств-членов обязаны инициировать применение права ЕС по собственной инициативе. Однако данная обязанность была довольно неоднозначно оценена самим Судом ЕС. Так, генеральный адвокат Суда в деле «Verholen»⁹⁵ заявил о существовании «неограниченного» верховенства права ЕС и его унифицированного применения, а Суд в данном деле ограничился указанием на то, что право ЕС не препятствует тому, чтобы национальные суды рассматривали вопросы его применения по собственной инициативе. В более поздних решениях, в частности в решениях «Peterbroeck» и «Van Schijndel»⁹⁶ Суд ЕС открыто объявил об обязанности судебных органов государств – членов применять право ЕС, когда процессуальное право государства позволяет это делать. Таким образом, начиная с данного момента, с точки зрения права ЕС существует обязательство применения права ЕС судебными органами государств – членов ЕС.

Также в судебной практике Суда ЕС можно обнаружить неоднозначный подход к применению права ЕС судебными органами европейских государств. В частности речь идет о подходе, в соответствии с которым обязательство применения норм права ЕС варьируется в зависимости от природы самих норм права ЕС. В решении «Eco Swiss China Ltd.»⁹⁷ Суд ЕС конкретизировал свой подход и указал, что обязательство применения права ЕС касается основных нормативных актов права ЕС. В этом решении Суд уточняет, что такими основными актами в данном случае

⁹⁴ См., например: Dir. 98/27/CE du Conseil et du Parlement européen, 19 mai 1998, relative aux actions en cessation en matière de protection des intérêts des consommateurs // JOCE n° L 166, 11 juin 1998. P. 51.

⁹⁵ CJCE, 11 juill. 1991, aff. C-87/90, C-88/90 et C-89/90, Rec. CJCE 1991, I. P. 3757.

⁹⁶ CJCE, 14 déc. 1995, aff. C-312/93, C-430/93 et C-431/93, Rec. CJCE 1995, I. P. 4599, 4705.

⁹⁷ CJCE, 1er juin 1999, aff. C-126/97, Rec. CJCE 1999, I. P. 3055.

являются акты, устанавливающие принципы антимонопольного права, закрепленные ст. 81, 82 Римского договора.

Если проанализировать совокупность судебной практики Суда ЕС, то становится очевидным, что в качестве основных нормативных актов права ЕС, которые должны применять суды государств-членов, используются нормы, имеющие прямое действие. Такими, например, являются акты права ЕС, устанавливающие свободу передвижения, и европейское антимонопольное законодательство (в данном случае речь идет об учредительных договорах). В качестве примера можно привести решение Суда ЕС, в котором он признал противоречащей праву ЕС национальное потребительское законодательство, устанавливающее запрет судебным органам рассматривать вопросы, связанные с правом ЕС, по собственной инициативе⁹⁸.

В государствах – членах ЕС также действуют положения позитивного права и существует практика, подтверждающая прямое действие и верховенство права ЕС и обязанность его применения судебными органами. Приведем в качестве примера ситуацию с применением права ЕС судами общей юрисдикции Французской Республики⁹⁹.

Практика рассмотрения вопросов, касающихся права ЕС, по инициативе самих французских судов общей юрисдикции многочисленна, причем она касается как гражданских, так и уголовных дел¹⁰⁰. В отношении чисто юридических, а не фактических вопросов у судов общей юрисдикции существует обязательство рассматривать их по собственной инициативе (закреплено в ст. 12 Кодекса гражданской процедуры). Данное обязательство выражается в возможности принесения кассации на решения нижних инстанций, что было многократно доказано в судебной практике

⁹⁸ CJCE, 21 nov. 2002, aff. C-473/00, Cofidis, Rec. CJCE 2002, I. P. 10875.

⁹⁹ В других европейских государствах ситуация с применением права ЕС судебными органами аналогична.

¹⁰⁰ См., например: Cass. com., 27 févr. 1996, Juris-Data n° 1996-003975; Cass. com., 30 mai 2000. Bull. civ. 2000, IV, n° 111; Cass. com., 19 déc. 2000, Sté Ravil c/ Sté Bellon, Juris-Data n° 2000-007474.

Кассационного суда Франции¹⁰¹. Кассационный суд, вменяя обязательство применения права ЕС судам общей юрисдикции, основывается не только на основополагающих (учредительных) договорах ЕС, но и на Брюссельской конвенции от 27 сентября 1968 г. о компетенции судов и исполнении решений по гражданским делам¹⁰².

Неприменение права ЕС судами общей юрисдикции государства-члена может быть санкционировано Судом ЕС по запросу Еврокомиссии¹⁰³, что представляется гарантией применения права ЕС судебными органами государств-членов.

Помимо судов общей юрисдикции, обязанность применения права ЕС лежит также и на других судебных органах: административных, специализированных судах, квази-судебных органах и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие не свойственные для международного права принципы, как прямое действие права ЕС, верховенство права ЕС, обязательство применения национальными органами государств-членов свидетельствуют об углубленном взаимодействии стран ЕС и высокой степени влияния права ЕС на национальное право его членов. Это отражается и на отношениях судебных органов и является одним из факторов, способствующих их взаимодействию.

1.4. Право Совета Европы и национальное право государств – членов Совета Европы в контексте интеграционных процессов

Взаимодействие государств – членов Совета Европы в сравнении с интеграционными связями между странами ЕС находится на более низком уровне. Тем не менее право Совета Европы также обладает значительными особенностями по отношению к классическим принципам международного

¹⁰¹ См., например: Cass. crim., 2 juin 1993, Juris-Data n° 1993-704901; Bull. crim. 1993, n° 198.

¹⁰² Cass. com., 14 déc. 1999, Bull. civ. 1999, IV, n° 229.

¹⁰³ CJCE, 9 déc. 2003, aff. C-129/00, Comm. CE c/ Italie.

права. Данная особенность выражается не только в существовании регионального судебного органа – Европейского суда по правам человека, но и в возможности подачи индивидуальных жалоб в этот судебный орган.

В данном случае, равно как и в праве ЕС, применяется принцип прямого действия Европейской конвенции о защите прав человека (и Протоколов к ней), закрепление которого отсутствует в самом конвенционном инструменте, но неоднократно упоминалось в судебной практике ЕСПЧ¹⁰⁴. Большинство правопорядков государств – членов Совета Европы однозначно закрепляют (чаще всего в законодательных актах) принцип прямого действия Европейской конвенции¹⁰⁵.

В российской науке международного права, как и в зарубежной науке, подчеркивается необходимость применения национальными органами судебной практики ЕСПЧ. Так, Г.М. Даниленко писал: «...в российских судах возможно применять не только положения международных договоров, но также и судебную практику применения (толкования) этих договоров международными органами. Следовательно, учитывая, что Россия ратифицировала Конвенцию, нет препятствия для применения в национальных судах толкования Конвенции, осуществляемого Европейским судом по правам человека. Таким образом, судебная практика Европейского суда по правам человека может быть постепенно трансформирована в российскую судебную практику»¹⁰⁶.

В настоящее время применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод судебными органами государств – членов Совета Европы, которое в соответствии с текстом Конвенции обязательно (ст. 46 Конвенции), является принятой практикой и не оспаривается. В этом заключается смысл имплементации права Совета Европы в национальное

¹⁰⁴ См., например: решение от 6 ноября 1980 г. *Van Oosterwijk*, A.40, § 33.

¹⁰⁵ См., например: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». // СЗ РФ, 1998. № 14. Ст. 1514.

¹⁰⁶ *Danilenko G. Implementation of International law in CIS States: Theory and Practice // European journal of International law, 1999. P. 68.*

право государств – членов СЕ, его применение судебными органами участников Совета Европы в настоящее время осуществляется повсеместно и является фактором, способствующим взаимодействию судебных органов государств-членов и ЕСПЧ.

Применение судебной практики ЕСПЧ осуществляется судами любого из государств – членов Совета Европы. Как отмечалось в генеральном докладе судьи конституционного суда Австрии Кристофа Грабенвартера, особенно большое значение судебной практике ЕСПЧ придают суды Центральной и Восточной Европы¹⁰⁷. Так, например, Верховный суд РФ в заключительной части постановления Пленума № 5 от 10 октября 2003 г.¹⁰⁸ рекомендовал Судебному департаменту при Верховном Суде РФ в координации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека обеспечивать информирование российских судей о практике ЕСПЧ, в особенности по поводу решений, касающихся России, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык.

Таким образом, применение судами государств – членов Совета Европы, как самого текста Европейской конвенции, так и выработанных ЕСПЧ его интерпретаций, является свершившимся фактом.

В науке международного и конституционного права существует множество работ по практике применения Европейской конвенции и по практике применения толкований ЕСПЧ конституционными судами государств – его членов¹⁰⁹ и судами общей юрисдикции¹¹⁰.

¹⁰⁷ См.: *Грабенвартер К.* Генеральный доклад на XVI Конгрессе Конференции европейских конституционных судов 2014 «Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время». Заключительный доклад и подведение итогов XVI Конгресса Конференции европейских конституционных судов 2014 // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6 (42).

¹⁰⁸ Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 2.

¹⁰⁹ См., например: *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы всероссийского совещания.* М. 24 декабря 2004 г. / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. М., 2004; *Даниленко Г.М.* Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного суда // Государство и право. 1995, №11; *Зорькин В.Д.*

Здесь представляется целесообразным привести данные из вышеуказанного генерального доклада судьи конституционного суда Австрии К. Грабенвартера. В частности, в докладе сделан вывод том, что европейские конституционные суды не одинаково подходят к решению вопроса о соотношении норм международного и национального права. Так, Федеральный конституционный суд Германии, исходя из норм Основного закона, вывел непосредственную обязанность национальных судебных органов учитывать международное право в случаях, если оно вытесняет, переформирует или влияет на нормы национального права. На основании этого Суд исходит из принципа открытости Основного закона по отношению к международному праву, и как следствие, взял на себя обязательство обширно ссылаться на право ЕС и международное право, а также на решения международных судов, призванных толковать это право. В большинстве европейских государств основные законы прямо указывают на обязательства соблюдать общепризнанные нормы международного права и объявляют их составляющей национального правопорядка. Более того, во

Конституционный суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. №3; *Лантев П.А.* Российское правосудие и Европейский суд по правам человека // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы всероссийского совещания. Москва 24 декабря 2004 г.; *Тиунов О.И.* О применении Конституционным судом РФ норм международного права // Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами. М., 1996.

¹¹⁰ См., например: Применение европейской конвенции о защите прав человека в судах России / Под ред. А.Л. Быкова. Екатеринбург: Изд-во урал. инст-та, 2006; Европейский суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ, рекомендации / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2004; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации. Сравнительный анализ. Русская версия. Изд. Совета Европы. Страсбург, 1997; *Гладышева С.С.* Роль Европейского суда по правам человека в становлении справедливого суда в России // Московский журнал международного права. 2004, №1. С. 198-208; *Сыченко Е.В.* Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав граждан и права на социальное обеспечение. Litres, 2015; *Сыченко Е.В.* Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 104-107.

многих государствах международные договоры были внедрены в национальную правовую систему.

В ряде европейских стран международное право приравнивается к конституционному праву и относится к стандартам, применяемым конституционным судом в рамках нормоконтроля. В некоторых странах – членах ЕС международные договоры занимают положение между обычными законами и конституцией. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть Постановление Конституционного суда РФ, вынесенное 14 июля 2015 г.¹¹¹ В названном акте Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции РФ при исполнении решений ЕСПЧ. Как отмечено в Постановлении, федеральный законодатель вправе предусмотреть специальный правовой механизм разрешения Конституционным Судом РФ вопроса о возможности или невозможности исполнения вынесенного по жалобе против России постановления ЕСПЧ. При этом должны быть приняты во внимание принципы верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ.

Следует отметить, что такой подход в отношении исполнения решений ЕСПЧ наблюдается также в судебной практике высших судебных органов иных стран. В частности, принцип «ограничения правовой силы постановлений ЕСПЧ» применяется Федеральным Конституционным Судом Германии (постановления от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года и от 13 июля 2010 года и т.д.). Более того, при рассмотрении вопроса об

¹¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Официальный интернет-портал правовой информации <publication.pravo.gov.ru>. Номер опубликования: 0001201507170018, дата опубликования: 17.07.2015.

исполнении постановления ЕСПЧ от 26 февраля 2004 года по делу «Гергюлю (*Gorgulu*) против Германии» он прямо отметил, что ЕКПЧ в национальном праве Германии имеет статус федерального закона «...и наряду с практикой Европейского Суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ...»¹¹²

Данный подход также отмечается в судебной практике Конституционного Суда Италии¹¹³. Так, не согласившись с выводами ЕСПЧ (постановление ЕСПЧ от 31 мая 2011 года по делу «Маджо (*Maggio*) и другие против Италии»), в своем постановлении от 19 ноября 2012 года по делу № 264/2012 Суд Италии прямо указал, что «...соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке...».

Приоритет норм национального конституционного права над решениями ЕСПЧ также признается в решениях высших судебных органов Австрии (постановление Конституционного Суда Австрийской Республики от 14 октября 1987 года по делу № В267/86).

Более того, по утверждению Верховного Суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (решение от 16 октября 2013 года ([2013] UKSC 63), «...решения ЕСПЧ в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению, – по общему правилу они лишь «принимаются во внимание»; следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не

¹¹² Постановление Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германия от 14 октября 2004 года по делу 2BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307).

¹¹³ Постановление Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (*Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening)*, Judgment, I.C.J. Reports 2012).

противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права».

В редких случаях международные договоры подлежат непосредственному применению, а некоторые конституции предусматривают особые положения для международных инструментов защиты прав человека.

Как следствие, различны и способы учета судебной практики судебными органами (в первую очередь конституционными судами). В ряде стран действует четкое положение конституции или закона, обязывающее национальные суды учитывать судебную практику европейских судов. Однако в большинстве случаев такие нормы отсутствуют. Тем не менее и в этих случаях суды исходят из необходимости применять в своей работе судебную практику международных региональных судебных органов.

1.5. Судебная гарантия применения международного права международными региональными судебными органами

Появление или скорее увеличение количества международных региональных судебных органов является современной тенденцией международного права, на что уже неоднократно обращалось внимание в юридической литературе по международному праву¹¹⁴. При этом следует отметить, что одни из первых региональных судов были учреждены именно на европейском пространстве (еще в начале 50-х гг. XX века), чем в определенной степени и может быть обусловлен высокий уровень интеграционных процессов в судебной сфере.

Таким образом, именно на европейском пространстве можно увидеть два наиболее совершенных международно-правовых региональных судебных инструмента, гарантирующих применение права

¹¹⁴ См., например: *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009.

соответствующего им международного европейского правопорядка – Европейского суда по правам человека и Суда Европейского Союза.

Само существование судебных органов на международном региональном уровне является необходимым условием для взаимодействия судебных органов различных уровней (национальных, международных), существующих на европейском пространстве. В связи с этим как судебная гарантия права ЕС судебными органами ЕС (Судом и Трибуналом (первой инстанции)), так и судебная гарантия права Совета Европы судебным органом последнего (ЕСПЧ) являются условиями «*sine qua non*»¹¹⁵ для настоящего исследования.

Существование международных региональных судебных органов, а также применение международного права судебными органами государств-членов, создают предпосылки для существования связей между судами двух правопорядков (национального и международного европейского). Рассмотрение вопроса судебной гарантии права международными региональными судебными органами, таким образом, имеет первостепенное значение для исследования вопросов взаимодействия национальных и региональных судебных органов.

Если в рамках Совета Европы такое взаимодействие (посредством влияния судебной практики) региональных и национальных судебных органов является единственной формой сотрудничества, то в рамках ЕС существуют более развитые инструменты взаимодействия судебных органов и европейского регионального правопорядка (которые будут рассмотрены ниже (см. гл. 3)).

В отношении Суда ЕС и права ЕС множество зарубежных авторов констатируют, что методы интерпретации этого права, используемые Судом ЕС, являются методами «создания права»¹¹⁶. Данный факт был отмечен и

¹¹⁵ Лат.: «то, без чего невозможно».

¹¹⁶ См., например: *Lecourt R. Le rôle de la Cour dans le développement des Communautés*, *Annuaire dr. eur.* 1976, vol. 24, p. 19; *Lecourt R. Le rôle unificateur du juge dans la*

российской наукой международного права, которая констатировала, что, несмотря на отнесение судебных органов ЕС к романо-германской системе права, «Суд (ЕС) посредством концепции прецедента санкционирует появление норм по своему значению фактически аналогичных норм вторичного права, допуская отсылку к собственным решениям в качестве источника права»¹¹⁷. Подобные утверждения в совокупности с прямым действием права ЕС (следствием которого является применение национальными органами права ЕС), сразу же приводят к выводу о том, что национальным судам приходится применять право ЕС таким, каким его интерпретировал (создал) Суд ЕС. Именно таким образом и организуется один из видов взаимодействия судов государств – членов ЕС и Суда ЕС, в процессе которого судебная гарантия права ЕС судебными органами ЕС приводит к фактическому применению права ЕС на национальном уровне в том виде, в каком его понимает Суд ЕС.

Подобное утверждение относится и к судебной гарантии, существующей в правовом порядке Совета Европы. Как и Суд ЕС, являясь последней инстанцией, наделенной правом «автономной интерпретации»¹¹⁸ Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ЕСПЧ участвует в формировании права Совета Европы, что довольно часто критикуется как на доктринальном уровне, так и среди практиков¹¹⁹. Как и в правовом порядке Европейского Союза, судебная гарантия на международном региональном уровне обеспечивает постоянную связь между судебным органом Совета Европы (ЕСПЧ) и органами государств – его членов (в том числе и судебными органами), которым надлежит соблюдать взятые на себя международные обязательства. Последние, в свою очередь, создаются «*in*

Communauté, dans *Études de droit des Communautés européennes, Mélanges P.-H. Teitgen*, Paris, Pedone, 1984.

¹¹⁷ Павельева Э.А. Взаимодействие органов Европейского Союза и органов государств-членов. СПб., 2007. С. 124.

¹¹⁸ См.: *Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme* // PUF, 2003. P. 225.

¹¹⁹ См., например: *Зорькин В.Д. Предел уступчивости* // Российская газета. Федеральный выпуск № 5325 (246), 29 октября 2010.

concreto»¹²⁰ судебными органами международных региональных правопорядков¹²¹.

Компетенция Суда ЕС также свидетельствует о том, что существуют его взаимоотношения с судебными органами государств-членов. Речь, в частности, идет о том, что Суд ЕС, помимо других компетенций¹²², наделен также правом контролировать акты органов государственной власти государств – членов ЕС на их соответствие первичному и вторичному праву ЕС¹²³. Компетенция Суда ЕС по констатации несоблюдения государством-членом обязательств, наложенных на него основополагающими договорами (ст. 258 и след. Договора о функционировании Европейского Союза (Лиссабонская редакция; далее – ДФЕС¹²⁴)), является одним из инструментов, связующих право ЕС и национальным правом его участников. Поэтому данная компетенция Суда ЕС имеет большое значение для его взаимодействия с судами государств-членов, так как по природе она схожа с компетенциями европейских конституционных судов, т.е. судов внутренних правопорядков, и конкурирует с компетенциями этих судов. Взаимодействие, существующее между такими конституционными судами и судами общей юрисдикции, установленное обязательной силой решений первых и их эксклюзивной компетенцией по интерпретации учредительных актов (конституций), соотносимо с взаимодействием, существующим между Судом ЕС и судебными органами государств-членов. Не являясь

¹²⁰ Лат.: «применительно к конкретному делу».

¹²¹ См.: Курдюков Д.Г. Право на индивидуальную жалобу по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Московский журнал международного права. 2003, № 2. С. 35-57.

¹²² См. ст. 256 и след. Договора о функционировании Европейского Союза, которые распределяют компетенцию между Трибуналом первой инстанции и Судом (высшей судебной инстанцией) ЕС, а также определяют компетенции данных судебных органов.

¹²³ См. подробнее: Тихоновецкий Д.С. Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейских Сообществ // Моск. журн. междунар. права. 2003, № 2. С. 220.

¹²⁴ Подробнее об изменениях правопорядка Европейского Союза, произошедших под влиянием Лиссабонского договора см., например: Энтин Л.М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. М: Аксиом, 2009.

составными частями единой судебной системы, они все же связаны между собой конкурирующими или совпадающими компетенциями.

Контроль законности и конституционности актов государственной власти существует на национальном уровне, причем во всех европейских государствах он осуществляется в наиболее совершенной – судебной – форме (для этих целей, в частности, созданы органы конституционной и административной юстиции). Эти же акты государств-членов также подчинены и конвенционному контролю¹²⁵, который, в отличие, например, от конституционного контроля, осуществляется для соблюдения конвенционного права (международных договоров), а не конституций государства, и который осуществляется, в частности, посредством упомянутой компетенции Суда ЕС. Иначе говоря, объектом судебного контроля на национальном уровне (т.е. конституционных судов и органов административной юстиции) являются акты органов государств-членов. При этом объектом контроля Суда ЕС, который он осуществляет в рамках производства по констатации не соблюдения государством-членом обязательств, наложенных на него основополагающими (учредительными) договорами (ст. 258 ДФЕС), также являются национальные акты. Более того, правом на обращение в рамках данного вида судебного производства обладают не только институты ЕС (Комиссия) (ст. 258 ДФЕС), но и государства-члены (ст. 259 ДФЕС), что также свидетельствует о тесном взаимодействии между органами государств-членов и Судом ЕС.

Аналогична ситуация и с компетенцией ЕСПЧ, который как и Суд ЕС в рамках своей компетенции по контролю за соблюдением государством-членом обязательств, наложенных на него основополагающими договорами, обладает полномочием по констатации нарушений «одной из Высоких Договаривающихся Сторон... прав, признанных в настоящей Конвенции»

¹²⁵ *Debré J.L.* Contrôle de constitutionnalité et contrôle de conventionnalité, Intervention lors du colloque organisé par l'Association française de droit constitutionnel, le 6 juin 2008 au Conseil constitutionnel // <www.conseil-constitutionnel.fr/.../pdt_debre_afdc_06062008.pdf>.

(ст. 35)¹²⁶. Иначе говоря, Европейский суд по правам человека, также как и Суд ЕС, обладает компетенцией по рассмотрению вопросов о соответствии актов и действий соответствующих государств-членов учредительным актам правопорядков, которые они представляют.

В данном случае также возникает вопрос о том, что, несмотря на распределение компетенции между европейскими судебными органами (Суд ЕС, ЕСПЧ), объект их контроля является общим – акты государственной власти соответствующих государств-членов. Иначе говоря, идентичность объекта контроля судебных органов государств-членов соответствующей региональной организации и судебных органов этой региональной организации предполагает, что их компетенция является конкурирующей или частично совпадающей. Данная ситуация также является фактором, во многом обуславливающим их взаимодействие.

Следует отметить, что суды государств-членов призваны принимать во внимание судебную практику Суда ЕС и ЕСПЧ в целом, а не конкретные решения (исполнение последних чаще всего является обязанностью исполнительной власти государств-членов). Обязательная сила решений ЕСПЧ (ст. 46 ЕКПЧ) и обязательная (ст. 266 ДФЕС) и исполнительная (ст. 280 ДФЕС) сила решений Суда ЕС, а также возможность принудительного исполнения последних (ст. 280 ДФЕС) являются фактором, способствующим взаимодействию европейских судебных органов с органами, которые обязаны исполнять его решения. Необходимо отметить, что только в праве ЕС используется такой инструмент взаимодействия судебных органов, как преюдициальный запрос, направляемый судами государств – членом Суду ЕС (ст. 267 ДФЕС)¹²⁷.

¹²⁶ См. подробнее, например: *Туманов В. А.* Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. 304 с.

¹²⁷ См. подробнее, например: *Пушечникова Е.А.* Некоторые вопросы преюдициальной процедуры в Суде Европейских Сообществ. Материалы семинара «Преподавание права Европейского Союза в российских ВУЗах – II: Сборник. М.: Статут, 2001. С. 299 - 305.

Существование Суда ЕС и Европейского суда по правам человека, призванных гарантировать соблюдение норм своих правопорядков, в том числе признавать акты государств-членов не соответствующими данным нормам, является не только основой, необходимой для взаимодействия судов различных правопорядков, но и фактором, способствующим развитию отношений между ними. Ключевой момент в данном случае состоит не столько в существовании судебной гарантии права региональной организации национальными судебными органами ее членов, сколько в том, что такая гарантия выступает средством защиты от актов вторичного права, а также от актов органов соответствующих государств-членов. Таким образом, особенность двух основных правопорядков на европейском пространстве состоит в подчинении актов органов государств-членов данных интеграционных объединений международному праву, которое санкционируется судебным органом данного европейского порядка. Углубленный характер взаимоотношений судебных органов данных государств-членов с судебными органами европейских правопорядков, участниками которых они являются, заключается в том, что международные европейские суды являются последней инстанцией, уполномоченной интерпретировать нормы региональной организации, тогда как суды государств-членов обязаны обеспечивать ее имплементацию в связи с верховенством международного права и обязательным характером решений международных региональных судов.

§2. Институционально-правовые особенности международно-правового статуса европейских региональных судебных органов

Отличительной характеристикой современного международного права является тенденция стремительного изменения его содержания под влиянием толкования, все увеличивающегося числа международных региональных судебных органов. Увеличение числа международно-правовых актов, их проникновение в сферы жизнедеятельности,

регулируемые до этого лишь национальными законодательствами, приводят к необходимости создания независимых органов, деятельность которых заключается в толковании этого права, а также контроле за его соблюдением национальными органами власти и региональными организациями. В связи с этим в международном праве появляются нормы, регулирующие статус и деятельность международных региональных судебных органов.

Более того, на уровне международного права в определенной степени урегулированы вопросы, связанные со статусом и порядком деятельности национальных судов. Такое регулирование, несомненно, осуществляется в меньшем объеме, поскольку приоритет регулирования статуса и деятельности национальных судебных органов остается за национальным правом. Так ст. 6 ЕКПЧ обязывает государства-члены предоставить лицам «право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Исключением является лишь право Европейского Союза, где детализация законодательства достигла уровня, при котором регулирование вопросов статуса и деятельности национальных судов также не исключено из компетенции европейского законодателя¹²⁸.

Отметим, что нормы международного права, регулирующие статус и деятельность международных региональных судебных органов, постоянно совершенствуются и детализируются. Данный процесс обладает своеобразной закономерностью: чаще всего в процессе модернизации используются юридические механизмы и принципы функционирования национальных судебных органов, которые служат примером в силу своего совершенства. В частности, можно отметить, что международное право аналогично национальному праву регулирует такие вопросы, как создание международных региональных судебных органов и их функционирование на постоянной основе; закрепление обязательной юрисдикции региональных

¹²⁸ Большая часть вопросов, касающихся регулирования правом ЕС статуса и деятельности национальных судов, будут рассмотрены ниже.

судов; определение их эксклюзивной компетенции; определение их принципов и основ независимости; закрепление за решениями международных региональных судов обязательной силы.

2.1. Создание европейских региональных судебных органов и их функционирование на постоянной основе

Создание международного регионального судебного органа осуществляется на основе норм международного права. Более того, будучи одним из основных органов той или иной международной региональной организации (наряду с такими институтами, как исполнительные комитеты, ассамблеи и т.п.), статус и отдельные аспекты деятельности данных органов закрепляются в основополагающих учредительных документах. Среди исследуемых судебных инстанций редко встречаются те, которые не были созданы учреждающими организацию документами. К таковым можно отнести, например, Трибунал первой инстанции Европейских сообществ, который был создан по решению Совета министров Европейских сообществ¹²⁹, а не одним из основополагающих договоров ЕС. Также Суд Европейской ассоциации свободной торговли (далее – ЕАСТ) был создан специальным отдельным соглашением государств-членов – соглашением между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда¹³⁰.

В настоящее время международное право уделяет региональным судебным органам первостепенное внимание. Практически любому из них посвящена как минимум отдельная глава одного из основополагающих актов интеграционного объединения, что подтверждает идею об их статусе как минимум эквивалентном другим органам международной европейской организации (ассамблеям, советам, комитетам, парламентским органам). В

¹²⁹ См.: Decision of the Council of Ministers of October 24, 1988 // 1988 O.J. (L319) 1. В настоящее время создание трибунала предусмотрено ст. 19 Договора о ЕС.

¹³⁰ См.: JOUE, L 344, 31.1.1994, p. 3; and EFTA States' official gazettes.

то же время правовой статус ЕСПЧ определен не Уставом Совета Европы, а одним из его важнейших международно-правовых актов. Так, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹³¹ самая объемная глава посвящена именно Европейскому суду по правам человека, что позволяет согласиться с тезисом об особой природе, с одной стороны, конвенционного органа, а с другой – субсидиарного судебного органа Совета Европы¹³². Данный факт также свидетельствует о том, что учредительная власть европейских организаций придает особое значение судебным гарантиям международного права.

Как правило, международные региональные судебные органы создаются и функционируют в соответствии со специально принятыми отдельными актами первичного права региональных организаций. Так, например, деятельность Суда ЕС осуществляется в соответствии с Уставом (статутом) Суда ЕС¹³³, который по природе своей является отдельным протоколом, принятым «Высокими Договаривающимися Сторонами» на основании Договора о функционировании Европейского Союза (ст. 281). Подобным образом был создан и Суд Бенилюкса, что произошло намного позднее создания самого Экономического союза Бенилюкс, поэтому для создания Суда потребовалось принятие отдельного акта – Договора о создании Суда Бенилюкса от 31 марта 1965 г.¹³⁴

Таким образом, обращение к основополагающим (учредительным) актам любого из правопорядков исследуемых региональных объединений свидетельствует о том, что учредительная власть каждого из них уделила особое значение международным региональным судебным органам, созданным в их рамках.

¹³¹ См.: ETS № 005.

¹³² См.: *Капустин А.Я.* Европейское право // *Международное право: Учебник / отв. Ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Турмухамедов.* 2-е изд. М., 2007. С. 907.

¹³³ См.: JOUE C 83/210, 30.3.2010. P. 3.

¹³⁴ См.: <<http://www.courbeneluxhof.be/fr/basisdocumenten.asp>>

Также стоит обратить внимание на другой аспект статуса международных региональных судебных органов, который непосредственно связан с вопросом правовых оснований их создания. Речь идет о функционировании данных органов на постоянной основе.

Если среди множества международных судебных органов существует ряд институтов «ad hoc», а также судебных инстанций, функционирующих на не постоянной основе¹³⁵, то более совершенное сотрудничество стран на европейском пространстве требует создания более совершенных судебных инстанций, которые должны функционировать именно на постоянной основе.

Именно так (т.е. на постоянной основе) и действуют рассматриваемые европейские судебные органы. Если в отношении отдельных из них можно довольно просто идентифицировать правовые основания функционирования суда на постоянной основе, то в отношении других такие основания отсутствуют, что, тем не менее, не противоречит их фактическому постоянному функционированию. Так, например, по очевидной причине более совершенного и детализированного характера права ЕС можно отметить именно в отношении Суда ЕС наиболее точное выражение принципа функционирования суда на постоянной основе. Устав (Статут) Суда ЕС однозначно устанавливает, что «Суд функционирует на постоянной основе»¹³⁶. Подобным образом организовано и функционирование Европейского суда по правам человека, так как ЕКПЧ однозначно сформулировала идею, в соответствии с которой «он работает на постоянной основе» (ст. 19). Напротив, в отношении Суда Бенилюкса можно констатировать применение принципа постоянного функционирования лишь опосредованно, так как здесь указание на

¹³⁵ См., например: Международный трибунал для наказания лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (ILM. V. 32, 1993. P. 1203); Международный трибунал для Руанды (U.N. Sec. Res. 955).

¹³⁶ См., например: ст. 15 Устава (Статута) Суда ЕС. JOUE, C 83/210 J, 30.3.2010. P. 1.

применение данного принципа существует лишь в положениях, закрепляющих местоположение штаб-квартиры Суда (ст. 2 Договора о создании Суда Бенилюкса)¹³⁷.

Однако вне зависимости от того, закреплён ли принцип функционирования того или иного международного регионального суда на постоянной основе или нет, в действительности все европейские суды функционируют на постоянной основе. Также необходимо обратить внимание на то, что данный принцип на европейском пространстве применяется независимо от фактического осуществления деятельности международных региональных судебных органов, а также не связан с ее периодичностью¹³⁸. Их деятельность заключается в интерпретации и применении права своего правового порядка, что не предполагает выполнения ими функции, которая ограничена временными рамками или отдельной, заранее определенной и выполнимой миссией. Как следствие, они функционируют до тех пор, пока существует создавший их правовой порядок, при этом периодичность выполнения их функций напрямую зависит от вменяемой им учредительной властью компетенции.

2.2. Обязательная юрисдикция европейских региональных судов

Обязательная юрисдикция международных региональных судебных органов в целом не предполагает возможность участия государства в международной региональной организации без признания за судебным органом этой организации обязательной компетенции, установленной ее основополагающими (учредительными) документами.

¹³⁷ Гансхоф Ван Дер Меерш пишет, что «в рамках Экономического союза была создана Арбитражная коллегия Бенилюкса, так как на тот момент государства-члены посчитали, что создание постоянно действующего суда было не своевременным». *Van der Meersch W.J. La juridiction internationale dans l'Union économique Benelux// Annuaire français de droit international. 1996 № 15. P. 250, 251.* Позднее данный пробел был восполнен, так как соглашением от 31 марта 1965 года был создан именно суд, функционирующий на постоянной основе, а не коллегия.

¹³⁸ См. подробнее, например: *C. Barker, J. Grant. International Criminal Law Deskbook. Routledge. 2013. 568 p.*

Принцип обязательной юрисдикции важен по двум причинам. Во-первых, обязательность юрисдикции того или иного международного регионального судебного органа свидетельствует о высоком уровне развития правопорядка, которому он принадлежит. Кроме того, реализация принципа обязательной юрисдикции в рамках того или иного регионального образования дает возможность для идентификации наиболее совершенных механизмов взаимодействия. Во-вторых, обязательная юрисдикция, действуя одновременно с принципами верховенства международного права и обязательной силы решений международных региональных судов, создает необходимость соблюдения решений этих судебных органов национальными судами и, таким образом, является одной из основ взаимодействия между ними.

Единство институционального механизма ЕС подразумевает обязательную юрисдикцию Суда ЕС¹³⁹. Как известно, изначально европейская интеграция строилась в рамках различных Европейских сообществ, что предполагало возможность частичного участия одного из государств в европейских интеграционных процессах и могло позволить ему отказаться от распространения на него юрисдикции Суда Европейских сообществ. С 1967 г. все институты Европейских сообществ стали общими для всех европейских интеграционных организаций, а с 1993 г. – общими институтами Европейского Союза, в связи с этим ни одно из вновь присоединяющихся государств не может частично присоединиться к Европейскому Союзу, не признав обязательную юрисдикцию Суда ЕС.

По мнению зарубежных исследователей¹⁴⁰, обязательный характер юрисдикции Суда ЕС вытекает из содержания ст. 129 Римского договора (ст. 344 в новой консолидированной редакции), в соответствии с которой «государства-члены обязуются не прибегать к другим, не предусмотренным

¹³⁹ См. подробнее, например: Право Европейского Союза / Под. ред. Кашкина С.Ю. М.: Юрист, 2004. С. 230.

¹⁴⁰ См., например: *Ruiz Fabri H., Sorel J-M.* Organisation judiciaire internationale. Cour internationale de justice. Organe juridictionnel // *Jurisclasseur droit international*, 2001. §10.

настоящим договором средства разрешения конфликтов, касающихся интерпретации и применения данного договора». Компетенция по разрешению конфликтов, касающихся интерпретации и применения основополагающих актов Европейского Союза, Договором о Европейском Союзе закреплена за Судом ЕС, Трибуналом (первой инстанции) и специализированным судебным органом ЕС. Пункт 1 ст. 19 ДЕС устанавливает, что эти органы «обеспечивают соблюдение права посредством интерпретации и применения договоров».

Следует отметить, что до вступления в силу Протокола № 11 в рамках Совета Европы предоставление гражданам государства – члена Совета Европы права на подачу жалобы было факультативным, что позволяло этим государствам избежать юрисдикции Суда¹⁴¹. В настоящее время, в отличие от системы, функционировавшей до 1 ноября 1998 г., государства – члены Совета Европы, обязаны исполнять окончательные решения Суда по делам, сторонами которых они являются (ст. 46 ЕКПЧ). Данный факт свидетельствует о продвижении взаимодействия стран в рамках Совета Европы к более высокому уровню и о совершенстве судебной гарантии данного правопорядка.

В отношении вопроса о юрисдикции Суда Бенилюкс и Суда ЕАСТ отметим следующее. Судебные органы данных европейских объединений были созданы отдельными актами – Договором о создании Суда Бенилюкс от 31 марта 1965 г.¹⁴² и соглашением между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда¹⁴³. В связи с этим обязательная юрисдикция соответствующих судов распространяется на подписавшие данные акты международного права государства. Вместе с тем названные европейские судебные органы созданы в целях обеспечения лишь общих гарантий функционирования того или иного европейского регионального

¹⁴¹ См. подробнее, например: *Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme*. Paris, 2003. P. 495 ss.

¹⁴² См.: <<http://www.courbeneluxhof.be/fr/basisdocumenten.asp>>

¹⁴³ См.: JOUE, L 344, 31.1.1994. P. 3; EFTA States' official gazettes.

правопорядка. Так, например, судебный орган Союза Бенилюкс создан для «продвижения единообразного применения общих (для государств – членов Союза) правовых норм»¹⁴⁴.

Таким образом, одним из факторов, обуславливающих более высокий уровень сотрудничества стран в судебной сфере на европейском пространстве, является функционирование их региональных судебных органов на постоянной основе.

2.3. Компетенции европейских региональных судебных органов

Решение вопроса об определении на уровне международного права компетенции соответствующих региональных органов имеет также немаловажное значение. Это подтверждается тем, что именно основополагающие (учредительные) акты того или иного международного регионального правопорядка определяют компетенцию региональных судов, что характерно как в отношении Суда ЕАСТ, компетенция которого определяется соглашением между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда (ст. 31 и след.), и в отношении Европейского суда по правам человека, компетенция которого определяется самой Конвенцией (ст. 32), так и в отношении Суда ЕС, компетенция которого определяется ДФЕС (ст. 258 и след.).

По мнению Г.Г. Шинкарецкой, вопросы распределения совпадающих или конкурирующих юрисдикций судебных органов являются одной из проблем, влияющих на взаимоотношения между различными международными судами¹⁴⁵. Действительно, в настоящее время провести четкое разграничение компетенций судебных органов на европейском

¹⁴⁴ См.: п. 2 ст. 1 Договора о создании Суда Бенилюкс от 31 марта 1965 г.

¹⁴⁵ Шинкарецкая Г.Г. Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 273.

пространстве не представляется возможным. В связи с этим компетенция практически любого международного регионального судебного органа является в определенной степени конкурирующей или совпадающей. Это свидетельствует о том, что вопросы, связанные с компетенцией имеют первостепенное значение для международно-правового взаимодействия судебных органов.

Вместе с тем с определенной долей условности можно достаточно четко определить компетенцию Европейского суда по правам человека. В соответствии с п. 1 ст. 32 ЕКПЧ «в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней...», что предполагает закрепление исключительной компетенции за ЕСПЧ, так как он наделен полномочиями по разрешению всех вопросов, связанных с толкованием и применением Конвенции. Однако, несмотря на то, что право Совета Европы закрепляет за ЕСПЧ столь важную задачу, необходимость соблюдения обязательств, принятых Высокими Договаривающимися Сторонами, также предполагает с их стороны интерпретацию и применение Конвенции. Данный факт также свидетельствует о том, что такая деятельность является конкурирующей или, скорее, совпадающей между международными европейскими и национальными органами власти (в том числе и судебными).

Таким же образом компетенция по интерпретации и применению права ЕС, закрепленная за Судом ЕС в ст. 19 Договора о Европейском Союзе, также является конкурирующей с обязательством органов государств – членов ЕС (в том числе и судебных) по применению и интерпретации права ЕС. Хотя стоит отметить, что в отличие от компетенции ЕСПЧ она не закреплена как исключительная. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении других европейских судебных органов – Суда Бенилюкса и Суда ЕАСТ.

Более того, конкуренция или совпадение юрисдикции региональных судебных органов с национальными судами вызваны и совпадением объекта

их контроля. С этой точки зрения их компетенция по контролю актов органов государств – членов на соответствие международному праву является частично конкурирующей с компетенцией национальных судов административной и конституционной юстиции.

Так, в соответствии со ст. 258 ДФЕС Суд ЕС по ходатайству Комиссии компетентен рассматривать вопросы о соблюдении обязательств, принятых на государством-членом в рамках договоров, т.е. вопросы о соответствии действий государств – членов ЕС по отношению к праву ЕС. В то же время органы государств – членов ЕС, в том числе и судебные органы, в соответствии со своим национальным законодательством также должны рассматривать вопросы о соответствии действий органов своего государства (в первую очередь исполнительных) по отношению к праву ЕС.

Аналогичным образом определена и юрисдикция Суда ЕАСТ. В соответствии со ст. 31 Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда, Суд ЕАСТ по ходатайству наблюдательного органа ЕАСТ уполномочен рассматривать дела о соответствии действий государств обязательствам, установленным Договором о создании Европейской экономической зоны, а также Соглашением между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда. В данном случае конкурирующая компетенция состоит в том, что Суд ЕАСТ рассматривает вопросы о соответствии действий органов государств – членов ЕАСТ по отношению к Договору о создании Европейской экономической зоны. Одновременно в соответствии с национальным законодательством дела о соблюдении органами государств – членов ЕАСТ этого Договора рассматриваются органами самого государства – члена ЕАСТ (в первую очередь судебными).

Говоря о юрисдикции Суда ЕС и ЕСПЧ следует вновь отметить закрепленную за ними компетенцию по рассмотрению индивидуальных жалоб физических и юридических лиц на нарушения права ЕС органами национальной власти. Данная компетенция Суда ЕС и ЕСПЧ оказала

значительное влияние на эволюцию международного права, так как на данный момент в науке признается, что физические и юридические лица являются субъектами международного права¹⁴⁶. Нельзя не отметить важность такой эволюции и не обратить внимание на ее связь с тем, что этому способствовало именно определение юрисдикции и полномочий европейских органов. Именно урегулирование международным правом отдельных вопросов статуса и деятельности международных региональных судов, в частности в определении компетенции последних, привело к стремительной эволюции международного права.

Закрепление рассматриваемых полномочий за международными региональными судебными органами стало основным фактором повышения их статуса и значения по отношению к другим органам европейского регионального правопорядка. Это объясняется тем, что именно компетенция по рассмотрению индивидуальных жалоб обусловила тот факт, что конкретизация международного права и его постоянное развитие осуществляются преимущественно международными региональными судами, а не другими региональными органами власти. В свою очередь, указанная компетенция международных региональных судов также отразилась на статусе и значении этих органов для физических и юридических лиц, наделенных правом на обращение в эти суды, так как, несмотря на все ограничения по обращению в данные суды, для истцов они обладают большей легитимностью, чем национальные судебные гарантии¹⁴⁷.

2.4. Независимость европейских региональных судебных органов

Независимость региональных судебных органов в контексте данного исследования имеет также первостепенное значение. Именно независимость

¹⁴⁶ См., например: *Шинкарецкая Г. Г.* Новые действующие лица в международном праве // *Международное право и международные организации*. 2011, №1. С. 46-53.

¹⁴⁷ См. подробнее, например: *Николаев А.М.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации. Дисс...док. юрид. наук. М.: 2012. 512 с.

региональных судебных органов по отношению к международным организациям и государствам, их создавшим, является одним из решающих факторов развития отношений судебных органов с другими субъектами права (в том числе с судами других правовых порядков). Будучи независимыми, они, не подвергаясь влиянию со стороны других органов правового порядка, к которому они принадлежат, и государств, создавших данный правовой порядок, могут организовывать в пределах своих полномочий отношения с другими субъектами права, в том числе и с судебными органами различных уровней. Таким образом, гарантии независимости судебных органов являются тем аспектом, который стимулирует их международно-правовое взаимодействие.

Независимость международных региональных судебных органов обеспечивается несколькими правовыми механизмами и принципами международного права, которые в значительной степени были заимствованы из классического (т.е. национального) права.

Речь идет об институциональной независимости судебного органа, а именно о гарантиях независимости международного регионального суда от институтов правового порядка, которому он принадлежит.

Если большинство международных региональных судебных органов создавалось с учетом всех современных гарантий независимости¹⁴⁸, то в международном праве все же существовали примеры институциональной организации интеграционных объединений, в которых независимость их судебных органов не была гарантирована. В этом контексте наиболее ярким примером является Европейский суд по правам человека.

Система функционирования ЕСПЧ изначально не предусматривала возможность прямого обращения для лиц и государств. Система судебных

¹⁴⁸ Так, например, ст. 13 Договора о Европейском Союзе (JOUE, С 115/22, 9.5.2008), перечисляя институты Союза, упоминает и о Суде ЕС, а также уточняет, что каждый орган действует в рамках своих компетенций, что свидетельствует о том, что Суд ЕС, как и другие органы, обладает институциональной независимостью в реализации своих компетенций от других органов власти ЕС.

гарантий прав человека в рамках Совета Европы исходила из необходимости первичного обращения в Европейскую комиссию по правам человека, которая рассматривала жалобу на соответствие и возможность рассмотрения по существу. В этом случае за Судом было закреплено второстепенное или «факультативное» выполнение судебной функции, а точнее она выполнялась сложносоставным органом, в котором Суд занимал подчиненное положение, так как фактически выполнение его функций было обусловлено и зависело от решений другого органа данного регионального правопорядка.

В настоящее время на европейском пространстве все международные региональные судебные органы наделены компетенцией по интерпретации и применению соответствующего права и выполняют данную функцию самостоятельно и в полном объеме. Это можно констатировать не только в отношении самых развитых механизмов европейской судебной гарантии – ЕСПЧ и Суда ЕС, но и в отношении Суда Бенилюкс и Суда ЕАСТ.

Рассмотрим отдельно институциональные гарантии независимости Суда ЕС. В рамках правопорядка ЕС создана целая система судебных органов, что может вызвать ряд вопросов в отношении их институциональной обособленности. Прежде всего, в соответствии со ст. 13 Договора о Европейском Союзе Суд ЕС представляет собой отдельный орган ЕС, что предполагает его институциональную независимость от других институтов ЕС. В соответствии со ст. 19 ДЕС Суд ЕС является многосоставным органом, состоящим из собственно Суда, Трибунала (первой инстанции) и специализированных трибуналов. Тем не менее стоит отметить, что Суд, Трибунал и специализированные трибуналы ЕС, о которых говорится в названной статье, являются различными, независимыми друг от друга судебными институтами.

В первую очередь это подтверждается четким распределением компетенций между Судом и Трибуналом (первой инстанции). Так, в ст. 256 ДФЕС перечислены категории дел, рассмотрение которых входит

исключительно в компетенцию Трибунала (первой инстанции), тогда как компетенция Суда определяется ст. 263 и 265, где указываются исключаящие компетенцию Трибунала категории дел.

Во вторую очередь отсутствие институциональной зависимости двух судов подтверждается тем, что решения одного не подлежат пересмотру другим, за исключением случаев, указанных в договоре, и посредством специальных производств, заимствованных из классического судебного права. В этом отношении п. 2 ст. 256 ДФЕС уточняет, что решения Трибунала, принятые им в первой инстанции, могут быть обжалованы в Суде в порядке, заимствованном у классических кассационных производств, что никак не влияет на гарантии независимости Трибунала.

Таким образом, в настоящее время все судебные органы рассматриваемых региональных правопорядков обладают институциональной независимостью как по отношению к другим инстанциям своего правопорядка, так и по отношению к государствам, создавшим правопорядок, частью которого являются данные судебные органы.

Во-вторых, речь идет о независимости состава судебной коллегии, чаще определяемой как объективная независимость суда, обеспечиваемая посредством представительства в составе суда магистратов из различных государств – членов международной организации, которой принадлежит судебный орган. Обеспечение независимости судебной коллегии гарантируется представительством каждого государства в лице одного судьи¹⁴⁹, либо в равном числе судей от каждого государства, т.е. паритетным составом судебной коллегии¹⁵⁰, что позволяет соблюсти равенство между государствами – членами регионального объединения при распределении судебных мандатов. Независимость судей обеспечивается также путем

¹⁴⁹ См. ст. 20 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 9F Договора о Европейском Союзе.

¹⁵⁰ См., например: ст. 3 Договора о создании Суда Бенилюкса от 31 марта 1965 г. // <www.courbeneluxhof.be/fr/basisdocumenten.asp>.

установления принципа несовместимости судебного мандата с другими видами деятельности, который также был заимствован из классического судебного права. Так, например, п. 3 ст. 21 ЕКПЧ устанавливает принцип, в соответствии с которым «на протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их деятельности в течение полного рабочего дня». В Постановлении от 26 апреля 1979 г. «Санди таймс (*the Sunday Times*) против Соединенного Королевства» ЕСПЧ указал, что выражение «авторитет и беспристрастность судебной власти» следует понимать «в смысле Конвенции» (см., например, Решение по делу Кенига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 29-30, п. 88), т.е. с учетом того, что основной в этом контексте является статья 6, где отражен основополагающий принцип верховенства права (см., например, Решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 17, п. 34). Понятие «судебная власть» охватывает механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей при осуществлении ими своих должностных обязанностей. При этом словосочетание «авторитет судебной власти» выражает идею о том, что суды – это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать соответствующие споры; общественность должна воспринимать их в таком качестве, с уважением и доверием относиться к способности суда выполнять данную функцию»¹⁵¹.

Несколько иной подход к вопросу независимости судей продемонстрирован в рамках ЕС. В Договоре о функционировании Европейского Союза указывается, что при назначении судей кандидаты должны избираться из «...лиц, предоставляющих достаточные гарантии

¹⁵¹ Европейский суд по правам человека. Избранные решения. / Под ред. В.А. Туманова. Т. 1. М.: Норма, 2000.

независимости...» (ст. 224)¹⁵². Тем не менее Статут (Устав) Суда ЕС уточняет, что «судьи не могут выполнять политических и административных функций»¹⁵³. В свою очередь, ст. 3 Договора о создании Суда Бенилюкс от 31 марта 1965 г. также содержит положения о запрете замещения должности судьи названного судебного органа с осуществлением иных видов деятельности, которая в соответствии с п. 4 данной статьи заимствуется из национальных законодательств государств-членов. Названные положения еще раз подтверждают вывод о том, что в регулировании на международном уровне вопросов, связанных с установлением статуса и осуществления деятельности региональных судебных органов, осуществляется заимствование норм национального процессуального права.

Наконец, в некоторых международных региональных судах независимость их членов также обеспечивается посредством установления иммунитета от уголовного преследования¹⁵⁴.

В-третьих, необходимо обратить внимание на основной элемент, гарантирующий независимое функционирование судебных органов, автономию регламентации отдельных аспектов функционирования и деятельности международного регионального суда. Речь идет о праве или обязанности судов дополнять нормы основополагающих актов права региональных европейских организаций, регулирующие их деятельность, принимаемыми ими собственными внутренними регламентами.

Такими правами или обязанностями обладают лишь немногие классические судебные органы, а точнее лишь те из них, которые особенно

¹⁵² Следует обратить внимание на то, что гарантии независимости судей Суда ЕАСТ организованы аналогичными гарантиями независимости судей Суда ЕС. См. ст. 30 Соглашения между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда // JOUE, L 344, 31.1.1994. P. 3.

¹⁵³ JOUE, C 83/210 J, 30.3.2010. P. 1.

¹⁵⁴ См., например, ст. 4 quarter Договора о создании Суда Бенилюкса; ст. 3 Устава (Статута) Суда ЕС.

нуждаются в обеспечении независимости своей деятельности (например, конституционные суды).

Пункт 2 ст. 5 Договора о создании Суда Бенилюкса устанавливает за последним полномочия по принятию собственного внутреннего регламента (*Règlement d'ordre intérieur*), который в соответствии с этим положением необходим для определения различных процессуальных аспектов деятельности данного Суда (порядка рассмотрения дел, голосования судей, функционирования канцелярии суда и т.п.). Аналогичным образом данное полномочие закреплено за Судом ЕАСТ, который в соответствии с п. 2 ст. 43 Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда «должен принять внутренний регламент по вопросам судопроизводства, который должен быть одобрен государствами – членами ЕАСТ единогласно»¹⁵⁵. Статья 253 ДФЕС также позволяет Суду ЕС установить внутренний регламент, касающийся вопросов судопроизводства, но одновременно требует одобрения данного регламента Советом. Другим примером является компетенция Пленума ЕСПЧ по принятию регламента Суда, закрепленная в пункте «d» ст. 26.

Таким образом, любой региональный судебный орган обладает относительной автономией по регулированию собственного судопроизводства, которая варьируется от одного регионального суда к другому.

Необходимо отметить, что часть судопроизводственных вопросов того или иного международного регионального суда в ряде случаев регулируется его уставом или статутом, создание которых также предусмотрено в основополагающих актах соответствующего правопорядка. Так, ст. 281 ДФЕС предусматривает, что отдельным протоколом создается Устав (Статут) суда ЕС¹⁵⁶ (п. 1) и закрепляет компетенцию по его изменению за Европейским парламентом и Советом (п. 2). Также существует и Устав Суда

¹⁵⁵ <http://www.eftacourt.int/index.php/court/mission/esa_court_agreement>.

¹⁵⁶ JOUE, C 83/210, 30.3.2010.

ЕАСТ, принятие которого предусмотрено в п. 1 ст. 43 Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда. Последний учрежден Дополнительным протоколом к Соглашению между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда № 5¹⁵⁷.

Таким образом, функция классических источников международного права в регулировании вопросов функционирования международных региональных судебных органов заключается в необходимости предоставления гарантий независимости региональных судов. При этом основная часть процессуальных вопросов разрешается самими судами посредством принятия ими внутреннего регламента, а также в процессе формирования их судебной практики.

2.5. Обязательная сила решений европейских региональных судов

Обязательность решений международных региональных судебных органов имеет особое значение, поскольку обуславливает эффективность их работы, что в итоге сказывается на авторитете и статусе.

При отсутствии обязательной силы решений этих судебных органов их международно-правовое сотрудничество с иными судебными органами (в первую очередь национальными) было бы весьма ограничено, что в значительной мере снизило бы эффективность их деятельности и непосредственно уровень сотрудничества.

Отметим, что решения всех рассматриваемых европейских региональных судебных органов обладают обязательной силой. Более того, решения Суда ЕС обладают также исполнительной силой.

Обязательная сила решений Суда Бенилюкс закреплена п. 2 ст. 7 Договора о создании Суда Бенилюкс, в соответствии с которым «национальные суды, которые принимают решения по данному делу,

¹⁵⁷ Protocol 5 to the ESA / Court Agreement on the Statute of the EFTA Court // <www.eftacourt.int/index.php/court/mission/esa_court_agreement>.

обязаны учитывать интерпретации, данные Судом Бенилюкс». В соответствии со ст. 33 Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда «все государства – члены ЕАСТ обязаны принимать все необходимые меры для исполнения решений Суда ЕАСТ», что в сравнении с Судом Бенилюкса устанавливает обязательную силу его решений в более четкой форме. Аналогичным образом закреплена и обязательная сила решений ЕСПЧ, так как ЕКПЧ устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами» (п. 1 ст. 46). Наконец, обязательная сила решений Суда ЕС опосредованно закреплена несколькими положениями основополагающих (учредительных) текстов. Так, в соответствии со ст. 266 ДФЕС «орган, акт которого был отменен, или бездействие которого было признано противоречащим договорам, обязан принять меры, необходимые для исполнения решения Суда ЕС». Более того, решения Суда ЕС обладают исполнительной силой, что позволяет Суду ЕС прибегать к средствам принудительного исполнения своих решений¹⁵⁸ и что является беспрецедентным для международного регионального судебного органа¹⁵⁹.

Таким образом, придание решениям региональных судов на европейском пространстве обязательной силы имеет особое значение, поскольку является одной из предпосылок для развития взаимодействия судебных органов различных уровней¹⁶⁰.

Следует отметить, что влияние решений международных региональных судебных органов выражается в необходимости соблюдения государствами – членами региональной организации постановлений региональных судов, в которых они являются сторонами. Такая форма

¹⁵⁸ Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 260 ДФЕС установлено, что если «Суд признает, что государство-член не выполнило обязательства, наложенные на него одним из решений Суда, то он может наложить на это государство штрафные санкции».

¹⁵⁹ В соответствии со ст. 280 ДФЕС «Решения Суда ЕС обладают исполнительной силой в соответствии с условиями, зафиксированными ст. 299».

¹⁶⁰ Речь, в первую очередь, идет об отношениях Суда ЕС с Судом ЕАСТ.

обязательности решений международного регионального судебного органа предполагает, что соблюдение обязательств, налагаемых региональными судами в рамках конкретных дел, в последней инстанции будет имплементироваться в национальных правовых порядках государств-членов, в том числе посредством судебной практики национальных судов.

Что касается влияния решений международных региональных судебных органов на судебную практику друг друга, оказываемого ими в свете обязательной их силы, то она может быть идентифицирована в судах, применяющих общее международное право. Вместе с тем обязательная сила решений судебных органов, применяющих общее международное право, может привести к проблемам их взаимодействия, что также требует разрешения. Одним из примеров разрешения противоречий судебной практики Суда ЕАСТ и Суда ЕС, применяющим общее право, установленное Договором о создании Европейской экономической зоны. В данном контексте необходимо отметить, что Соглашением между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда установлено, что «при интерпретации и применении Договора о создании Европейской экономической зоны и настоящего договора, наблюдательный орган и Суд (ЕАСТ) должны учитывать принципы, установленные судебной практикой Суда ЕС» (п. 2 ст. 3).

Обязательная сила судебных решений позволила сформировать судебную практику того или иного международного регионального органа, которая де-факто является прецедентным правом. Об этом свидетельствуют многочисленные факты того, что решениями даже международных судов закрепляется некоторая нормативная, прецедентная сила. Например, Римский статут Международного уголовного суда установил, что он «может применять принципы и нормы права в том толковании, как это было принято в предыдущих решениях»¹⁶¹.

¹⁶¹ Rome Statute of the International Criminal Court, July 17, 1998. Art. 21 (2).

На европейском пространстве таких примеров более чем достаточно. Стоит напомнить уже указанное положение Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда, в соответствии с которым «при интерпретации и применении Договора о создании Европейской экономической зоны и настоящего договора, наблюдательный орган и Суд (ЕАСТ) должны учитывать принципы, установленные судебной практикой Суда ЕС» (п. 2 ст. 3).

В подтверждение того, что между обязательной силой судебных решений и их прецедентным характером существует непосредственная связь, можно привести пример из судебной практики ЕСПЧ, который приняв так называемое «пилотное решение» (*The Pilot-Judgment*), отметил, что обязательная сила его решений (ст. 46 ЕКПЧ) является непосредственным источником прецедентной силы этих решений. В деле «Брониовски против Польши» ЕСПЧ признает, что государству-члену для соблюдения своих обязательств необходимо принимать «структурные», а не индивидуальные меры, чтобы избежать повторения подобных нарушений конвенции¹⁶². Данное судебное решение ЕСПЧ свидетельствует о том, что действие обязательной силы его решений не ограничивает свое действие сторонами разбирательства, а распространяется на всех. Нельзя не обратить внимание на то, что такое толкование обязательной силы решений ЕСПЧ де-факто приводит к тому, что в отступление от п. 1 ст. 46 ЕСПЧ обязательная сила его решений принимает прецедентный характер, так как она распространяется не только на государства – члены Совета Европы, которые являются участниками того или иного конкретного процесса, но и на другие государства-члены.

Таким образом, следует констатировать, что даже в тех международных региональных правопорядках, где не существует прямого указания на прецедентный характер решений международных региональных

¹⁶² См.: ECHR, *Broniowski vs Poland*, 22 juin 2004.

судов, он существует де-факто, что обусловлено обязательной силой принимаемых ими решений. Таким образом, применение судами норм их правопорядка приводит к установлению общих принципов судебной практики того или иного международного регионального суда, т.е. к формированию прецедентного права.

Важность судебной практики каждого международного регионального судебного органа, признаваемая сегодня научной общественностью¹⁶³, вполне объяснима, поскольку международные региональные судебные органы также участвуют в формировании европейского регионального права посредством создания обязательных для исполнения судебных прецедентов.

§ 3. Правовые основы и субъекты сотрудничества в судебной сфере на европейском пространстве

3.1. Правовые основы взаимодействия судебных органов государств – членов Европейского Союза

Взаимодействие судебных органов государств – членов ЕС является неотъемлемым предметом регулирования права ЕС, так как одной из его целей является создание «пространства свободы, безопасности и правосудия» (ст. 2 Договора о Европейском Союзе). Несмотря на то, что европейское «пространство правосудия», создаваемое как «гарантия передвижения лиц на европейском пространстве», получило свое оформление в основополагающих актах права Сообществ лишь с появлением Римского договора, его конкретизация берет свое начало вне права ЕС как такового. Взаимодействие судебных органов государств – членов ЕС как один из аспектов конкретизации «пространства правосудия» ЕС было первоначально организовано между государствами-членами на межправительственном уровне.

¹⁶³ См., например: *Sudre F., Marguénaud J.-P., Gouttenoire A., Levinet M.* Les grands arrêts de la Cour européenne des Droits de l'Homme. Paris, 2003. P. 659 et s.

Изначально взаимодействие судов государств – членов ЕС осуществлялось в рамках более широких (с субъектной точки зрения) обязательств – на конвенционной основе, которая по большей части была разработана в рамках Совета Европы.

Попытки создать основы сотрудничества в сфере правосудия государствами, образовавшими Европейские сообщества и присоединившихся позднее, были предприняты в 1970-х гг., когда группировки леворадикального толка провели серии террористических актов на территории западноевропейских государств, что вынудило последних признать необходимость организации сотрудничества правоохранительных и судебных органов. Именно тогда появилось предложение создания «Европы правосудия» (*Europe de justice*) в рамках Европейских сообществ, которое стало первой попыткой создания основ сотрудничества судов государств-членов этих объединений¹⁶⁴. Тем не менее в тот момент государства – члены Сообществ предпочитали организовывать сотрудничество в сфере правосудия в рамках Совета Европы, а не в рамках Сообществ, имевших тогда иное предназначение.

В 1980-е гг. в целях установления сотрудничества между судебными органами был принят ряд документов конвенционной природы специализированного характера. Среди них следует назвать Брюссельское соглашение о передаче осужденных от 25 мая 1987 г., Брюссельскую конвенцию по применению принципа, никто не должен нести наказание дважды за одно преступление (*non bis in idem*) от 25 мая 1987 г., Сан-Себастьянское соглашение об упрощении и модернизации передачи запросов на экстрадицию от 26 мая 1989 г.¹⁶⁵

В этот период сотрудничество судебных органов государств – членов Сообщества представляло собой скорее классическое сотрудничество

¹⁶⁴ См. подробнее: *Charpentier J. Vers un espace judiciaire européen // AFDI, 1978. P. 927.*

¹⁶⁵ См. подробнее: *Moreillon L. et Willi-Jayet A. Coopération judiciaire pénale dans l'Union européenne. Bruxelles, Paris, Bruylant, LGDJ, 2005. P. 47; Pradel J. et Corstens G. Droit pénal européen. Paris, Dalloz, 2009. P. 138 s.*

государств – членов ЕС в сфере правосудия, чем сотрудничество судебных органов государств – членов ЕС¹⁶⁶.

Следующим этапом в создании правовых основ сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС стало подписание Маастрихтского договора, что подтверждается названием его 6 части – «Сотрудничество в сфере правосудия и внутренних дел». Маастрихтский договор в «целях развития сотрудничества в сфере правосудия и внутренних дел» (*La coopération dans les domaines de la justice et des affaires intérieures*) создал основы для будущих инструментов вторичного права ЕС, которые в большом количестве появились лишь в нынешнем веке.

Особое значение данному акт ЕС придают также содержащиеся в нем нормы о разграничении сотрудничества в сфере правосудия в зависимости от отрасли права (гражданское, уголовное).

Несмотря на декларативные заявления положений Маастрихтского договора, касающихся сотрудничества в сфере правосудия, фактически они стали оформляться лишь после Европейского совета в г. Тампере, состоявшегося в конце 1999 г.

В том, что касается сотрудничества в сфере гражданского правосудия, ст. 65 обновленной редакции Римского договора предусматривала в первую очередь принятие мер, предназначенных для «улучшения и упрощения трансграничной передачи и вручения судебных актов и других документов». Данная цель конкретизировалась в сотрудничестве судебных органов в сфере предоставления (получения) доказательств, взаимного признания судебных решений по гражданским и торговым (коммерческим) делам (см. гл. 2). основополагающим документом в данной сфере стал Регламент №1348/2000 от 29 мая 2000 г.¹⁶⁷ «О вручении на территории государств ЕС

¹⁶⁶ См.: *De Gouttes R. De l'espace pénal européen à l'espace judiciaire pénal pan-européen. Mélanges G. Levasseur. Paris, Litec, 1992. P. 3.*

¹⁶⁷ См.: Règl. n° 1348/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.

судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим делам»¹⁶⁸.

Помимо перечисленных документов ЕС, на основе которых осуществляется сотрудничество в сфере гражданского правосудия, были приняты и иные акты, интегрирующие во вторичное право ЕС также и конвенционные (межправительственные) инструменты. Так, например, положения Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих (торговых) споров от 27 сентября 1968 г. были имплементированы в право ЕС Регламентом №44/2001 от 22 декабря 2000 г. «О юрисдикции, признании и исполнении иностранных судебных решений»¹⁶⁹.

Принцип взаимного признания решений судебных органов по гражданским делам стал общим для всех государств-членов лишь в 2003 г., с принятием Регламента Совета № 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. о юрисдикционной компетенции, признании и исполнении решений по семейным делам и делам об ответственности родителей (который отменил Регламент №1347/2000)¹⁷⁰.

Также был принят Регламент Европейского парламента о процедурах несостоятельности № 1346/2000 от 29 мая 2000 г.¹⁷¹ и Регламент Совета (ЕС) № 1206/2001 от 28 мая 2001 г. о сотрудничестве между судебными органами государств-членов в области получения доказательств по гражданским или

¹⁶⁸ Данный акт был заменен следующим регламентом Совета: Règlement (CE) n° 1393/2007 du Parlement européen et du Conseil du 13 novembre 2007 relatif à la signification et à la notification dans les États membres des actes judiciaires et extrajudiciaires en matière civile ou commerciale («signification ou notification des actes»), et abrogeant le règlement (CE) n° 1348/2000 du Conseil.

¹⁶⁹ См.: Règl. n° 44/2001, 22 déc. 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 16 Janvier 2001.

¹⁷⁰ См.: Règl. n° 2201/2003, 27 nov. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Décembre 2003.

¹⁷¹ См.: Règl. n° 1346/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.

торговым делам¹⁷². Данные регламенты, как и указанные выше, имплементировали в европейское законодательство уже существующие в конвенционном праве нормы.

Пункт «b» ст. 65 Римского договора в новой редакции также устанавливает в качестве цели, посредством которой упрощается сотрудничество судебных органов, гармонизацию законодательства в сфере конфликта законов (см. §1).

Имплементация Римской конвенции о договорных обязательствах во вторичное право ЕС заняла еще больше времени, чем принятие предыдущих регламентов, и была завершена с принятием Регламента №593/2008 от 17 июня 2008 г. о договорных обязательствах¹⁷³. Подобная регламентация существует и в отношении внедоговорных обязательств с принятием Регламента №864/2007 от 11 июля 2007 г.¹⁷⁴

В п. «с» ст. 65 уже упомянутого основополагающего (учредительного) текста права ЕС внимание европейского законодателя также уделено гражданскому судопроизводству, которое могло стать преградой в развитии сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС. Совместимость норм гражданского судопроизводства государств-членов была предусмотрена несколькими документами вторичного права ЕС. Среди них следует назвать Регламент Совета № 743/2002 от 25 апреля 2002 г., определяющий общие рамки деятельности Сообщества по обеспечению судебного сотрудничества по гражданским делам¹⁷⁵; Регламент Парламента и Совета № 1896/2006 от 12 декабря 2006 г., оформивший европейское приказное производство (или европейское платежное поручение) (см.

¹⁷²См.: Règl. n° 1206/2001, 28 mai 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Juin 2001.

¹⁷³См.: Règl. n° 593/2008, 17 juin 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 4 Juillet 2008.

¹⁷⁴См.: Règl. n° 864/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

¹⁷⁵См.: Règl. n° 743/2002, 25 avr. 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 1er Mai 2002.

подробнее гл. 2)¹⁷⁶; Регламент Парламента и Совета № 861/2007 от 11 июля 2007 г. о разрешении незначительных споров¹⁷⁷.

Помимо данных источников необходимо также упомянуть и об альтернативных (внесудебных) способах разрешения гражданских и коммерческих споров. Установление общих принципов разрешения данной категории дел во внесудебном порядке было закреплено двумя законодательными актами, направленными на обеспечение и упрощение доступа лиц к правосудию на всем европейском пространстве. Первым из них является Директива 2008/52/СЕ от 21 мая 2008 г. о некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах¹⁷⁸. Вторым является Директива 2002/8/СЕ от 27 января 2003 г., основная задача которой заключалась в улучшении доступа к правосудию в трансграничных спорах. Она устанавливает общие минимальные правила предоставления юридической помощи при разрешении таких дел¹⁷⁹.

В сфере гражданского правосудия между государствами – членами ЕС необходимо отметить Директиву Совета 2004/80/СЕ от 29 апреля 2004 г.¹⁸⁰ Данный акт права ЕС, устанавливающий общие принципы возмещения ущерба жертвам, имеет межотраслевой характер, так как взаимодействие государств-членов в данном случае касается как сферы уголовного, так и сферы гражданского правосудия¹⁸¹.

¹⁷⁶ См.: Règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2006.

¹⁷⁷ См.: Règl. n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

¹⁷⁸ См.: Dir. 2008/52/CE, 21 mai 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 24 Mai 2008.

¹⁷⁹ См.: Dir. 2002/8/CE, 27 janv. 2003 // Journal Officiel des communautés européennes, 31 Janvier 2003.

¹⁸⁰ См.: Cons. UE, dir. 2004/80/CE, 29 avr. 2004 // Journal Officiel de l'union européenne 6 Aout 2004.

¹⁸¹ Был также принят и ряд других актов, касающихся менее важных вопросов сотрудничества органов правосудия и имеющих рекомендательный характер. См., например: Livre vert de la Commission du 17 juillet 2006 sur le règlement des conflits de lois en matière de régime matrimonial, traitant notamment de la question de la compétence judiciaire et de la reconnaissance mutuelle // COM(2006) 400 - Non publié au Journal officiel; Livre vert: Successions et testaments // COM(2005) 65 final - Non publié au Journal officiel.

Статья 31 Маастрихтского договора определяет сотрудничество судебных органов в сфере уголовного права как сотрудничество, направленное на:

- улучшение и упрощение сотрудничества между министерствами и органами правосудия государств-членов в рамках процедур по исполнению решений;
- упрощение экстрадиции между государствами-членами;
- гармонизации норм, применяемых в государствах, если это необходимо для сотрудничества;
- предупреждения конфликтов компетенций;
- принятия мер по установлению минимально необходимого общего определения различных преступлений и применяемых к ним санкций, связанных с организованной преступностью, терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Сотрудничество государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия и в частности сотрудничество органов уголовного правосудия государств-членов было организовано аналогично сотрудничеству государств-членов в сфере гражданского правосудия в тот же период европейского строительства.

Как и сотрудничество судебных органов по гражданским делам, первоначально оно было организовано на межгосударственном уровне (чаще всего посредством конвенционного права) и осуществлялось преимущественно в рамках работы Совета Европы, в первое десятилетие XXI века можно было наблюдать существенный скачок в развитии интеграционных связей, а в современный период оно приобрело полноценную природу права ЕС.

Важными актами конвенционной природы в сфере сотрудничества судебных органов государств-членов по уголовным делам стали несколько конвенций, разработка которых осуществлялась в течение длительного

периода. Конвенция от 29 мая 2000 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского Союза»¹⁸² стала одним из основных таких актов. Цель его принятия состояла в упрощении взаимодействия судебных, таможенных органов и органов внутренних дел государств-членов, а также в имплементации норм ранее существовавшего конвенционного права (в том числе и конвенций, разработанных в рамках Совета Европы), регулирующего данный вид отношений. Следует отметить, что принятие данной Конвенции способствовало упрощению сотрудничества судебных и правоохранительных органов посредством установления между ними прямых связей (см. подробнее гл. 2). Кроме того, в ней предусмотрено применение к данному типу отношений современных коммуникационных технологий (Интернет). Впоследствии данный акт был дополнен протоколом¹⁸³.

Среди конвенционных инструментов, оказавших существенное влияние на сотрудничество судебных органов в сфере уголовного судопроизводства, необходимо назвать Шенгенские соглашения, которые были имплементированы отдельным протоколом в Амстердамский договор. Положения данных соглашений применяются практически ко всем государствам – членам ЕС.

Как уже отмечалось, основные инструменты сотрудничества в сфере уголовного правосудия и сотрудничества судебных органов государств-членов по уголовным делам в настоящее время представлена вторичным правом ЕС: регламентами, рамочными решениями, директивами и т.п.

¹⁸² См.: Acte du Conseil, 29 mai 2000 établissant, conformément à l'article 34 du traité sur l'Union européenne, la convention relative à l'entraide judiciaire en matière pénale entre les États membres de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.

¹⁸³ См.: Protocole à la convention relative à l'entraide judiciaire en matière pénale entre les États membres de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 21 Novembre 2001.

В первую очередь в данном контексте стоит обратить внимание на гармонизацию законодательства (см. § 1), которая была необходима для организации сотрудничества в данной сфере и должна была осуществляться посредством рамочных решений (ст. 34 Маастрихтского договора), что и было реализовано в отношении деяний, связанных с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и т.п. Данные акты были направлены на гармонизацию определений составов преступлений, существующих в законодательствах государств-членов, а также на установление «соответствующих, пропорциональных и эффективных» санкций, предусмотренных за их совершение законодательствами государств – членов ЕС.

Так, в сфере борьбы с организованной преступностью были приняты следующие акты: Рамочное решение № 2000/383 от 29 мая 2000 г. об ужесточении санкций за подделку денежных знаков, принятие которого связано с введением в обращение евро¹⁸⁴; Рамочное решение № 2001/413 от 28 мая 2001 г. о борьбе с мошенничеством в сфере электронных средств оплаты¹⁸⁵; Рамочное решение 2001/500 от 26 июня 2001 г. об отмывании доходов, идентификации, наложения ареста и конфискации имущества, нажитого преступным путем¹⁸⁶; Рамочное решение № 2003/568 от 22 июля 2003 г. о борьбе с коррупцией в частном секторе¹⁸⁷; Рамочное решение №2005/212 от 24 февраля 2005 г. о конфискации средств, связанных с

¹⁸⁴ См.: Déc.-cadre n° 2000/383, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 14 Juin 2000.

¹⁸⁵ См.: Déc.-cadre n° 2001/413, 28 mai 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 2 Juin 2001.

¹⁸⁶ См.: Déc.-cadre n° 2001/500, 26 juin 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 5 Juillet 2001

¹⁸⁷ См.: Déc.-cadre n° 2003/568, 22 juill. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Juillet 2003

организованной преступностью¹⁸⁸; Рамочное решение № 2008/841 от октября 2008 г. о борьбе с организованной преступностью¹⁸⁹.

Помимо этих актов необходимо назвать Рамочное решение №2008/913 от 28 ноября 2008 г. о борьбе с отдельными формами расизма и ксенофобии с помощью уголовного права¹⁹⁰. Наконец, стоит напомнить о существовании Рамочного решения Совета от 15 марта 2001 г., касающегося статуса жертв в уголовном судопроизводстве¹⁹¹.

В праве ЕС также действуют нормы экологического уголовного права. Например, Рамочное решение №2003/80 от 27 января 2003 г. о защите экологии уголовным законодательством¹⁹² и заменившая его Директива 2008/99/СЕ от 19 ноября 2008 г. с идентичным названием¹⁹³.

Для регулирования сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом¹⁹⁴ было принято Рамочное решение № 2002/457 от 13 июня 2002 г.¹⁹⁵, которое впоследствии претерпело несколько изменений в рамках Рамочного решения № 2008/919 от 28 ноября 2008 г.¹⁹⁶ В области борьбы с терроризмом стоит упомянуть еще один акт, который касается защиты

¹⁸⁸ См.: Déc.-cadre n° 2005/212, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne, 15 Mars 2005.

¹⁸⁹ См.: Déc.-cadre n° 2008/841, 24 oct. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 11 Novembre 2008.

¹⁹⁰ См.: Déc.-cadre n° 2008/913, 28 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 6 Décembre 2008.

¹⁹¹ См.: Déc.-cadre n° 2001/220/JAI, 15 mars 2001 // Journal Officiel des communautés européennes 22 Mars 2001. См. также: Communication de la Commission, du 14 juillet 1999, au Conseil, au Parlement européen et au Comité économique et social - Les victimes de la criminalité dans l'Union européenne - Réflexion sur les normes et mesures à prendre. // COM(1999) 349 final - Non publié au Journal officiel.

¹⁹² См.: Déc.-cadre n° 2003/80, 27 janv. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 5 Février 2003.

¹⁹³ См.: Dir. 2008/99/CE, 19 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 6 Décembre 2008.

¹⁹⁴ См. подробнее: *G. de Kerchove*. L'action de l'Union européenne en matière de risques contre le terrorisme // RMCUE, 2004. P. 421.

¹⁹⁵ См.: Déc.-cadre n° 2002/475, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 22 Juin 2002.

¹⁹⁶ См.: Déc.-cadre n° 2008/919, 28 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 9 Décembre 2008.

информационных систем от атак хакеров, а именно Рамочное решение № 2005/222 от 24 февраля 2005 г.¹⁹⁷

Также важным аспектом в контексте данного исследования является взаимное признание судебных решений по уголовным делам¹⁹⁸ (см. подробнее гл. 2), в развитие чего был принят ряд нормативных правовых актов. Основным из них является Рамочное решение № 2002/584 от 13 июня 2002 г. о европейском ордере на арест¹⁹⁹, который вызвал значительный интерес представителей науки права ЕС. Действительно, именно с принятием данного документа изменились принципы и природа сотрудничества судебных органов государств – членов по уголовным делам (см. гл. 2).

Тем не менее принцип взаимного признания решений распространился на значительное количество категорий уголовных дел, по каждой из которых было принято отдельное рамочное решение: Рамочное решение №2003/577 от 22 июля 2003 г. об исполнении решений об аресте средств и элементов доказательств²⁰⁰; Рамочное решение № 2005/214 от 24 февраля 2005 г. о применении принципа взаимного признания к уголовным санкциям²⁰¹; Рамочное решение № 2006/783 от 6 октября 2006 г. о применении принципа взаимного признания решений о конфискации²⁰²; Рамочное решение № 2006/960 от 18 декабря 2006 г. об упрощении обмена

¹⁹⁷ См.: Déc.-cadre n° 2005/222, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne 16 Mars 2005.

¹⁹⁸ См. подробнее: *Vernimmen-Van Tiggelen G., Surano L., Weyembergh A.* L'avenir de la reconnaissance mutuelle en matière pénale dans l'Union européenne. Université de Bruxelles, 2009.

¹⁹⁹ См.: Déc.-cadre n° 2002/584, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes 18 Juillet 2002.

²⁰⁰ См.: Déc.-cadre n° 2003/577, 22 juill. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 2 Aout 2003.

²⁰¹ См.: Déc.-cadre n° 2005/214, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne, 22 Mars 2005.

²⁰² См.: Déc.-cadre n° 2006/783, 6 oct. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 24 Novembre 2006.

информацией между органами государств – членов ЕС²⁰³; Рамочное решение № 2008/675 от 24 июля 2008 г. об учете государствами – членами судебных решений при открытии нового производства²⁰⁴; Рамочное решение № 2008/947 от 27 ноября 2008 г. о применении принципа взаимного признания решений об испытательных сроках (пробации) ²⁰⁵; Рамочное решение № 2008/909 от 27 ноября 2008 г. о применении принципа взаимного признания решений о лишении свободы, исполнение которых осуществляется на территории ЕС²⁰⁶.

Помимо нормативных документов, касающихся уголовного и процессуального права, существуют также и инструменты права ЕС, создавшие институциональные основы сотрудничества судебных органов государств-членов по уголовным делам. Так, например, в соответствии с Общей акцией (совместными действиями) №96/277 от 22 апреля 1996 г.²⁰⁷ были созданы так называемые «связные магистраты» (см. гл. 2), которые внесли свой вклад в развитие сотрудничества судебных органов государств-членов. Общая акция (совместные действия) от 29 июня 1998 г., предусматривавшая создание «Европейской судебной сети»²⁰⁸, также значительно упростила взаимодействие судебных органов. Учреждение Решением № 2002/187 от 28 февраля 2002 г. Евроюста также стало знаковым моментом в создании институциональных основ сотрудничества судебных органов в целях борьбы с преступностью, которое определялось уже на тот момент как «значительный шаг на пути интеграции и

²⁰³ См.: Déc.-cadre n° 2006-960, 18 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne 29 Décembre 2006

²⁰⁴ См.: Déc.-cadre n° 2008/675, 24 juill. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 15 Aout 2008.

²⁰⁵ См.: Déc.-cadre n° 2008/947, 27 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 16 Décembre 2008.

²⁰⁶ См.: Déc.-cadre n° 2008/909, 27 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 5 Décembre 2008.

²⁰⁷ См.: Action commune n° 96/277, 22 avr. 1996 // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Avril 1996.

²⁰⁸ См.: Action commune, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

структуризации сотрудничества судебных органов в сфере уголовного правосудия»²⁰⁹. Последним из нормативных актов европейского законодателя, создавших институциональную основу в данной сфере, является Рамочное решение № 2002/465 от 13 июня 2002 г. о создании совместных следственных групп²¹⁰ (см. подробнее гл. 2).

Итак, взаимодействие судебных органов государств – членов ЕС в эпоху становления и развития регулировались на межправительственном уровне и чаще всего посредством конвенционного права. В конце 90-х годов прошлого века отмечалась активизация сотрудничества государств – членов ЕС в сфере правосудия, были приняты десятки документов, регулирующих сотрудничество государств-членов в сфере правосудия.

Более того, увеличение количества соответствующих актов (вторичного) права ЕС, сопровождалось и качественными изменениями. Во-первых, правовое регулирование рассматриваемых вопросов с уровня исключительных договоренностей между государствами было перенесено на уровень права ЕС. Во-вторых, и это самое главное, сотрудничество стран в рамках ЕС с так называемого «классического» сотрудничества, т.е. сотрудничества между органами исполнительной власти, перешло на прямое взаимодействие между судебными органами этих стран. Итоги первого десятилетия нового тысячелетия позволяют делать выводы не только о создании прямого сотрудничества судебных органов государств-членов, но и о создании основ для интеграции правовых и судебных систем государств – членов ЕС. Последнее утверждение свидетельствует о том, что в будущем можно будет говорить не о сотрудничестве судебных органов государств – членов, а о создании единой системы, в рамках которой национальные судебные органы будут выступать субъектами общего единого правового пространства.

²⁰⁹ *O. de Baynast*. Eurojust: lot de consolation pour les tenants du parquet européen ou socle pour la construction d'une action publique européenne? // RAE, 2003. P. 335.

²¹⁰ См.: Déc.-cadre n° 2002/465, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes 20 Juin 2002.

Взаимоотношения судебных органов государств – членов ЕС, по сравнению с отношениями судебных органов других европейских государств, обладают значительными особенностями.

Более того, анализ значительного числа судебных актов, принятых национальными судебными органами, позволил выявить практическое взаимное влияние их судебной практики. Такие отношения возникают на «горизонтальном» уровне и осуществляются на европейском пространстве также в отсутствие любых нормативных обязательств, что в том числе способствует выработке «европейских стандартов». При рассмотрении дел национальные суды все чаще обращаются к практике других национальных судов. При этом многие суды делают соответствующие ссылки в рамках проводимого сравнительного анализа. Именно таким образом, посредством краткого обзора зарубежной практики с целью поддержки собственной аргументации в решении того или иного вопроса, национальные суды и способствуют разработке единых «европейских стандартов».

Также можно выделить две формы такого взаимодействия: прямое, когда национальные суды в процессе своей деятельности напрямую ссылаются на практику судебных органов иных европейских государств, а также косвенное взаимодействие. В ходе последнего национальная судебная практика (в первую очередь конституционных судов) используется европейскими судами, после чего происходит ее рецепция в иных странах. Таким образом, региональные суды выступают «посредником» между национальными судами.

В целях представления новых научных предложений, имеющих значение для теории права и науки международного права, исследование взаимоотношений судебных органов на европейском пространстве будет ограничено именно изучением взаимоотношений судебных органов государств – членов ЕС (гл. 2).

Однако для исчерпывающего анализа темы представляется также необходимым в общих чертах рассмотреть основы сотрудничества судебных органов государств – членов Совета Европы.

3.2. Правовые основы взаимодействия судебных органов государств – членов Совета Европы

Следует отметить, что на европейском пространстве именно Совет Европы, а не Европейский Союз лидирует в разработке инструментов взаимодействия судебных органов. Именно в рамках Совета Европы были разработаны первые инструменты, организующие сотрудничество судебных органов европейских государств или, скорее, организующие сотрудничество европейских государств в сфере правосудия. Среди таковых необходимо назвать: Европейскую конвенцию о выдаче (экстрадиции) от 13 декабря 1957 г.²¹¹; Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.²¹²; Европейскую конвенцию о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г.²¹³; Европейскую конвенцию о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.²¹⁴; Европейскую конвенцию о передаче осужденных от 21 мая 1983 г.²¹⁵ и др.

Тем не менее, несмотря на столь раннее развитие права Совета Европы, организующего сотрудничество европейских государств в сфере правосудия, и в отличие от правовых основ сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС, правовые основы Совета Европы носят два существенных недостатка.

Во-первых, обширная часть инструментов, предназначенных для организации сотрудничества государств-членов в данной сфере,

²¹¹ См.: CETS №024.

²¹² См.: ETS №030.

²¹³ См.: ETS №070.

²¹⁴ См.: ETS №090.

²¹⁵ См.: RO 1988 N 761.

разработанная в рамках Совета Европы, так и не вступила в силу. Так, значительное количество текстов конвенционного права, в первую очередь касающихся сотрудничества в сфере правосудия по уголовным делам, разработанных как Европейским комитетом по правовому сотрудничеству, так и Европейским комитетом по проблемам преступности не вступило в силу из-за отсутствия или недостаточного уровня их имплементации (ратификации) государствами-членами²¹⁶.

Данный факт объясняется тем, что сотрудничество в сфере уголовного правосудия остается той областью жизнедеятельности, которую государства рассматривают как одну из основ своего суверенитета. Среди текстов, которые так и не были ратифицированы, можно назвать Европейскую конвенцию о неприменимости сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям от 25 января 1974 г.²¹⁷; Европейскую конвенцию о репатриации несовершеннолетних от 28 мая 1970 г.²¹⁸; Европейскую конвенцию о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными лицами от 30 ноября 1964 г.²¹⁹; Европейскую конвенцию о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г.²²⁰; Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1970 г.²²¹ и т.п.

Во-вторых, значительная часть документов, регулирующих сотрудничество в сфере правосудия, не обладает обязательной силой: речь идет о рекомендациях, мнениях и даже таких актах, как общие принципы²²².

²¹⁶ См.: *E. Crabit*, *Recherches sur la notion d'espace judiciaire européen*, Presses universitaires de Bordeaux, 1988, 592 p.

²¹⁷ См.: CETS №082.

²¹⁸ См.: CETS № 071.

²¹⁹ См.: CETS № 051.

²²⁰ См.: CETS № 070.

²²¹ См.: CETS № 073.

²²² Так, например, Комитет экспертов по применению конвенций по уголовному праву при Совете Европы предлагает множество инструментов, стандартов, информационных баз и т.п., посредством которых реализуется взаимодействие государств-членов в сфере уголовного правосудия. Данный Комитет разработал, в частности, рекомендации по

Несмотря на отмеченные недостатки, инструменты, разработанные в целях организации сотрудничества государств Совета Европы в сфере правосудия, представляют отдельный интерес.

Вне конвенционных норм сотрудничество в сфере правосудия по гражданским делам началось с первыми значительными инициативами Комитета министров Совета Европы, принятых им в 70-е гг. прошлого века. В числе таких актов в первую очередь следует назвать Резолюцию Комитета министров № (76)5 о судебной правовой помощи по гражданским, коммерческим и административным делам и освобождения от уплаты судебных расходов, а также Резолюцию № (78)8, имеющую аналогичный предмет регулирования. В указанных актах была подчеркнута необходимость наличия обязательства по предоставлению судебной правовой помощи и освобождению от уплаты судебных расходов лиц, нуждающихся в этом.

Отметим, что именно на базе данных резолюций Комитета министров Совета Европы было разработано Соглашение о передаче заявлений о правовой помощи от 27 января 1977 г.²²³ В сравнении с иными конвенционными актами Совета Европы, данное соглашение, достаточно быстро вступившее в силу, применяется в настоящее время почти в 30 государствах и предусматривает возможность истребования судебной правовой помощи (освобождения от уплаты судебных расходов) для лиц, постоянно проживающих на территории государств, связанных ее положениями. Действие данной Конвенции было упрощено с принятием Дополнительного протокола от 4 октября 2001 г., вступившего в силу 1 сентября 2002 г., а также с принятием Резолюции № R(99)6 об улучшении процедуры передачи запросов о правовой помощи. Наконец, Рекомендацией

сотрудничеству государств-членов в сферах экстрадиции, взаимной правовой помощи и передаче между государствами осужденных лиц.

²²³См.: STE 92.

№(2003)18 была установлена единая форма заявлений, посредством которых должна запрашиваться правовая помощь в другом государстве.

Также среди неконвенционных инструментов, регулирующих сотрудничество в сфере гражданского правосудия, в частности посредством гармонизации законодательства государств в данной сфере, необходимо назвать Рекомендацию № (81)7 об упрощении доступа к гражданскому правосудию, которым предлагается упрощение гражданского судопроизводства государств-членов (в частности, посредством информирования лиц, ускорения производства, сокращения судебных расходов).

Другими неконвенционными актами в данной сфере являются Рекомендация № (81)20 о гармонизации законодательства, касающегося формы судебных документов, и Рекомендация № (84)5 о принципах гражданского процесса, направленных на улучшение функционирования системы правосудия.

Стремление Совета Европы к улучшению, упрощению и эффективности судебных систем государств-членов прослеживается и в других документах (например, в Рекомендации № (94)12 о независимости и квалифицированности судей). Тем не менее данные акты не касаются сотрудничества судебных органов государств-членов как таковых, а скорее, направлены на создание необходимых для него благоприятных условий.

Что касается основ сотрудничества судов государств – членов Совета Европы в сфере уголовного правосудия, отметим, что, несмотря на сложность сотрудничества именно в данной сфере правосудия, количество инструментов, организующих сотрудничество по уголовным делам, является более значительным.

Основным документом сотрудничества европейских государств в сфере уголовного правосудия является упомянутая Европейская конвенция

о выдаче (экстрадиции) от 13 декабря 1957 г.²²⁴ Данный акт, применяемый в отношении всех государств – членов Совета Европы (а также ЮАР и Израиля), был дополнен тремя дополнительными протоколами (первый был принят 15 декабря 1975 г., второй – 17 марта 1978 г., третий – 10 ноября 2010 г.). Более того, Комитет министров разработал ряд актов, интерпретирующих и упрощающих применение данной конвенции: Рекомендация № (75)12, Рекомендация R(80)7 (обе о практическом применении конвенции); Рекомендация R(80)9 об экстрадиции в третьи государства; Резолюция № (78)43 об оговорках; Рекомендация № (86)13 о практическом применении, в частности содержании под стражей экстрадируемых лиц.

Также стоит упомянуть Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.²²⁵, которая применяется в отношении всех государств – членов Совета Европы, и ее двух дополнительных Протоколов (от 17 марта 1978 г. и от 8 ноября 2001 г.), и Европейскую конвенцию о передаче осужденных от 21 мая 1983 г.²²⁶, которая распространяет свое действие на более чем 60 государств, из которых восемнадцать не являются государствами – членами Совета Европы.

Немаловажную роль в организации сотрудничества государств-членов в сфере уголовного правосудия сыграла Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.²²⁷ и уже упомянутая Конвенция о передаче осужденных лиц и Протокол к ней от 18 декабря 1997 г.²²⁸

Особенность сотрудничества стран в сфере правосудия в рамках Совета Европы заключается в том, что взаимодействие осуществляется на уровне классического сотрудничества, которое характеризуется отсутствием

²²⁴ См.: CETS № 024.

²²⁵ См.: ETS № 030.

²²⁶ См.: RO 1988 761.

²²⁷ См.: CETS № 090.

²²⁸ См.: CETS № 167.

прямых контактов между судебными органами государств, отношения строятся на межправительственном уровне и осуществляются дипломатическими структурами государств, или, по крайней мере, органами исполнительной (довольно часто министерствами юстиции), а не судебной власти.

В отличие от сотрудничества государств – членов ЕС в области правосудия, организация взаимодействия других европейских государств, а также сотрудничество последних с государствами – членами ЕС чаще всего подлежат предварительному одобрению (ратификации) национальными органами власти (парламентами). Тогда как сотрудничество государств – членов ЕС в сфере правосудия или, точнее, сотрудничество органов правосудия государств – членов ЕС, осуществляется рамочными решениями, принимаемыми международной региональной организацией (последние все же нуждаются во внутренних нормативных актах для их имплементации во внутреннее право).

В рамках классических инструментов сотрудничества предоставление правовой помощи не осуществляется автоматически, чаще всего происходит проверка запроса на предоставление правовой помощи одного государства органами государства – исполнителя. Процедура сотрудничества, оставаясь в компетенции органов внешних сношений государств, характеризуется в рамках классических форм сотрудничества чрезмерным формализмом (бюрократизмом) и предполагает наличие нескольких стадий производства, где запрос рассматривается как органами внешних сношений (дипломатическими службами), так и собственно компетентными в рассмотрении того или иного дела органами правосудия (в некоторых случаях – правоохранными органами). О такой сложности и многоступенчатости процедур сотрудничества, установленной конвенционными инструментами Совета Европы, свидетельствует, например, упомянутая выше Конвенция об экстрадиции 1957 г., а также Конвенция о взаимной правовой помощи 1959 г., которые устанавливают,

что сотрудничество в этих сферах организуется либо дипломатическими службами, либо министерствами юстиции.

Еще одним недостатком классического типа сотрудничества между государствами – членами Совета Европы в сфере уголовного правосудия, в сравнении с сотрудничеством в рамках права ЕС, являются различного рода ограничения применительно к деяниям, в отношении которых может быть организовано сотрудничество. Например, уголовно наказуемые деяния, по которым предполагается осуществление сотрудничества, должны иметь определенный (минимальный) уровень тяжести. Более того, сотрудничество также ограничивается применением принципа двойного инкриминирования деяния (т.е. деяние должно быть уголовно наказуемым в обоих сотрудничающих государствах). Подобные ограничения предусмотрены, например, в ст. 2 Европейской конвенцией о выдаче (экстрадиции). Несмотря на то, что упомянутая Конвенция о взаимной правовой помощи 1959 г. не содержит данных ограничений сотрудничества государств, она все же допускает возможность отказа в правовой помощи на предусмотренных основаниях в отношении запросов на проведение обысков и арестов имущества.

Сотрудничество также может быть ограничено и на основе природы преследуемых деяний. Классически отказ в сотрудничестве может иметь место в отношении деяний политической, налоговой и военной природы. Европейская конвенция о выдаче 1957 г. определяет в качестве обязательного основания отказа в экстрадиции случаи, когда запрос на нее относится к деяниям политического характера (ст. 3). Здесь же имеют место ограничения по выдаче в отношении деяний, связанных с нарушением налогового законодательства (ст. 5), а также запрет на выдачу лиц, преследуемых за военные преступления.

Тем не менее со временем некоторые из ограничений были отменены. Например, несмотря на политическую природу деяния, связанного с покушением на главу государства, оно может находиться в области

сотрудничества соответствующих органов (ст. 3 Конвенции 1957 г.). Аналогичное положение сложилось и в отношении преступлений против человечества. То же самое отмечается и применительно к террористическим актам, в отношении которых в соответствии с Европейской конвенцией о пресечении терроризма от 27 января 1977г.²²⁹ теперь также может быть организовано уголовно-правовое сотрудничество. Касательно преступлений в налоговой сфере также произошли изменения с принятием второго Протокола от 17 марта 1978 г. к Конвенции о выдаче (ст. 2 Протокола).

Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. предусматривает, что сотрудничество может быть ограничено в отношении таких преступлений, которые государства, предоставляющие правовую помощь, рассматривают как политические преступления или преступления, связанные с ними, а также как преступления в налоговой сфере (ст. 2 «а»). В свою очередь, Протокол 1978 г. исключил возможность отказа в оказании правовой помощи на основании того, что преступление по природе своей является налоговым.

В инструментах так называемого классического сотрудничества в сфере правосудия существуют и другие основания отказа. Например, Европейская конвенция о выдаче 1957 г. содержит, помимо других оснований отказа в выдаче, основание невыдачи собственного гражданина (ст. 6 §1). В свою очередь, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. предусматривает возможность отказа в сотрудничестве, в случае если запрос рассматривается исполняющим государством как наносящий ущерб суверенитету, безопасности, правопорядку или другим основным интересам этого государства (ст. 2 «b»).

Еще одним недостатком классического уровня сотрудничества между государствами – членами Совета Европы в сфере уголовного правосудия, в сравнении с сотрудничеством в данной сфере в рамках ЕС, является

²²⁹См.: ETS № 090.

отсутствие обязательных сроков исполнения запросов о правовой помощи, а также отсутствие сроков, в течение которых должна быть осуществлена экстрадиция, что замедляет функционирование и без того бюрократизированных схем и процедур такого взаимодействия.

Среди недостатков классического уровня сотрудничества между государствами – членами Совета Европы в сфере уголовного правосудия, также стоит отметить возможность государства ограничить действие конвенционного инструмента посредством оговорок. Возможность внесения оговорок ограничивает действие классических инструментов организации сотрудничества, так как оставляет за государством значительную долю усмотрения, что создает разноуровневое сотрудничество и вносит путаницу в реализацию механизмов взаимодействия. Так, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. в принципе не предусматривает основания для отказа в сотрудничестве на основании отсутствия двойного инкриминирования преследуемого деяния, но все же позволяет государствам ограничивать ее действие на данном основании в отношении таких следственных действий, как обыск и арест имущества.

Таким образом, отношения государств – членов Совета Европы в сфере правосудия, как и билатеральные отношения государств, одно из которых не является государством – членом ЕС, находятся за рамками сотрудничества судебных органов и осуществляются посредством классических механизмов взаимодействия.

3.3. Правовые основы взаимодействия судебных органов государств – членов Европейского Союза и судебных органов Европейского Союза

Правовые основы взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС и Суда ЕС определяются как основополагающими (учредительными) актами права ЕС, так и судебной практикой Суда ЕС.

Одним из конвенционных источников организации взаимодействия судов государств – членов ЕС и судебных органов Европейского Союза –

Суда, Трибунала, специализированных судебных инстанций, являются положения, закрепляющие обязательную силу решений последнего (п. 1 ст. 260, ст. 266 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС)). Как указывает О.И. Пименова, «с вступлением в силу Лиссабонского договора СЕС предоставлено право налагать на государства – члены ЕС штрафы или пени не только за неисполнение его решений, но и в том случае, если какое-либо государство – член в установленный срок не отчиталось перед Комиссией о мерах по имплементации директивы (п. 3 ст. 260 ДФЕС). Децентрализованная имплементация законодательства ЕС (абз. 2 п. 3 ст. 4 ДЕС) основывается на идее о том, что заинтересованные частные лица обладают серьёзным намерением осуществлять контроль соблюдения такого законодательства. В этом смысле иски частных лиц играют все возрастающую роль в качестве средств давления на национальные власти для добросовестной и своевременной имплементации ими директив ЕС, выступая альтернативой централизованному надзору Комиссии ЕС»²³⁰.

Отметим, что ни в основополагающих договорах, ни в других актах, положений с обратным смыслом, т.е. положений, налагающих обязательства по исполнению решений судов государств-членов на международные европейские органы власти (в том числе и на Суд ЕС), не существует. Такое положение дел является логичным в силу территориального суверенитета, который ограничивает действие решений судебных органов государств – членов ЕС территорией правопорядка, частью которого они являются (однако существуют некоторые исключения из данного принципа (см. гл. 2)).

Иное объяснение такому взаимодействию судебных органов состоит в верховенстве права ЕС по отношению к праву государств-членов и

²³⁰ Пименова О.И. Роль и место принципа субсидиарности в законодательном механизме наднационального регулирования отношений в Европейском Союзе: субстансивный, инструментальный и институциональный аспекты. // Современное право. 2014, №9.

существовании судебной гарантии верховенства европейского правопорядка международным региональным судебным органом.

Верховенство права ЕС не было закреплено в основополагающих (учредительных) документах ЕС, но является логичным продуктом судебной практики Суда ЕС²³¹, который стал «главным архитектором европейского правопорядка»²³². Верховенство европейского правопорядка по отношению к национальному праву государств-членов не оспаривалась и не оспаривается сегодня даже национальными органами государств-членов, так как единообразное применение права ЕС на всей территории государств-членов может быть осуществлено только посредством реализации данного принципа.

Применение данного принципа в рамках ЕС (в совокупности с уже рассмотренным обязательством его непосредственного применения органами власти государств-членов) предполагает существование на национальном уровне гарантий эффективности данного верховенства. В соответствии с судебной практикой Суда ЕС²³³ одна из таких гарантий состоит в установлении запрета применения (органами государственной власти государства – члена ЕС) национального законодательства, противоречащего праву ЕС. Смежным обязательством является также обязательство, выделенное судебной практикой Суда ЕС, которое состоит в необходимости приведения национального права государства-члена в соответствие правом ЕС²³⁴.

В качестве промежуточного итога по вопросу правовых основ взаимодействия судов государств – членов Европейского Союза и судебных органов Европейского Союза можно сказать, что они представлены по большей части судебной практикой Суда ЕС, уточнившей такие аспекты

²³¹ См., например, решение «Зименталь» CJCE, 9 mars 1978, aff. 106/77, Simmenthal, Rec. CJCE 1978. P. 629.

²³² *Rasmussen H.* European Court of Justice. Copenhagen: Gadjura, 1998. P. 23.

²³³ См.: CJCE, 9 mars 1978, aff. 106/77, Simmenthal.

²³⁴ См.: CJCE, 12 juill. 1973, aff. 70/72, Comm. CE c/ Allemagne, Rec. CJCE 1973, p. 813

отношений двух правопорядков, как верховенство права ЕС по отношению к праву его членов, его прямое (непосредственное) действие, единообразное применение и т.п., и привела к пониманию того, что применяемое национальными судами право является в первую очередь правом ЕС. Последнее приобретает свою конечную значимость посредством интерпретаций (толкований), данных Судом ЕС, что и объясняет приоритетное значение его решений и судебной практики.

Таким образом, среди правовых основ взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС с Судом ЕС, помимо судебной практики последнего, можно назвать лишь положения основополагающих (учредительных) договоров, которые посвящены обязательности исполнения решений Суда ЕС (п. 1 ст. 260, ст. 266 ДФЕС).

Верховенство права ЕС по отношению к национальному праву государств-членов в совокупности с существованием судебной гарантии европейского правопорядка европейским судебным органом ставит Суд ЕС в положение, сравнимое с положением конституционных судов европейских государств²³⁵. Данное положение Суда ЕС объясняется тем, что еще со времен ст. 220 Римского договора²³⁶, в соответствии с которой Суд Сообществ обеспечивает соблюдение права в ходе толкования и применения учредительных договоров. Это положение учредительного договора ЕС свидетельствует о наличии у Суда ЕС компетенции (в последней инстанции) по интерпретации учредительных (основополагающих) актов права ЕС, которая должна уважаться судебными органами государств-членов, что должно выражаться в соблюдении судебной практики Суда ЕС судебными органами государств – членов ЕС.

Следует заметить, что в зарубежной науке также поддерживается точка зрения, в соответствии с которой такие компетенции Суда ЕС, как

²³⁵ *Da Cruz Vilaça J. L. Contrôle juridictionnel de constitutionnalité : quelques réflexions, in Vers une nouvelle architecture de l'Union européenne. Le projet de Traité-Constitution. Bruylant, 2004. P. 188.*

²³⁶ В настоящее время п. 1 ст. 19 Договора о ЕС.

компетенция по констатации несоблюдения государством-членом обязательств, наложенных на него основополагающими договорами (ст. 258 и след. ДФЕС), а также компетенция по аннулированию актов органов ЕС (ст. 263 ДФЕС), являются компетенциями, присущими органам административной и конституционной юстиции²³⁷. Иначе говоря, правовые основы взаимодействия Суда ЕС с национальными судами государств-членов являются аналогичными правовым основам взаимодействия органа конституционной юстиции с судами общей юрисдикции в рамках отдельно взятого государства.

Зарубежная наука международного права, помимо источников права ЕС, организующих взаимодействие между судебными органами двух правопорядков, также упоминает и национальные источники – конституции государств-членов, их законодательство, а также судебную практику высших судебных органов государств-членов²³⁸. Данный подход представляется неверным.

Ошибочная точка зрения в первую очередь присуща европейским исследователям внутреннего публичного права²³⁹, однако она также прослеживается и в работах по праву ЕС²⁴⁰. В научных трудах среди правовых основ взаимодействия судов государств-членов и Суда ЕС есть ссылки как на европейское, так и на национальное право. Данный подход противоречит не только принципам международного права, но и общепринятым принципам теории права, а также принципу верховенства права ЕС по отношению к национальному праву его членов, который апеллирует к принципу теории права, в соответствии с которым

²³⁷ Там же. С. 189.

²³⁸ См., например: *Van Reapenbusch S.* Droit institutionnel de l'Union européenne. Larcier 2005. Bruxelles, 4e éd. P. 345; *Masson A.* Droit de l'Union Européenne Droit Institutionnel et Droit Materiell. Theorie, Exercices et Elements. Larcier, 2011. P. 317 et s.

²³⁹ См.: *Favoreu L.* Droit constitutionnel. Dalloz, 2011. P. 680.

²⁴⁰ См.: *Ritleng D.* Le principe de primauté du droit de l'Union // RTDE, 2005. P. 285.

компетенция может определяться только вышестоящей нормой²⁴¹. В связи с этим нельзя утверждать, что отношения между Судом ЕС и судами государств-членов могут определяться нижестоящими нормами, т.е. правом государств – членов Европейского Союза. Данные нормы могут регулировать рассматриваемые отношения лишь опосредованно, т.е. лишь уточняя нормы права ЕС, определяющие взаимодействие судебных органов государств-членов и Суда ЕС, и не могут противоречить им в силу верховенства права ЕС (его высшей юридической силы).

В итоге по данному вопросу можно утверждать, что правовые основы взаимодействия судов государств – членов Европейского Союза и судебных органов Европейского Союза существуют исключительно в рамках права ЕС (вышестоящего по отношению к национальным правовым системам государств-членов).

Правовой основой сотрудничества между судебными органами государств-членом и Судом ЕС является блок норм первичного и вторичного права ЕС, посвященный производству по преюдициальным запросам.

В том, что касается производства по преюдициальным запросам, направляемым судебными органами государств – членов Суду ЕС, необходимо отметить, что данная компетенция, осуществляемая в настоящее время Трибуналом первой инстанции, регулируется ст. 267ДФЕС (бывшая ст. 234 Римского договора). Также данной процедуре посвящены ст. 23 и 23 bis Статута Суда ЕС. Стоит также указать на значимость в регулировании рассматриваемого вопроса внутреннего Регламента Суда ЕС (ст. 255 § 6), который содержит отдельную главу, посвященную производству по преюдициальным запросам (ст. 103 – 104ter).

²⁴¹ См.: *Kelsen H.* The principles of international law. The Lawbook Exchange. New Jersey, 2003. P. 428-437.

Таким образом, правовое регулирование данного производства, которое подробно будет рассмотрено далее, является наиболее объемным, если сравнивать его с другими нормами, регулирующими взаимодействие судебных органов государств – членов ЕС с Судом ЕС.

В связи с тем, что инициатива по применению данного производства исходит от национальных судебных органов государств-членов, довольно обширное регламентирование, по крайней мере, начальных стадий данного вида производства, осуществляется национальными (процессуальными) законодательствами соответствующего государства – члена ЕС.

Нельзя не отметить также положение Договора о функционировании Европейского Союза, которое предусматривает для любой категории окончательных (итоговых) решений Суда ЕС возможность их принудительного исполнения. Статья 280 устанавливает, что «решения Суда обладают исполнительной силой в соответствии со ст. 299». В свою очередь, ст. 299 в частности устанавливает, что «принудительное исполнение осуществляется по правилам гражданской процедуры государства, в котором оно осуществляется. Исполнительная надпись налагается на акт в отсутствие какого-либо контроля, за исключением проверки его действительности национальной властью, которая назначена каждым государством-членом для данных целей...»

Данная процедура принудительного исполнения решений Суда ЕС возможна лишь в отношении частных лиц, а ее осуществление предполагает непосредственное участие национальных органов государств-членов²⁴².

В праве ЕС существует лишь ограниченное количество норм, специально посвященных сотрудничеству судебных органов государств-членов и Суда ЕС. В основном идентификация этих отношений регулируется опосредованно посредством положений первичного права, закрепляющих верховенство права ЕС, обязательную и исполнительную

²⁴² См. подробнее: *Lasok K.P.E., Millett T.* Judicial control in the EU. Procedures and principles // *Richmond Law and Tax*, 2004. P. 156.

силу решений Суда ЕС и т.п. Также большое значение имеет судебная практика Суда ЕС, разъясняющая содержание данных положений и принципов.

3.4. Правовые основы взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и Европейского суда по правам человека

В отличие от правовых основ взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС и Суда ЕС, правовое регулирование вопросов, связанных с сотрудничеством судебных органов европейских государств (государств – членов Совета Европы) и Европейского суда по правам человека²⁴³ осуществляется как на национальном, так и на международном европейском уровне. Фундаментальное различие в отношении интегрированных правопорядков государств – членов ЕС и права ЕС, с одной стороны, и отношений между правом государств – членов Совета Европы и правом Совета Европы – с другой, основано на различии источников этих отношений, а также на характеристике отношений судебных органов различных правопорядков. Данное различие уже подчеркивалось французским ученым, профессором Мораном, по мнению которого «...непосредственность применения учредительных договоров (права ЕС) отличается от свойства прямого применения международных обязательств на территории государств, которые отказались от их трансформации во внутренне право. В последнем случае мы видим индивидуальный отказ от такой процедуры, тогда как в первом случае речь идет о коллективном отказе всех государств. Такой отказ не закреплен напрямую в основополагающих (учредительных) договорах (права ЕС), но он может быть выведен из целей, которые преследуют данные договоры.

²⁴³ См. подробнее: *Касьянов Р.А.* Интегрирование России в европейское правовое пространство: некоторые аспекты применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // *Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями. Сборник статей.* М.: Международные отношения, 2008. С. 98-109.

Основание прямого применения (права ЕС) находится не во внутреннем праве государств, а в самих учредительных договорах, которые могут быть изменены лишь с согласия всех государств – членов Европейского сообщества»²⁴⁴.

Если исследование вопросов взаимодействия права государств – членов ЕС и права ЕС, а также взаимодействия их судов в настоящее время может быть основано только на источниках права ЕС, то для анализа такого взаимодействия между правопорядками государств – членов Совета Европы и правопорядком Совета Европы, а также взаимодействия их судов, этого недостаточно. В связи с этим надо упомянуть, что в отличие от права ЕС для применения права Совета Европы национальными органами (в том числе и национальными судебными органами) необходима его интеграция во внутренние правопорядки посредством национального права.

Таким образом, правовые акты, которые регулируют взаимодействие судебных органов государств Совета Европы и Европейского суда по правам человека, действуют как на уровне права Совета Европы, так и на национальном уровне. Среди правовых основ взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, которые необходимо идентифицировать во внутреннем законодательстве государств-членов, следует, например, назвать Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 г. № 54 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»²⁴⁵. Подобные акты существуют в правопорядке любого из государств – членов Совета Европы.

Одно из положений указанного Закона является прямым основанием для учета судебной практики ЕСПЧ российскими органами государственной власти и, в частности, учета судебной практики ЕСПЧ российскими судебными органами. Данный закон указывает на то, что Российская

²⁴⁴ *Morand C.-A.* La législation dans les Communautés européennes. Paris, 1968. LGDJ. P. 58.

²⁴⁵ СЗ РФ 1998 №14. Ст. 1514.

Федерация «...признает *ipso facto*²⁴⁶ и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции...»

В качестве правовой основы взаимодействия судов государств-членов и ЕСПЧ, которые существует в праве Совета Европы, необходимо также назвать положения конвенции, которые закрепляют обязательную силу решений ЕСПЧ (ст. 46 § 1). Так, ст. 46 Конвенции устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами», что предполагает исполнение решений ЕСПЧ их органами государственной власти (в том числе и судебными органами).

В соответствии со ст. 41 названной Конвенции, «если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Комментируя данное положение, зарубежные ученые, в частности, отмечают, что «несмотря на то, что конвенция не предусматривает обязательства изменения уже вступивших в силу решений судов государств – членов, которые были признаны ЕСПЧ противоречащими Конвенции, некоторые государства (Австрия, Бельгия, Дания, Люксембург, Мальта, Норвегия, Швейцария) предусмотрели в своих национальных законодательствах специальные производства по пересмотру судебных решений, признанных ЕСПЧ противоречащими конвенции»²⁴⁷. Таким образом, «решения ЕСПЧ Пьерсак против Бельгии от 1 октября 1982 г. Унтерпертингер против Австрии от 24 ноября 1986 г. и Шулер-Цграгген

²⁴⁶ Лат.: «в силу самого факта», т.е. без каких-либо дополнительных формальностей.

²⁴⁷ F. Sudre Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2009. P. 589.

против Швейцарии от 24 ноября 1993 г. привели к необходимости повторного открытия внутренних судебных производств»²⁴⁸.

Главный комитет по правам человека, а точнее, один из комитетов экспертов по улучшению процедур защиты прав человека Совета Европы, не раз обращал внимание на необходимость создания процедур по приведению в соответствие с Конвенцией решений национальных судов государств-членов, признанных решением ЕСПЧ несоответствующими Конвенции²⁴⁹. Также Комитет министров Совета Европы не раз подчеркивал в своих рекомендациях необходимость установления в национальном законодательстве процедур, позволяющих пересматривать решения судебных органов государств – членов Совета Европы, признанных несоответствующими ЕСПЧ²⁵⁰.

В зарубежной доктрине также указывается на то, что «ст. 41 Конвенции служит основанием для проверки ЕСПЧ того, приводит ли применение во внутреннем праве процедуры по пересмотру решения национального суда, признанного ЕСПЧ противоречащим Конвенции, к полной компенсации (*restitutio in integrum*) или возмещению убытка»²⁵¹. Таким образом, «принятие повторного решения по тому же делу на основании ст. 41 является инструментом контроля за исполнением во внутреннем праве решений ЕСПЧ, принятых им по существу»²⁵².

Так, ст. 41 Конвенции позволяет ЕСПЧ накладывать на государства-члены обязательства, которые отражаются напрямую на деятельности по отправлению правосудия органами государств-членов, что свидетельствует о том, что данное положение конвенции также является источником

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См., например: Conseil de l'Europe, Comité DH-PR, La CEDH : instauration d'une procédure de revision au niveau national pour faciliter la conformité avec les décisions de Strasbourg, RUDH, 1992. P. 127.

²⁵⁰ См., например: Rec(2000)2F, 19 janvier 2000., Sur le réexamen ou la réouverture de certaines affaires au niveau interne suite à des arrêts de la Cour européenne des Droits de l'Homme.

²⁵¹ *Sudre F.* Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2003. P. 572.

²⁵² Там же.

организации отношений между судебными органами государств-членов и ЕСПЧ.

Подтверждение прямого влияния решений ЕСПЧ на деятельность национальных судебных органов государств – членов и, как следствие, существование взаимодействия между этими судами имеет место и в судебной практике ЕСПЧ. Так, например, в решении Вермейр от 29 ноября 1991 г.²⁵³ ЕСПЧ считает, что его решения в отношении судов государств-членов обладают прямым действием. Это означает, что последние должны учитывать его решения в делах, в которых поднимаются схожие (юридические и фактические) вопросы, а также, что национальные органы правосудия должны отказать в применении закона, который уже был признан ЕСПЧ противоречащим Конвенции²⁵⁴.

Как указал в своем Постановлении Конституционный Суд РФ, «Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая, таким образом, в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации вошла в правовую систему России в качестве ее составной части, признала *«ipso facto»* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения положений данной Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»).

Исходя из этого подлежит безусловному исполнению окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или

²⁵³ Решение А 214 С § 26. См. также решение «Маркс» от 13 июня 1979 г. А 031.

²⁵⁴ См. по данному вопросу решение «Вале» от 22 февраля 1994 г. А.289, §47.

Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию (статьи 34 и 41 Конвенции).

Одной из процессуальных гарантий обеспечения исполнения Российской Федерацией постановления Европейского Суда по правам человека в указанной части служит пункт 4 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации, согласно которому вступившее в законную силу судебное постановление может быть пересмотрено по заявлению заинтересованного лица ввиду возникновения нового обстоятельства, коим в данном случае признается окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, устанавливающее нарушение в отношении данного лица положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом его конкретного дела²⁵⁵.

Помимо прямого действия конкретных решений ЕСПЧ, которые должны применяться органами правосудия государств-членов, можно отметить, что существует и опосредованное влияние судебной практики ЕСПЧ на деятельность национальных судебных органов. В отличие от влияния решений ЕСПЧ на деятельность исполняющих их органов, для чего достаточно сослаться на статью Конвенции, посвященную обязательной силе решений Суда (ст. 46) или на статью, посвященную справедливой компенсации (ст. 41), влияние судебной практики в правопорядке Совета Европы на первый взгляд не имеет конкретного юридического основания. Тем не менее такое влияние, безусловно, существует²⁵⁶.

²⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 №27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. №2, 2014.

²⁵⁶ См.: *Velu J. Responsabilités incombant aux Etats parties à la Convention européenne, in Conseil de l'Europe. 6ème colloque international sur la CEDH, Seville, 1985. P. 50 et s.*

По мнению отдельных авторов²⁵⁷, таким основанием служит ст. 32 Конвенции, которая касается вменения в компетенцию Суда «всех вопросов, касающихся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней». В данном случае можно использовать аналогичный подход, применимый в отношении взаимодействия между судами государств – членов ЕС и Судом (см. гл. 3), согласно которому обязательность применения судебной практики международного регионального судебного органа судами государств-членов заключается в исключительности компетенции регионального судебного органа по интерпретации основополагающих учредительных актов (в данном случае, Конвенции). Иначе говоря, непринятие во внимание судебной практики ЕСПЧ судами государств-членов может быть рассмотрено как нарушение его компетенции по аутентичной интерпретации Конвенции и Протоколов к ней, которая закреплена ст. 32 Конвенции.

О влиянии судебной практики ЕСПЧ на деятельность органов правосудия государств-членов также часто указывается как в российской²⁵⁸, так и в зарубежной²⁵⁹ науке, в связи с чем данный вопрос не будет исследоваться в настоящей работе. Отметим лишь, что резолюции Комитета министров Совета Европы довольно часто констатируют влияние судебной практики ЕСПЧ на деятельность органов правосудия государств-членов. Так, например, в одной из резолюций отмечено²⁶⁰ влияние ЕСПЧ на судебную практику бельгийского Кассационного суда, который, принимая во внимание указанные решения, позволил сторонам разбирательства,

²⁵⁷ См.: *Sudre F.* Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2003. P. 577.

²⁵⁸ См.: *Беляевская О.Я.* Влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на практику Конституционного суда РФ (на примере права на доступ к суду) // Российское и европейское право: традиции и стратегия развития в условиях глобализации. Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию юридического факультета Поморского университета (Архангельск, 30-31 октября 2007 г.). Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008. С. 182-190.

²⁵⁹ См., например: *Malinverni G., Hotellier M.* La pratique suisse relative aux droits de l'homme. // *Revue suisse de droits international et de droit européen*, 1994. P. 527.

²⁶⁰ См.: Rés. DH (98) 133, VI, 1998, № 43, 33.

отвечать на заявления генерального адвоката, а также запретил последнему участвовать в совещании судей.

В связи с отсутствием в правопорядке Совета Европы механизма подобного преюдициальному запросу, существующему в праве ЕС, обязательная сила решений ЕСПЧ (ст. 46 Конвенции) является единственным элементом, посредством которого возможно идентифицировать сотрудничество ЕСПЧ с судами государств – членов Совета Европы. Тем не менее на практике, помимо ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека, в качестве юридического основания организации взаимодействия судов государств-членов и ЕСПЧ, была применена и ст. 41 Конвенции, посвященная справедливой компенсации. Правовые основы взаимодействия ЕСПЧ и судов государств – членов Совета Европы также заключаются в определенном влиянии его решений на практику национальных судебных органов, которое в юридической науке основывается на эксклюзивной компетенции ЕСПЧ по интерпретации Конвенции, то есть на ст. 32 данного акта.

3.5. Правовые основы взаимодействия судебных органов Европейского Союза и Европейского суда по правам человека

На настоящий момент в правопорядках ЕС и Совета Европы отсутствуют положения, регулирующие отношения между Судом ЕС и Европейским судом по правам человека.

Однако возможное присоединение Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод будет способствовать решению данной проблемы²⁶¹.

Тем не менее Европейский Союз будет находиться в равном положении с другими государствами – членами Совета Европы (см. гл. 4),

²⁶¹ См., например: *Noguellou R.* Adhésion de l'Union européenne à la CEDH: position de la Commission. *Droit Administratif* n° 5, Mai 2010 ; *I. Bosse-Platière, C. Rapoport.* L'Etat tiers en droit de l'Union européenne. Primento, 2014. 504 p.

что логически приводит к вопросу о правовых основах взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и Европейского суда по правам человека.

3.6. Правовые основы взаимодействия судебных органов государств – членов Европейской ассоциации свободной торговли, а также Суда ЕС с Судом Европейской ассоциации свободной торговли

Исследование правовых основ взаимодействия Суда Европейской ассоциации свободной торговли с Судом ЕС может быть осуществлено по двум направлениям. Во-первых, можно выделить блок правовых актов, организующих взаимодействие Суда Европейской ассоциации свободной торговли (Суд ЕАСТ) с Судом ЕС, а во-вторых, выделить ряд положений, регулирующих взаимодействие этого суда с судебными органами государств – членов ЕАСТ.

Сразу следует отметить неоднозначность в организации взаимодействия Суда ЕС с судом ЕАСТ. С одной стороны, сложности выявления правовых основ их сотрудничества вызваны принадлежностью данных органов к различным европейским организациям (ЕС и ЕАСТ соответственно), в связи с чем их статус, компетенции, деятельность и функционирование определяются различными правовыми порядками. С другой стороны, можно констатировать наличие интеграционных процессов и между данными региональными объединениями, что объясняет, как и в случае взаимодействия между Судом ЕС и ЕСПЧ, наличие юридических элементов, способствующих организации взаимодействия указанных судебных органов.

Таким образом, изучение их взаимодействия следует начать с исследования правовых основ взаимодействия между ЕАСТ и ЕС, которое организовано посредством соглашения о создании Европейской

экономической зоны от 2 мая 1992 г.²⁶² Отметим, что данное соглашение не закрепляет специальных механизмов взаимодействия между данными европейскими судебными органами. Как и в случае взаимодействия между Судом ЕС и ЕСПЧ, оно также не предусматривает наличие прямого (т.е. исключая любое посредничество) сотрудничества между указанными судебными органами.

Вместе с тем высокий уровень гармонизации законодательства данных региональных образований дает основания для рассмотрения вопросов взаимодействия между судебными органами ЕС и ЕАСТ. Так, например, основополагающие акты Европейской ассоциации свободной торговли, в частности Соглашение между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда²⁶³ закрепляет необходимость поддержания единого свода правил в сфере торговли и конкуренции как для государств – членов ЕАСТ, так и для государств – членов ЕС (см. преамбулу). Более того, члены Европейской экономической зоны, не являющиеся государствами – членами ЕС (Лихтенштейн, Исландия и Норвегия), обязались имплементировать в свои правовые порядки право Европейского Союза, в связи с чем правила, касающиеся торговли и конкуренции всех стран – участников Европейской экономической зоны, практически идентичны.

Таким образом, в сфере торговли и конкуренции в компетенцию двух европейских судебных органов (Суда ЕС и Суда ЕАСТ) входит обязательство по рассмотрению дел, касающихся их соблюдения соответствующими государствами-членами: государствами – членами ЕС в случае с Судом ЕС и государствами – членами ЕАСТ в случае с Судом ЕАСТ соответственно. Иначе говоря, компетенции Суда ЕАСТ и Суда ЕС в данной области являются идентичными, а единственное отличие заключается лишь в их территориальной подведомственности – государств –

²⁶² См.: JOUE L 1, 3.1.1994. P. 572–605.

²⁶³ См.: JOUE, L 344, 31.1.1994. P. 3 // EFTA States' official gazettes.

членов ЕАСТ и государств – членов ЕС²⁶⁴, так как они призваны применять общее право.

В итоге необходимо отметить, что, несмотря на то, что два правопорядка – ЕАСТ и ЕС, а также органы каждого из них являются независимыми по отношению друг к другу, у них остается много общего. Так, судебные органы призваны не только обеспечивать общие гарантии свободы торговли и конкуренции, установленные Соглашением о создании Европейской экономической зоны, но и контролировать практически идентичные акты соответствующих государств – членов в данной сфере. Государства-члены ЕАСТ обязались имплементировать право ЕС в свои правопорядки, в связи с этим Суд ЕС и Суд ЕАСТ не могут не взаимодействовать друг с другом.

Более того, на необходимость взаимодействия прямо указано в ст. 6 Соглашения о создании Европейской экономической зоны. Европейский законодатель и учредительная власть обратили внимание на проблему расхождений в судебных практиках Суда ЕС и Суда ЕАСТ: «принимая во внимание, что положения настоящего соглашения идентичны правилам, установленным Договором о создании Европейского экономического сообщества... их применение и интерпретация должны осуществляться в соответствии с судебной практикой Суда ЕС». Данное положение Соглашения о создании Европейской экономической зоны накладывает на Суд ЕАСТ обязательство по соблюдению принципов судебной практики Суда ЕС что, по мнению зарубежных ученых, является одним из средств реализации принципа однородности (*principe d'homogénéité*)²⁶⁵.

Принимая во внимание упомянутое положение, нельзя не согласиться с зарубежными исследователями в том, что такое определение отношений

²⁶⁴ В зарубежной науке международного права такая организация Европейской экономической зоны называется «двуосной» (*two-pillar*). См. подробнее, например: *Petter Graver H. The EFTA Court and the Court of Justice of the EU: Legal Homogeneity at Stake // EEE-EU Relations, Oslo, 1999. P. 31-69.*

²⁶⁵ См: *Baudenbacher C. EFTA Court in Action – Five Lectures. Stuttgart, 2010. P. 43-56.*

между двумя органами предполагает доминирующее положение Суда ЕС и коррелятивно подчиненное положение Суда ЕАСТ²⁶⁶, так как аналогичного положения, устанавливающего соответствующее обязательство по соблюдению судебной практики Суда ЕАСТ, не существует. Подтверждением главенствующей роли Суда ЕС в его отношениях с Судом ЕАСТ является также ст. 111 Соглашения о создании Европейской экономической зоны, в соответствии с которой в случае разногласий между государствами – членами ЕАСТ и государствами – членами ЕС по поводу интерпретации и применения данного соглашения, урегулирование данных разногласий в последней инстанции поручено Суду ЕС.

Необходимо также отметить, что на организацию сотрудничества между Судом ЕС и Судом ЕАСТ также направлена норма ст. 106 рассматриваемого Соглашения, которая определяет систему обмена информацией и направлена на однообразную интерпретацию его положений этими судами. В соответствии с данным положением Совместный комитет Европейской экономической зоны организует обмен информацией между указанными судебными органами данных правовых порядков, которая заключается в: а) информировании секретаря Суда ЕС обо всех значимых судебных решениях, интерпретирующих и применяющих данное соглашение; б) классификации, переводе и публикации данных решений (или их резюме) секретарем Суда ЕС; в) передаче секретарем Суда ЕС информации о таких решениях соответствующим властям государств-членов.

По мнению зарубежных ученых, данная система обмена информацией способствует установлению единообразного подхода в интерпретации и применении положений Соглашения о создании Европейской

²⁶⁶ См., например: *Müller-Graff P.-Ch. The Treaty of Amsterdam: Content and Implications for EEE-EU-Relations // EEE-EU Relations. P. 11-31.*

экономической зоны Судом ЕАСТ и Судом ЕС²⁶⁷. Также в доктрине отмечается, что глава третья рассматриваемого Соглашения (ст. 105 и 106) является блоком норм, определяющих средства и механизмы, предназначенные для преодоления противоречий судебной практики двух судебных органов²⁶⁸. К сожалению, на сегодняшний день данные механизмы еще не были задействованы, что не позволяет судить об их эффективности, а также свидетельствует о невысоком значении и слабом уровне прямого взаимодействия между данными судебными органами. Таким образом, взаимодействие между ними осуществляется лишь опосредованно и выражается во влиянии судебной практики Суда ЕС на судебную практику Суда ЕАСТ²⁶⁹.

Взаимодействие Суда ЕАСТ с судебными органами государств – членов ЕАСТ является еще одним аспектом деятельности, который необходимо рассмотреть в рамках изучаемой темы. Принимая во внимание тот факт, что «компетенции Суда ЕАСТ практически копируют полномочия Суда ЕС»²⁷⁰, идентифицировать компетенцию Суда ЕАСТ, в рамках которой организуется его взаимодействие с судами государств – членов ЕАСТ довольно просто. Речь идет о компетенции, в рамках которой он призван рассматривать преюдициальные запросы, направляемые судами государств – членов ЕАСТ²⁷¹.

²⁶⁷ См.: *Baudenbacher C.* The EFTA Court, the ECJ and the Latter's Advocate-Generals – A tale of Judicial Dialogue, dans *Continuity and Change in EU Law, Essays in Honour of Sir Francis Jacobs.* Oxford, 2007. P. 90.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ См.: *EFTA Court.* The EEA and the EFTA Court: Decentred Integration. Bloomsbury Publishing, 2014. 224 p.

²⁷⁰ См.: *Petter Graver H.* The EFTA Court and the Court of Justice of the EU : Legal Homogeneity at Stake // *EEE-EU Relations.* Oslo, 1999. P. 31-69.

²⁷¹ Помимо этого необходимо отметить, что опосредованное влияние Суда ЕАСТ на органы правосудия государств-членов ЕАСТ осуществляется, как и в случае взаимодействия Суда ЕС и органами правосудия государств-членов ЕС, посредством влияния его судебной практики.

Ст. 34 Соглашения между государствами – членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда²⁷² закрепляет за Судом ЕАСТ компетенцию по рассмотрению дел, инициируемых судами общей юрисдикции, по вопросам интерпретации данного Соглашения на преюдициальной основе. Таким образом, данная компетенция Суда ЕАСТ устанавливает между ним и судебными органами государств – членом ЕАСТ отношения, аналогичные существующим между Судом ЕС и судебными органами государств – членом ЕС. Между ними устанавливаются отношения подчинения судебных органов государств – членом ЕАСТ решениям и судебной практике Суда ЕАСТ.

В рамках данного исследования представляется необходимым обратить внимание и на такие аспекты деятельности Суда ЕАСТ, как отсутствие обязанности судов государств – членом ЕАСТ направлять запрос в Суд ЕАСТ; возможность государств – членом ЕАСТ ограничить полномочия судебных органов по направлению данных запросов в Суд ЕАСТ; а также консультативный характер решений Суда ЕАСТ, принимаемых им в рамках данного производства.

Особого внимания эти вопросы заслуживают в связи с существенным отличием от соответствующего производства по преюдициальным запросам Суда ЕС, а также по причине того, что они свидетельствуют о слабом влиянии данного Суда на судебные органы государств – членом ЕАСТ.

Так, во-первых, тот факт, что в соответствии с п. 3 ст. 34 Соглашения между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда государства-члены ЕАСТ могут ограничить право своих судов на обращение в Суд ЕАСТ, закрепив его лишь за верховными судами, свидетельствует о возможности ограничения действия данного механизма взаимодействия европейского судебного органа с национальными судами. Во-вторых, ограничение действия данного механизма состоит в том, что в

²⁷² См.: JOUE, L 344, 31.1.1994. P. 3 // EFTA States' official gazettes.

отличие от подобного механизма Суда ЕС, где его использование судебными органами государств – членов ЕС возможно как для интерпретации основополагающих текстов права ЕС, так и для уточнения их действия, в данном случае его можно использовать лишь для уточнения интерпретации Соглашения о создании Европейской экономической зоны. Кроме того, несмотря на существующие в науке международного права утверждения об обязательной силе решений Суда ЕАСТ, принимаемых им в рамках данной компетенции²⁷³, терминология, используемая европейской учредительной властью, – «консультативные мнения» (*advisory opinions*) не позволяет сделать однозначный вывод об их обязательном характере.

О незначительном влиянии институтов ЕАСТ на взаимодействие судебных органов в Европе свидетельствует и невысокий уровень деятельности самого Суда ЕАСТ. Функционирование Суда ЕАСТ обеспечивается тремя постоянными членами, а в соответствии с ежегодными отчетами Суда о проделанной работе²⁷⁴ количество судебных дел, рассматриваемых им, составляет порядка десяти в год. Вместе с тем в соответствии с последним отчетом о деятельности за 2014 г. Судом ЕАСТ было рассмотрено около 30 дел, тогда как в 2010 г. всего двенадцать дел²⁷⁵.

Не высокая эффективность и слабо выраженный характер взаимодействия институтов ЕАСТ с органами государств – членов ЕАСТ, в том числе и взаимодействие между Судом ЕАСТ и судебными органами государств – членов ЕАСТ, обусловлены тем, что данные отношения продолжают регулироваться классическими инструментами и принципами международного права. В отличие от права Европейского Союза в данном случае не применяются такие принципы права (или их действие значительно ограничено), как прямое действие права ЕАСТ в национальных

²⁷³ См.: *Magnusson S.* On the Authority of Advisory Opinions – Reflections on the Functions and Normativity of Advisory Opinions of the Court AELE, *Europarättslig tidskrift*, 2010, vol. 3, P. 528.

²⁷⁴ См. подробнее: <www.eftacourt.int>

²⁷⁵ См. подробнее: Report of the EFTA Court (2014) (Books 1-3) // <<http://www.eftacourt.int/press-publications/annual-reports/all>>.

правопорядках, верховенство права ЕАСТ над национальным и т.п. Более того, решения Суда ЕАСТ, принятые им в рамках преюдициального производства, имеют по отношению к судебным органам государств – членов ЕАСТ консультативный характер (*advisory opinions*)²⁷⁶.

В итоге можно сделать вывод о незначительности деятельности Суда ЕАСТ. Более того, организация взаимодействия с Судом ЕС через систему обмена информацией под патронажем Совместного комитета Европейской экономической зоны также не способствует развитию прямых контактов между двумя судебными органами. Такие отношения организуются лишь опосредованно путем нормативного влияния судебной практики Суда ЕС на судебную практику Суда ЕАСТ.

Наконец, производство по преюдициальным запросам судов государств – членов ЕАСТ, направляемых Суду ЕАСТ, может быть ограничено как по кругу субъектов взаимодействия – верховные суды государств – членов ЕАСТ, так и по уровню влияния, оказываемого на них решениями Суда ЕАСТ.

Изложенное свидетельствует о том, что взаимодействие Суда ЕАСТ с национальными судами его членов характеризуют все те же недостатки, которые присущи для так называемого «классического» международного права, когда деятельность международных органов власти (в том числе и судебных) ограничивается незначительной долей переданных суверенных полномочий государств-членов.

3.7. Правовые основы взаимодействия Суда Бенилюкса и судебных органов государств – членов Союза Бенилюкс

²⁷⁶ См.: ст. 34 Соглашения между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда // JOUE L 344, 31.1.1994. P. 3; EFTA States' official gazettes.

Как и Суд ЕАСТ, Суд Бенилюкса и вопросы его взаимодействия с другими судебными органами относятся к числу малоизученных в науке²⁷⁷, что в определенной степени обусловлено слабо выраженным интегрированным характером взаимодействия с различными судебными органами на европейском пространстве.

Взаимодействие Суда Бенилюкса с судебными органами можно идентифицировать лишь в отношении судов государств – членов Экономического союза Бенилюкс, тогда как в отношении других судебных органов, например, Суда ЕС, Суда ЕАСТ и т.д., не представляется возможным выявить даже опосредованное взаимодействие, что в первую очередь можно объяснить особенностями компетенции Суда Бенилюкса.

В рамках своей компетенции Суд Бенилюкса призван гарантировать «однородное применение общих для трех стран экономического союза правил» (см. ст. 1 Договора о создании Суда Бенилюкс от 31 марта 1965 г.²⁷⁸), которые по большей части касаются таких вопросов материального права, как право интеллектуальной собственности, нормы страхового дела, налоговые споры и т.п.

Отметим, что между правопорядком Союза Бенилюкс и правопорядками других европейских объединений не существует настолько интегрированных отношений, как, например, между Европейским Союзом и Европейской ассоциацией свободной торговли, что явно не способствует взаимодействию судебных органов Союза Бенилюкс с органами других европейских организаций. Кроме того, особенности правопорядка Союза Бенилюкс также препятствуют организации сотрудничества Суда Бенилюкса с такими судебными органами, как Европейский суд по правам человека или Суд ЕС.

²⁷⁷ См., например: *Швыдак Н.Г.* Законодательство зарубежных государств: Правовое сотрудничество и унификация права стран Бенилюкса. Унифицированное регулирование специализации и кооперирования производства в рамках ЕЭС. М., 1994. С. 28-33.

²⁷⁸ См.: <<http://www.courbeneluxhof.be/fr/basisdocumenten.asp>.

При этом взаимодействие Суда Бенилюкс с национальными судебными органами государств – членов Союза Бенилюкс осуществляется посредством аналогичных праву ЕС правовых механизмов. Отметим, что, по сути, единственной нормой, определяющей порядок взаимодействия Суда Бенилюкса с судами государств – членов данного Экономического союза, является ст. 6 Договора об учреждении Суда от 31 марта 1965 г., в которой определена компетенция данного судебного органа²⁷⁹. Речь идет о производстве по преюдициальным запросам, которое, по словам представителей зарубежной науки, «...скопировано со ст. 177 Договора о Европейском экономическом сообществе...»²⁸⁰, которая закрепила за Судом ЕС компетенцию по рассмотрению преюдициальных запросов судов государств – членов ЕС.

В рамках данного производства, как и в рамках производства по преюдициальным запросам Суда ЕС, суды государств-членов обращаются в этот судебный орган в связи со сложностями в применении (чаще всего в связи с необходимостью интерпретации) субрегионального права. Таким образом, отношения Суда Бенилюкса с национальными судами государств – членов Экономического союза Бенилюкс организованы посредством специального преюдициального производства.

Необходимо обратить внимание на то, что в отличие от производства Суда ЕАСТ по преюдициальным запросам органов правосудия государств – членов ЕАСТ, аналогичное производство Суда Бенилюкса является более совершенным и приближенным к компетенции ЕС. Если решения, принимаемые Судом ЕАСТ в рамках подобной компетенции, остаются, как

²⁷⁹ Следует отметить, что помимо данного процессуального механизма взаимодействия этого органа правосудия с национальными, существуют и опосредованные средства взаимодействия. Речь идет о нормативном влиянии судебной практики этого органа правосудия на национальные, которая обычно оказывает свое влияние на основе обязательной силы судебных решений этого органа правосудия. Обязательный характер, решений Суда Бенилюкс, закреплен в п. 2 ст. 7 уже упомянутого Договора, учреждающего Суд Бенилюкса.

²⁸⁰ *Ganshof Van Der Meersch W.J.* La jurisdiction internationale dans L'union économique Benelux. // *Annuaire français de droit international*, № 15, 1969. P. 259.

отмечается в учреждающих данный суд нормативных документах (см. п. 2.6), консультативными, то решения Суда Бенилюкса, как и Суда ЕС, являются обязательными для судов государств – членов Бенилюкса (п. 2, ст. 7 Договора, учреждающего Суд Бенилюкса).

Другим признаком демократичности и совершенства производства по преюдициальным запросам Суда Бенилюкс, в сравнении с подобным производством Суда ЕАСТ, является отсутствие возможности закрепления права на обращение в рамках данного производства исключительно за верховными судами государств-членов. Как и в рамках производства по преюдициальным запросам Суда ЕС, в Суд Бенилюкса с преюдициальным запросом может обратиться любой судебный орган государства – члена Союза Бенилюкс.

Еще одним немаловажным сходством данного производства с аналогичным производством Суда ЕС и отличием от подобного производства Суда ЕАСТ является обязательность обращения судов государства-члена в тех случаях, когда они принимают решения в последней инстанции²⁸¹. Обязательность направления преюдициального запроса в случае сложностей в применении общего для всех государств-членов права свидетельствует о существовании основ для интенсивного взаимодействия судебных органов государств-членов с Судом Бенилюкса.

Таким образом производство по преюдициальным запросам Суда Бенилюкса является настолько же эффективным средством взаимодействия с судебными органами государств-членов, как и аналогичное производство Суда ЕС²⁸². Тем не менее, деятельность Суда Бенилюкса, даже в рамках данного производства, нельзя назвать активной. Несмотря на все преимущества данного производства Суда Бенилюкса, с момента начала его

²⁸¹ См. подробнее: *Ganshof Van Der Meersch W.J.* La jurisdiction internationale dans L'union économique Benelux // *Annuaire français de droit international.* № 15, 1969. P. 260.

²⁸² Об этом в частности свидетельствует то факт, что основное количество дел, рассматриваемых Судом Бенилюкса, инициируется именно судами государств-членов посредством преюдициальных запросов. См.: *De Wit S.* Benelux gerechtshof geierlustreerd. Kluwer, 1996. P. 65 ss.

функционирования (1 января 1974 г.) по данной категории дел им было принято порядка 200 решений²⁸³. Более того, в последнее время в рамках данного производства можно наблюдать сокращение его деятельности – в год в среднем принимается от трех до пяти решений²⁸⁴.

Слабо выраженный интегрированный характер взаимодействия Суда Бенилюкса с судебными органами государств – членов Союза Бенилюкс обусловлен также нежеланием судебных органов государств – членов Бенилюкс обращаться в этот суд – они предпочитают обращаться в Суд ЕС. Данная закономерность обусловлена большей детализацией права ЕС и уровнем его интеграции в правовые системы государств – членов ЕС и соответственно государств – членов Бенилюкса. Как следствие, соблюдение требований права ЕС государствами – членами Союза Бенилюкс, практически автоматически приводит к соблюдению обязательств, взятых этими странами в рамках правопорядка Союза Бенилюкс.

Кроме того, такой характер взаимодействия судебных органов государств – членов Бенилюкса и Суда Бенилюкса, по мнению зарубежных авторов, вызван относительным действием принимаемых им решений (*inter partes*)²⁸⁵. В отличие от нормативного влияния судебных решений Суда ЕС (см. § 1 гл. 3), п. 2 ст. 7 Договора, учреждающего Суд Бенилюкса, буквально ограничивает действие судебного решения лишь тем делом, которое послужило основанием для направления преюдициального судебного запроса. Таким образом, Решения Суда Бенилюкс не обладают абсолютной силой, распространяющейся на все субъекты права (эффект *erga omnes*²⁸⁶), что является ограничивающим фактором развития взаимодействия с судебными органами государств – членов Союза Бенилюкс.

²⁸³ http://www.courbeneluxhof.be/fr/arresten_lst.asp.

²⁸⁴ См.: http://www.courbeneluxhof.be/fr/arresten_lst.asp.

²⁸⁵ *Ganshof Van Der Meersch W.J.* op. cit. P. 261.

²⁸⁶ Лат.: «относительно всех», т.е. распространяет свое действие не только в отношении лица, подавшего иск или конкретных участников процесса, но и в отношении всех лиц, подпадающих под юрисдикцию правопорядка.

Выводы по первой главе

Одним из безусловных факторов, способствующих международно-правовому взаимодействию судебных органов, являются процессы глобализации и регионализации. Однако, несмотря на рост активности межгосударственного взаимодействия, сложно согласиться с мнением, высказанным в зарубежной доктрине, в соответствии с которым множество несвязанных между собой международных судебных учреждений и квази-судебных органов составляют единую мировую систему²⁸⁷, равно как и с утверждением о включении в такую систему национальных судов сотрудничающих государств. Основной аргумент сторонников данной позиции заключается в том, что именно национальные суды все чаще в своей деятельности применяют нормы международного права²⁸⁸. Представляется, что подобные выводы не лишены оснований, однако говорить о существовании единой системы таких отношений преждевременно.

Естественно, что создание региональных судебных гарантий стало решающим моментом в образовании международно-правового взаимодействия судебных органов. Имплементация международного права в национальные правовые порядки, которая осуществляется не без участия международных региональных судебных органов, также стала стимулирующим международно-правовое взаимодействие судов феноменом. Более того, именно данный факт позволил выявить не только существование взаимодействия между судами на горизонтальном уровне, т.е. между национальными судебными органами различных европейских государств, между международными региональными судебными органами, но также идентифицировать наличие отношений между судами на

²⁸⁷ См., например: *Slaughter A.-M.* Judicial Globalization // *Va J.Intl L.* V.40, 2000. P. 1103.

²⁸⁸ *Alford R.P.* The Proliferation of International Courts and Tribunals: International Adjudication in Ascendance // *Am. Soc'y. Int'l L. Proc.* V. 94, 2000. P.160.

вертикальном уровне, т.е. между международными региональными и национальными судебными органами.

Тем не менее исследуемые виды взаимодействия судов остаются международно-правовыми и не позволяют утверждать, что такие связи создают некую глобальную или региональную судебную систему.

Вместе с тем, наравне с построением европейского пространства правосудия, формируемого в рамках Европейского Союза, что прямо предусмотрено в его актах, в настоящее время можно говорить о параллельном строительстве так называемого «общеевропейского пространства правосудия», которое предложено понимать как формирование правовых основ для взаимодействия между международными региональными судами, действующими на европейском пространстве (Судом ЕС, Судом Бенилюкса, Судом ЕАСТ и ЕСПЧ), а также их взаимодействия с национальными судами членов соответствующих региональных образований с учетом соблюдения права Совета Европы, и в первую очередь Европейской конвенции по правам человека.

Строительство общеевропейского пространства правосудия осуществляется посредством двухуровневого взаимодействия судебных органов различных правопорядков: «вертикального» и «горизонтального» взаимодействия. На «вертикальном» уровне взаимодействие реализуется между региональными судами (Судом ЕС, ЕСПЧ и т.д.) и национальными судами государств. На «горизонтальном» уровне отношения складываются между национальными судами стран ЕС, а также между региональными судами (между Судом ЕС и ЕСПЧ).

При этом для отношений судебных органов как «вертикального», так и «горизонтального» уровней в рамках ЕС характерным является применение механизмов прямого взаимодействия (преюдициальный запрос, европейский исполнительный лист, европейское распоряжение об уплате, принцип взаимного признания судебных решений и т.д.), предусмотренных либо учредительными актами ЕС, либо актами вторичного права ЕС.

В отличие от права ЕС, взаимодействие национальных судов государств – членов Совета Европы с ЕСПЧ выстраивается в отсутствие таких механизмов прямого действия. В Совете Европы влияние судебной практики и постановлений ЕСПЧ на решения и судебную практику судов государств – членов Совета Европы осуществляется на основе принципа приоритета применения международного права по отношению к национальному праву, а также на основе обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека и обязательной юридической силе его постановлений, закрепленных в ЕКПЧ и в национальном законодательстве государств-членов. В результате такие отношения предложено квалифицировать как опосредованное взаимодействие национальных судебных органов с ЕСПЧ.

Можно также отметить, что европейское право регулирует такие вопросы, как создание региональных судебных органов и их функционирование на постоянной основе; закрепление их обязательной юрисдикции; определение их эксклюзивной компетенции; определение принципов и основ независимости этих судебных органов; закрепление за их решениями обязательной силы и т.п.

Отдельное место занимает вопрос субъектного состава участников международно-правового взаимодействия судебных органов и правовых основ такого взаимодействия. Его сложность заключается в их большом количестве, а также в наличии нескольких уровней их взаимодействия. Так, на европейском уровне можно выделить нескольких субъектов: ЕСПЧ, Суд ЕС, Суд ЕАСТ, Суд Бенилюкса. Множество субъектов такого взаимодействия существует и на национальном уровне, причем для правильной оценки их международно-правового взаимодействия необходимо подразделять такие субъекты на соответствующие категории – судебные органы государств – членов Совета Европы, судебные органы государств – членов ЕС, судебные органы государств – членов ЕАСТ и судебные органы государств – членов Союза Бенилюкс.

Сложности также возникают в решении вопроса идентификации международно-правовых отношений между такими различными субъектами. Они могут быть как вертикальными – между национальными и региональными судебными органами, так и горизонтальными – между национальными судебными органами различных европейских государств и между различными региональными судебными органами.

Соответствующим образом организованы и правовые основы их взаимодействия. Чаще всего, основания международно-правового взаимодействия имеют место на международном региональном уровне. Тем не менее национальные законодательства государств – членов того или иного международного регионального объединения также регулируют вопросы данного взаимодействия.

ГЛАВА 2. ВИДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Анализ взаимоотношений судебных органов на европейском пространстве в зависимости от субъектов этих отношений требует в первую очередь исследования сотрудничества между судебными органами государств – членов ЕС. Это обусловлено тем, что в настоящее время такие отношения на европейском пространстве отражают высокий уровень интеграционных связей, что наилучшим образом выражается в форме «пространства правосудия ЕС» (*espace judiciaire européen*) и объясняется тем, что отношения между государствами – членами ЕС достигли такого уровня, при котором свободное передвижение услуг, капитала и людей уже невозможно без осуществления свободного «передвижения судебных решений»²⁸⁹.

Чаще всего «пространство правосудия ЕС» рассматривается в науке международного права как сотрудничество судебных органов в сфере уголовного правосудия. По итогам первого десятилетия XXI века можно констатировать, что взаимодействие между судебными органами государств – членов ЕС осуществляется как в сфере уголовного, так и в сфере гражданского правосудия. Более того, сотрудничество в сфере гражданского правосудия было инициировано задолго до появления первых нормативных актов, организующих сотрудничество между судебными органами государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия.

Сотрудничество в сфере гражданского правосудия берет свое начало в 60-х гг. XX века и было изначально организовано вне права Европейских Сообществ на конвенционной основе, лишь затем было «кодифицировано»

²⁸⁹ См. подробнее: *Бирюков М. М.* Особенности понятия пространства свободы, безопасности и законности по Лиссабонскому договору // Московский журнал международного права. 2009. № 2. С. 212 – 227.

европейским законодателем, став, таким образом, неотъемлемой частью права ЕС²⁹⁰.

Тем не менее, их можно охарактеризовать как отношения, основанные на сотрудничестве, а не на подчинении. Если данное взаимодействие между судебными органами государств – членов ЕС и организовано в настоящее время в рамках регионального интеграционного объединения, оно должно быть охарактеризовано, скорее, как равное «взаимоподчинение».

Для подтверждения идеи существования «пространства правосудия ЕС» достаточно представить несколько примеров «взаимного (равного) ограничения суверенитета государств – членов ЕС в сфере правосудия», которые не претендуют на исчерпывающий характер в рамках настоящего исследования. Независимо от сферы правосудия (уголовного или гражданского) достаточно будет представить такие юридические инструменты, как взаимное признание (практически любых) решений судебных органов европейских государств, в отсутствие специальных юридических актов, обычно требуемых для их исполнения в другом государстве (*exequatur*). И если данный вывод в полной мере применим в сфере гражданского права, то в отношении уголовного законодательства проведенное исследование затрагивает как вопросы взаимодействия между судами государств – участников ЕС, так и исследование специально созданных для этих целей институтов (Евроюст, Европейская судебная сеть).

Таким образом, взаимодействие между судами государств – членов Европейского Союза представлено как сотрудничество высокого уровня, что позволяет утверждать об идущих процессах по созданию в рамках права ЕС основ для создания единого пространства правосудия, построенного на основе судебных систем этих государств.

²⁹⁰ По вопросу истории создания европейского пространства правосудия см., например: Потемкина О.Ю. Наднациональный и межправительственный методы интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2013. 438 с.

В рамках настоящей главы будет рассмотрено сотрудничество судебных органов государств – членов ЕС, будет проведено различие между взаимодействием судебных органов в сфере гражданского и уголовного правосудия, что объясняется различием инструментов позитивного права (конвенции, регламенты, директивы, решения и пр.), регулирующих сотрудничество судебных органов государств – членов ЕС, в зависимости от отрасли (уголовного, гражданского) правосудия.

§ 1. Виды сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия

Сотрудничество судебных органов в уголовной сфере определяется в зарубежной науке права ЕС как «совокупность актов, выполняемых компетентным органом судебной власти одного государства в пользу судебного органа другого государства (ЕС)»²⁹¹. Такое пространное понятие не отражает сущности современных отношений судебных органов государств – членов ЕС. В отличие от классического сотрудничества органов уголовного правосудия различных государств, которое организуется на межправительственном уровне и характеризуется классическими средствами сотрудничества, в рамках Европейского Союза отношения между судебными органами в сфере уголовного правосудия характеризуются сегодня достаточно высоким уровнем интеграции, удобством и простотой²⁹².

Помимо классического сотрудничества судебных органов в сфере уголовного правосудия, которое является характерным для большинства государств мира, в зарубежной доктрине выделяют также углубленное взаимодействие (*coopération améliorée*) судебных органов в сфере

²⁹¹ Demanet G. Considérations sur l'entraide judiciaire en matière pénale, RD pén. crim. 1997. P. 811.

²⁹² См. подробнее: Мещерякова О. М. Национальные международные организации и проблема суверенитета государств-членов / О. М. Мещерякова. // Московский журнал международного права. 2010. № 2. С. 37 – 47.

уголовного правосудия, а также и наивысший уровень сотрудничества в данной сфере, в процессе которого осуществляется «взаимное признание судебных решений в уголовной сфере»²⁹³.

О развитии сотрудничества судебных органов по уголовным делам свидетельствует совершенствование методов организации такого сотрудничества. Если впервые данное сотрудничество было организовано еще в рамках Совета Европы посредством международных договоров, то сейчас оно вышло на уровень законодательства Европейского Союза, которое в сфере уголовного правосудия осуществляется в соответствии с принципом взаимного признания судебных решений, что с определенной долей условности можно сопоставить с функционированием национальной судебной системы отдельно взятого государства. Обязательная сила судебных решений одного государства – члена ЕС для судебных органов другого государства – члена ЕС является одним из основополагающих принципов строительства пространства правосудия ЕС.

Подтверждением этому также служит появление специальных европейских институтов, которые способствуют взаимодействию судебных органов государств – членов. Интеграция судебных систем государств – членов в сфере уголовного правосудия достигла такого уровня, при котором уже недостаточно «простого» нормативного регулирования права ЕС, и для совершенствования взаимодействия судебных органов в сфере уголовного правосудия понадобилось создание специальных институтов на уровне самого Союза.

Следует отметить, что взаимодействие государств в сфере уголовного правосудия изначально осуществлялось посредством заключения классических конвенций в рамках Совета Европы, то затем было дополнено конвенциями, разработанными в рамках Европейского Союза. В итоге сотрудничество по всем направлениям сферы уголовного правосудия

²⁹³ См.: *Moreillon L. et Willi-Jayet A. Coopération judiciaire pénale dans l'Union européenne. Bruxelles, Paris, Bruylant, LGDJ, 2005. P. 45.*

должно было осуществляться на основе принципа взаимного признания судебных решений, организованного правом ЕС.

В настоящее время в зависимости от конкретных аспектов в области уголовного правосудия взаимодействие стран – участниц ЕС осуществляется как на межправительственном уровне (классический вид сотрудничества) и на уровне прямого сотрудничества судебных органов (углубленный вид сотрудничества), так и с учетом применения принципа «взаимного признания решений», что позволяет сделать следующий вывод: сосуществующие механизмы сотрудничества в сфере уголовного правосудия, являясь юридическими продуктами разных эпох, характеризуются различными видами сотрудничества, что создает впечатление довольно сложных и запутанных юридических механизмов.

Такие разновидности сотрудничества отражаются и на природе актов, устанавливающих данные механизмы сотрудничества. Например, классическое конвенционное сотрудничество зависит от вступления в силу конвенций, которое обусловлено ратификацией последних. Вместе с тем более современные инструменты, закрепляющие механизмы углубленного сотрудничества, а также взаимодействия, в рамках которого реализуется принцип «взаимного признания решений», закреплены в соответствии с Амстердамским договором рамочными решениями.

1.1. Классическое (межправительственное) сотрудничество в сфере уголовного правосудия

В рамках исследования источников сотрудничества уже отмечалось существование определенного числа плюрилатеральных конвенций, разработанных еще в рамках Совета Европы, на основе которых осуществлялось сотрудничество между европейскими государствами в сфере уголовного правосудия. Среди таких актов были названы, в частности, Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или

условно освобожденными правонарушителями от 30 ноября 1964 г.²⁹⁴; Европейская конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г.²⁹⁵; Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972²⁹⁶ и др.

Следует отметить, что некоторые конвенционные акты успешно продолжают применяться и в настоящее время. В их числе особо следует упомянуть Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.²⁹⁷, которая не только применяется, но и была дополнена в 1978, 2001, 2010 и 2012 гг. протоколами²⁹⁸.

По сравнению с современными инструментами права ЕС они остаются классическими инструментами международного права, которые, создавая основу взаимодействия судов, все же не позволяют говорить о частичной интеграции судебных систем, существующей в настоящее время на уровне ЕС.

Данные классические конвенционные инструменты являются традиционными средствами международного сотрудничества. Они содержат в себе принципы уважения территориального суверенитета, сотрудничество в их рамках не осуществляется автоматически, их применение остается затруднительным. О таких недостатках классического сотрудничества в сфере уголовного правосудия свидетельствуют способы передачи запросов о правовой взаимопомощи, ограниченный список правонарушений, по которым может быть организовано сотрудничество, существование оснований для отказа в сотрудничестве, отсутствие сроков для реализации конкретных действий, предусмотренных сотрудничеством, а также наличие возможности оговорок и ограничений со стороны государств.

²⁹⁴ См.: ETS №51.

²⁹⁵ См.: ETS №70.

²⁹⁶ См.: ETS №73.

²⁹⁷ См.: ETS №030.

²⁹⁸ См. по данному вопросу: *Гулиев В. И.* Роль Совета Европы в международной борьбе с преступностью /В. И. Гулиев. // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 22 – 24.

Итак, во-первых, классическое сотрудничество в сфере уголовного правосудия характеризуется особым способом передачи запросов о правовой помощи: он осуществляется по дипломатическим каналам, то есть исполнительной, а не судебной властью. Так, например, Конвенция 1959 г. предусматривает передачу запросов правовой помощи министрами юстиции соответствующих государств (ст. 15 § 1).

Во-вторых, список правонарушений, дающих основание для сотрудничества в сфере уголовного правосудия в рамках данных инструментов, довольно ограничен. В первую очередь, существуют ограничения в виде условия двойного инкриминирования (вменения) деяний (т.е. для организации сотрудничества между государствами деяние должно быть уголовно наказуемым в обоих государствах), а также по степени их тяжести. Таким образом, для организации сотрудничества необходимо чтобы деяния, в отношении которых запрашивается сотрудничество, были достаточно тяжкими и наказывались в государстве, у которого запрашивается правовая помощь. Данные требования существуют, например, в Европейской конвенции о выдаче (экстрадиции) от 13 декабря 1957 г.

Что касается конкретных уголовно наказуемых деяний, в отношении которых может быть организовано взаимодействие, то существует перечень обычно исключаемых из такого списка деяний. Так, в частности, в сотрудничестве может быть отказано, если речь идет о преступлениях политической природы, а также деяниях в налоговой и военной сфере. Например, Конвенция 1957 г. предусматривает в качестве основания отказа в экстрадиции, если она запрашивается в отношении преступлений политического характера (ст. 3 § 1). Аналогичное правило применяется и в том случае, если запрашиваемая сторона имеет существенные основания полагать, что просьба о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением была направлена в целях судебного преследования или наказания лица по расовому или национальному признаку или за его

религиозные или политические убеждения, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин.

Также эта Конвенция исключает возможность сотрудничества в случаях, если речь идет о военных преступлениях, а в отношении преступлений в налоговой сфере накладывает ограничения на организацию сотрудничества (ст. 5).

В-третьих, существуют примеры других оснований для отказа в сотрудничестве. Так, в соответствии с Конвенцией государство может отказать в экстрадиции, если речь идет об экстрадиции его гражданина (ст. 6 §1). В качестве другого примера можно привести ст. 2b Конвенции 1959 г., которая позволяет отказать в правовой помощи, если запрос последней противоречит принципу суверенитета, безопасности, общественному порядку и другим интересам государства.

В-четвертых, классические инструменты взаимопомощи в сфере правосудия не содержат указаний на срок исполнения запрашиваемых государством действий. Вышеупомянутые конвенции конца 50-х годов не содержат сроков, в которые государства, у которых запрашивается правовая помощь, должны принять решение о ее предоставлении.

Наконец, классические инструменты содержат возможности для государств, присоединившихся к ним, вводить оговорки или накладывать ограничения на действие конвенций о правовой взаимопомощи. Такие оговорки оставляют за государствами довольно обширную долю усмотрения, а также усложняют сотрудничество в сфере уголовного правосудия. Так, Конвенция 1959 г. позволяет государствам установить оговорку в отношении обысков и наложении ареста на имущество, в соответствии с которой сотрудничество в этой сфере будет реализовываться только при наличии двойного инкриминирования, в связи с которым производятся обыски и арест на имущество.

1.2. Углубленное сотрудничество в сфере уголовного правосудия

В отличие от классического сотрудничества следующий вид межгосударственного взаимодействия, характеризуемый как углубленное сотрудничество в сфере уголовного правосудия, является феноменом, появившимся в 70-х годах прошлого века, и выражается в попытках упрощения и улучшения уже существующих механизмов сотрудничества, разработанных еще в рамках Совета Европы.

Отличительной чертой углубленного сотрудничества является отсутствие «политической фазы» в сотрудничестве судебных органов, в рамках которой предполагалось прохождение запросов правовой помощи через министерства (юстиции или иностранных дел), что привело к тому, что организация сотрудничества отныне осуществляется с учетом исключительно судебных формальностей.

Работа по упрощению сотрудничества в сфере уголовного правосудия между государствами – членами ЕС выразилась в принятии нескольких конвенций, которые различаются как по своей эффективности, так и по кругу государств, их ратифицировавших. В качестве примера можно привести Конвенцию об упрощенной процедуре экстрадиции между государствами – членами Европейского Союза от 10 марта 1995 г.²⁹⁹; Общую акцию (совместные действия) от 29 июня 1998 г. «Об использовании надлежащих практических методов в сфере взаимной правовой помощи по уголовным делам»³⁰⁰; Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского Союза от 29 мая 2000 г.³⁰¹ и т.д.

По сравнению с предыдущим поколением инструментов сотрудничества в сфере правосудия, данные акты позволили внедрить более совершенные и простые инструменты сотрудничества, которые характеризуются непосредственностью запросов правовой помощи, более

²⁹⁹ См.: Conv. 10 mars 1995, Journal Officiel des communautés européennes, 30 Mars 1995.

³⁰⁰ См.: Action commune 98/427/JAI, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

³⁰¹ См.: Conv. 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.

широким списком уголовных деяний, по которым может быть организовано сотрудничество; сокращением количества оснований отказа в сотрудничестве и возможностей применения оговорок и т.п. Вместе с тем следует отметить, что такие инструменты, применяемые в процессе углубленного сотрудничества, не отменяют действующие классические инструменты международного права, а лишь направлены на совершенствование процедур их реализации.

Так, Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 19 июня 1990 г.³⁰² направлена на продвижение сотрудничества как в отношении правовой помощи, экстрадиции, так и в отношении принципа уголовного права «*non bis in idem*» (принцип, согласно которому не должно быть двух взысканий за одну провинность) на новый уровень.

Практическое влияние Шенгенских соглашений довольно существенно, они даже были имплементированы в право ЕС посредством протокола, внедрившего шенгенский опыт³⁰³ в Амстердамский договор. Положения данных соглашений применяются практически ко всем государствам – членам ЕС (в отношении Великобритании и Ирландии существовали определенные сложности, но, тем не менее, они присоединились к данным соглашениям³⁰⁴). Более того, помимо государств – членов ЕС, шенгенские соглашения применяются и в отношениях с такими странами, как Исландия, Норвегия³⁰⁵, Швейцария и Лихтенштейн³⁰⁶.

Основным нововведением Конвенции о применении Шенгенского соглашения является возможность прямой передачи запросов о правовой

³⁰² Journal officiel n° L 239 du 22/09/2000. P. 0019 – 0062.

³⁰³ См. по данному вопросу, например: *Иншакова, А. О.* Шенгенская информационная система как мера компенсаторного характера в рамках Шенгенских достижений / *А. О. Иншакова* // *Законы России*. 2010. № 4. С. 73 – 78.

³⁰⁴ Cons. UE, déc. n° 2004/926/CE, 22 déc. 2004 // *Journal Officiel de l'union européenne*, 31 Décembre 2004.

³⁰⁵ Соглашение заключено 18 мая 1999 между Советом, Республикой Исландия и королевством Норвегия об ассоциации этих государств по применению и развитию Шенгенских соглашений // *Journal Officiel des communautés européennes*, 10 Juillet 1999.

³⁰⁶ См.: doc. 16462/06, 13 févr. 2008.

помощи между судебными органами (но в то же время она не отменяет возможности обмена такими запросами на уровне министерств юстиции и министерств иностранных дел) (ст. 59). Также Конвенция исключила возможность отказа в сотрудничестве в отношении налоговых преступлений (ст. 50).

Конвенция упростила процедуру экстрадиции (ст. 59-66). Необходимо отметить важность введения шенгенской информационной сети, которая позволила осуществлять общеевропейский розыск лиц, подлежащих аресту и экстрадиции (ст. 95). Также необходимо обратить внимание на появление новой упрощенной процедуры экстрадиции в случаях, когда экстрадируемое лицо согласно с его экстрадицией (ст. 66 §1).

Немаловажным является и тот факт, что данная Конвенция предусматривает возможность передачи другому государству полномочий по исполнению решений органов правосудия по уголовным делам (ст. 67).

Основной новеллой Конвенции является закрепление принципа уголовного права «*non bis in idem*»³⁰⁷. Статья 54 Конвенции гласит: «лицо, в отношении которого уже имеется уголовное решение, принятое судебными органами одного из участников данного Соглашения, не может быть вновь привлечено к ответственности судами другого государства – участника данного соглашения за те же деяния при условии, что в случае признания его виновным, санкция была применена, применяется или не может быть применена в соответствии с законами страны, в которой лицо было признано виновным».

Принятое 13 июня 2002 года Рамочное решение о европейском ордере на арест³⁰⁸ в принципе заменяет положения Конвенций об экстрадиции 1995 г. и 1996 г., что все же не исключает возможность их применения.

³⁰⁷ См. подробнее: *Wasmeier M.* The principle of ne bis in idem, RID pén. 2006, vol. 77½. P. 121 s.

³⁰⁸ См.: Déc.-cadre, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.

Европейская конвенция об упрощенном производстве в отношении экстрадиции от 10 марта 1995 г. упрощает экстрадицию, но лишь в тех случаях, когда экстрадируемые лица согласны с их экстрадицией (данное правило было закреплено еще в Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 19 июня 1990 г.), что определено в ней в качестве принципа (ст. 2). Для таких случаев конвенция предусматривает сроки, в течение которых запрос на экстрадицию должен быть рассмотрен государством, которому он направлен, а также сроки, в течение которых лицо должно быть экстрадировано (ст. 10 и 11). Конвенция также ограничивает принцип, в соответствии с которым экстрадируемое лицо может преследоваться в государстве, в которое оно экстрадируется, только по отдельным категориям преступлений (ст. 9) – принцип специальности (специализации).

Конвенция от 27 сентября 1996 г.³⁰⁹ кардинально изменила процедуру экстрадиции в европейских государствах. Она сократила список оснований для отказа в экстрадиции, количество деяний, по которым в экстрадиции может быть отказано, а также ограничивает действие принципа преследования лица лишь за те преступления, за которые он был экстрадирован.

Конвенция 1996 г., в сравнении с Конвенцией 1957 г., расширяет список деяний, за которые лицо может быть экстрадировано. Теперь лица могут быть экстрадированы даже за преступления, наказания за которые предусматривают лишение свободы на срок от шести месяцев.

Кроме того, Конвенция ограничила действие требования двойного инкриминирования, которое не требуется более в отношении преступлений, совершенных группой лиц. Если преступление было совершено группой лиц и в законодательстве государства, ходатайствующего о выдаче лица, в отношении данного преступления предусмотрены наказания в виде лишения свободы на срок не менее одного года, то в экстрадиции не может быть

³⁰⁹ Journal Officiel des communautés européennes, 23 Octobre 1996.

отказано на основании отсутствия инкриминирования таких преступлений в государстве, которое экстрадирует это лицо. Речь идет об особо опасных преступлениях, в частности, о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков и терроризмом.

Конвенция 1996 г. также сократила список деяний, в отношении которых государства могут отказать в экстрадиции. Речь, в частности, идет о правонарушениях налогового и политического характера, за которые в соответствии с классическими инструментами международного права государства могли отказать в экстрадиции. Тем не менее Конвенция 1996 г. позволяет государствам использовать оговорки в отношении преступлений политического характера (за исключением преступлений террористического характера, которые государства обязаны вывести из категории политических в соответствии с Конвенцией по борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г.).

Среди других нововведений Конвенции 1996 г. можно отметить отсутствие классического права экстрадирующего государства на отказ в экстрадиции граждан (ст. 7).

Еще одним актом права ЕС, который направлен на развитие сотрудничества, является Общая акция (совместные действия) от 29 июня 1998 года «Об использовании надлежащих практических методов в сфере взаимной правовой помощи по уголовным делам»³¹⁰.

Данный акт направлен на улучшение взаимной правовой помощи в сфере уголовного правосудия и требует от государств-членов:

- Введения процедур, в соответствии с которыми они будут обрабатывать в приоритетном порядке запросы правовой помощи, требующие ускоренного производства;

³¹⁰ См.: Cons. UE, déc. 98/427/JAI, action commune du 29 juin 1998 adoptée par le Conseil sur la base de l'article K.3 du traité sur l'Union européenne relative aux bonnes pratiques d'entraide judiciaire en matière pénale, Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

- предоставлять запрашивающему правовую помощь государству письменный или устный отчет по его требованию, уточняя при этом конкретные сроки исполнения запроса;
- следить за качеством обработки запросов правовой помощи.

Часть таких «надлежащих практических методов» была закреплена в Конвенции от 29 мая 2000 года «О взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами Европейского Союза»³¹¹, имеющей огромное практическое значение, но в то же время ее нельзя квалифицировать как акт, способствующий продвижению интеграционных процессов в сфере уголовного правосудия.

Интересно отметить, что правила рассматриваемой Конвенции распространяются не только на государства – члены ЕС и их классических союзников (Исландия, Швейцария и т.д.), но и на членов Совета Европы. Данный вывод подтверждается принятым в рамках Совета Европы вторым Протоколом к Европейской конвенции о правовой взаимопомощи, который за небольшими исключениями фактически «скопировал» положения Конвенции ЕС. Кроме того, указанный пример иллюстрирует использование в праве ЕС классических правовых инструментов.

Следует также отметить, что Конвенция не заменяет существовавшие до нее документы, а лишь дополняет их. Так, например, сохраняются основания для отказа в сотрудничестве, если запрос правовой помощи противоречит принципам суверенитета, безопасности и другим основным интересам государства, у которого запрашивается правовая помощь.

Вместе с тем было бы не правильно говорить об отсутствии какого-либо значения рассматриваемого конвенционного документа, поскольку он совершенствует классические инструменты в сфере уголовного правосудия, что способствует переходу отношений на более высокий уровень. Среди таких новых элементов можно назвать: установление правила, в

³¹¹ См.: Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.

соответствии с которым запросы правовой помощи осуществляются на основе прямых контактов между судебными органами; ослабление действия принципа *«locus regit actum»*; установление сроков исполнения запросов правовой помощи; совершенствование сотрудничества с появлением современных средств коммуникации.

Таким образом, во-первых, Конвенция устанавливает в качестве общего принципа осуществление правовой помощи посредством прямых контактов. В соответствии со ст. 6 Конвенции запросы правовой помощи осуществляются напрямую между судебными органами. Это означает не только то, что запросы взаимной правовой помощи больше не осуществляются через министерства юстиции государств – членов, но также и то, что такие запросы могут направляться не только верховными судами, но и судебными органами первых и апелляционных инстанций. Вместе с тем сохранилась возможность направления соответствующего запроса через министерства, но только в исключительных случаях (ст. 6 §2).

Во-вторых, Конвенция ослабляет действие принципа *«locus regit actum»*. Во исполнение запроса правовой помощи государства применяют свое собственное право, но одновременно берут на себя обязательство соблюдать требования государства, направившего запрос, если последнее потребовало этого, а также когда такое требование не противоречит принципам государства, на которое возложено обязательство реализации правовой помощи (ст. 4). Таким образом, применение принципа международного права *«locus regit actum»* заменено принципом *«forum regit actum»*. Значение данного нововведения состоит в возможности для запрашивающего государства использовать полученную таким образом помощь (например, информацию, доказательства и др.), так как она с формальной точки зрения получена соответствующим законодательством запрашивающего государства образом и может быть официально использована в дальнейшем (например, при производстве по делу).

В-третьих, Конвенция, не устанавливая обязательных конкретных сроков для исполнения запросов о взаимной правовой помощи, определяет, что государство исполняет запрос так быстро, как это возможно, учитывая указания запрашивающего государства (ст. 4 § 2). Надо отметить, что это положение было заимствовано из Общей акции (совместных действий) 1998 г., однако в тексте Конвенции оно получило более развернутую формулировку.

В-четвертых, Конвенция расширяет список действий (в частности следственных действий), которые могут быть организованы посредством направления запросов о правовой помощи. Например, могут быть организованы такие важные для судебного разбирательства действия, как заслушивание сторон, экспертов и проведение допросов посредством видеоконференции (ст. 10 – 11), а также другие следственные действия (перехват телекоммуникаций (ст. 17 – 22)).

Стоит отдельно отметить, что перехвату телекоммуникаций, в отношении которого предоставление взаимной правовой помощи уже было закреплено в иных актах (также, как и в отношении получения доказательств), в Конвенции посвящен отдельный довольно сложный в применении свод правил. В частности, в рассматриваемом акте урегулированы две системы перехвата телекоммуникаций: первая заключается в немедленном, непосредственном перехвате информации, тогда как вторая предполагает их предварительную запись и последующую передачу запрашивающей стороне. С практической точки зрения можно предположить, что первая из данных систем станет в будущем правилом, так как она не предполагает излишних формальностей, установленных в рамках второй системы перехвата. В науке и практике права ЕС отмечаются сложности в осуществлении взаимной правовой помощи между государствами-членами, которая, в частности, предусматривает применение

таких сложных и трудоемких следственных действий, как перехват телекоммуникаций³¹².

Наконец, стоит упомянуть Протокол от 16 октября 2001 г. к рассматриваемой Конвенции³¹³, который касается запросов взаимной правовой помощи в отношении следственных действий, осуществляемых при помощи сотрудничества учреждений банковского сектора, в частности запросов по выдаче информации, касающейся идентификации банковских счетов, банковских операций (переводов), а также запросов по контролю банковских операций. Данный документ детализирует положения об оказании взаимной правовой помощи в отношении следственных действий в отношении банковских операций, содержащиеся в конвенционных актах.

В частности, в Протоколе детализированы положения о правовой помощи по идентификации банковских счетов, принадлежащих определенным лицам (ст. 1). Власти государства, к которым обращаются за помощью в идентификации таких счетов, обязаны исполнять данные запросы, но это обязательство ограничено перечнем тех преступлений, которые в соответствии с законодательством запрашивающего государства караются лишением свободы на срок более четырех лет. Помимо данного ограничения, Протокол определяет требования (излишне формальные) к такому запросу (в частности, власти запрашивающего государства должны указать причины, по которым они считают, что счета определенных лиц зарегистрированы (открыты) в государстве, в которое направляется запрос, а также указать банковские учреждения, в которых, по их мнению, зарегистрированы счета и т.д.).

В соответствии со ст. 2 Протокола ряд аналогичных ограничений и формальностей применяется также в отношении банковских операций. В ходе предоставления правовой помощи о контроле за банковскими

³¹² См.: *Weyembergh A. et de Biolley S. The EU Mutual Legal Assistance convention of 2000 and the Interception of Telecommunications // European Journal of Law Reform, 2006, vol. 8, n° 2/3. P. 285 s.*

³¹³ См.: *Journal Officiel des communautés européennes, 21 Novembre 2001.*

операциями запрашивающая сторона должна указать, по каким причинам запрашиваемая информация может быть полезна для следственных действий (ст.3).

Рассматриваемый Протокол устанавливает ряд ограничений по отказу в реализации взаимной правовой помощи. Так, государство, у которого запрашивается информация, не может в основание отказа от сотрудничества ссылаться на:

- банковскую тайну;
- на налоговый характер преступлений, для расследования которых запрашивается информация;
- на политический характер преступлений, для расследования которых запрашивается информация.

Тем не менее указанный Протокол не отменяет такие основания отказа в предоставлении правовой помощи, как возможность нарушения исполнением такого запроса принципов суверенитета, безопасности и других основных интересов государства, которому направлен запрос.

1.3. Взаимное признание судебных решений в сфере уголовного правосудия

Взаимное признание судебных решений³¹⁴ в сфере уголовного правосудия кардинально отличается от предыдущих инструментов сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС. Взаимное признание судебных решений изменило саму парадигму сотрудничества в сфере уголовного правосудия, что позволяет судить о появлении «европейского пространства уголовного правосудия» или о создании основ

³¹⁴ См. подробнее: *Панюшкина О. В.* О взаимном признании приговоров с целью исполнения наказаний между государствами-членами Европейского союза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2010. № 1. С. 516 – 530; *Конев Д.В.* Отдельные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Арбитражный и гражданский процесс. 2007, № 1. С. 41-45; *Flore D.* Droit pénal européen: Les enjeux d'une justice penale européenne. Primento. 2014. 844 P.

для интегрированной судебной системы органов правосудия европейских государств.

Третья разновидность взаимодействия судебных органов предполагает взаимное признание судебных решений государствами членами – ЕС, при котором решения судов одного из них обладают всеми качествами, присущими судебному решению (преюдициальность, обязательность, исполнимость и т.д.) в любом из других государств – членов ЕС³¹⁵. Учитывая вышеуказанное, представляется целесообразным подробнее рассмотреть природу сотрудничества судебных органов в рамках системы взаимного признания судебных решений, а также конкретные последствия ее введения.

В отношении последних можно отметить, что введение системы взаимного признания решений значительно упрощает и ускоряет сотрудничество судебных органов. В частности, запросы об оказании правовой помощи передаются значительно быстрее и по упрощенной процедуре, сотрудничество осуществляется между конкретными судебными органами напрямую, формальности сотрудничества значительно сокращены, список уголовно наказуемых деяний, по которым может быть организовано сотрудничество, значительно расширен, список оснований для отказа в сотрудничестве сокращен до минимума, установлены конкретные сроки по исполнению запросов взаимной правовой помощи³¹⁶.

Если в сфере гражданского правосудия взаимное признание судебных решений, как представляется, не создало серьезных проблем, так как взаимное признание судебных решений в данной сфере было установлено еще Брюссельской конвенцией от 27 сентября 1968 г., то в сфере уголовного правосудия взаимное признание судебных решений может привести к

³¹⁵ См.: *Peers J. Mutual Recognition and criminal law in the European Union : has the Council got it wrong ? // Common Market Law Review, 2004, n° 41. P. 5 s.*

³¹⁶ См. подробнее: *Nilsson H.-G. From Classical judicial cooperation to mutual recognition // RID pén. 2006, vol. 77½. P. 53 s.*

определенным трудностям³¹⁷. Сложности с взаимным признанием судебных решений в этой сфере касаются непосредственно уголовного права, в частности таких вопросов, как двойное инкриминирование деяний, механизмы защиты третьих лиц и жертв преступлений, определение общих норм, правил и процедур и т.п.³¹⁸

Понятие принципа взаимного признания судебных решений в сфере уголовного правосудия в настоящее время закреплено в позитивном праве. Сообщение Комиссии от 26 июля 2000 г.³¹⁹ определяет его как «идею, в соответствии с которой даже тогда, когда суд государства-члена не рассматривает какую-либо категорию дел, так как это делают суды другого государства-члена, то результаты такой деятельности рассматриваются последним так, если бы данные дела рассматривались его собственными органами правосудия». Взаимное доверие в данном случае является определяющим элементом и касается как доверия к (уголовному) праву другого государства по существу, так и доверия по отношению к его применению органами этого государства. Таким образом, взаимное доверие позволяет признать результаты деятельности органов правосудия одного государства-члена органами правосудия другого государства-члена, которое принимает их как свои собственные. Иначе говоря, решения органов одного государства признаются органами другого государства как таковые даже тогда, когда в последнем не существует подобного органа либо когда он не обладает компетенцией принимать такие решения или же когда он принял бы в соответствии с устоявшейся практикой иное решение»³²⁰.

Взаимное признание решений судебных органов в сфере уголовного правосудия распространяется на все виды судебных решений, т.е. как на касающиеся следственных действий, так и на решения, принятые в процессе

³¹⁷ Journal Officiel des communautés européennes, 26 Janvier 1998.

³¹⁸ См.: Gless S. Zum Prinzip der gegenseitigen Anerkennung, Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft (ZStW), n° 2, 2004. P. 353 s.

³¹⁹ См.: COM(2000)495 final, 26 juill. 2006, Reconnaissance mutuelle des décisions finales en matière pénale.

³²⁰ Там же.

уголовного производства и итоговые решения (по существу). Необходимо обратить внимание на то, что данный принцип применяется даже в отношении решений, вынесенных после производства по делу, т.е. решения исполнительного производства.

Так, например, в отношении Рамочного решения, касающегося европейского ордера на арест³²¹, установившего взаимное признание уголовных решений, следует отметить, что взаимное признание касается как досудебной стадии уголовного процесса (когда задержание подозреваемого необходимо для проведения производства), так и после стадии судебного разбирательства (когда задержание лица, признанного виновным, необходимо для обеспечения исполнения судебного решения). Таким образом, в рамках данного Рамочного решения любые решения судебных органов, выдающие европейский ордер на арест определенного лица (обвиняемого или уже признанного виновным), признаются другим государством в отсутствие каких-либо других актов или действий (например, *экзекватуры*).

Другие рамочные решения, устанавливающие взаимное признание судебных решений судебных органов в сфере уголовного правосудия, касаются скорее самой судебной стадии уголовного процесса. Одно из таких рамочных решений касается судебных решений по замораживанию счетов и сохранению доказательств по делу, которое позволяет исполнить судебное решение судов одного из государств-членов в другом государстве-члене с целью заморозить банковские счета и сохранить доказательства как для целей уголовного производства, так и для целей исполнения уголовных решений³²².

Другое Рамочное решение, касающееся ордера на выдачу доказательств, носит ограниченный характер и распространяется лишь на

³²¹ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/584/JAI, Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.

³²² См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2003/577/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 2 Aout 2005.

решения, принятые на судебной стадии уголовного процесса³²³. Одним из рамочных решений³²⁴, касающихся признания судебных решений, принимаемых в рамках уголовного производства (т.е. на судебной стадии процесса), был учрежден «Европейский ордер наблюдения» (*European supervision order*), который касается судебных решений по осуществлению контроля за подозреваемыми (за исключением решений по предварительному содержанию подозреваемых)³²⁵.

Существуют также рамочные решения о взаимном признании судебных решений, выносимых как на судебной стадии уголовного процесса, так и решений по обеспечению исполнения вынесенных (итоговых) решений. Среди них, в частности, можно назвать Рамочное решение о взаимном признании уголовных наказаний³²⁶; Рамочное решение о взаимном признании судебных решений по конфискации имущества³²⁷; Рамочное решение о взаимном признании судебных решений по вновь открытым уголовным производствам³²⁸, которое, по сути, устанавливает «европейскую преюдициальность» решений судебных органов государств-членов; два Рамочных решения, устанавливающих взаимное признание судебных решений, касающихся probation осужденных³²⁹ и взаимного признания судебных решений, выносящих в качестве наказания решения о лишении свободы и приводимых к исполнению на территории

³²³ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2008/978/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2008. См. подробнее C. Williams, The European evidence warrant, RID pén. 2006, vol. 77, 1/2, p. 155 s.; J. A. E. Vervaele, European Evidence Warrant. Transnational Judicial Enquiries in the EU, Antwerpen – Oxford, Intersentia, 2005.

³²⁴ См.: COM(2006)468, 29 août 2006.

³²⁵ См. также: Cons. UE, déc.-cadre n° 2009/829/JHA of 23 October 2009 on the application, between Member States of the European Union, of the principle of mutual recognition to decisions on supervision measures as an alternative to provisional detention.

³²⁶ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2003/577/JAI, Journal Officiel de l'union européenne 22 Mars 2005.

³²⁷ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2006/783/JAI, Journal Officiel de l'union européenne 24 Novembre 2006.

³²⁸ См.: Cons. UE, déc.-cadre 2008/675/JAI, Journal Officiel de l'union européenne 15 Aout 2008.

³²⁹ См.: Cons. UE, déc.-cadre 2008/947/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 16 Décembre 2008.

Европейского Союза³³⁰; Рамочное решение о взаимном признании судебных решений, вынесенных в отсутствие обвиняемого³³¹; Директива об обмене информацией между органами правосудия в рамках уголовных процессов³³².

Следует отметить, что данные документы значительно упростили осуществление сотрудничества судебных органов по уголовным делам. Тем не менее в рамках взаимного признания судебных решений сохранились такие элементы классического сотрудничества, как основания отказа в сотрудничестве.

В соответствии с перечисленными актами можно выделить следующие направления развития сотрудничества:

- центральное место в организации сотрудничества предоставлено самим судебным органам;
- сокращение формальностей;
- расширение списка фактов и деяний, по которым может быть организовано сотрудничество;
- сокращение списка оснований, по которым может быть отказано в сотрудничестве;
- установление конкретных сроков для реализации запросов сотрудничества.

Таким образом, во-первых, в соответствии с вышеуказанными рамочными решениями установлен принцип прямого взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС с отдельными исключениями. Так, например, ст. 7 §2 Рамочного решения о европейском ордере на арест и ст. 8 §2 Рамочного решения об ордере на выдачу доказательств предусматривают возможность организации сотрудничества

³³⁰ См.: Cons. UE, déc.-cadre 2008/909/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 5 Décembre 2008.

³³¹ См.: Cons. UE, déc.-cadre 2009/299/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 27 Mars 2009.

³³² См.: Directive 2012/13/UE // Journal Officiel de l'union européenne, 1 juin 2012.

административных органов власти, если компетенция по вопросам в данной сфере принадлежит им, а не судебным органам.

Подобные исключения из принципа прямого сотрудничества органов правосудия существуют и в положениях других рамочных решений – в Рамочном решении о взаимном признании уголовных наказаний (ст. 2) и в Рамочном решении о взаимном признании судебных решений по конфискации имущества (ст.3).

Во-вторых, в рамках системы взаимного признания судебных решений значительно сокращены «бюрократические формальности» сотрудничества, которое организуется посредством сертификата, ордера или мандата. Использование ордера или мандата (для ареста лица или получения доказательств) предполагает использование стандартизированного документа, который предоставляется в виде судебного решения суда государства, запрашивающего арест или предоставление доказательств у судебного органа другого государства.

Также используется метод предоставления сертификата, который применяется в отношении решений по замораживанию банковских счетов и сохранению доказательств по делу, в запросах на осуществление конфискации и вынесения судебных решений о пробации осужденных и т.п. Решения в форме сертификата могут направляться судебным и административным органам (в зависимости от их компетенции). Необходимо отметить, что как в случае с ордером, так и в случае с сертификатом их типовые формы в качестве примера содержатся в каждом из вышеупомянутых рамочных решений, где также указывается на необходимость их перевода на соответствующий иностранный язык и конкретная информация, которую они должны содержать.

В-третьих, указанные рамочные решения расширяют список деяний или фактов, по которым может быть организовано сотрудничество между судебными органами государств-членов. Ограничения на сотрудничество в сфере уголовного правосудия, связанные с двойным инкриминированием,

тяжестью деяний (преступлений), а также природой деяний сняты или значительно ограничены.

В качестве примера ограничений сотрудничества, связанных с тяжестью преступлений, можно назвать ст. 2 Рамочного решения о европейском ордере на арест, который позволяет выдачу подозреваемого (осужденного) даже тогда, когда совершенное им деяние наказывается в соответствии с законодательством запрашивающего государства лишением свободы на срок один год.

Что касается ограничений сотрудничества, связанных с двойным инкриминированием, надо отметить, что они также значительно ограничены перечисленными рамочными решениями (но ограничены в разной степени).

Так, Рамочное решение о европейском ордере на арест и Рамочное решение о замораживании банковских счетов и сохранении доказательств по делу устраняют требование двойного инкриминирования деяний в отношении определенного списка деяний³³³. Рамочное решение о европейском ордере на арест содержит список из 39 деяний, в отношении которых государство, у которого запрашивается помощь, не может в ней отказать на основании того, что то или иное деяние не инкриминировано в соответствии с его законодательством.

Большая часть рамочных решений предполагает отмену применения принципа двойного инкриминирования лишь тогда, когда законодательство запрашивающего государства устанавливает в качестве наказания за такие деяния лишение свободы на срок не менее трех лет (например, Рамочное решение о европейском ордере на арест). Интересен в данном отношении и тот факт, что даже во всех других случаях, т.е. в отношении деяний, не указанных в списках, или когда законодательство запрашивающего государства не наказывает такие деяния лишением свободы на срок три года и более, применение принципа двойного инкриминирования остается

³³³ См. подробнее: *Blekxtoon R. et van Ballegooij W. Handbook on the European Arrest Warrant*, The Hague, TMC Asser Press, 2005. P. 69.

факультативным. Иначе говоря, судебный орган государства, реализующего запрос правовой помощи, может не применять принцип двойного инкриминирования даже тогда, когда он мог бы его применить в целях отказа от сотрудничества.

Что касается ограничений сотрудничества в отношении определенных деяний необходимо отметить, что они были полностью отменены в отношении политических преступлений Рамочным решением о европейском ордере на арест.

В-четвертых, указанными рамочными решениями был сокращен список классических оснований для отказа в сотрудничестве. Например, было отменено основание для отказа в выдаче (экстрадиции) лица в связи с его гражданством. Однако Рамочное решение о европейском ордере на арест учитывает понятие европейского гражданства. Рамочное решение о замораживании банковских счетов и сохранении доказательств по делу исключило возможность отказа в сотрудничестве, основанную на нарушении общественного порядка и основных интересов государства.

В-пятых, перечисленными рамочными решениями были установлены сроки осуществления сотрудничества по запросам судебных органов.

Рамочное решение о европейском ордере на арест устанавливает срок, в течение которого на запрос в форме ордера должен быть дан ответ, а также срок, в течение которого лицо, указанное в ордере, должно быть выдано запрашивающему судебному органу другого государства. По мнению некоторых авторов, установление сроков привело к реальному улучшению и ускорению производства по ордеру и, как следствие, к ускорению выдачи (экстрадиции) лиц³³⁴.

Практически во всех из перечисленных Рамочных решений были установлены конкретные и обязательные для реализации правовой помощи сроки. Лишь Рамочное решение о замораживании банковских счетов и

³³⁴См.: *Cartier M.-E. Le mandat d'arrêt européen. Bruxelles, Bruylant, 2005. P. 46.*

сохранении доказательств по делу содержит необязательные для исполнения сроки, а только указания на реализацию правовой помощи «как можно быстрее» и «если возможно, в течение двадцати четырех часов» (ст. 5). Также необходимо упомянуть, что Рамочное решение о взаимном признании уголовных наказаний и Рамочное решение о взаимопомощи в виде процессуального действия конфискации не устанавливают сроков для их реализации.

Как указывают зарубежные исследователи, данные рамочные решения, установившие систему взаимного признания решений в сфере уголовного правосудия, функционируют благодаря взаимному доверию участников³³⁵. И с таким выводом сложно не согласиться. Действительно, признание одним государством действия на своей территории решений судебных органов других государств, несмотря на различия между правопорядками, не только предполагает функционирование сотрудничества на основе взаимного доверия, оно является одной из необходимых предпосылок для перехода взаимодействующих стран на данный уровень сотрудничества. Суд ЕС в одном из своих решений уже отметил, что взаимное доверие является необходимым условием для сотрудничества в сфере уголовного правосудия и для взаимного признания судебных решений, указав, что «в таких условиях, принцип *«ne bis in idem»*, независимо применяется ли он в отношении решений прокурора или в отношении решений судебного органа, обязательно предполагает существование взаимного доверия между государствами-членами, а также предполагает применение уголовного права одного государства в правопорядке другого государства-члена и это, несмотря на то, что

³³⁵ См.: *Thwaites N. Mutual trust in criminal matters : the European Court of Justice gives its first interpretation of a provision of the convention implementing the Schengen Agreement // German Law Journal, 2003. P. 253 s.*

применение уголовного права другого государства может привести к противоположному законодательству этого государства решению»³³⁶.

Несмотря на существование взаимного доверия между государствами – членами ЕС и рамочных решений, подробно регламентирующие систему взаимного признания судебных решений, практические сложности в реализации данной системы потребовали принятия специальных решений³³⁷. Настолько высокий уровень сотрудничества, каковым является взаимное признание судебных решений, потребовало на практике принятия нескольких категорий специальных мер, стимулирующих взаимодействие государств – членов в сфере уголовного правосудия³³⁸.

Одной из категорий таких мер являются меры, способствующие предотвращению конфликта компетенций судебных органов. Сразу следует пояснить, что не существует конкретных обязательных к исполнению инструментов, предназначенных для предотвращения конфликта компетенций. Однако в праве ЕС существуют акты, действие которых направлено на координирование уголовного преследования³³⁹. Например, Рамочное решение о борьбе с терроризмом устанавливает, что в случае совершения преступления, наказание за которое находится в компетенции двух и более государств, последние обязаны сотрудничать в целях установления (разграничения) их компетенции и объединения усилий в

³³⁶ Решение от 11 февраля 2003 г., aff. jtes C-187/01 et C-385/01, Rec. CJCE 2003, I, P. 01345.

³³⁷ См.: *Alegre S. et Leaf M. Mutual Recognition in European Judicial Cooperation : A step too far too soon? Case Study // The European Arrest Warrant, European Law Journal, n° 2004. P. 200 s.*

³³⁸ См.: COM(2005)195 final, 19 mai 2005, Reconnaissance mutuelle des décisions de justice en matière pénale et le renforcement de la confiance mutuelle entre les États membres.

³³⁹ См., например: Cons. UE, action commune n° 98/733/JAI, 21 déc. 1998 relative à l'incrimination de la participation à une organisation criminelle dans les États membres de l'Union européenne, art. 4, § 1 // Journal Officiel des communautés européennes, 29 Décembre 1998 s.; Cons. UE, conv. 26 juill. 1995 relative à la protection des intérêts financiers des Communautés européennes, art. 6, § 2 // Journal Officiel des communautés européennes 27 Novembre 1995 s.; Cons. UE, déc.-cadre n° 2000/383/JAI, 29 mai 2000 sur la lutte contre les contrefaçons de l'euro, art. 7, § 3 // Journal Officiel des communautés européennes 14 Juin 2000 s.

расследовании и рассмотрении дела³⁴⁰. Указанное Рамочное решение содержит ряд критериев, по которым должна определяться компетенция государства-члена.

Также надо отметить, что Рамочное решение, в соответствии с которым был учрежден Евроюст, также в качестве цели создания данного института ЕС закрепило несколько механизмов, способствующих координации работы судебных органов государств-членов, осуществляющих уголовное следствие³⁴¹. Более того, в Рамочном решении от 16 декабря 2008 г.³⁴² было уточнено, что Евроюст координирует работу органов уголовного преследования государств-членов и дает им рекомендации в отношении их взаимной компетенции.

Другой категорией мер, позволяющих регулировать систему взаимного признания судебных решений в сфере уголовного правосудия и гарантировать качественную реализацию сотрудничества в данной сфере, является обмен информацией между государствами-членами о принятых их судами решениях. Так, например, для того, чтобы определить является ли преступник рецидивистом, государствам-членам необходимо узнать было ли данное лицо осуждено за аналогичные преступления в других государствах. Именно для этого необходим обмен информацией о принятых решениях судами различных государств.

В принятом 26 февраля 2009 г. Рамочном решении об обмене информацией реестров судебной регистрации³⁴³ были детализированы положения Конвенции 1959 г., связанные с обменом информации между государствами. В частности, в решении было закреплено обязательство

³⁴⁰ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/475/JAI, 13 juin 2002 relative à la lutte contre le terrorisme, art. 9, § 2 // Journal Officiel des communautés européennes, 22 Juin 2002.

³⁴¹ См.: ст. 3 Рамочного решения Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/187/JAI // Journal Officiel des communautés européennes, 6 Mars 2002.

³⁴² См.: Cons. UE, n° 2008/976/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 24 Décembre 2008.

³⁴³ См.: Cons. UE, déc.-cadre 2009/315/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 7 Avril 2009.

передачи информации в национальные реестры судебной регистрации государств о гражданах, осужденных в государствах – членах ЕС. На основе указанного решения была создана Европейская система регистрации информации об уголовных преступлениях (*European Criminal Records Information System*)³⁴⁴, которая является системой обмена информацией об осужденных в ЕС лицах.

В результате можно сделать вывод о том, что созданная система обмена информацией между государствами – членами ЕС, несомненно, свидетельствует о высоком уровне сотрудничества, которое уже может быть охарактеризовано как элемент интегрированной судебной системы, существование которой невозможно без наличия единой, централизованной европейской информационной системы, что является элементом единой судебной системы, характерной для национальных правопорядков.

Одной из мер совершенствования системы взаимного признания судебных решений и взаимного доверия государств-членов является оценка эффективности инструментов сотрудничества и эффективности правопорядков государств-членов, а также оценка содействия сотрудничеству государств-членов в сфере уголовного правосудия.

В настоящее время существует два вида оценки качества сотрудничества³⁴⁵. Первый из них осуществляется европейскими институтами (либо Советом, либо Комиссией), а второй – самими государствами-членами (их представителями). Следует подчеркнуть, что действующие в настоящее время системы оценки качества и содействия

³⁴⁴ См.: Cons. UE, déc. 2009/316/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 7 Avril 2009. См. подробнее: Vermeulen G., Vander Beken T., de Busser E., Dormaels A. Blueprint for an EU Criminal Records Database. Legal, politico-institutional & Practical Feasibility, Antwerpen-Apeldoorn, Maklu, 2002.

³⁴⁵ См. подробнее: Cons. UE, déc. n° 2002/996/JAI, 28 nov. 2002 instaurant un mécanisme d'évaluation de l'application et de la mise en oeuvre au plan national des engagements internationaux en matière de lutte contre le terrorisme, Journal Officiel des communautés européennes, 24 Décembre 2002. Cons. UE, action commune n° 97/827/JAI, 5 déc. 1997 instaurant un mécanisme d'évaluation de l'application et de la mise en oeuvre au plan national des engagements internationaux en matière de lutte contre la criminalité organisée, Journal Officiel des communautés européennes, 15 Décembre 1997.

сотрудничеству в научной зарубежной литературе критикуются многими авторами³⁴⁶ и требуют, по их мнению, совершенствования, что в равной мере относится и к системе взаимного признания судебных решений.

Еще одной мерой, стимулирующей формирование доверительных отношений между государствами-членами и совершенствующей функционирование системы взаимного признания решений органов государств-членов, стало создание Европейской сети юридического образования (*Réseau européen de formation judiciaire*). Данная сеть, в которую входят образовательные учреждения государств-членов по подготовке сотрудников прокуратуры и судейского корпуса, имеет цель содействия созданию общих программ подготовки, внедрению новых инструментов образования, координации программ подготовки профессиональных кадров и т.п.³⁴⁷

1.4. Субъекты сотрудничества государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия

В рамках Европейского Союза в настоящее время не существует специальных судебных органов, занимающихся уголовными делами. В связи с этим сотрудничество между судебными органами может быть организовано лишь между судебными органами государств-членов. Другими словами, непосредственными субъектами таких взаимоотношений выступают национальные суды стран ЕС. Вместе с тем на европейском уровне также действуют структуры, участвующие в организации отношений судебных органов государств – членов ЕС по уголовным делам³⁴⁸.

³⁴⁶ См., например: *De Biolley S. et Weyembergh A. Comment évaluer le droit pénal européen ?* Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles, 2006. P. 324-356 ; См. также: Rapport de la Commission au Parlement Européen et au Conseil sur la mise en oeuvre de la décision-cadre du Conseil relative au mandat d'arrêt européen et aux procédures de remise entre Etats membres du 11 avril 2011 (COM) 2011 175 final.

³⁴⁷ См. подробнее: официальный сайт Европейской сети юридического образования: <<http://www.ejtn.eu>>.

³⁴⁸ См. по общему вопросу международно-правового взаимодействия органов государств в сфере уголовного правосудия: *Галузо В.Н. Международное сотрудничество в системе*

Первые из таких механизмов организации взаимодействия судебных органов государств-членов были созданы еще в эпоху Маастрихтского договора. В качестве таковых выступали «магистраты по связям»³⁴⁹, участие которых предусмотрено для билатеральных контактов судебных органов государств – членов ЕС. В то время была создана и Европейская судебная сеть, которая была задумана как децентрализованный инструмент плюрилатеральных связей органов правосудия. Вместе с тем, как отмечалось в доктрине, только с учреждением Евроюста взаимодействие органов судебной власти вышло на новый более высокий уровень сотрудничества³⁵⁰.

1.4.1. Совместные следственные группы

Совместные следственные группы (*Joint investigation team*) были созданы Рамочным решением № 2002/465 от 13 июня 2002 г.³⁵¹ Возможность их учреждения была закреплена в Конвенции от 29 мая 2000 г. о взаимопомощи в сфере уголовного правосудия³⁵², в соответствии с которой такие группы могут быть созданы не только между государствами – членами ЕС, но и с привлечением третьих стран.

В отличие от других институализированных механизмов сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС, совместные следственные группы представляют собой созданные для расследования

функций прокуратуры Российской Федерации: pro et contra // Международное право и международные организации. 2014. № 2. С. 237-244.; Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11.

³⁴⁹ Астапенко В., Лойша Д. Евроюст: общая правовая характеристика // Международное право и международные отношения. 2005, №2.

³⁵⁰ См.: Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11; Ализаде Ф.Э. Правовые основы совместных (международных) расследований по уголовным делам в европейском праве // Евразийский юридический журнал. 2011, № 7.

³⁵¹ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/465/JAI, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 Juin 2002.

³⁵² Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.

определенного дела и с четко определенной целью (*ad hoc*) группы следователей различных стран, деятельность которых ограничена определенным периодом времени³⁵³. В рамках этих групп организуется работа между представителями как судебных органов различных стран, так и правоохранительных органов по расследованию уголовных дел.

Создание данных групп реализуется на базе соглашения между компетентными органами государств-членов, которые определяют состав и функционирование совместной следственной группы, и куда могут входить не только представители органов правосудия государств-членов, но и представители правоохранительных органов третьих государств.

В сравнении с классическими механизмами международного права, когда взаимодействие осуществляется на межправительственном уровне, совместные следственные группы имеют ряд явных преимуществ. В частности, полномочия участников группы выходят за рамки их классической территориальной компетенции, обмен информацией в рамках таких групп не отягощен особыми формальностями, следственные действия могут производиться такой следственной группой вне специального (отдельного) разрешения и т.п.

На практике создание следственных групп является сложным процессом, в рамках которого осуществляется согласование между судебными органами и правоохранительными органами государств – членов ЕС, заинтересованными в создании такой группы. Кроме того, как правило, их деятельность ограничена сотрудничеством по сложным уголовным делам, в рамках которых расследуются особо опасные преступления, имеющие трансграничный характер, что в первую очередь, обусловлено существенными финансовыми затратами. Инициатива создания таких групп может быть выдвинута как государствами – членами, так и Европолем или Евроюстом. Более того, информация о создании той или иной совместной

³⁵³ См. *Волеводз А.Г.* Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009, № 4.

следственной группы в первоочередном порядке поступает именно в Европол и Евроюст, что связано с межгосударственным характером преступлений.

Рекомендацией от 8 мая 2003 г. было определено типовое соглашение, посредством которого создаются совместные следственные группы³⁵⁴. Отметим, что данный документ носит рекомендательный характер, и, помимо указания на цели, состав участников следственной группы, ее руководителей, бюджет, может быть дополнено другими положениями, специально предусмотренными для того или иного дела.

Что касается применяемого в рамках деятельности совместных следственных групп права, отметим действующий в данном случае принцип «*locus regit actum*», то есть применяется право того государства, в котором работает следственная группа.

Необходимо также отметить, что полномочия совместных следственных групп легитимируются тем, что руководителем последних всегда является представитель государства, в котором осуществляются следственные действия. Таким образом, помимо компетенции следственной группы, закрепленной в соглашении, руководители групп пользуются компетенциями, которыми они обычно наделены в рамках их собственных полномочий. Остальные участники следственной группы пользуются компетенциями в соответствии с условиями соглашения о создании группы.

Важен и тот факт, что следственные действия по своей природе находятся на стыке правоохранительной и судебной деятельности, что также объясняет необходимость участия в следственных группах таких европейских инстанций, как Европол, Евроюст, Европейское ведомство по борьбе с мошенничеством и т.п. Как уже отмечалось, даже инициатива создания этих групп может исходить от данных институтов права ЕС.

³⁵⁴См.: Recomm. 8 mai 2003, Journal Officiel de l'union européenne, 23 Mai 2003.

Преимущества этой формы сотрудничества заключаются в частности в упрощенных процедурах по обмену информации и осуществлению следственных действий.

Так, в частности, каждый член группы располагает правом предоставления информации по делу, находящейся в судебных органах страны, которую он представляет³⁵⁵. Таким образом, по сравнению с классическими запросами на обмен информацией, характеризующимися довольно сложной процедурой и значительным числом формальностей, упрощенный обмен информацией в рамках совместных следственных групп является явным преимуществом.

Совместные следственные группы на практике достаточно эффективны, именно поэтому в июле 2005 была создана сеть, координируемая Европолом и Евроюстом, которая позволяла объединить опыт различных следственных групп. Также как Евроюст и Европейская судебная сеть, сеть следственных групп позволяет совершенствовать работу совместных следственных групп и популяризировать их применение на практике среди представителей судебных и правоохранительных органов.

1.4.2. Магистраты по связям

Магистраты по связям являются одним из первых постоянно действующих инструментов, посредством которых было организовано сотрудничество между судебными органами государств – членом ЕС. Созданные по подобию так называемых связных полицейских, организующих совместную работу правоохранительных органов различных

³⁵⁵ См.: ст. 1 §7 Рамочного решения № 2002/465 от 13 июня 2002 г.

европейских государств, связанные магистраты организуют соответствующее сотрудничество в сфере уголовного правосудия³⁵⁶.

Общая акция (совместные действия) от 22 апреля 1996 г.³⁵⁷ определила порядок обмена магистратами, который не является обязательным и осуществляется по необходимости как государствами – членами ЕС, так и третьими странами. Чаще всего функционирование таких магистратов осуществляется в рамках министерства юстиции государства, в которое он направляется, что делает такое сотрудничество схожим с классическими дипломатическими формами сотрудничества.

Среди функций магистратов по связям необходимо отметить развитие сотрудничества в сфере правосудия на билатеральной основе, что представляется логичным, учитывая, что магистрат по связям направляется в государство, с которым устанавливаются связи сотрудничества, которое не ограничивается исключительно уголовной сферой³⁵⁸.

Основная цель направления магистратов по связям в другие государства состоит в упрощении взаимопомощи в сфере правосудия между двумя государствами. Так, магистрат по связям предоставляет судебным органам государства, в которое он направлен, информацию, которой располагают судебные органы направившего его государства, налаживает связи между конкретными представителями судебных органов государств-членов, предоставляет помощь при составлении запросов на оказание помощи и т.п. Также он может принимать участие в осуществлении некоторых следственных действий, интересующих органы государства,

³⁵⁶См.: *Волеводз А., Дамирчиев А.* Европейская полицейская организация в свете Лиссабонского договора // Уголовное право. 2011, № 2. С 114-117.

³⁵⁷ См.: Cons. UE, action commune n° 96/277/JAI // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Avril 1996.

³⁵⁸ Следует отметить, что Комиссия ЕС предложила разработать правила по совершенствованию профессионального образования судей (в частности, их обучения иностранным языкам) с целью развития сотрудничества между ними. См.: Communication de la Commission au Parlement européen, au Conseil, au Comité économique et social européen et au Comité des régions du 13 septembre 2011, intitulée «Susciter la confiance dans une justice européenne, donner une dimension nouvelle à la formation judiciaire européenne» [COM(2011) 551 final – Non publié au Journal officiel].

которое он представляет. Его участие в рамках процедур выдачи преступников государству, которое он представляет, было довольно значительным до появления Европейского ордера на арест.

Помимо указанных конкретных функций, магистраты по связям также опосредованно способствуют сближению судебных систем государств и улучшению взаимного понимания представителей их судебных систем. Магистрат по связям предоставляет как государству, которое его направило, так и государству, в котором он работает, информацию касательно законодательства, практики и сложностей в работе³⁵⁹.

Вместе с тем следует уточнить, что магистрат по связям может действовать только в билатеральном сотрудничестве судебных органов. В противном случае компетенция по организации сотрудничества будет принадлежать Евроюсту. Так, например, если в случае, когда судебный орган государства, который направил запрос своему магистрату по связям, находящемуся в другом государстве, обнаружилось, что вопрос представляет не билатеральный, а плюрилатеральный характер, то компетенция по данному вопросу должна быть передана Евроюсту. И наоборот, когда Евроюст занимается вопросами билатерального сотрудничества, он должен передать такие дела магистратам по связям, за исключением тех случаев, когда дело представляет особую важность или сложность, требующую привлечения значительных средств.

Если такое распределение компетенций между магистратами по связям и Евроюстом в вопросах сотрудничества судебных органов представляется довольно определенным, то несколько сложнее определить взаимные компетенции магистратов по связям и европейской судебной сетью.

1.4.3. Европейская судебная сеть

³⁵⁹См.: *Barbe E.* Le point sur dix années d'existence des magistrats de liaison // *L'Observateur de Bruxelles*, n° 54, déc. 2003. P. 12 s.

Европейская сеть контактных пунктов в сфере правосудия была создана Общей акцией (совместными действиями) от 29 июня 1998 г.³⁶⁰, которая сравнительно недавно была заменена Решением Совета от 16 декабря 2008 г.³⁶¹ об упрочнении связей судебных органов в рамках данной сети.

Как отмечалось в российской доктрине³⁶², в сравнении с магистратами по связям, деятельность Европейской судебной сети в процессе интеграции имеет большую значимость, поскольку Европейская судебная сеть является одним из институциональных органов ЕС, который располагает собственным секретариатом. Также для реализации целей в рамках Европейской судебной сети созданы так называемые контактные пункты.

Несмотря на то, что секретариат Европейской судебной сети является отдельным, обладающим автономией органом, он одновременно является частью секретариата Евроюста. Секретариат Европейской судебной сети пользуется средствами, которыми располагает Евроюст, что также отражает наличие плотного сотрудничества между данными институтами.

В соответствии с законодательством ЕС (см. ст. 4 Решения от 16 декабря 2008 г.) контактные пункты определены как «активные посредники», которые своим участием способствуют решению конкретных дел. Они созданы для помощи судебным органам и другим компетентным органам своего государства и иных стран – членов ЕС, с которыми они находятся в постоянном контакте. К контактным пунктам могут обращаться судьи, которые в своей повседневной работе столкнулись со сложностями функционирования механизмов сотрудничества с органами правосудия другого государства-члена. Таким образом, в их функции входит

³⁶⁰ См.: Cons. UE, action commune n° 98/428/JAI, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

³⁶¹ См.: Cons. UE, déc. n° 2008/976/JAI, 16 déc. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 24 Décembre 2008.

³⁶² См.: *Каюмова А.Р.* Механизмы осуществления уголовной юрисдикции государствами ЕС в рамках формирования пространства свободы, безопасности и правосудия // *Международное публичное и частное право.* 2005. № 4 (25). С. 52

установление связей между судьями различных государств, необходимых в рамках отправления правосудия.

Каждое государство определяет лиц, которые будут выполнять функции контактных пунктов. Чаще речь идет о судьях или представителях министерства юстиции или других органов, компетентных в сфере отправления правосудия. В соответствии с упомянутым Решением (см. ст. 2 §5) контактные пункты каждого государства должны быть представлены лицами, обладающими большим опытом в сфере сотрудничества между судебными органами различных государств и которые, обладая необходимыми лингвистическими знаниями, способны установить контакты с зарубежными коллегами.

Государства обладают свободой в определении своих контактных пунктов, что частично объясняет их разнородность. Так, для осуществления данной функции некоторые государства назначили представителей органов национального уровня (в Бельгии, например, контактный пункт представлен прокуратурой), тогда как в других государствах они представлены децентрализованными судебными органами (например, Франция). Функции контактного пункта Европейской судебной сети могут осуществляться и магистратами по связям. Не совпадает также и количество контактных пунктов в различных странах.

Помимо контактных пунктов государств, существует и контактный пункт при Еврокомиссии. Также необходимо отметить, что контактные пункты существуют и в других государствах, которые принимают участие в Европейской судебной сети.

Сама Европейская судебная сеть осуществляет свою деятельность в трех основных направлениях:

- деятельность контактных пунктов по конкретным делам (является основной деятельностью Европейской судебной сети). Данное направление деятельности осуществляется неформально,

- посредством обмена электронной почтой, факсимильными сообщениями, телефонными звонками и т.п.;
- собрания Европейской судебной сети, которые проводятся как минимум три раза в год (ст. 5 Решения). В рамках данных собраний обсуждаются вопросы функционирования сети и практические проблемы взаимодействия судебных органов;
 - предоставление Европейской судебной сети практической информации и других инструментов, которые необходимы судебным органам для организации их взаимодействия с зарубежными коллегами. В частности, используются средства сети Интернет, и предусмотрено создание внутренней сети, предназначенной для обмена информацией в рамках сотрудничества судебных органов различных государств. Так, рамочные решения, касающиеся взаимного признания решений в сфере уголовного правосудия, предусмотрели распространение сертификатов решений, которые необходимо исполнить, «в рамках защищенной телекоммуникационной системы Европейской судебной сети»³⁶³.

Обращение за помощью к Европейской судебной сети осуществляется представителями судебной власти государств-членов, если только они столкнулись со сложностями при рассмотрении конкретного дела, в котором имеет место экстерриториальный элемент и для разрешения которого необходима организация связей с органами правосудия других государств. В таких случаях магистрат может обратиться в свой контактный пункт, с тем чтобы, например, ему помогли составить запрос на предоставление правовой помощи и направить его компетентным зарубежным коллегам, либо для того, чтобы установить контакт с судебным органом зарубежного государства, которому он направляет (или который ему направил) запрос о взаимопомощи. Также судьи могут обращаться в контактные пункты за

³⁶³ См., например: ст. 10 рамочного решения n° 2002/584/JAI.

разъяснением особенностей законодательства какого-либо государства, с которым им необходимо установить сотрудничество, за помощью в идентификации конкретного компетентного для сотрудничества судебного органа другого государства и т.п.

Несмотря на то, что ни Общая акция 1998 г., ни Решение 2008 г. не разрешили вопрос о компетентности контактных пунктов, на практике судебные органы обращаются в контактные пункты своих собственных государств. Взаимодействие с контактными пунктами осуществляется довольно просто, так как на закрытой части Интернет сайта Европейской судебной сети имеется вся необходимая для этого информация. Также в данной части сайта находится информация по разграничению компетенции между Европейской судебной сетью и Евроюстом, что позволяет магистратам правильно адресовать свой запрос.

Деятельность данных участников сотрудничества является взаимодополняющей, так как они предназначены для содействия судебным органам государств-членов и упрощению сотрудничества между ними в рамках расследования ими конкретных дел. Распределение компетенций между Европейской судебной сетью и Евроюстом зависит от двух факторов: билатерального или плюрилатерального характера отношений, а также от сложности дела. Следует отметить, что на распределение компетенции между этими субъектами сотрудничества судебных органов государств-членов также влияет конкретная форма помощи, которая необходима органам правосудия. Так, в случае если речь идет о билатеральном сотрудничестве судебных органов в рамках дела, не отличающегося сложностью, обращение должно быть направлено в один из контактных пунктов Европейской судебной сети.

Помимо закрытых средств Европейской судебной сети, существуют другие средства свободного доступа. Так, например, существует система «Атлас», которая организует прямое взаимодействие между судебными органами местного уровня. Основное предназначение данной системы

состоит в точном определении органа правосудия, с которым должно быть организовано сотрудничество в рамках того или иного конкретного дела. Другим примером может служить так называемая «бельгийская система», которая используется для предоставления практической информации, касающейся юридического режима, применяемого при реализации различных судебных производств (в частности, судебного следствия). Наконец, среди общедоступных информационных систем существует система «Солон», которая содержит словарь терминов и фраз, применяемых в уголовном праве, что позволяет судьям проще оперировать данными терминами в рамках сотрудничества с судебными органами зарубежных государств.

1.4.4. Евроюст

Евроюст (*Eurojust*), созданный Решением Совета от 28 февраля 2002 г.³⁶⁴ (с изменениями в соответствии с Решением от 16 декабря 2009 г.), является непосредственным участником сотрудничества в сфере уголовного правосудия. Создание постоянно действующего и централизованного института ЕС, организующего плюрилатеральные отношения между судебными органами различных европейских государств, свидетельствует о том, что взаимоотношения европейских государств вышли на новый уровень сотрудничества, а Евроюст в будущем может стать одним из элементов европейской интегрированной системы уголовного правосудия³⁶⁵. Принимая во внимание положения Лиссабонского договора

³⁶⁴ См.: Cons. UE, déc. n° 2002/187/JAI, 28 févr. 2002 instituant Eurojust afin de renforcer la lutte contre les formes graves de criminalité // Journal Officiel des communautés européennes, 6 Mars 2002.

³⁶⁵ См.: Потемкина О.Ю. Наднациональный и межправительственный методы интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2013. 438 с.

(ст. 86), можно предположить, что в дальнейшем Евроюст станет прообразом «европейской прокуратуры»³⁶⁶.

Создание Евроюста стало логичным следствием создания и функционирования Европола. Инертность сотрудничества в сфере уголовного правосудия в 90-е г. прошлого века негативно влияла на осуществление сотрудничества в правоохранительной сфере в целом. Евроюст состоит из представителей государств – членов ЕС – по одному от каждого государства – члена, которые, являясь членами Евроюста, продолжают осуществлять свои функции в качестве сотрудников органов, их направивших. Несмотря на это, их деятельность в Евроюсте осуществляется на постоянной основе. Штаб-квартира Евроюста находится в г. Гааге. Чаще всего представители государств-членов являются прокурорами (с 2002 по 2007 г. Евроюст состоял исключительно из представителей прокуратур государств – членов ЕС), представителями правоохранительных органов, что объясняется основной компетенцией Евроюста: содействие в проведении следственных действий осуществляется в части стран не судебными, а правоохранительными органами³⁶⁷.

Назначенные государствами – участниками ЕС члены Евроюста образуют руководящий орган – Коллегию Евроюста, состоящую из 27 человек, которая собирается два раза в неделю.

К компетенции Евроюста относятся организационная деятельность и рассмотрение конкретных дел.

Организационная деятельность Коллегии Евроюста включает все вопросы внутреннего функционирования данного органа³⁶⁸. Наделение коллегиального органа данной функцией свидетельствует о независимости

³⁶⁶См.: *Perrodet A. Étude pour un Ministère public européen // LGDJ, 2001. 412 p.*

³⁶⁷См. подробнее: *De Biolley S. La coordination des enquêtes et des poursuites: la mise en place d'Eurojust; Flore D. Actualités de droit pénal européen. Bruxelles, La Charte, 2003. P. 167.*

³⁶⁸Более того, в 2013 г. Евроюст был наделен Комиссией ЕС дополнительными полномочиями. См.: *Commission Decision of 13 September 2013 authorising derogations from Commission Delegated Regulation (EU) No 1271/2013 to Eurojust.*

Евроюста, что, в свою очередь, необходимо в свете компетенций данного органа в сфере правосудия (это также подчеркивается полномочиями по назначению и контролю деятельности административного директора Евроюста). Иначе говоря, отличительная особенность Евроюста, по сравнению с другими европейскими инстанциями, состоит в отсутствии административного совета, который является руководящим органом в большинстве европейских инстанций (в том числе и в Европоле), посредством которого государства – члены ЕС осуществляют контроль.

Коллегия Евроюста обладает полномочиями по расследованию конкретных дел, для чего она может обратиться к судебным органам того или иного государства-члена как от имени Коллегии, так и направив обращение одного из своих членов. Коллегия сама определяет, относится ли то или иное дело к компетенции Евроюста или нет.

Сотрудники Евроюста являются служащими, статус которых закреплен законодательством ЕС.

Целью создания Евроюста³⁶⁹ было оказание содействия судебным органам государств-членов. В соответствии с позитивным правом ЕС (см. ст. 3 Решения № 2002/187/JAI) Евроюст предназначен для помощи в координации следственных действий и сотрудничества органов государств-членов в делах, имеющих европейский (межнациональный) характер (с территориальной точки зрения). Евроюст на настоящий момент не подменяет органы государств-членов, самостоятельно осуществляя следственные действия. Вместе с тем Евроюст не уполномочен участвовать во всех делах транснационального (европейского) характера, а лишь в тех из них, в которых его помощь может оказаться существенной в связи (в частности) с тем, что он является постоянно действующей инстанцией.

³⁶⁹ См. подробно: *Дамирчиев Э. И.* Европейская организация правосудия (Евроюст): практика взаимодействия и перспективы развития // *Международное право и международные организации.* 2011, № 2. С. 19-28.

Тем не менее Евроюст обладает полномочиями по инициированию производства по делу. Если же дела не имеют транснационального характера и ограничиваются территорией одного государства, не отнесены к компетенции Евроюста, для инициирования его деятельности требуется соответствующее обращение государства – члена ЕС. В других случаях Евроюст может действовать по собственной инициативе. Более того, Евроюст занимается стратегически важными вопросами в рамках своей деятельности: координирует сеть совместных следственных групп, участвует в разработке стратегии европейской внутренней безопасности и т.д.

В полномочия Евроюста, в соответствии с актами, регламентирующими его деятельность, входит работа по следующим категориям правонарушений³⁷⁰:

1) правонарушения, подведомственные Европолу: данная категория с момента расширения компетенции Европола является довольно обширной³⁷¹;

2) отдельные криминальные явления: речь, в частности, идет о правонарушениях в сферах информационных технологий, мошенничества, коррупции, преступлений, нарушающих финансовые интересы Европейского сообщества, легализации финансовых средств, полученных преступным путем, экологии, организованной преступности;

3) а также «любое правонарушение, которое передано на его рассмотрение государством-членом».

Таким образом, принимая во внимание последнюю категорию, можно сделать вывод о том, что круг полномочий Евроюста по расследованию правонарушений определен нечетко.

³⁷⁰ См.: *Dehousse F. et Garciamartinez J.* «Eurojust» et la coopération judiciaire pénale // JTDE n° 1, 2004, vol. 12. P. 161-174.

³⁷¹ См.: Cons. UE, déc. n° 2001/C 362/01, 6 déc. 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 18 Décembre 2001.

На практике его деятельность сосредоточена на преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и мошенничеством.

С территориальной точки зрения компетенция Евроюста касается в первую очередь преступлений, имеющих транснациональный (трансграничный) характер, т.е. преступлений, которые совершены (или несколько связанных между собой преступлений) на территории двух или более государств. Тем не менее Евроюст может быть привлечен к работе и в тех случаях, когда речь идет о правонарушениях, в отношении которых исключительной компетенцией обладает лишь одно из государств-членов. В отношении таких правонарушений помощь Евроюста может быть запрошена в двух случаях. Во-первых, когда правонарушение касается третьего государства, с которым у Европейского Союза существуют особые отношения, или с которым Евроюст заключил соответствующее соглашение. Во-вторых, в случаях, когда правонарушение, касаясь лишь одного из государств-членов, в то же время затрагивает интересы Европейского Союза. В последнем случае речь идет, в частности, о финансовых преступлениях³⁷².

Государства, представители которых являются членами Евроюста, могут наделить их иными полномочиями, которые могут быть также реализованы в рамках их работы в данном институциональном органе ЕС.

В соответствии со ст. 9 вышеуказанного Решения государства – члены ЕС определяют компетенцию и полномочия своего представителя в Евроюсте, которыми он обладает в качестве представителя органа власти (органа правосудия) этого государства и которые он осуществляет на территории своего государства. Такая отсылка к национальному законодательству свидетельствует о «гибкости» деятельности Евроюста, так

³⁷² См.: *Flore D.* D'un réseau judiciaire européen à une juridiction pénale européenne, Eurojust et l'émergence d'un système de justice pénale, in: De Kerchove G. et Weyembergh A. L'espace pénal européen: enjeux et perspectives. L'Université de Bruxelles, 2002. P. 9.

как она позволяет наиболее активным государствам-членам более эффективно осуществлять сотрудничество судебных органов, чем это было предусмотрено в общем порядке. В данном случае речь идет об оперативных полномочиях, которыми располагают судебные органы государств-членов, например, при инициировании следственных мероприятий, выдаче европейского ордера на арест, осуществлении контроля за подозреваемым и т.п. Не все государства предоставляют такие полномочия своим представителям в Евроюсте³⁷³, что свидетельствует о том, что возможности Евроюста не полностью задействованы в настоящее время.

На практике в большинстве случаев работа по конкретным делам осуществляется членами Евроюста в индивидуальном порядке. Вместе с тем в трех случаях Евроюст уполномочен осуществлять свою деятельность на коллегиальной основе:

- 1) когда один или несколько членов Евроюста требуют коллегиального вмешательства;
- 2) когда предпринимаемые следственные действия затрагивают интересы Европейского Союза или могут затронуть интересы третьих стран;
- 3) когда речь идет об общих вопросах, касающихся деятельности Евроюста.

Заседания Коллегии Евроюста могут проходить в трех форматах:

- 1) в формате периодических собраний Коллегии, в рамках которых обсуждаются дела, сложность которых предполагает их коллегиальное рассмотрение;
- 2) в формате встреч членов Евроюста – представителей тех государств - членов, на территории которых совершены правонарушения;
- 3) в формате встреч, в которых участвуют не только члены Евроюста – представители государств-участников, где были совершены

³⁷³ В соответствии со статистикой эти государства сегодня составляют около четверти от всех государств – членов ЕС. См. подробнее: Cons. UE, doc. n° 11943/05.

правонарушения, но и представители судебных и правоохранительных органов этих государств. Такие встречи дают возможность на базе Евроюста организовать сотрудничество между различными субъектами, что позволяет следователям различных стран, расследующим связанные между собой уголовные дела, обмениваться информацией при расследовании дела и осуществлять иное взаимодействие. Так, например, по статистическим данным в 2014 г. было организовано порядка 300 таких встреч³⁷⁴.

Кроме того, в деятельности Евроюста широко применяются запросы, направляемые им национальным властям государств – членом ЕС, причем как от имени Коллегии, так и от имени отдельных ее членом (см. ст. 6, 7 Решения). Несмотря на официальный статус таких запросов, они не являются для стран – участниц ЕС обязательными для исполнения. Посредством таких запросов Евроюст может обратиться в компетентные органы правосудия государства-члена с просьбой:

- предпринять следственные действия;
- осуществить координацию действий со следственными органами других государств;
- создать следственную группу;
- предоставить информацию по определенному делу.

Кроме того, используя данную форму, Евроюст может при необходимости, например, попросить следственные органы одного государства передать дело следственным органам другого государства (при наличии на то оснований).

Вместе с тем нельзя говорить о безусловности необязательного характера таких запросов. Такой вывод можно основывать на обязанности государства, которому поступил запрос от Коллегии Евроюста, предоставить мотивированный отказ в удовлетворении ее просьбы.

³⁷⁴ См. подробнее: Rapport annuel 2014 // <<http://www.eurojust.europa.eu/doclibrary/corporate/Pages/annual-reports.aspx>>. По данным на 2014 г. общее количество дел, находящихся на рассмотрении в Евроюсте, составляет 1804 дела.

Деятельность Евроюста, осуществляемая на единоличной основе, то есть представителями государств-членов в Евроюсте, может осуществляться ими как в качестве представителя Евроюста, так и в качестве представителя органов правосудия направившего их государства. В последнем случае член Евроюста может получить просьбу о содействии не как член Евроюста, а как представитель органов правосудия своего государства, что предполагает получение просьбы государством-членом, а не Евроюстом.

Среди особых полномочий Евроюста необходимо отметить полномочия, связанные с введением европейского ордера на арест. Ст. 16 Рамочного решения от 13 июня 2002 г.³⁷⁵ устанавливает, что в случае позитивного конфликта компетенций, обусловленного выдачей европейского ордера на арест в отношении одного и того же лица несколькими государствами, Евроюст может вынести обоснованное мнение по данному вопросу.

Таким образом, Евроюст, будучи институтом ЕС, который в будущем может стать основой для создания европейской прокуратуры (ст. 69 Лиссабонского договора), является на сегодняшний день наиболее активным и значимым участником сотрудничества судебных органов государств-членов в сфере уголовного правосудия.

Интересна в этой связи характеристика Евроюста, представленная в зарубежной литературе. По мнению ряда авторов, Евроюст остается органом, в рамках которого организуется сотрудничество судебных органов государств – членов ЕС, а не европейским региональным институтом. Именно поэтому его необходимо рассматривать как инструмент взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС, а не как институт взаимодействия между судебными органами государств-членов и системой правосудия ЕС (см. гл. 3)³⁷⁶.

³⁷⁵ Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.

³⁷⁶ См. по данному вопросу, например: *Geyer F., Guild E. Security versus Justice?: Police and Judicial Cooperation in the European Union*. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 352 p.

§ 2. Виды сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС в сфере гражданского правосудия

Сотрудничество между судебными органами в сфере гражданского правосудия было организовано еще в рамках Брюссельской конвенции от 27 сентября 1968 г. о компетенции, взаимном признании и исполнении решений в гражданской и коммерческой сфере³⁷⁷.

В дальнейшем, в соответствии со ст. 65 Римского договора, эти положения конвенции были инкорпорированы в право ЕС. Современная редакция данной статьи в целях улучшения функционирования внутреннего рынка предусматривает ряд мер, направленных на улучшение и упрощение системы трансграничной передачи судебных и несудебных актов, сотрудничества в сфере предоставления доказательств, признания и исполнения судебных решений в гражданской и коммерческой (торговой) сфере. Так, например, Регламент № 1348/2000 от 29 мая 2000 г. о передаче и признании государствами судебных (и внесудебных) актов в сфере гражданского и коммерческого (торгового) правосудия³⁷⁸ стал одним из актов, конкретизировавших указанные в ст. 65 учредительного договора ЕС цели.

Более того, положения упомянутой Брюссельской конвенции были также внесены в право ЕС принятым 21 декабря 2001 г. Регламентом № 44/2001³⁷⁹, который в зарубежной науке получил название «Регламент

³⁷⁷ См.: *Gaudemet-Tallon H.* Compétence et exécution des jugements en Europe // LGDJ, 2002. P. 3.

³⁷⁸ См.: Règl. n° 1348/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.

³⁷⁹ См.: Règl. n° 44/2001, 22 déc. 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 16 Janvier 2001. Данный регламент был изменен следующим актом: Règl. n° 156/2012, 23 février 2012 // Journal Officiel des communautés européennes. А в последствии следующим регламентом: Règl. n° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

«Брюссель 1»³⁸⁰. Взаимное признание судебных решений в сфере гражданского правосудия было установлено в качестве общего принципа Регламентом № 2201/2003 от 27 ноября 2003 г.³⁸¹

Другие области сотрудничества в сфере гражданского правосудия также стали объектом регулирования права ЕС. Так, например, Регламент №1346/2000 от 29 мая 2000 г. определил правовые основы сотрудничества в рамках производств по признанию несостоятельности (банкротства)³⁸². Другим примером является Регламент № 1206/2001 от 28 мая 2001 г. о сотрудничестве судебных органов государств-членов в отношении получения доказательств в сфере гражданского и коммерческого судопроизводства³⁸³.

По мнению российских юристов, Римский договор в пункте «b» ст. 65 урегулировал немаловажный в международном частном праве вопрос конфликта законов на европейском пространстве³⁸⁴. Интеграция в право ЕС Конвенции о контрактных (договорных) обязательствах посредством принятия Регламента № 593/2008 от 17 июня 2008 г.³⁸⁵ произошла практически одновременно с принятием Регламента, регулирующего конфликт законов в сфере внедоговорных обязательств³⁸⁶.

В области сотрудничества судебных органов в гражданских делах, имеющих трансграничный характер, которые определены в ст. 65 Римского

³⁸⁰ См., например: *Labayle H.* Le juge dans l'Espace de liberté, sécurité et justice de l'Union européenne // *Mélanges en l'honneur du président Bruno Genevois.* Dalloz, 2008. P. 435.

³⁸¹ См.: Règl. n° 2201/2003, 27 nov. 2003 // *Journal Officiel de l'union européenne*, 23 Décembre 2003.

³⁸² См.: Règl. n° 1346/2000, 29 mai 2000 // *Journal Officiel des communautés européennes*, 30 Juin 2000.

³⁸³ См.: Règl. n° 1206/2001, 28 mai 2001 // *Journal Officiel des communautés européennes*, 27 Juin 2001.

³⁸⁴ См. подробнее: *Гетьман-Павлова И.В.* Унификация внедоговорных обязательств в праве Европейского Союза // *Международное право и международные организации.* №1, 2011.

³⁸⁵ См.: Règl. n° 593/2008, 17 juin 2008 // *Journal Officiel de l'union européenne*, 4 Juillet 2008.

³⁸⁶ См.: Règl. n° 864/2007, 11 juill. 2007 // *Journal Officiel de l'union européenne*, 31 Juillet 2007.

договора, указано также «на устранение препятствий нормальному функционированию гражданского судопроизводства» (пункт «с»).

Данное положение было в дальнейшем конкретизировано Регламентами № 743/2002 от 15 апреля 2002 г.³⁸⁷, № 1896/2006 от 12 декабря 2006 г.³⁸⁸, № 861/2007 от 11 июля 2007 г., что позволило усовершенствовать различные аспекты гражданского судопроизводства государств-членов, применяемые в рамках транснационального сотрудничества судебных органов.

Список актов вторичного права ЕС, регулирующего сотрудничество судебных органов государств-членов в гражданской и коммерческой сферах, может быть продолжен³⁸⁹, так как в отличие от сотрудничества в сфере уголовного правосудия, в праве ЕС действует большое число актов, регулирующих вопросы сотрудничества в области гражданского судопроизводства³⁹⁰. Более того, в последнее время наблюдается значительное увеличение их числа. Так, различными органами ЕС было рекомендовано принять ряд актов в различных сферах сотрудничества в рамках гражданского судопроизводства, которые находятся на настоящий момент в процессе разработки.

2.1. Европейский исполнительный лист

В 1998 г. Комиссией ЕС была подчеркнута необходимость признания и исполнения решений судов любого из государств-членов на территории

³⁸⁷ См.: Règl. n° 743/2002, 25 avr. 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 1er Mai 2002.

³⁸⁸ См.: Règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2006.

³⁸⁹ См., например: Barbe E. L'espace judiciaire européen // La Documentation française, Réflexe Europe, 2007. P. 67.

³⁹⁰ См., например: Proposition de Règlement du Parlement européen et du Conseil relatif à la reconnaissance mutuelle des mesures de protection en matière civile du 18 mai 2011 // COM (2011) 276 final.

всего Европейского Союза³⁹¹. Полную отмену экзекватуры на тот момент было сложно представить, отсутствие единообразия исполнительных производств государств-членов являлось, по мнению последних, непреодолимыми препятствиями на пути ее отмены. Лишь после Европейского Совета в г. Тампере всеми участниками процесса строительства европейского пространства правосудия было признано, что принцип взаимного признания судебных решений является основным аспектом создания пространства правосудия ЕС. Идея создания Европейского исполнительного листа была реализована с принятием Регламента № 805/2004 от 21 апреля 2004 г. о Европейском исполнительном листе по бесспорным требованиям³⁹².

В соответствии со ст. 1 Регламента № 805/2004 целью Европейского исполнительного листа является гарантия свободного передвижения судебных решений и других актов. Иначе говоря, с этого момента исполнение решений судебных органов в рамках Европейского Союза не требует применения специального промежуточного производства – экзекватуры. Данный Регламент устанавливает принцип, в соответствии с которым судебные решения органов правосудия государств-членов обладают исполнительной силой не только на территории государства, судебный орган которого выдал данное решение, но и на территории всех государств – членов ЕС. Исполнительная сила решений не предоставляет теперь возможность государству-члену, в котором исполняется решение, препятствовать его исполнению и предполагает наличие взаимного доверия государств-членов, без чего создание такой системы было бы невозможным.

³⁹¹ См.: Comm. CE, Comm. au Cons. UE et au PE, Vers une efficacité accrue dans l'obtention et l'exécution des décisions au sein de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 31 Janvier 1998.

³⁹² См.: Règl. (CE) n° 805/2004, 21 avr. 2004 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Avril 2004. См. подробнее: *Литвинский Д.В.* Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 805/2004 от 21 апреля 2004 г., устанавливающий Европейский исполнительный лист для бесспорных требований // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. СПб.: Изд. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. №4. С. 614-665.

Решение или акт, в отношении которых действует система Европейского исполнительного листа, подлежат контролю, который осуществляется не государством, исполняющим решение, а органом государства, выдавшим такое решение или акт.

Регламент № 805/2004 не является единственным документом, учреждающим систему исполнительного листа. Ряд других документов, в которых прямо не используется формулировка «исполнительный лист», по их содержанию можно отнести к актам, отменяющим экзекватуру. В их числе следует назвать, например, Регламент Европейского Союза № 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. о юрисдикционной компетенции, признании и исполнении решений по семейным делам и делам об ответственности родителей³⁹³, который предусмотрел отмену экзекватуры в отношении отдельных решений; Регламент Европейского Союза №1896/2006 от 12 декабря 2006 г., устанавливающий европейское приказное производство³⁹⁴, содержит статью 19, которая так и называется «отмена экзекватуры»; Регламент ЕС 861/2007 от 11 июля 2007 г.³⁹⁵ о введении европейского производства по малозначительным спорам также предусматривает, что исполнение решений не обременяется предварительным производством экзекватуры. Особо следует выделить так называемый Регламент «Брюссель 1 bis»³⁹⁶, которым в полной мере была отменена экзекватура не только исполнительных листов, но и иных исполнительных документов в

³⁹³ См.: Cons. UE, règl. (CE) n° 2201/2003, 23 nov. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Décembre 2003.

³⁹⁴ См. подробнее: *Брановицкий К.* Возможности использования информационных технологий в европейском приказном производстве (Регламент ЕС № 1896/2006 «О введении европейского приказного производства») // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2009, № 10. С. 36-39.

³⁹⁵ См.: PE et Cons. UE, règl. (CE) n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Juillet 2007.

³⁹⁶ См.: *E. Guinchard* Le nouveau règlement Bruxelles I bis: Règlement n°1215/2012 du 12 décembre 2012 concernant la compétence judiciaire, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière civile et commerciale. Primento, 2014. 568 p.

отношении всех категорий решений по гражданским и коммерческим делам³⁹⁷.

Таким образом, область применения Регламента № 805/2004 ограничивается, за некоторыми исключениями (дела, касающиеся наследственного, семейного права, банкротств и т.п.), гражданскими и коммерческими делами, равно как и применения Регламента № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о юрисдикции, признании и исполнении решений по гражданским и коммерческим (торговым) делам.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что названный Регламент действует только в отношении судебных решений и других актов, касающихся бесспорных требований, т.е. требований финансовой природы, которые можно беспрепятственно взимать, так как они были признаны судебным решением и самое главное, в отношении которых у ответчика (обязанного лица) не возникает претензий (ст. 3, 4 Регламента)³⁹⁸. Таким образом, любое судебное решение суда государства-члена, констатирующее наличие бесспорного обязательства (например, сделку или примирительное производство, осуществляемое в судебном порядке) будет располагать исполнительной силой, присущей любому судебному решению в любом из государств – членов ЕС.

Отметим, что принятие Регламента установившего взаимное признание судебных решений в отношении бесспорных требований, в значительной степени способствовало прогрессу в сотрудничестве судебных систем государств – членов ЕС. В сравнении с признанием судебных решений в рамках производств экзекватуры, европейский исполнительный лист автоматически наделяет решение исполнительной силой во всех государствах-членах, а не только в том, в котором было инициировано производство экзекватуры. Более того, по сравнению с предыдущими

³⁹⁷ Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

³⁹⁸ См. подробнее: *Huet A. Un titre exécutoire européen parmi d'autres: l'acte authentique, Mélanges M. Revillard, Defrénois, 2007. P. 183.*

актами права ЕС, регулируемыми вопросы исполнения судебных решений в сфере гражданского правосудия (например, Регламент № 44/2001), Европейский исполнительный лист наделяет решение (акт) неоспоримой силой, а не только презумпцией таковой³⁹⁹.

С вступлением в силу Регламента № 805/2004, а также Регламента № 1215/2012⁴⁰⁰ принципы свободного передвижения судебных решений на территории Европейского Союза получили свою максимальную реализацию. Как уже было констатировано, реализация данного принципа потребовала отмены экзекватуры и других подобных предварительных, необходимых для исполнения решения процедур, но стоит также отметить, что указанным Регламентом были также отменены возможности оспаривания исполнительной силы зарубежных решений. Незамедлительное исполнение решений судебных органов одного государства-члена в другом и, соответственно, «быстрота и простота процессуальных действий»⁴⁰¹, ставшие результатом введения Европейского исполнительного листа, подкрепляются тем фактом, что в настоящее время отсутствует возможность его оспаривания в государстве, в котором он предъявлен.

Более того, за двумя исключениями, оспорить Европейский исполнительный лист невозможно и в государстве, органы правосудия которого его выдали (см. ст. 10-7 Регламента)⁴⁰².

Применение принципа невозможности оспаривания Европейского исполнительного листа обосновано. Во-первых, Европейский исполнительный лист не был выдан органами государства, в котором он подлежит исполнению, поэтому логично отсутствие возможности его

³⁹⁹ См. подробнее: *Péroz H.* Jugements étrangers et pratique notariale: l'apport du droit international privé communautaire // JCP, 2004. P. 1525.

⁴⁰⁰ См.: Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

⁴⁰¹ См.: *Péroz H.* La réception des jugements étrangers dans l'ordre juridique français // LGDJ, 2005. P. 162.

⁴⁰² См. подробнее: *Jeuland E.* Le titre exécutoire européen: un château en Espagne? // Gaz. Pal. 27-28 mai 2005. P. 16.

оспаривания в этом государстве. Во-вторых, если бы возможность оспаривания исполнительного листа существовала, тогда принцип свободного передвижения судебных решений не нашел бы применения. Отсутствие возможности обжалования в государстве, в котором решение подлежит исполнению, закреплено ст. 21-2 Регламента: решение «не может ни в коем случае быть предметом контроля по существу в государстве-члене, где осуществляется его исполнение».

Единственное основание для отказа в исполнении решения по Европейскому исполнительному листу состоит в его противоречии уже существующему решению судебного органа любого из государств – членов ЕС (ст. 21-2 Регламента). Следует отметить, что даже в данном случае контроль судебного органа государства-члена, в котором исполняется решение, будет распространяться только на предыдущее решение, а не на решение, наделенное европейской исполнительной силой.

Универсальность действия Европейского исполнительного листа потребовала от европейского законодателя закрепления его единой формы. Повсеместное применение Европейского исполнительного листа в рамках Европейского Союза гарантирует, что обязательные к указанию в Европейском исполнительном листе аспекты дела были изучены судом, выдавшим его. Данная унификация формы Европейского исполнительного листа была необходима для формирования взаимного доверия между судебными системами государств-членов, предполагающего наличие общих процессуальных действий и гарантий, позволяющих государствам-членам доверять решениям судебных органов других государств-членов.

Помимо минимальных общих правил, касающихся процедуры выдачи и формы Европейского исполнительного листа, существуют и другие условия.

Во-первых, выдача исполнительного листа, хотя и возможна в рамках основного производства тем же судебным органом, который рассматривает дело по существу, все же предполагает наличие специального запроса со

стороны заявителя. Не стоит рассматривать данный факт как значительное ограничение, так как данного условия невозможно было избежать в связи с необходимостью закрепления общей формы, в то же время не гармонизируя полностью процессуальное (судебное) право государств-членов. Более того отметим, что с вступлением в силу Регламента № 1215/2012⁴⁰³ сама необходимость в исполнительном листе отпала, так как судебные решения одного государства-члена отныне имеют исполнительную силу в отсутствие необходимости получения какого-либо документа.

Во-вторых, одним из условий действия данного инструмента процессуально-исполнительного производства является применение к нему законодательства государства, в котором оно осуществляется (ст. 20-1 Регламента), а не по законодательству государства, предоставившего исполнительный лист.

В-третьих, предусмотрено обязательство по подтверждению аутентичности исполнительного листа (требование апостиля), а также его перевода на язык государства, в котором решение должно быть исполнено (ст. 20-2 Регламента).

В-четвертых, как уже было отмечено, основным условием является материальное ограничение, состоящее в том, что исполнительная сила решений судебных органов государств – членов ЕС распространяется только на бесспорные требования.

В итоге можно констатировать, что Европейский исполнительный лист является одним из показателей высокого уровня интеграционных связей между судебными системами государств – членов ЕС. Действие решений судебных органов государств-членов на всем пространстве ЕС, а не на территории государства-члена, судебный орган которого вынес решение, свидетельствует о формировании основ европейской судебной системы, состоящей из судебных органов государств-членов. Несмотря на

⁴⁰³ См.: Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

существование некоторых ограничений исполнительной силы решений судов одного государства в другом государстве, можно утверждать, что организация взаимоотношений между судебными органами государств – членов ЕС в сфере гражданского правосудия, с одной стороны, является наиболее развитой в международных отношениях судов, а с другой стороны, представляет собой основу построения единого пространства правосудия.

Подтверждением существования основ для его построения являются и другие инструменты сотрудничества судебных органов государств-членов в сфере гражданского правосудия, в частности Европейское распоряжение суда об уплате и европейское производство по разрешению незначительных споров. Кроме того, действует Регламент о взаимном признании и исполнении судебных решений по вопросам супружеской собственности⁴⁰⁴. Установленная Регламентом №1215/2012 от 12 декабря 2012 г.⁴⁰⁵ возможность исполнения судебных решений одного государства в другом по отдельным категориям дел даже в отсутствии исполнительного листа также свидетельствует о высоком уровне интеграции и сотрудничества между судебными органами государств – членов ЕС. Только распространение таких принципов на решения всех судебных органов и по всем категориям дел позволит говорить о создании полноценной панъевропейской судебной системы.

2.2. Европейское распоряжение суда об уплате

В соответствии со статьей 65 Римского договора создание европейского пространства правосудия воспринималось и воспринимается как «необходимый элемент надлежащего функционирования общего рынка». Необходимость совершенствования функционирования

⁴⁰⁴ См.: Règlement du Conseil du 16 mars 2011 relatif à la compétence, la loi applicable, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière de régimes matrimoniaux // COM(2011) 126 final.

⁴⁰⁵ См.: Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

внутреннего рынка привела к отмене производства экзекватуры и замене его на взаимное признание судебных решений (признание их прямой исполнительной силы). Однако введение Европейского исполнительного листа не привело к гармонизации процессуально-исполнительного законодательства, а лишь к установлению минимального набора норм, необходимых для взаимного признания и исполнения судебных решений.

Европейское распоряжение суда об уплате и европейское производство по разрешению незначительных споров имеют особую историю внедрения, связанную с необходимостью защиты прав потребителей на европейском пространстве. Еще в Зеленой книге 1993 г.⁴⁰⁶ поднимались такие проблемы, как доступ лиц к правосудию и разрешение потребительских споров, и указывалось на необходимость разработки мер, предназначенных для их решения. Комиссия ЕС подтвердила свои намерения по урегулированию проблем, связанных с незначительными спорами и распоряжениями судов об уплате, имеющих межнациональный характер в более позднем документе – Зеленой книге от 20 декабря 2002 г.⁴⁰⁷ В итоге законодательные меры были приняты лишь 12 декабря 2006 г. в отношении европейского распоряжения об уплате⁴⁰⁸ и 11 июля 2007 г. – в отношении незначительных споров⁴⁰⁹.

Первые статьи названных регламентов закрепляют в качестве цели упрощение и ускорение производств по незначительным спорам и бесспорным обязательствам. Как и в отношении Европейского исполнительного листа, введение новых инструментов взаимодействия судебных органов государств-членов должно было привести к сокращению расходов на судопроизводство и к отмене промежуточного производства в государстве исполнения (производств, подобных экзекватуре).

⁴⁰⁶ См.: COM(93)576.

⁴⁰⁷ См.: COM(2002)746 final.

⁴⁰⁸ См.: PE et Cons. UE, règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne 30 Décembre 2006.

⁴⁰⁹ См.: PE et Cons. UE, règl. n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

Каждый из регламентов закрепил упрощенную форму производства, применяемую в любом из государств – членов ЕС, и позволяющую лицу истребовать принятия судебного решения, обладающего исполнительной силой на всей территории ЕС, в отношении незначительных или бесспорных обязательств. Как и в случае Европейского исполнительного листа, оба текста устанавливают минимальный набор процессуальных правил (форму производства), необходимых для обеспечения взаимного доверия при исполнении решений органов правосудия другого государства на своей территории, что привело к необходимости создания специальных процедур в рамках процессуальных законодательств государств-членов⁴¹⁰.

Оба рассматриваемых Регламента касаются сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС по гражданским и коммерческим (торговым) делам, за исключением налоговой, административной и таможенной категорий дел, а также дел, касающихся «*acta jure imperii*»⁴¹¹. В отличие от Регламентов № 44/2001 и № 805/2004, которые по своей природе могут затрагивать «внутренние» споры, но требуют исполнения судебных решений за рубежом, Регламенты № 1895/2006 и № 861/2007 уточняют, что они применяются по отношению к «трансграничным спорам, которые являются таковыми в связи с тем, что как минимум одна из сторон спора постоянно проживает в другом, по отношению к судебному органу, рассматривающему его дело, государстве». Независимо от того, идет ли речь об истце или об ответчике, трансграничный характер судебного спора будет определяться местонахождением суда, в который обратились стороны для разрешения их спора. Если речь идет о суде государства, в котором хотя бы одна из сторон не проживает постоянно, то такой судебный спор будет иметь трансграничную природу. Такое понятие позволяет признать

⁴¹⁰ См. подробнее *Le Bars Th. Impact of the Regulation 1896/2006, creating a European order for payment procedure, in International arbitration: «an exception to the exception» // La Revue 2008* (<<http://larevue.hammonds.fr>>).

⁴¹¹ Лат.: «действия в проявление государственной власти».

трансграничным и спор лиц, которые даже не проживают в одном из государств – членов ЕС.

Данные регламенты применяются в отношении «незначительных» споров, под которыми европейский законодатель подразумевает споры, касающиеся финансовых обязательств, не превышающих сумму в 2000 евро (Регламента №1896/2006). Такое ограничение применения европейского производства по разрешению споров является одним из ограничений, частично сохраняющих полномочие за судами государств-членов, разрешающих гражданские дела. Это объясняется тем, что последние логически обладают исключительной компетенцией в отношении «значительных» судебных разбирательств.

В то же время в отношении производства по Европейскому распоряжению об уплате не существует финансово исчислимого предела, ограничивающего его применение.

Применение данных (обоих) производств остается факультативным. Истец может прибегнуть и к внутригосударственным производствам, однако в отношении транснациональных споров в интересах истца более целесообразно использовать производства, предусмотренные правом ЕС, так как они позволяют избежать ряда неудобств.

Так, например, если истец намерен воспользоваться внутригосударственными процедурами производства, то вполне возможно, что судебные решения, принятые в одном из государств в рамках особого производства на несостязательной основе, в соответствии с судебной практикой Суда ЕС, не могут быть исполненными в другом государстве, так как они не предоставляют достаточных гарантий и прав ответчику⁴¹². Таким образом, национальные производства по распоряжению об уплате, не соответствующие таким требованиям, не могут иметь силы в других государствах-членах, что очевидно может создать проблемы для одной из

⁴¹²См.: CJCE, 13 juill. 1995, aff. C-474/93, Hengst Import BV c/ Anna Maria Campese.

сторон процесса. Использование же европейского производства по распоряжению об уплате позволяет избежать этого.

Принимая во внимание, что, по крайней мере, в одном из рассматриваемых регламентов речь идет о незначительных спорах, а также то, что процесс проходит за рубежом, можно предположить, что ответчик может отказаться участвовать в нем. Следовательно, суду самому придется определить свою компетентность, т.е. принцип взаимного доверия государств-членов в данном случае приобретает особую актуальность. Следует отметить, что взаимное доверие в рамках рассматриваемых регламентов имеет большее значение, чем в рамках регламента, установившего Европейский исполнительный лист. Судебный орган, выдающий сертификат соответствия судебного решения по разрешению незначительного спора, проводит лишь контроль содержания и наличия исполнительной силы данного решения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в распоряжении лиц имеется набор инструментов, позволяющих им затребовать взыскание бесспорных обязательств – Европейский исполнительный лист и Европейское распоряжение об уплате. Тем не менее между двумя данными инструментами существуют различия.

Так, различна сфера их действия. Если распоряжение об уплате применяется в трансграничных спорах, то Европейский исполнительный лист может применяться и в спорах внутреннего права при условии, что исполнение решения будет осуществляться за рубежом. Европейское распоряжение об уплате касается взысканий по договорным обязательствам, тогда как Европейский исполнительный лист может касаться взыскания по любым финансовым обязательствам.

Как Европейский исполнительный лист, так и Европейское распоряжение об уплате обладают одной общей характеристикой, подтверждающей идею, согласно которой оба инструмента являются элементами межсистемных отношений, а не внутренними отношениями

единой судебной системы. Оба инструмента права ЕС применяются только для бесспорных обязательств, оставляя в исключительной компетенции национальных судебных органов рассмотрение иных споров (за исключением незначительных споров).

Существование специальной процедуры производства выдачи Европейского распоряжения об уплате сертификата, касающегося решения по незначительным спорам, также свидетельствует о высоком уровне сотрудничества в рамках межсистемных отношений государств-членов.

Европейское распоряжение об уплате запрашивается лицом посредством заявления, составленного в единой утвержденной форме и являющегося приложением к Регламенту № 1895/2006. Также, § 2 ст. 7 Регламента предусматривает определенный набор информации о деле и лицах процесса, которые должны содержаться в обращении (особенностью, например, является необходимость указания трансграничного характера спора).

Расходы на производство по выдаче Европейского распоряжения об уплате рассчитываются в соответствии с законодательством государства, органы которого его выдают (ст. 15 Регламента). Однако Регламент предусматривает, что такие расходы не должны быть чрезмерными. Вместе с тем стоит заметить, что в большинстве государств – членов ЕС выдача Европейского распоряжения об уплате осуществляется бесплатно.

Еще одной особенностью выдачи Европейского распоряжения об уплате является отсутствие необходимости представительства истца адвокатом (ст. 24 Регламента).

Производство по выдаче Европейского распоряжения об уплате осуществляется судебным органом, что, по мнению Суда ЕС, не исключает возможности передачи данной компетенции в соответствии с законодательством государства-члена иному (например, квази-судебному)

органу⁴¹³. Более того, ст. 8 Регламента уточняет, что «производство по выдаче Европейского распоряжения об уплате может быть автоматизированным». В соответствии с положениями Регламента №44/2001 судебный орган, к которому обратилось лицо, обязан проверить свою компетентность по отношению к делу (трансграничный характер дела, компетентность с материальной точки зрения, договорная основа финансового обязательства и т.п.).

Орган, выдающий Европейское распоряжение об уплате, осуществляет лишь формальный контроль запроса по существу. Последний формулируется в форме, утвержденной Регламентом, где основным параметром выступает сумма, которую заявитель намерен взыскать с ответчика, а также основание финансового обязательства. Заявитель на данной стадии производства не обязан предоставлять других доказательств существования права требования к ответчику. Таким образом, информация, представляемая заявителем, является минимальной. На практике заявитель указывает источник возникновения обязательства должника, в отношении которого он запрашивает Европейское распоряжение об уплате (например, договор купли-продажи, найма); основания (например, неуплата), а также дополнительную информацию (например, место покупки).⁴¹⁴ В случае если ходатайство заявителя является обоснованным и все условия для выдачи Европейского распоряжения об уплате соблюдены, то последнее предоставляется решением судебного органа, в который было подано данное ходатайство.

В заключительной части Регламента указана информация, которая должна фигурировать в решении о выдаче Европейского распоряжения об уплате.

⁴¹³ См.: CJCE, ord., 14 mai 2008, aff. C-109/07.

⁴¹⁴ См. подробнее: *Guinchard E.* L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges // RTD. com. juill.-sept. 2008. P. 465.

Решение о предоставлении распоряжения об уплате направляется ответчику. Принимая во внимание, что последний зачастую находится в другом государстве-члене, уведомление ответчика о выданном распоряжении также регулируется европейским законодательством (см. Регламент № 1393/2007 от 13 ноября 2007 г.).

На практике чаще всего ответчик извещается секретарем суда, выдавшего распоряжение об уплате (в частности в случае, если ответчик находится в государстве, орган которого выдал распоряжение об уплате). В противном случае документ (распоряжение об уплате) направляется истцом судебному приставу государства, выдавшего распоряжение, который затем передает его соответствующему органу государства, в котором находится должник.

Ответчик имеет возможность оспорить вынесенное против него распоряжение об уплате, о чем сказано в приложении к извещению, в частности, перечислены все возможности оспаривания распоряжения; сроки оспаривания, судебный орган, в компетенцию которого входит рассмотрение данного вопроса, и т.п. Если извещение ответчика осуществляется в соответствии с национальным законодательством, то последнее должно все же соответствовать минимальным стандартам, закрепленным правом ЕС. Данные стандарты аналогичны тем, которые применяются в отношении Европейского исполнительного листа (см. ст. 13-15 Регламента №805/2004).

Основной целью закрепления минимальных стандартов процедуры выдачи распоряжения об уплате является сохранение прав, в частности права на защиту ответчика, что объясняется односторонним (особым) характером производства. В связи с этим чаще всего распоряжение об уплате вручается ответчику лично под роспись, (см. ст. 13 Регламента). Европейский законодатель уделяет особое внимание правилам извещения и передачи официальных документов, что подтверждается принятием специального Регламента, посвященного исключительно вопросам передачи

судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим спорам⁴¹⁵.

В соответствии с правилами указанного Регламента извещение ответчика о наличии распоряжения возможно и посредством современных средств коммуникации (Интернет и т.п.), но даже в таких случаях необходимо подтверждение о получении ответчиком копии документа (распоряжения об уплате). Подтверждение получения извещения не является необходимым лишь в тех случаях, когда ответчик заранее согласился его получить определенным образом (например, по электронной почте) (ст. 14 Регламента). Существуют и другие способы информирования ответчика о выданном в отношении него Европейском распоряжении об уплате (см. Регламент № 1896/2006).

Как было отмечено выше, ответчик имеет возможность оспорить распоряжение. Он может воспользоваться этим правом в течение 30 дней после его получения (срок рассчитывается, начиная со дня, следующего за днем вручения распоряжения об уплате). Тем не менее текст Регламента предусматривает также и другие сроки (см. §1 ст. 18).

Для жалобы ответчика Регламентом также установлена определенная форма заявления, причем ответчик не обязан мотивировать свое заявление, он лишь направляет его в выдавший распоряжение судебный орган.

Производство по обжалованию проводится в обычном порядке. Судебный орган информирует истца об оспаривании ответчиком распоряжения об уплате. Производство осуществляется так же, как и производство по выдаче распоряжения об уплате в соответствии с законодательством государства, орган которого выдал распоряжение об уплате (ст. 24 Регламента).

В случае неподачи заявления об обжаловании распоряжения об уплате по истечении указанного срока, оно приобретает исполнительную силу (§1

⁴¹⁵ См.: Регламент № 1393/2007 от 13 ноября 2007 г. // Official Journal L 324, 10/12/2007. P. 0079 – 0120.

ст. 18). Формальные условия наделения распоряжения исполнительной силой также регулируются внутренним законодательством государства, судебный орган которого выдал данный документ. Далее распоряжение об уплате в форме документа (форма указана в приложении к Регламенту) направляется судом истцу (ст. 18 § 3 Регламента). С этого момента истец может приступать к исполнению распоряжения об уплате в любом из государств-членов.

Следует отметить, что при соблюдении двух условий ответчик наделен правом обжалования уже вступившего в силу распоряжения, что является дополнительной гарантией его права на защиту. Ответчик может потребовать повторного рассмотрения дела в случае, если нет подтверждения, что он был проинформирован о существующем в отношении него распоряжении об уплате; в случае если такая информация не была ему предоставлена в срок, необходимый для подготовки его защиты, или если существовали непреодолимые препятствия для предоставления защиты (ст. 20 Регламента). Данные условия обжалования свидетельствуют о значительном шаге вперед европейского законодательства в вопросе гарантий прав, чего нельзя сказать в контексте Европейского исполнительного листа, в отношении которого таких совершенных механизмов не предусмотрено.

Производство в отношении незначительных споров является иным по природе видом производства – не особым, а состязательным. В связи с этим Регламент № 861/2007 от 11 июля 2007 г. предусмотрел, что данное производство должно соответствовать «принципам справедливого разбирательства» (ст. 9 Регламента). Данное положение имеет особое значение, поскольку взаимодействие судебных органов государств – членов ЕС проводится в целях улучшения и упрощения производств, позволяющих гражданам свободно осуществлять юридически значимые действия на всем европейском пространстве. Соответствие «принципам справедливого разбирательства» в данном случае предполагает, что упрощение

процессуального формализма в целях создания единого пространства правосудия и условий для «свободного передвижения судебных решений» не может нарушать основные принципы судопроизводства, гарантирующие права участников судебного процесса.

В рамках данного производства иск подается в форме, установленной Регламентом (§1 ст. 4), что направлено на создание условий, гарантирующих единообразное применение данного производства на всем европейском пространстве. Формуляр, представленный в Регламенте, который должен быть заполнен истцом и подан в суд государства-члена для инициирования производства, должен содержать аналогичную информацию о деле, которую лицо должно представить в рамках производства по выдаче распоряжения об уплате. Таким образом, четко определенное количество обязательной информации, указываемой в идентичном формуляре иска, закрепленном в Регламенте, позволяет обеспечить взаимное доверие между государствами-членами, а также избежать путаницы между судебными органами различных государств в ходе исполнения решений.

Как и в случае с производством по распоряжению об уплате, представительство сторон в суде не является обязательным (ст. 10 Регламента), что свидетельствует об упрощенном характере данного производства.

Компетенция судебных органов в отношении данного производства определена Регламентом № 44/2001. Также в случае если один из участников процесса находится в третьем государстве, то компетенция определяется Луганской конвенцией или же, в некоторых исключительных случаях, Брюссельской конвенцией. Что касается конкретных судебных органов, уполномоченных рассматривать данную категорию дел, то они определяются законодательством самих государств-членов.

Ходатайство лица рассматривается органами правосудия на предмет соответствия критериям приемлемости, определенным Регламентом. В случае если иск не соответствует указанным критериям, то судебный орган

констатирует о невозможности применения в данном случае европейского производства по незначительным спорам и информирует истца об отказе в возбуждении производства.

В случае приемлемости иска он направляется обозначенному истцом ответчику (§1 ст. 13 Регламента). В европейском законодательстве существуют правила информирования и передачи актов и документов (см. Регламент № 805/2004 и Регламент № 1393/2007), которые применяются и по отношению к данному виду производства. Рассматриваемый Регламент предусмотрел для информирования ответчика отдельную форму документа, который используется судебным органом.

Регламент предусматривает 30-дневный срок, в течение которого ответчик обязан сформулировать свои требования (§3 ст. 5 Регламента), а также 14-дневный срок, в течение которого судебный орган обязан информировать истца о получении актов ответчика (§7 ст. 5 Регламента). Привила и исключения в отношении сроков аналогичны тем, которые закреплены в Регламенте, регулирующем европейское производство по выдаче распоряжения об уплате. Применяемые процессуальные формы, как и в отношении производства по выдаче Европейского распоряжения об уплате, также указаны в Регламенте (§3 ст. 5, §6 ст. 5 Регламента).

По окончании состязательного обмена процессуальными актами между истцом и ответчиком суд в течение 30 дней должен принять решение (ст. 7 Регламента). В этот период могут быть организованы прения сторон, которые в рамках данного производства являются факультативными (§1 ст. 5 Регламента), что объясняется преимущественно нахождением сторон в разных странах.

Решение по делу, вынесенное в рамках Европейского производства по незначительным спорам, обладает «панъевропейской исполнительной силой судебного решения» (§1 ст. 15 Регламента). Тем не менее ответчик, как и в рамках других европейских производств (например, Европейское распоряжение об уплате), имеет возможность оспаривания вынесенного

решения. Оплата процессуальных издержек и извещение ответчика о вынесенном решении осуществляются в соответствии с законодательством государства, судебный орган которого вынес решение.

Не маловажное значение имеет и тот факт, что Регламентом о Европейском производстве по распоряжению об уплате предусмотрена возможность оспаривания вынесенного решения, что является гарантией права на защиту ответчика (§1 ст. 18 Регламента).

Следует обратить внимание на то, что в рассматриваемых Регламентах также указывается на принцип свободного передвижения судебных решений, как принцип, в соответствии с которым осуществляется строительство пространства правосудия ЕС.

Решения судебных органов, принятые в отношении незначительных споров, и распоряжения об уплате признаются и исполняются во всех государствах-членах (ст. 19 Регламента № 1895/2006 и ст. 20 Регламента № 861/2007. Как и в случае с Европейским исполнительным листом, процедура экзекватуры в отношении таких решений судебных органов государств-членов не применяется.

Правила, касающиеся исполнения решений, принятых в рамках Европейского производства по распоряжению об уплате, и решений по незначительным спорам аналогичны правилам исполнения Европейского исполнительного листа. Судебный орган выдает лицу по его ходатайству сертификат, касающийся конкретного судебного решения по незначительным спорам, который необходим для исполнения данного решения за рубежом. Названный документ также имеет единую унифицированную форму (см. ст. 20 § 2 Регламента № 1895/2006) и чаще всего выдается секретарями судов, хотя в некоторых правопорядках эта обязанность может быть отнесена к компетенции самих судей.

Вступившие в силу решения обладают «панъевропейской исполнительной силой», которая признается и может быть приведена к исполнению в любом государстве – члене ЕС. Исполнение решения, как и в

случае с Европейским исполнительным листом, осуществляется в соответствии с законодательством государства-члена, в котором оно будет исполняться (ст. 21 Регламента № 1895/2006 и ст. 21 Регламента № 861/2007).

Для фактического исполнения решения лицу необходимо представить распоряжение об уплате, обладающее исполнительной силой в соответствии с законодательством государства, в котором данное решение представлено к исполнению, или сертификат конкретного решения по незначительному спору. При необходимости может потребоваться перевод решения или сертификата на официальный язык государства, в котором решение будет исполнено, или на язык, на котором органы данного государства принимают к рассмотрению данные документы.

Исполнение решения не требует помощи адвоката или любого другого представителя лица в государстве, в котором осуществляется исполнение решения или распоряжения об уплате. В то же время если сравнить данное производство с принципом прямого исполнения решений, т.е. в отсутствии каких-либо дополнительных исполнительных актов, установленных Регламентом № 1215/2012 от 12 декабря 2012 г.⁴¹⁶, то становится очевидным, что принятие последнего стало значимым этапом в строительстве единого пространства правосудия. Действительно, в настоящее время для исполнения решения в другом государстве сторонам даже не нужно прибегать к производству каких-либо исполнительных документов, что значительно упростило исполнение решений в трансграничных спорах и создало основы прямой панъевропейской исполнительной силы решений судов государств-членов.

⁴¹⁶ См.: Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

2.3. Сотрудничество между судебными органами государств – членов ЕС при получении доказательств в гражданских и коммерческих (торговых) делах

Еще одним важным направлением сотрудничества судебных органов государств – участников ЕС является сотрудничество при получении доказательств в гражданских и коммерческих делах, получившее нормативное закрепление в Регламенте № 1206/2001 от 28 мая 2001 г.⁴¹⁷ В отличие от рассмотренных выше инструментов права ЕС, данный Регламент формализует сотрудничество судов не в отношении исполнения уже принятых ими решений, а в отношении рассматриваемых дел, т.е. еще на этапе разбирательства⁴¹⁸.

Инициатива принятия данного Регламента, как и других инструментов в сфере сотрудничества судебных органов, была озвучена Европейским советом в г. Тампере в 1999 г. Комиссии было предложено разработать процессуальное законодательство, применимое к трансграничным разбирательствам, в частности законодательство, способствующее сотрудничеству судов в целях улучшения доступа к правосудию граждан посредством облегчения процедур получения доказательств.

Основной целью данного акта является упрощение для судебных органов одного государства-члена осуществления следственных действий, проведения экспертиз, допросов свидетелей и т.п. в другом государстве-члене. Необходимость получения доказательств по делу в других государствах, в частности в рамках Европейского Союза, где отношения и

⁴¹⁷ См.: Регламент Совета Европейского Союза №1206/2001(ЕС) от 28 мая 2001 г. о сотрудничестве судов государств-членов Европейского Союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам // Система ГАРАНТ: <base.garant.ru/70333016/#ixzz3cZo4h9vJ.

⁴¹⁸ См. *Медведев И.Г.* Взаимодействие стран Европейского Союза в области получения доказательств по гражданским и торговым делам // *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса.* 2002 – 2003, № 2; *Конев Д.В.* Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений: анализ практики Суда Европейских сообществ // *Арбитражный и гражданский процесс.* М., 2008, № 2. С. 34-37.

юридически значимые действия между субъектами права, находящимися в различных государствах – членах ЕС, назрела еще в прошлом веке.

Принцип суверенитета вполне логично воспрещает судебному органу одного государства осуществлять процессуальные юридически значимые действия в другом государстве без разрешения последнего. В классическом международном праве существует ряд процедур, позволяющих судебным органам одного государства обратиться (напрямую или посредством соответствующих министерств или ведомств) к компетентным органам другого государства в целях осуществления юридически значимых процессуальных действий на территории этого государства. Таким же, хотя и несколько усовершенствованным, являлся для европейских государств механизм сотрудничества судебных органов в данной сфере, установленный Гаагской конвенцией от 18 марта 1970 г.⁴¹⁹ На основе данного документа Европейским законодателем был разработан текст Регламента №1206/2001, который стал правовой основой для продвижения к более высокому уровню сотрудничества в области получения доказательств по гражданским и коммерческим делам.

Данный Регламент касается сотрудничества в отношении гражданских и коммерческих разбирательств, т.е. сотрудничества в сфере гражданского правосудия (§1 ст. 1 Регламента). Ст. 1 Регламента уточняет, что запрос о получении доказательств должен быть направлен судом. В соответствии с этой же нормой стороны сотрудничают по вопросам получения доказательств, в процессе которого суд одного государства-члена запрашивает помощь у суда другого государства-члена в получении доказательств, либо когда он запрашивает у другого государства-члена разрешение на проведение следственных действий собственными силами на его территории. В §2 ст. 1 Регламента установлено, что «запрос получения

⁴¹⁹См.: Journal Officiel, 17 Avril 1975.

доказательств не может быть исполнен, если он не предназначен для конкретного судебного разбирательства».

В соответствии с § 3 ст. 1 рассматриваемого акта запрос на получение доказательства может касаться как уже открытого производства, так и еще не начатого производства.

Как и в соответствии с другими регламентами, организующими сотрудничество судебных органов государств – членов ЕС, данный Регламент содержит образцы единообразных форм запросов на осуществление конкретных процессуальных действий, предназначенных для получения доказательств (см. приложения к Регламенту). Такая унификация направлена на упрощение взаимодействия судебных органов и их взаимопонимания, а также способствует взаимному доверию систем правосудия государств-членов.

Запрос в первую очередь должен содержать информацию по делу, для расследования которого необходимо получение доказательств.

Также в запросе должна быть отражена информация об органе, запрашивающем получение доказательств, о сторонах процесса, в рамках которого получают доказательства, а также указание на запрашиваемое следственное действие (для допроса свидетелей и других лиц Регламентом предусмотрено указание дополнительной информации (см. ст. 4 регламента)). Если доказательство с учетом национального права запрашивающего государства предполагает его предоставление в определенной форме, то его судебный орган вправе потребовать ее соблюдения от судебного органа – исполнителя.

Требования о языке, на котором должен быть составлен запрос, аналогичны тем, которые установлены в рассмотренных выше европейских

производства, посредством которых организуется взаимодействие судебных органов государств-членов (ст. 5 Регламента)⁴²⁰.

Процедура передачи запроса суда одного государства на получение доказательств судом другого государства осуществляется напрямую между судами (ст. 2 Регламента)⁴²¹, что также свидетельствует о прогрессе в развитии сотрудничества в рассматриваемой сфере, которое ранее осуществлялось преимущественно в соответствии с Гаагской конвенцией от 18 марта 1970 г.

Итогом такого изменения природы сотрудничества судов государств-членов стало упрощение отношений и значительное ускорение получения доказательств. В целях оптимизации данного процесса в §1 ст. 2 Регламента, в частности, предусмотрено создание списка судебных органов каждого государства, ответственных за сотрудничество с судебными органами других государств-членов по получению доказательств.

Несмотря на то, что отношения между судебными органами по получению доказательств в настоящее время можно квалифицировать как «межсудебные», т.е. прямые, рассматриваемый Регламент (ст. 3) предусматривает создание центральных органов государств-членов, наделенных несколькими функциями. Среди них: функция информирования и разрешения практических проблем, возникающих в рамках сотрудничества судов по получению доказательств; в некоторых (исключительных) случаях данный орган может передавать запросы на получение доказательств (§1 ст. 3) соответствующему судебному органу.

Фактическая передача запроса может осуществляться любым способом, в том числе и посредством электронных средств связи, так как ст. 6 не определила конкретных обязательных методов передачи запроса на

⁴²⁰ См. подробнее: *Bruneau C.* Obtention des preuves en matière civile et commerciale au sein de l'Union européenne. Règlement CE n° 1206/2001 du Conseil du 28 mai 2001 // JCP, G 2001, I, 349, n° 6.

⁴²¹ См. подробнее: *Capatina O.* L'entraide judiciaire internationale en matière civile et commerciale // RCADI I/1983, t. 179. P. 340.

получение доказательств, что также является отличительным признаком упрощения данного процесса.

Как уже было отмечено, по получении запроса исполняющий судебный орган применяет законодательство своего государства (ст. 10 Регламента). Иначе говоря, в соответствии с классическим принципом *«lex fori executionis»*⁴²² исполнение запрошенного следственного действия (получения доказательств) будет осуществляться в соответствии с законодательством государства, в котором оно исполняется.

Тем не менее применение данного принципа в отношении исполнения запрашиваемого судебного следственного действия не является абсолютным. Действительно, для того чтобы избежать признания ничтожности результатов следственных действий, которыми они могут стать в связи с различиями национальных законодательств (например, права на защиту участников процесса), судебный орган последнего может попросить произвести получение доказательств «в специальной форме» (ст. 10 Регламента). Исполняющий судебный орган может отказать в исполнении данного запроса, в частности если запрашиваемая процессуальная форма противоречит национальному законодательству его собственного государства. В связи с этим, как отмечалось, «на практике желательно провести проверку запроса на получение доказательств на соответствие законодательства государства – исполнителя запроса»⁴²³.

Для исполнения (удовлетворения) запроса установлен срок в 90 дней (ст. 10).

В соответствии со ст. 11 Регламента стороны процесса могут принимать участие в процедуре получения доказательств, если законодательство запрашивающего государства не запрещает их участия в подобных процедурах, что также направлено на упрощение

⁴²² Лат.: «Закон страны суда».

⁴²³ См.: *Olivier M. De l'exécution des mesures d'instruction ordonnées par le juge français ; le principe de la territorialité et la nouvelle réglementation communautaire // Gaz. Pal. 12 sept. 2002. P. 3.*

рассматриваемой процедуры и свидетельствует о высоком уровне интеграционных связей. О необходимости участия сторон процесса в получении доказательств судебный орган, запрашивающий доказательства, информирует их посредством направления специального извещения, форма которого определена в Регламенте (см. приложение к Регламенту).

Помимо сторон процесса в следственных действиях также может принять участие судебный орган, запросивший получение доказательств, или, как уточняет Регламент (ст. 12), представитель данного судебного органа.

По окончании исполнения процессуального действия его результаты передаются запросившему судебному органу. Регламентом предусмотрена специальная единая форма предоставления результатов процессуального действия (ст. 16). С момента получения результатов к ним применяется право запросившего производство процессуального действия государства.

Следует отметить, что взаимная помощь в рамках рассматриваемого Регламента также осуществляется на безвозмездной основе (ст. 18). Вместе с тем в соответствии с § 2 ст. 18 судебный орган – исполнитель запроса в исключительных случаях вправе потребовать возмещения расходов, если это предусмотрено законодательством этого государства. Возмещение расходов возможно только лишь для оплаты услуг переводчика и процессуальных действий экспертов (§ 2 ст. 18). Если у исполняющего судебного органа есть право на возмещение расходов, на основании § 3 ст. 18 он вправе потребовать предварительную оплату. Однако отсутствие такой предоплаты не может стать причиной отказа в производстве запрошенного процессуального действия. В этом отношении необходимо отметить, что на практике требование об оплате расходов в большинстве случаев связано с необходимостью перевода запроса на язык государства – исполнителя запроса, что может стать причиной ограниченного применения

использования данного производства, а также продления сроков производства и увеличения расходов на них⁴²⁴.

Основания для отказа в выполнении запрашиваемого процессуального действия строго ограничены.

Одно из оснований для отказа в получении доказательств закреплено в § 2 ст. 14 Регламента. В исполнении запроса может быть отказано, если он не подпадает под действие Регламента (например, если получение доказательств необходимо не для гражданского и коммерческого дела, а для уголовного или административного дела). Также основанием для отказа может послужить то, что исполнение запроса должно быть выполнено не судебным органом, а каким-либо другим органом (например, административным).

Кроме того, к основаниям для отказа в получении доказательств необходимо отнести отказы соответствующих судебных органов в связи с невозможностью их исполнения, например, по причине предоставления не полной информации или же невозможностью их получения в ходе допроса лиц, которые отказались давать показания, воспользовавшись своим правом отказа от дачи показаний, либо в связи с имеющимся запретом разглашения информации, которой они обладают.

Ст. 14 Регламента предусматривает формальности, соблюдение которых необходимо для отказа в получении доказательств (форма информирования судебного органа, направившего запрос).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об исполнении следственного действия судом на территории любого из государств-членов, которое в сравнении с классическим взаимодействием в рамках ЕС имеет свои особенности. Как отмечается в зарубежной доктрине, возможность

⁴²⁴ *Niboyet M.-L. et Lebeau D. Regards croisés du processualiste et de l'internationaliste sur le règlement CE du 28 mai 2001 relatif à l'obtention des preuves civiles à l'étranger (Règlement (CE) numéro 1206/2001 du Conseil du 28 mai 2001 relatif à la coopération entre les juridictions des États membres dans le domaine de l'obtention des preuves en matière civile ou commerciale) // Gaz. Pal. 19-20 févr. 2003. P. 6.*

исполнения процессуального действия (получения доказательств) по решению суда одного государства и его реализация этим же судом на территории другого государства «отменяет необходимость различия правопорядков государств-членов, так как... может существовать лишь один правопорядок»⁴²⁵.

С подобным выводом сложно согласиться, поскольку еще рано говорить о существовании на европейском пространстве одного правопорядка. Подтверждением этого утверждения является также наличие ряда формальностей, суть которых состоит в следующем.

Так, суд одного государства-члена, планирующий произвести следственное действие на территории другого государства-члена, должен обратиться к «центральному органу» этого государства с запросом (форма данного запроса представлена в приложении к Регламенту) (ст. 17 § 1). Т.е. осуществление следственного действия судебным органом одного государства на территории другого государства требует предварительного разрешения со стороны органов государства, на территории которого будет производиться получение доказательств. Вместе с тем необходимо отметить, что центральный орган, выдающий разрешения на проведение судебных следственных действий на территории своего государства, не обладает в данном случае дискреционными полномочиями. Иначе говоря, он может отказать в проведении следственного действия судебным органом другого государства-члена лишь на строго ограниченном перечне оснований (§ 5 ст. 17 Регламента). Во-первых, это основания отказа в проведении следственных действий судебным органом государства, которому был направлен запрос, указанные выше. А также если запрос составлен неверно или не содержит всей необходимой для его реализации информации. Во-вторых, если «получение доказательств может противоречить основным принципам организации национального исполнительного производства».

⁴²⁵ См.: *Groud T.-H.* Obtention de preuves situées à l'étranger. Harmonisation européenne et unification internationale // *Petites affiches* 28 févr. 2002. P. 3.

Необходимо также отметить, что возможность получения доказательств на территории иного государства ограничена случаями получения доказательств, которые не требуют принудительного исполнения (§ 2 ст. 17 Регламента). Так, например, если такое следственное действие, как допрос свидетеля, который не желает выступать в таком качестве, требует его принуждения, то судебный орган не сможет исполнить соответствующий запрос, так как он не имеет полномочий по принуждению на территории другого государства (без предварительного разрешения данного государства).

В случае разрешения проведения следственного действия судебному органу другого государства судом государства, в котором оно будет проводиться, получение доказательства осуществляется судьей или другим компетентным лицом на территории государства, в котором они получили разрешение на проведение такого действия (§3 ст. 17 Регламента).

Как уже было отмечено, реализация следственного действия осуществляется в соответствии с законодательством государства, орган которого осуществляет процедуру получения доказательств (§ 6 ст. 17 Регламента). В связи с тем, что реализация следственного действия осуществляется судебным органом за рубежом, орган государства, в котором проводится следственное действие и который разрешил его проведение, обладает отдельными полномочиями. В частности, он может обязать судебный орган запрашивающего государства выполнить на его территории определенные обязательства (например, по соблюдению некоторых принципов его права) (§4 ст. 17 Регламента). Кроме того, Центральный орган, разрешающий получение доказательства на своей территории суду другого государства, может подчинить данное производство собственному законодательству⁴²⁶.

⁴²⁶ См. подробнее: *Niboyet M.-L. et Lebeau D. Op. cit. P. 6.*

Для контроля и помощи судебному органу другого государства в реализации следственного действия на территории своего государства, центральный орган последнего может назначить представителя собственных судебных органов.

Выводы по второй главе

Отношения, которые можно охарактеризовать как отношения по сотрудничеству или равноправные, и к которым также применим часто используемый в зарубежной науке международного права термин «диалог»⁴²⁷, существуют на европейском пространстве между судебными органами государств – членов ЕС. Отношения между судебными органами разных правовых порядков, в данном случае судебными органами государств – членов ЕС, могут быть охарактеризованы как равноправное сотрудничество (диалог), иными словами они не основаны на подчинении. Помимо отношений между судебными органами стран – участниц ЕС, которые основаны на взаимозависимости от права ЕС, равноправное сотрудничество (диалог) характерно также для отношений двух правовых порядков, не основанных на юридических обязательствах, и *a fortiori* между региональными судебными органами этих правовых порядков (речь идет об отношениях между ЕС и Советом Европы).

Действует достаточное количество инструментов, доказывающих существование равноправного сотрудничества между национальными судебными органами (например, государств – членов ЕС, государств – членов Совета Европы). Более того, в актах ЕС прямо используется данный термин. Например, в Рамочном решении о Европейском ордере на арест⁴²⁸ термин «сотрудничество» (*cooperation*) используется даже в преамбуле. Также в тексте данного рамочного решения используются такие термины,

⁴²⁷ См., например: *Gervasoni S.* La cour de justice et le dialogue des juges ?, in *Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité?* Bruylant, 2004. P. 143-152.

⁴²⁸ См.: Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/584/JAI // *Journal Officiel des communautés européennes*, 18 Juillet 2002.

как «обмен» (в частности, в контексте осуществления сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС посредством обмена информацией), «горизонтальное взаимодействие» (по вопросу распределения полномочий); «взаимное признание решений» в сфере уголовного правосудия (см. ст. 1).

Аналогичные выводы можно сделать также в отношении других актов права ЕС, а также актов конвенционного права, организующих сотрудничество между судебными органами государств – членов ЕС.

Такое равноправное сотрудничество судебных органов государств – членов объясняется применением классических принципов международного права (территориальности, суверенитета, взаимности и т.д.) и выражается в равной взаимозависимости между ними. Так, в отличие от отношений, существующих между национальными и европейскими региональными судебными органами, отношения между судебными органами государств-членов выстраиваются на равных обязательствах, налагаемых на участников сотрудничества (либо правом ЕС, либо по собственной воле (посредством конвенционного права)), что позволяет говорить о равной взаимозависимости субъектов такого сотрудничества.

Развитие сотрудничества в сфере гражданского и уголовного правосудия на определенном этапе строительства европейского пространства правосудия достигло уровня, при котором судебные органы государств-членов стали сотрудничать между собой напрямую. Такой вид сотрудничества в науке права ЕС был охарактеризован как «система прямой передачи запросов правовой помощи»⁴²⁹ между судебными органами.

Сильно интегрированный характер взаимодействия между судебными органами государств – членов ЕС в настоящее время в большей степени связан с правом ЕС, который с целью строительства «европейского

⁴²⁹ См.: *De Kerchove G. et Weyembergh A. La reconnaissance mutuelle des décisions judiciaires pénales dans l'Union européenne. Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles, 2001. P. 61.*

пространства правосудия» обусловил осуществление взаимодействия на основе принципа взаимного признания судебных решений органами государств-членов ЕС⁴³⁰. Это позволяет сформулировать вывод о том, что в настоящее время созданы правовые основы для построения единого пространства правосудия.

Вместе с тем взаимное признание и исполнение судебных решений, предполагающее высокий уровень взаимного доверия между государствами, существенно сократило формальности, необходимые ранее для исполнения решений судебных органов одного государства – члена ЕС в другом государстве – члене ЕС, что, в частности, приводит, как отмечено в зарубежной литературе, к «упразднению необходимости участия судебных органов государства-исполнителя»⁴³¹.

В итоге можно сделать вывод о том, что интеграция правовых и, в частности, судебных систем государств – членов ЕС в различных ее областях осуществляется с различной степенью интенсивности, что в определенной степени может быть обусловлено устранением существующих формальностей.

Однако, касаясь таких сложных действий как, например, выдача (экстрадиция) преступника (Европейский ордер на арест), необходимо признать, что отношения между судебными органами государств-членов приобрели большую интенсивность⁴³².

Принцип взаимного признания решений судов государств – членов ЕС применяется со значительными ограничениями, что свидетельствует о разноуровневом сотрудничестве судебных органов стран – членов ЕС, достигнутых ими в различных областях правосудия.

⁴³⁰ См.: *Gless S.* Zum Prinzip der gegenseitigen Anerkennung // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft (ZStW)*, n° 2, 2004. P. 353.

⁴³¹ См.: *Thwaites N.* Mutual trust in criminal matters : the European Court of Justice gives its first interpretation of a provision of the convention implementing the Schengen Agreement, *German Law Journal*, 2003. P. 253.

⁴³² См. *D. Flore*, Le mandat d'arrêt européen : première mise en oeuvre d'un nouveau paradigme de la justice pénale européenne, *Journal des tribunaux*, 2002, p. 273 s.

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ С СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОВЕТА ЕВРОПЫ

В соответствии с общими принципами международного права взаимодействие европейских региональных судов осуществляется исключительно с судебными органами государств – участников соответствующих региональных организаций. Иными словами Суд ЕС сотрудничает только с судами стран – членов ЕС, а ЕСПЧ взаимодействует с судебными органами государств – членов Совета Европы. Аналогичным образом осуществляется взаимодействие Суда Бенилюкса и Суда ЕАСТ с национальными судебными органами стран-участниц этих региональных объединений. При этом в связи с отсутствием правовых связей не может быть организовано сотрудничество судебного органа государства-члена одной региональной организации с региональным судом иного регионального объединения.

Вместе с тем сотрудничество судебных органов европейских государств с международными региональными судебными органами вызывает на практике определенные сложности, которые в основном обусловлены тем, что большинство стран Европы являются участниками одновременно двух и более региональных образований. Это в первую очередь относится к таким объединениям, как ЕС и Совет Европы.

Как следствие, могут возникать отношения между судебными органами государств – членов ЕС и Европейским судом по правам человека. Возникающие в связи с этим сложности обусловлены в первую очередь обязанностью для судебных органов членов ЕС одновременно учитывать судебную практику как Суда ЕС, так и ЕСПЧ⁴³³. Помимо сложностей с

⁴³³ Сложности такого взаимодействия будут рассмотрены в гл. 4, в рамках исследования взаимодействия судебных органов ЕС с ЕСПЧ, где будет проанализировано планируемое

определением субъектного состава и идентификацией путей взаимодействия судов европейских государств с европейскими судебными органами, существуют сложности идентификации их взаимоотношений. Если взаимодействие между судами государств – членов ЕС и судебными органами ЕС существует бесспорно, и для такого взаимодействия создан специальный процессуальный механизм – преюдициальный запрос (п. 1.2, § 1), то в случае отношений судов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ ситуация иная. В данном случае можно говорить только об опосредованном взаимодействии судебных органов двух европейских правопорядков (п. 2.1, § 2).

Более того, в отличие от взаимодействия Суда ЕС с национальными судами европейских стран, примеры сотрудничества ЕСПЧ с евразийскими (постсоветскими) государствами – членами СЕ, в частности, с Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, позволяют продемонстрировать отдельные аспекты его отношений с судами государств – членов Совета Европы.

§ 1. Правовая природа и механизмы взаимодействия судов государств – членов ЕС с судебными органами Европейского Союза

1.1. Механизмы взаимодействия судебных органов Европейского Союза с судами государств – членов ЕС

Результатом взаимодействия между судами государств – членов ЕС и Судом ЕС является нормативное влияние судебной практики судебных органов Европейского Союза на судебную практику национальных судебных органов (государств – членов ЕС).

Как уже отмечалось, юридическим основанием их взаимодействия служат принципы верховенства права ЕС, прямого действия права ЕС, а

присоединение ЕС к ЕКПЧ как средство разрешения конфликта судебных практик европейских судебных органов и, как следствие, разрешения множества насущных проблем для судов государств-членов ЕС, призванных применять судебную практику двух европейских судов.

также положения основополагающих (учредительных) актов права ЕС, закрепляющих за решениями Суда ЕС обязательную исполнительную силу.

Отношения между судебными органами ЕС и национальными судами государств – его членов позволяют квалифицировать их взаимодействие как отношения подчинения, что обусловлено подчинением правопорядков государств – членов ЕС праву ЕС. Причем такое подчинение можно констатировать как в соответствии с современными общетеоретическими принципами, так и в соответствии со специфическими для права ЕС принципами, определяющими верховенство этого права по отношению к национальному праву⁴³⁴.

Таким образом, органами каждого из государств – членов ЕС право ЕС рассматривается как вышестоящее по отношению к их национальному праву и обладает прямым действием во внутреннем правопорядке. Тогда как органы ЕС обязаны соблюдать право их собственного правопорядка, т.е. право ЕС, и не обязаны принимать во внимание право какого-либо из государств – членов ЕС. Органы государств – членов ЕС, в том числе и их национальные суды, как и любые другие органы национального правопорядка этих государств, обязаны применять право ЕС, включая судебные решения и практику Суда ЕС.

В свою очередь, подобных обязательств не наложено на Суд ЕС, который обязан применять и толковать лишь право своего правопорядка. Таким образом, отношения между судами государств – членов ЕС и Судом ЕС возможно идентифицировать как основанные на одностороннем подчинении.

Данное утверждение основано на том, что деятельность по отправлению правосудия судебными органами разных правопорядков, будучи взаимосвязанной между ними, в то же время выстраивается по

⁴³⁴ См.: *Gerkrath J. L'emergence d'un droit constitutionnel pour l'Europe: Modes de formation et sources d'inspiration de la constitution des Communautés et de l'Union européenne (Etudes européennes)*. Editions de l'Université de Bruxelles, 1997. 425 p.

односторонней схеме, т.е. на основе обязательств, лежащих лишь на одной из сторон таких отношений, а именно на судах государств – членов ЕС.

Подчиненность судов государств – членов ЕС судебным органам ЕС отражается в судебной практике данных органов: применение судами государств – членов ЕС судебной практики Суда ЕС является неоспоримым фактом, тогда как обратной связи, т.е. подчинения судебной практики Суда ЕС судебной практике судов государств-членов не существует.

Однако в правопорядках различных европейских государств существуют юридические основания для ответственности как судебных органов, так и органов исполнительной власти в случае их отказа от применения судебной практики Суда ЕС. Так, например, Кассационный суд Французской Республики посчитал, что министр юстиции Франции совершил тяжкий дисциплинарный проступок (*faute lourde*), когда он издал циркуляр, предписывающий прокурорам осуществлять уголовное преследование в противоречии с судебной практикой Суда ЕС⁴³⁵.

Вместе с тем в настоящее время еще рано говорить об окончательном формировании пространства правосудия ЕС, а также о единой судебной системе. В отношениях судов государств – членов ЕС и судебных органов ЕС отсутствует системность, характерная для национальных судебных правопорядков, в рамках которых действуют такие судопроизводственные механизмы как апелляция, кассация и т.д.

Однако в зарубежной науке права ЕС распространено мнение, согласно которому между органами государства – члена ЕС и органами ЕС, и, соответственно, между судами государства – члена ЕС и судебными органами ЕС не может существовать иерархии⁴³⁶. Такое понимание отношений между судами государств – членов и судебными органами ЕС

⁴³⁵См.: Cass. com., 21 févr. 1995, *Sté United Distillers*, Juris-Data n° 1995-000326 ; Dr. adm. 1995, comm. n° 303.

⁴³⁶ См., например: *Lichère F., Potvin-Solis L., Raynouard A.* Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant, 2004. 242 p.; *Schermers H., Waelbroeck D.* Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001. P. 228.

свидетельствует о том, что данная оценка проводится в рамках теории правопонимания, в которой право существует только при наличии санкции.

В отсутствие в праве ЕС возможности пересмотра решений судов государств – членов ЕС, не соблюдающих решения и судебную практику Суда ЕС, а также в отсутствие на европейском уровне других механизмов их подчинения решениям и судебной практике Суда ЕС, т.е. в ситуации, в которой в отсутствие обязательств по соблюдению обязательной силы решений последнего в праве ЕС и в отсутствие санкции за его нарушение, по мнению иностранных правоведов, не позволяет говорить о полноценной иерархии между этими судебными органами. По их мнению, наличие санкций за несоблюдение судами государств – членов ЕС обязательств, вытекающих из решений Суда ЕС, лишь на уровне правопорядка государства-члена, которому принадлежат данные суды, устанавливает несовершенную систему, в которой соблюдение права вышестоящего правопорядка судами нижестоящего поручено самим органам нижестоящего правопорядка.

Де-факто между судами государств-членов и судебными органами ЕС существует одностороннее отношение, которое выражается в прямом и постоянном применении права ЕС и судебной практики Суда ЕС судами государств – членов ЕС. Более того, ошибочным является представление зарубежных ученых об отсутствии санкций в праве ЕС.

Вместе с тем, несмотря на наличие отношений одностороннего подчинения судов членов ЕС Суду ЕС, данный тип взаимодействия судебных органов не может быть отнесен к отношениям иерархии, поскольку национальные суды и Суд ЕС принадлежат к различным правопорядкам. С другой стороны, юридическая обязательность исполнения решений Суда ЕС, имеющая императивный характер, придает этому взаимодействию «квазиерархичный» характер, отличный от традиционной концепции «координационной природы» международных организаций и их органов.

В ситуации неприменения к отношениям судов государств – членов ЕС и судебных органов ЕС классических механизмов процессуального права, посредством которых осуществляется подчинение нижестоящих судебных органов вышестоящим, возникают некоторые существенные недостатки правового взаимодействия между ними. Основными из них являются случаи неприменения или даже явного противоречия судебной практики судов государств – членов ЕС и судебных органов ЕС.

В судебной практике судов государств – членов ЕС и судебной практике судебных органов ЕС существуют разночтения – в науке международного права отмечаются случаи, когда суды государств – членов ЕС отказываются подчиняться решениям Суда ЕС. В качестве наглядного примера можно назвать противоречие между судебной практикой Суда ЕС и судебной практикой Государственного совета Франции. Так, в соответствии с известным судебным решением Суда ЕС *Van Gend en Loos* от 6 февраля 1963 г.⁴³⁷ право ЕС наделяется прямым действием в национальных правовых порядках государств-членов, в частности директивы обладают таким же действием. В свою очередь, Государственный совет Франции в рамках своего правового порядка отказал директивам в таком прямом действии⁴³⁸. Однако надо указать на относительность такого противоречия судебных практик двух судов, так как Государственный совет признает все же, что директивы накладывают на государства-члены обязательства по имплементации указанных в них целей.

Случаи неприменения или даже явного противоречия судебной практики можно встретить и в рамках деятельности органов государств-

⁴³⁷См.: CJCE, 5 févr. 1963, *Van Gend en Loos*, aff. 26/62, Rec. CJCE. P. 3.

⁴³⁸См.: CE, ass., 22 déc. 1978, *Min. int. c/ Cohn-Bendit*, Rec. CE. P. 524 ; AJDA 1979. P. 27; Dutheillet de Lamothe O. et Robineau Y. D. 1979, *jurispr.* P. 155, *concl. B. Genevois et note B. Pacteau*, D. 1979, *inf. rap.* P. 89; *obs. P. Delvolvé*, RTDE 1979. P. 169; *concl. B. Genevois et note L. Dubouis*, Cah. dr. eur. 1979, P. 625; *note G. Isaac*, JCP G 1979, II, 19158; *note R. Kovar*, Rev. crit. DIP 1979. P. 647; *note A. Lyon-Caen*, Gaz. Pal. 1979. 1. P. 212; *note D. Ruzié*, RGDI publ. 1979. P. 832; *note C. Vallee*, Rev. Belge de Droit International 1980. P. 126; *note A. Barav*, RMC 1979. P. 104.

членов, которых не относятся к категории судебных⁴³⁹. Данный факт, а также существование разночтений в судебных практиках судов двух правопорядков также свидетельствуют о том, что отношения органов двух правопорядков имеют общие системные недостатки, характерные для взаимодействия национального и международного права.

Нежелание судов государств-членов в некоторых случаях применять судебную практику Суда ЕС можно объяснять различными причинами. Отсутствие во взаимодействиях этих судов таких классических судопроизводственных процессуальных механизмов, как апелляция, кассация, судебный надзор и т.п., которые позволяют в рамках единой судебной системы вышестоящему судебному органу санкционировать отклонения от его судебной практики, не лишают смысла утверждение о существовании квазиерархии или подчинении между ними.

1.2. Преюдициальные запросы судебных органов государств – членов ЕС как основной механизм прямого взаимодействия судов государств – членов ЕС с судебными органами ЕС

Следует отметить, что со вступлением в силу изменений так называемого первичного права ЕС, вызванных вступлением в силу Лиссабонского договора, система преюдициального запроса судов государств-членов, направляемых Суду ЕС, была несколько изменена. Вместе с тем, как отмечается в зарубежной доктрине, основные черты взаимодействия между судами государств-членов и судебными органами ЕС были сохранены⁴⁴⁰. Изменения коснулись лишь нумерации статей и других второстепенных аспектов преюдициального запроса, направляемого судами

⁴³⁹ Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодные отчеты о применении права ЕС. Что касается неприменения или даже явного противоречия судебной практике судебных органов ЕС см., например: *Onzième rapport annuel sur le contrôle de l'application du droit communautaire* (1993), COM 94/500 Final // *Journal Officiel* du 6 juin 1994, Numéro. C. 154. P. 1.

⁴⁴⁰ См. подробнее: *G. Vandersanden. Renvoi préjudiciel en droit européen. Bruylant. 2013. 210 p.*

государств – членов ЕС судебным органом ЕС, при этом не затронули сущности процедуры преюдициального запроса.

В настоящее время компетенция Суда ЕС по рассмотрению запросов судебных органов государств – членов ЕС урегулирована в ст. 267 Договора о функционировании Европейского Союза. Кроме того, не действует ст. 68 Римского договора, содержащего несколько ограничений по направлению преюдициальных запросов. Иначе говоря, данная компетенция судебных органов ЕС реализуется без каких-либо ограничений.

В связи с изменениями полномочия по рассмотрению преюдициальных запросов, направляемых судами государств-членов, вменены Трибуналу (ст. 256 § 3), и лишь в случае пересмотра – Суду ЕС⁴⁴¹. Еще одним нововведением является уточнение полномочий Суда, который рассматривает «вопросы по интерпретации и действию актов, принятых органами и институтами Союза»⁴⁴².

Следует отметить, что использование такого инструмента взаимодействия, как преюдициальный запрос, направляемого национальным судом члена ЕС суду ЕС, позволило вывести их сотрудничество на более высокий уровень. Данный юридический инструмент является необходимостью во взаимодействии двух правопорядков, так как у судов государств-членов могут возникать сомнения относительно интерпретации или силы действия той или иной нормы права ЕС, которую они обязаны применять. В отличие от взаимодействия судов членов Совета Европы с ЕСПЧ, взаимодействие между государствами – членами ЕС и Европейским Союзом предполагает существование более совершенных механизмов их взаимодействия. Это связано с тем, что право ЕС характеризуется большим количеством правовых норм, высоким уровнем конкретизации правовых положений и более развитой системой законодательства по сравнению с

⁴⁴¹ См.: *Jung H.* Une nouvelle procédure devant la Cour : le réexamen, Mél. B. Vesterdorf, Bruylant, 2007. P. 191.

⁴⁴² Там же.

существующими на сегодняшний день европейскими региональными объединениями. Поэтому преюдициальный запрос является основным и необходимым инструментом взаимодействия (или в интерпретации Суда – сотрудничества⁴⁴³) европейского и национальных правовых порядков государств – членов ЕС, а также является механизмом прямого взаимодействия судей государств – членов ЕС и судей европейских судебных органов.

Данный механизм является тем более значимым, что право ЕС по большей части предопределено целями, достижение которых на практике требует от Суда ЕС использования телеологического метода толкования. В результате это приводит к тому, что судам государств – членов ЕС довольно сложно определить конкретные требования той или иной нормы права ЕС. Для корректного применения права ЕС судебным органам государств – членов ЕС просто необходимо обращаться к органу, обладающему монополией аутентичной интерпретации права ЕС, – Суду ЕС.

Прямой характер взаимодействия между судами государств-членов и судебными органами ЕС в рамках производства по преюдициальным запросам обусловлен организацией самого производства, а именно наделением правом на обращение в рамках данного производства. Субъектами права на обращение в рамках данного производства являются исключительно судебные органы государств – членов ЕС. Это свидетельствует о том, что данное производство направлено на прямое взаимодействие между обращающимися – судами государств – членов ЕС и рассматривающими обращение судебными органами ЕС.

Установление прямого взаимодействия подтверждает также факт возможного участия в производстве по преюдициальным запросам в Суде ЕС сторон судебного разбирательства, ставшего для суда государства – члена ЕС основанием для направления преюдициального запроса (ст. 23 Статута Суда ЕС), что наглядно демонстрирует наличие связи между

⁴⁴³См.: CJCE, 15 mai 2003, aff. C-300/01, *Salzmann*, Rec. CJCE 2003, I, p. 4899, pt 28.

разбирательством, инициированным в суде государства – члена, основанием отправки преюдициального запроса и производством по преюдициальному запросу в Суде ЕС.

Необходимо также подчеркнуть, что принятое Судом ЕС решение по преюдициальному запросу направляется как сторонам дела, так и самому судебному органу, направившему преюдициальный запрос в Суд ЕС⁴⁴⁴. Данная процессуальная формальность логична, так как решение судебных органов ЕС необходимо именно направившему запрос суду для корректного применения нормы права ЕС в судебном разбирательстве. Органы правосудия государства-члена, направившие преюдициальный запрос, имеют ряд прав в отношении производства в Суде ЕС. Так, на основании обстоятельств дела они могут запросить судебные органы ЕС рассмотреть преюдициальный запрос по ускоренной процедуре (ст. 104 bis Регламента Суда ЕС)⁴⁴⁵.

Наиболее ярким свидетельством прямого взаимодействия судебных органов государств-членов и судебных органов ЕС является стадия рассмотрения поступившего в Суд ЕС преюдициального запроса. На данной стадии производства по преюдициальным запросам Суд ЕС, как и любой судебный орган, прежде чем принять решение, рассматривает различные аспекты дела или проводит так называемое судебное следствие. Принимая во внимание, что национальный суд направившего запрос государства разбирает дело по существу, логичным в такой ситуации является отказ от повторного проведения судебного следствия тех же вопросов, в частности от проведения сложных следственных действий. В результате Суд ЕС

⁴⁴⁴ См.: *Jacobs F. The Role of National Courts and the European Court in Ensuring the Uniform Application of Community Law : Is a New Approach Needed // Mél. F. Capotorti, Giuffrè, 1999, vol. II. P. 175.*

⁴⁴⁵ По вопросу проведения ускоренной процедуры см., например: 12 juill. 2001, aff. C-189/01, *Jippes e.a.*, Rec. CJCE 2001, I. P. 5689; CJCE, 17 juill. 2008, aff. C-66/08, *Kozłowski*, Rec. CJCE 2008, I. P. 6041; CJCE, 25 juill. 2008, aff. C-127/08, *Metock e.a.*, Rec. CJCE 2008, I. P. 6241; CJCE, 22 juin 2010, aff. jtes C-188/10 et C-189/10, *Melki et Abdeli*; *D. Simon et A. Rigaux*, Europe 2010, étude 7. P. 1.

ограничивается запросом материалов дела у суда, направившего запрос, и рассматривает их в рамках своей инстанции⁴⁴⁶.

Так, запросы Суда ЕС по рассматриваемому делу могут касаться как фактических, так и юридических обстоятельств, которые были установлены в рамках производства, приостановленного судом, направившим преюдициальный запрос⁴⁴⁷. Также судебные органы ЕС могут направлять суду государства-члена требование о разъяснении некоторых вопросов, фигурирующих в преюдициальном запросе⁴⁴⁸.

Как правило, информация о таких обращениях судебных органов ЕС к судебным органам государства – члена ЕС, направившему им преюдициальный запрос, фиксируется в тексте самих решений судебных органов ЕС. В решениях судебных органов ЕС содержится информация о том, каким образом суд государства-члена отреагировал на запрос судебных органов ЕС о предоставлении дополнительной информации по делу, а также указание о проведении им конкретных следственных действий⁴⁴⁹.

Именно данная стадия преюдициального производства является показателем прямого и интегрированного взаимодействия судебных органов государств-членов и судебных органов ЕС, так как материалы дела, рассматриваемого одним судом, используются другим судом. Более того, данный факт позволяет утверждать, что между такими судебными органами должен существовать такой уровень доверия, который необходим для использования продуктов деятельности одного из них другим.

Таким образом, Суд ЕС действует как и любой верховный суд отдельного правового порядка по отношению к нижестоящим судебным

⁴⁴⁶ См., например: § 5, ст. 104 Регламента Суда, который предусматривает, что Суд может «...запросить разъяснений у национального органа правосудия».

⁴⁴⁷ См., например: CJCE, 21 janv. 2003, aff. C-318/00, Bacardi-Martini et Cellier des dauphins, § 31.

⁴⁴⁸ См., например: CJCE, 7 nov. 2002, affs. C-260/00 - C-263/00, Lohmann et Medi Bayreuth, § 20, Rec. CJCE 2002, I. P. 10045.

⁴⁴⁹ См., например: CJCE, ord., 4 mars 2002, aff. C-175/00, Verwayen-Boelen, point 19 : Rec. CJCE 2002, I. P. 2141. – CJCE, 24 juin 2004, aff. C-278/02, Handlbauer, point 23 : Rec. CJCE 2004, I. P. 6171.

инстанциям, рассматривающим направленное ему дело⁴⁵⁰. Даже в отсутствие производства, аналогичного преюдициальному запросу, которое существует в праве ЕС и в конституционном судопроизводстве практически любого европейского государства, в кассационных инстанциях существует такая судопроизводственная техника, как обращение верховных судов к материалам дела, исследованным нижестоящими инстанциями в рамках судебного разбирательства по делу⁴⁵¹. В отсутствие каких-либо других формальных системных связей между судебными органами ЕС и судами государств – членов ЕС производство по преюдициальным запросам предполагает наличие постоянного взаимодействия между судебными органами двух правопорядков в рамках разбирательства по конкретному делу.

Отметим, что зарубежные авторы, квалифицируя отношения между судебными органами государств – членов ЕС и судебными органами ЕС в рамках данного производства, определяют их термином сотрудничество (*coopération*), но в то же время уточняют, что речь идет о «навязанном сотрудничестве» (*coopération imposée*)⁴⁵².

Для судебных органов государств-членов, принимающих решения в первой инстанции или в рамках апелляции решений, принятых в рамках первой инстанции, использование преюдициальной процедуры не является обязательным. Тем не менее исключением являются высшие судебные органы государств-членов – верховные суды, которые в соответствии с предпоследним абзацем ст. 267 ДФЕС обязаны направлять Суду ЕС преюдициальные запросы⁴⁵³. В случае отказа судебных органов

⁴⁵⁰ См.: *Pertek J.* La pratique du renvoi préjudiciel en droit communautaire. Litec, 2001, n° 324. P. 127.

⁴⁵¹ См. по данному вопросу, например: *Давыдов В.А.* Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: Дисс... докт. юрид. наук. М., 2011. 403 с.

⁴⁵² См., например: *Lecourt R.* Le juge national devant le Marché commun // IUNEL, 1970. P. 51.

⁴⁵³ Данное положение требует отсылки запроса в Суд ЕС от судов, которые выносят решения в последней инстанции.

нижестоящих инстанций направлять запросы в Суд ЕС, стороны дела гарантированы, что если дело дойдет по высшей инстанции, преюдициальный запрос будет все-таки направлен в Суд ЕС (при условии соблюдения всех необходимых условий).

Еще одним примером «ограниченного усмотрения» судебных органов государств – членов ЕС в определении необходимости направления преюдициального запроса в Суд ЕС (помимо обязательности отправки запроса судебными органами, выносящими решения в последней инстанции), являются случаи, в которых они не хотят применять право ЕС. Суд ЕС отказывает судам государств – членов ЕС в праве не применять вторичное право при рассмотрении дела по собственной инициативе, установив обязанность направления запроса для случаев, в которых существует сомнение в действии нормы вторичного права⁴⁵⁴. В таких случаях суды государств-членов, не имея возможности не применять право ЕС, обязаны обращаться в Суд ЕС посредством преюдициального запроса о действии той или иной нормы права ЕС⁴⁵⁵, что еще раз свидетельствует о подчинении судебных органов государств – членов ЕС судебной системе ЕС.

В соответствии со статистическими данными основными субъектами обращения в рамках производства по преюдициальным запросам являются судебные органы государств – членов ЕС первых инстанций, хотя они, в отличие от верховных судов, не обязаны направлять преюдициальные запросы в Суд ЕС. Так, статистические данные за 2014 г. показывают, что менее 30 процентов запросов были направлены судами, принимающими

⁴⁵⁴ См.: CJCE, 10 janv. 2006, aff. C-344/04, IATA et ELFAA, §§29 et 32, Rec. CJCE 2006, I, P. 409.

⁴⁵⁵ Данное обязательство было установлено еще в 80-е гг. прошлого века. См.: CJCE, 22 oct. 1987, aff. 314/85, Foto-Frost.

решения в последней инстанции, тогда как более 70 процентов направляются судами первой и апелляционной инстанций⁴⁵⁶.

Данный факт свидетельствует о том, что подчинение судебных органов государств-членов судебной практике Суда ЕС осуществляется даже в отсутствие обязательства с их стороны, а наличие права на подачу запроса у всех судебных органов государства-члена объясняет высокую степень интегрированности сотрудничества этих судебных органов.

В соответствии со статистическими данными около половины судебных решений Суда ЕС принимаются им именно в рамках производства по преюдициальным запросам⁴⁵⁷. По мнению зарубежных авторов, именно запросы судебных органов государств – членов ЕС способствовали активному развитию судебной практики Суда ЕС, а также принуждению государств – членов ЕС соблюдать как принцип верховенства права ЕС, так и основные принципы судебной практики Суда ЕС.

Сам Суд ЕС охарактеризовал преюдициальный запрос как «инструмент сотрудничества между Судом ЕС и судами государств-членов, благодаря которому первый предоставляет судебным органам государств-членов элементы, необходимые для разрешения, рассматриваемых ими споров»⁴⁵⁸. Такой подход Суда ЕС, как представляется, основывается на различии интерпретации и применения права. В соответствии с данным подходом судебным органам государств – членов ЕС предоставлено право только на интерпретацию национального законодательства, которое он применяет к рассматриваемому делу⁴⁵⁹. В отношении правовых норм ЕС Суд ЕС обладает аутентичным, окончательным (в последней инстанции) правом по интерпретации права ЕС.

⁴⁵⁶ Annual report 2014. P. 117 et s. // <http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-04/en_ecj_annual_report_2014_pr1.pdf>.

⁴⁵⁷ См. подробнее, например: *Ziller J. et Lotarski J.* Institutions et organes judiciaries, in B. De Witte (éd.), *Ten Reflections on the Constitutional treaty for Europe*, EUI 2003. P. 67.

⁴⁵⁸ См.: CJCE, ord., 26 janv. 1990, aff. C-286/88, Falciola, Rec. CJCE 1990, I. P. 191.

⁴⁵⁹ См.: CJCE, 19 sept. 2006, aff. C-506/04, Wilson, Rec. CJCE 2006, I. P. 8613, pt 34.

В соответствии со ст. 19 Договора о ЕС Суд «гарантирует уважение права посредством интерпретации и применения договоров». Именно в рамках производства по преюдициальным запросам он осуществляет деятельность в отношении юридических вопросов, касающихся права ЕС, в частности гарантирует посредством этого производства единообразное применение норм права ЕС на всем пространстве ЕС. В связи с тем, что право ЕС является довольно подробным, объемным и разветвленным и применяется как судебными органами ЕС, так и судебными органами государств – членов ЕС, необходимость их единообразного применения привела к необходимости организации производства, посредством которого право ЕС получило бы единообразное применение. Производство по преюдициальным запросам и представляет собой такой механизм, в рамках которого Суд ЕС реализует свою компетенцию по интерпретации и применению норм права ЕС в последней инстанции. Данное производство предполагает схему, в которой нижестоящие судебные органы (государства – члена ЕС) обращаются к судебному органу ЕС, наделенному правом разрешать спорные вопросы, касающиеся интерпретации права, которое они обязаны применять. Даже в отсутствии институализированной иерархии между этими судебными органами, характерной для судебных систем отдельно взятого правового порядка, положение данного органа может быть охарактеризовано лишь как вышестоящее, так как судебные органы государств – членов ЕС обязаны обращаться к нему и соблюдать обязательную силу его решений.

Преюдициальное производство является прямым механизмом взаимодействия Суда ЕС с судебными органами государств – членов ЕС, предусмотренным позитивным правом.

Констатация отсутствия институализированной связи, характерной для отдельно взятой судебной системы, не позволяет сделать вывод о том, что отношения между данными органами, как это часто представляется в

зарубежной науке⁴⁶⁰, являются равноправным сотрудничеством, для которого характерно отсутствие иерархии.

Однако необходимо отметить, что в своей деятельности Суд ЕС также утверждает об отсутствии всякого отношения подчинения. Например, он констатирует, что «национальным судебным органам принадлежит право на имплементацию в своих решениях»⁴⁶¹ решения, данного Судом ЕС по определенному делу. Такое отношение Суда ЕС к деятельности судебных органов государств-членов, по мнению представителей зарубежной науки, свидетельствует о равных взаимоотношениях между ними, что, как представляется, противоречит указанному позитивному праву.

Решения Суда ЕС, принятые в рамках процедуры по преюдициальным запросам, обладают принудительной, обязательной силой⁴⁶². На обязательную силу его решений также прямо указано в ст. 65 Регламента процедурных вопросов и производства в Суде ЕС. Данное утверждение нормативного документа, регулирующего производство в Суде ЕС было подтверждено и самим судом, который заявил, что его решения носят не консультативный, а обязательный характер⁴⁶³. В отношении суда, направившего преюдициальный запрос, Суд ЕС утверждает, «что решение, принятое по преюдициальному запросу, направлено на разрешение юридического вопроса и является обязательным для суда государства – члена ЕС в контексте интерпретации права ЕС, данной Судом ЕС»⁴⁶⁴. Тот факт, что Судом ЕС уже было принято решение по определенному вопросу не мешает суду государства-члена обратиться к нему повторно с этим же

⁴⁶⁰ См.: *Skouris V*. C'est en grande partie grâce aux préoccupations et aux sollicitations des juridictions nationales que s'est forgée la jurisprudence communautaire. Europe 2007, entretien 1.

⁴⁶¹ См.: CJCE, 21 avr. 1988, aff. 338/83, Pardini, Rec. CJCE 1988. P. 2041.

⁴⁶² См.: ст. 266 ДФЕС об обязательной силе решений Суда ЕС, ст. 280 ДФЕС об исполнительной силе решений Суда ЕС, а также возможности принудительного исполнения решений Суда ЕС.

⁴⁶³ См.: CJCE, 11 juin 1987, aff. 14/86, Pretore di Salo, Rec. CJCE 1987. P. 2545

⁴⁶⁴ См.: CJCE, 3 févr. 1977, aff. 52/76, Benedetti, Rec. CJCE 1977. P. 163.

вопросом⁴⁶⁵. Если дело, ставшее основанием для обращения суда низшей инстанции с преюдициальным запросом, вновь рассматривается в апелляционном порядке, то апелляционный суд также обязан соблюдать решение, принятое по данному делу Судом ЕС, что, однако, не препятствует обращению апелляционного суда с аналогичным запросом в Суд ЕС⁴⁶⁶.

Таким образом, обладая эффектом «*erga omnes*», т.е. применяясь даже теми судами, которые не направляли запрос в Суд ЕС в рамках рассматриваемых ими аналогичных делах, решения последнего имеют абсолютную нормативную силу⁴⁶⁷. Такой подход объясняется необходимостью принятия единого решения относительно интерпретации или действия той или иной нормы права ЕС, которое должно применяться во всех аналогичных случаях. Действительно, с одной стороны, в отсутствие прецедентной силы решений Суду ЕС пришлось бы решать бесконечное количество раз схожие по фактическим и юридическим аспектам дела и регулярно интерпретировать или определять действие одних и тех же норм права ЕС. С другой стороны, отсутствие абсолютной нормативной силы решений Суда ЕС, принятых им по преюдициальным запросам, могло бы привести к противоречиям в интерпретации права ЕС национальными судами стран – его членов.

Таким образом, наделение решений Суда ЕС абсолютно силой, равно как и предусмотренный в рамках взаимодействия Суда ЕС с национальными судами его участников механизм преюдициального запроса представляют собой необходимые элементы взаимосвязи судебных практик судебных органов различных государств в отношении применения ими права ЕС, что также подтверждает первостепенную и системную роль, которую играет Суд ЕС в отношении судебных систем государств – членов ЕС.

⁴⁶⁵ См.: CJCE, 11 juin 1987, aff. 14/86, Pretore di Salo.

⁴⁶⁶ См.: CJCE, ord., 18 oct. 1979, aff. 40/79, Sirena : Rec. CJCE 1979. P. 3169.

⁴⁶⁷ См.: CJCE, 13 mai 1981, aff. 66/80, International Chemical Corporation, Rec. CJCE 1981, I. P. 1191.

Производство по преюдициальному запросу в праве ЕС и конституционное производство по запросам судов, в рамках которых конституционные суды проверяют конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, рассматриваемым судом общей юрисдикции, представляется идентичны⁴⁶⁸. В обоих случаях суды общей юрисдикции, не уполномоченные разрешать вопросы о соответствии актов, которые им подлежит применить в соответствующем деле, по отношению к вышестоящей, «учредительной» норме, обращаются в специально созданный для этих целей орган, приостанавливая при этом рассматриваемое конкретное судебное разбирательство, послужившее поводом для направления преюдициального запроса, до тех пор, пока не будет разрешен вопрос, который они сами не компетентны рассматривать. При этом применение вышестоящей нормы становится возможным только после вынесения решения уполномоченным судом, после чего судебный орган, направивший запрос, обязан будет закончить рассмотрение приостановленного производства, применив в нем указанную норму в том смысле, который был дан судебным органом, рассмотревшим преюдициальный запрос.

В рамках обоих производств между судебными органами четко разделены компетенции.

С одной стороны, полномочия разрешать вопросы о соответствии учредительному законодательству ЕС в том, что касается соответственно органов конституционной юстиции и судебных органов ЕС. С другой стороны, полномочия по разрешению вопросов гражданского, уголовного права по существу в том, что касается органов, наделенных правом на

⁴⁶⁸ См. по данному виду конституционного производства, которое существует как во французском, немецком, испанском, так и в российском конституционных судопроизводствах, например: *Benda E., Klein E.* Verfassungsprozessrecht, Mueller Verl., 2e éd. 2001. P. 580; *Fleury R.* Verfassungsprozessrecht, Luchterhand, 6e éd., 2004, spéc. P. 41 et s., n° 160 et s.; *Schlaich K., Koriath S.* Das Bundesverfassungsgericht. Stellung, Verfahren, Entscheidungen, Verlag C. H. Beck, München, 2004, n° 86 et s; *Pestalozza Ch.* Verfassungsprozessrecht, 3e éd., 1991, n° 38 (3).

обращение в конституционные суды и Суд ЕС в рамках соответствующих (конституционных или европейских) производств по преюдициальным запросам.

Таким образом, Суд ЕС посредством своих полномочий по рассмотрению преюдициальных запросов, направляемых судебными органами государств – членов ЕС, играет по отношению к ним роль, аналогичную той, которую играет орган конституционного правосудия по отношению к судам общей юрисдикции в рамках отдельно взятого правопорядка.

Можно выявить основные характерные особенности функций преюдициального производства и роли Суда ЕС в данном контексте.

Во-первых, взаимодействие в рамках преюдициального производства в конституционном судопроизводстве организуется между судебными органами единого правопорядка. Данный факт позволяет говорить о том, что применение такого судопроизводственного механизма взаимодействия судебных органов, как преюдициальное производство, может быть использовано между судебными органами в рамках отдельно взятого единого правопорядка или судебными органами, принадлежащим различным правопорядкам, между которыми существует довольно высокий уровень интеграции. Таким образом, организация отношений между судебными органами посредством таких преюдициальных производств, даже в отсутствии включения взаимодействующих органов в единую судебную систему, предполагает наличие минимального уровня системности в их отношениях, обусловленной интеграционными процессами. В качестве примера можно привести немецкую систему отправления правосудия, в которой классические системные, иерархические связи между судебными органами существуют лишь в рамках отдельно взятой структуры специализированных органов правосудия (*Fachgerichte*). В то же время каждая система специализированных судебных органов, а также конституционный суд, будучи независимыми (*selbstständig*) друг от

друга, все же образуют единую систему судебной власти (*rechtsprechende Gewalt*), определенную ст. 92 Основного закона⁴⁶⁹. Иначе говоря, в науке конституционного права помимо структурированных, иерархических отношений судебных органов отдельной судебной (под)системы выделяются также и межсистемные отношения между судебными органами различных судебных (под)систем и отдельных судебных органов (в частности конституционного суда), принадлежащих единому правопорядку. Наличие таких отношений между судебными органами различных правопорядков также возможно идентифицировать, в частности, посредством существования таких процессуальных инструментов, характерных для внутреннего судебного права, как производство по преюдициальным запросам, которое существует в праве ЕС.

Во-вторых, помимо организации прямых межсистемных отношений между судебными органами, принадлежащими различным судебным системам, преюдициальное производство выстраивает квазиерархические отношения между судебным органом, направляющим преюдициальный запрос, и органом, рассматривающим его; последний всегда играет в этих отношениях роль суда последней инстанции. Положение «верховного суда» в данном и подобных случаях состоит в том, что он обладает аутентичной компетенцией по интерпретации в последней инстанции норм, которые судебные органы, наделенные правом или обязательством направлять ему преюдициальные запросы, обязаны применять. Судебные органы, наделенные правом (обязательством) направления преюдициальных запросов, как правило, также наделены компетенцией по интерпретации данных норм, но в отличие от «верховного суда» они лишены возможности не применять данные нормы в рассматриваемых ими делах, либо признавать данные нормы недействующими. Таким образом, между данными органами выстраивается *нормативная квазиерархия*, которая предполагает

⁴⁶⁹См.: Arndt A. Selbständigkeit des Bundesverfassungsgericht. NJW, 1965. S. 807 f.

подчинение деятельности по отправлению правосудия одного судебного органа (судов государств – членов ЕС) судебным решениям и практике другого судебного органа (Суда ЕС). Иначе говоря, между данными судебными органами в отсутствие классических институциональных и процессуальных механизмов подчинения (апелляция, кассация, судебный надзор и т.п.) выстраивается квазиерархия, схожая с иерархией, характерной для классических судебных систем. В итоге судебные органы ЕС играют роль верховного или конституционного органа правосудия по отношению к судам государств-членов, подтверждением чему служит наличие связующего их производства по преюдициальным запросам.

§ 2. Правовая природа и принципы взаимодействия судов государств – членов Совета Европы с Европейским судом по правам человека

Следует отметить, что в организации сотрудничества судов государств – членов Совета Европы с Европейским судом по правам человека не используются классические инструменты процессуального права. Отсутствие системности в их взаимодействии, которая характерна для классических судебных систем, позволяет сделать вывод о том, что такие отношения носят исключительно международно-правовой характер. В отличие, в частности, от взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС с судебными органами ЕС, в рамках которого действует такой механизм прямого взаимодействия судебных органов, как преюдициальный запрос, взаимодействие ЕСПЧ с национальными судами стран – членов Совета Европы условно можно именовать опосредованным (косвенным), а результатом такого сотрудничества является влияние названного европейского регионального суда на судебную практику судов национальных правопорядков.

Предпосылка такого опосредованного взаимодействия раскрывается в монистической теории взаимодействия международного и внутреннего права, а точнее, в одной из ее интерпретаций, в соответствии с которой

международное право обладает верховенством по отношению к внутреннему, а также в обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека и обязательной юридической силе его решений⁴⁷⁰. Иначе говоря, выявление существования опосредованного взаимодействия между судебными органами государств – членов Совета Европы и Европейским судом по правам человека возможно в соответствии с высказанной уже идеей, а именно посредством выявления существования взаимодействия названных судебных органов. Таким образом, опосредованное взаимодействие судов государств – членов Совета Европы и Европейского суда по правам человека будет исследоваться на основе влияния судебной практики и судебных решений ЕСПЧ на решения и судебную практику судов государств – членов Совета Европы. Вместе с тем представляется целесообразным отдельно рассмотреть влияние решений и судебной практики Европейского суда по правам человека на суды европейских государств, а также на суды евразийских (постсоветских) государств – членов СЕ, которое, в свою очередь, будет рассмотрено на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации.

2.1. Влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику судов европейских государств-членов Совета Европы

Как уже отмечалось в рамках исследования правовых основ взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, юридическим основанием их взаимодействия служат принципы верховенства международного права по отношению к внутреннему; прямого действия конвенционного права Совета Европы во внутренних правопорядках; а также положения Конвенции, закрепляющего за решениями Европейского суда по правам человека обязательную силу.

⁴⁷⁰ См. подробнее, например: Европейская система защиты прав человека и ее влияние на правовую систему Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2007. 190 с.

Других средств и механизмов, организующих взаимодействие судебных органов этих правопорядков, подобных тем, которые существуют, к примеру, в праве ЕС (преюдициальные запросы), в данном случае не существует. В отношениях между ними отсутствует и системность, присущая судебным системам отдельных национальных правопорядков, в рамках которых отношения между судебными органами выстроены посредством таких механизмов процессуального права как апелляция, кассация, судебный надзор и т.п.

Необходимо отметить, что положение Европейского суда по правам человека было уточнено 14-м Протоколом к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, существенными изменениями которой являются следующие:

- судьи стали избираться на девять лет и не могут быть переизбраны. Ранее судьи избирались на шесть лет и могли быть переизбраны. Кроме того, было предусмотрено правило, в соответствии с которым «в целях обеспечения, насколько это возможно, обновляемости состава Суда наполовину каждые три года, Парламентская ассамблея может до проведения любых последующих выборов принять решение о том, что срок или сроки полномочий одного или нескольких избираемых судей будут иными, нежели шесть лет, но в любом случае не более девяти и не менее трех лет»;

- было введено понятие «единоличный судья», который вправе объявить жалобу, поданную в соответствии со ст. 34, неприемлемой или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению Судом, если таковое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным. Если единоличный судья не объявляет жалобу неприемлемой или не исключает ее из списка подлежащих рассмотрению, то этот судья направляет ее в комитет или Палату для дополнительного изучения;

- изменилась ст. 46 «Обязательная сила и исполнение постановлений». Прежде она предусматривала, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением». Новая редакция ст. 46 создает более существенные гарантии выполнения решения ЕСПЧ. Так, появились новые положения, предусматривающие, что «если Комитет министров считает, что надзору за исполнением окончательного постановления препятствует проблема толкования этого постановления, он вправе передать данный вопрос на рассмотрение Суда для вынесения им постановления по вопросу толкования. Решение о передаче вопроса на рассмотрение Суда требует большинства голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета. Если Комитет министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу, в котором она выступает стороной, он вправе после направления официального уведомления этой Стороне и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета, передать на рассмотрение Суда вопрос о нарушении этой Стороной своих обязательств, установленных в соответствии с пунктом 1. Если Суд устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров для определения мер, подлежащих принятию. Если Суд не устанавливает факта нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет министров, который закрывает рассмотрение дела».

Отметим, что право Совета Европы рассматривается органами каждого из государств-членов этой организации как вышестоящее по отношению к своему национальному праву, а также (несмотря на абстрактность формулировок Конвенции и Протоколов) как право, обладающее прямым действием во внутреннем правопорядке государства-

члена. Таким образом, на судебных органах государств – членов Совета Европы, как и на любых других органах национального правопорядка, лежит обязательство по применению конвенционного права Совета Европы, в том числе и по применению судебной практики ЕСПЧ, что является (единственным) источником взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и Европейского суда по правам человека. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что взаимоотношения между органами Совета Европы и национальными органами государств – его членов, равно как и отношения национальных органов ЕС и органов ЕС, основаны на квазиерархии, которая отражается и на отношениях судебных органов данных правопорядков.

Основным источником квазиерархического взаимодействия судов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, точнее, подчинения первых последнему, является положение Конвенции, наделяющее решения ЕСПЧ обязательной силой.

Постановления ЕСПЧ обладают, как и решения любого судебного органа, основными качествами судебного решения, в частности обязательностью, неопровержимостью, исключительностью и преюдициальностью. Принцип государственного единства предполагает, что уважение обязательной силы постановлений ЕСПЧ является обязательным для всех органов государства, связанного обязательствами ЕСПЧ, что, как следствие, предполагает действие такой обязательной силы и в отношении судебных органов данного государства.

Действие обязательной силы окончательного постановления ЕСПЧ усиливается эффектом прямого действия, который придает своим постановлениям ЕСПЧ⁴⁷¹. Прямое действие его решений предполагает, с одной стороны, что решение применяется ко всем органам государства, в отношении которого вынесено решение, а с другой стороны, что данное

⁴⁷¹ См.: CEDH, 29 novembre 1991, Vermeire c/ Belgique, Série A, n° 214-C ; AFDI 1991, 588, obs. V. Coussirat-Coustère ; JDI 1992, 799, obs E. Decaux et P. Tavernier.

государство обязано приступить к исполнению решения без промедлений, не ожидая соблюдения никаких дополнительных формальностей⁴⁷².

Помимо обязательной силы конкретных, отдельно взятых решений ЕКПЧ (*autorité de chose jugée*), существует еще и так называемая обязательная сила интерпретации (*autorité de chose interprétée*) права Совета Европы, содержащаяся в решениях ЕСПЧ. Данная обязательная интерпретационная сила решений ЕСПЧ в зарубежной науке международного права обосновывается ст. 32 ЕКПЧ, вменяющей ЕСПЧ полномочие по аутентичной компетенции по интерпретации Конвенции в последней инстанции, и является, по мнению отдельных представителей зарубежной науки международного права, основой «диалога» ЕСПЧ с национальными судебными органами государств – членов Совета Европы⁴⁷³.

Те же представители зарубежной науки международного права справедливо отмечают, что ст. 32 ЕКПЧ относит к полномочиям ЕСПЧ функцию по гармонизации интерпретаций Конвенции и Протоколов к ней, существующих в различных правовых системах государств – членов Совета Европы, устанавливая минимальный стандарт защиты прав, который эти государства должны достичь⁴⁷⁴.

Названные нормы Совета Европы еще раз подтверждают вывод о том, что судебные органы данных правопорядков взаимодействуют опосредованно путем влияния судебной практики ЕСПЧ на судебные органы государств-членов, что предполагает одностороннее влияние или подчинение (квазиерархию) одной категории судебных органов другой категории (судебных органов государств – членов Совета Европы Европейскому суду по правам человека).

Иначе говоря, если согласиться с мнением зарубежных авторов о роли ЕСПЧ в конвенционном праве Совета Европы и о том, каким образом эта

⁴⁷² См.: CEDH, 22 février 1994, Vallée c/ France, A. 289-A, § 47.

⁴⁷³ См., например: *Sudre F.* Les grands arrêts de la Cour européenne des droits de l'homme. 7 ed., 2015.

⁴⁷⁴ Там же.

роль отражается на правопорядках государств – членов Совета Европы, то выводы, которые они делают в отношении его влияния на взаимоотношения с национальными органами государств-членов, являются спорными. Взаимоотношения между судебными органами двух правопорядков не могут быть квалифицированы как диалог, который предусматривает равный обмен, так как обязательство по соблюдению решений и судебной практики лежит лишь на одной из сторон – судебных органах государств-членов. Другой вопрос, что это подчинение или квазиерархия не носят полного или окончательного характера. Так, если решения ЕСПЧ и обладают обязательной силой, они не имеют исполнительной силы и не могут быть навязаны судебным органам государств – членов Совета Европы посредством кассации, апелляции и других инструментов процессуального права.

Одним из доводов, на которых также можно основывать вывод о существовании квазиерархии в отношениях рассматриваемых судебных органов, является способ разрешения противоречий между вступившими в силу решениями национальных судебных органов государства-члена и ЕСПЧ. Для разрешения противоречий между такими решениями, не подлежащими пересмотру, в ряде государств – членах Совета Европы были созданы специальные производства по пересмотру решений национальных судебных органов, противоречащих решениям ЕСПЧ. Так, например, во Франции создано производство по пересмотру окончательных (вступивших в законную силу) решений по уголовным делам, в отношении которых было вынесено решение ЕСПЧ об их противоречии Конвенции или Протоколам к ней⁴⁷⁵. Такой подход национальных законодателей государств – членов Совета Европы был одобрен и самим ЕСПЧ, который установил, что в некоторых случаях, когда было констатировано нарушение конвенционного права, для восстановления нарушенных прав необходимо повторное

⁴⁷⁵ См.: ст. 89 Закона от 15 июня 2000 г. // JORF, 30 juillet 2000, p. 12893. Dalloz, 2000, L, 253.

рассмотрение дела⁴⁷⁶. Данный пример свидетельствует о том, что как национальные органы власти, так и сам ЕСПЧ считают, в отступление от принципов неизменности окончательных решений национальных судебных органов, вступивших в законную силу, возможным и необходимым пересмотреть их в случае их противоречия решениям ЕСПЧ⁴⁷⁷.

Квазиерархический характер взаимодействия судебных органов европейских государств и ЕСПЧ не предусматривает их структурированности или системности по аналогии с судебными системами, существующими в отдельных правовых порядках. Отсутствие системности в отношениях судебных органов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, которая характерна для отдельно взятых судебных систем и выстраивается посредством иерархии или подчинения нижестоящих судебных органов вышестоящим (верховным) судам, объясняется отсутствием на уровне Совета Европы механизмов принуждения нижестоящих судов (судов государств-членов) вышестоящим (ЕСПЧ). Тем не менее это не меняет квазиерархического характера их отношений.

Свидетельством данного утверждения является также современная практика данных органов: применение судебными органами государств-членов различных принципов, аспектов и элементов судебной практики ЕСПЧ является неоспоримым фактом, тогда как обратной связи, т.е. подчинения судебной практики Страсбургского суда судебной практике судов государств-членов не существует. Таким образом, обязательство применения ЕСПЧ и применения судебной практики ЕСПЧ реализуется судебными органами государств-членов в отсутствие прямых или

⁴⁷⁶ См.: CEDH, *Gençel c/ Turquie*, 23 octobre 2003, § 27 ; CEDH, *Tahir Duran c/ Turquie*, 29 janvier 2004, § 23 ; CEDH, *Somogyi c/Italie*, 18 mai 2004, §86 ; CEDH, *Sejdovic c/ Italie*, 10 novembre 2004, § 55.

⁴⁷⁷ См.: *Сыченко Е.В.* Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России 2. // *Международное право и международные организации*. 2015. № 2. С. 192-198.

опосредованных санкций и механизмов принуждения со стороны конвенционного права Совета Европы⁴⁷⁸.

Решения ЕСПЧ лишены какой-либо исполнительной силы. Как отмечается в зарубежной доктрине: «Если национальный судья (государства – члена Совета Европы) сомневается относительно конкретного смысла интерпретации, данной ЕСПЧ, то он может не следовать прецеденту, установленному им. Тем не менее, если ЕСПЧ подтвердит свою позицию, то национальный судья должен будет уступить аутентичной интерпретации конвенции, которую дает ЕСПЧ и которая является единым целым с интерпретируемыми им положениями Конвенции»⁴⁷⁹.

В отсутствие в правовом порядке Совета Европы возможности апелляции, кассации и других судопроизводственных способов пересмотра решений судов государств – членов Совета Европы, а также других механизмов их подчинения решениям и судебной практике ЕСПЧ, т.е. в ситуации, в которой обязательство по соблюдению обязательной силы решений последнего существует без санкции за его нарушение, можно усомниться в существовании иерархии между этими судами. Тем не менее де-факто существует прямое и постоянное применение конвенционного права Совета Европы и судебной практики ЕСПЧ судебными органами государств-членов в отсутствие каких-либо механизмов принуждения.

В ситуации неприменения к отношениям судов государств-членов Совета Европы и ЕСПЧ классических механизмов процессуального права, посредством которых осуществляется подчинение нижестоящих судебных органов вышестоящим, на практике возникают сложности их

⁴⁷⁸ В качестве исключения можно назвать ряд документов Комитета министров, которые он издает в соответствии с абз. 2 ст. 46, устанавливающей за Комитетом министров компетенцию по надзору за исполнением решений ЕСПЧ. Здесь следует все же отметить, что Комитет министров остается политическим органом Совета Европы, а его резолюции, касающиеся исполнения того или иного решения ЕСПЧ, также носят политический характер и, в отличие от решений ЕСПЧ, не носят обязательной силы. См. подробнее: *Sermet L. Le rôle du Comité des ministres dans le système européen de protection des droits de l'homme : derive ou orthodoxie, Mélanges L. Dubouis, Dalloz, 2002*, pp. 159 et s.

⁴⁷⁹ См.: *Sudre F. Указ. соч. С. 707.*

взаимодействия, которые, в первую очередь, выражаются в неприменении или явном противоречии судебной практики судов государств-членов судебной практике ЕСПЧ. Одним из известных примером является противостояние решениям и судебной практике ЕСПЧ, оказываемое Государственным советом Франции. Так, например, несмотря на уже упомянутую практику ЕСПЧ, устанавливающую необходимость существования во внутренних правопорядках производства по пересмотру судебных решений государств-членов, которые были признаны ЕСПЧ противоречащими праву Совета Европы, Государственный совет Франции признает, что такой необходимости не существует⁴⁸⁰.

Ранее в судебной практике национальных судов государств – членов Совета Европы можно было наблюдать нежелание соблюдать обязательства, вытекающие из решений и судебной практики ЕСПЧ⁴⁸¹, но со временем таких примеров становится все меньше, все чаще в деятельности судов государств-членов наблюдается их добровольное подчинение судебной практике ЕСПЧ.

Существование разночтений в судебных практиках судов свидетельствует о том, что отношения органов двух правопорядков (регионального и национальных) носят общие системные недостатки, характерные для взаимодействия органов национального и международного (регионального) правопорядков. Данные недостатки заключаются в отсутствии внешних по отношению к национальному праву государств-членов механизмов (в первую очередь конвенционных механизмов в правопорядке Совета Европы) по принуждению (санкций) к исполнению решений и судебной практики ЕСПЧ. Отсутствие таких механизмов с точки

⁴⁸⁰ См.: Conseil d' Etat, 11 février 2004, Mme Chevrol, Dalloz, 2004, J, 1414, Conclusions R. Schwarz ; AJDA, 2004, 439, chronique, F. Donnat, D. Cassis, RFDA, 2005, 163, obs. J. Andriantsimbazovina.

⁴⁸¹ См., например: позицию Кассационного суда Франции // Cass. Crim., 4 mai 1994, Saïdi, JCP, 1994, II, 22349 ; note P. Chambon ; Dalloz, 1995, J 80, observations J.-F. Renucci.

зрения национального права является недостатком, но с точки зрения принципов международного права их отсутствие является оправданным.

В результате, если признать, что подчинение судебных органов государств – членов Совета Европы ЕСПЧ реализуется не всегда и имеет ряд логичных с точки зрения международного права недостатков, то необходимо подчеркнуть одностороннее влияние судебной практики ЕСПЧ на судебную практику государств – членов Совета Европы, что выражается в применении в процессе их деятельности практики ЕСПЧ.

Отсутствие во взаимодействиях этих судов таких классических судопроизводственных механизмов, как апелляция, кассация, судебный надзор и т.п., которые позволяют в рамках единой судебной системы вышестоящему судебному органу санкционировать отклонения судебной практики нижестоящих судов, не лишают смысла утверждение о существовании квазиерархии между ними. В данном случае можно лишь говорить о том, что такое отношение не санкционировано, но оно все же остается отношением подчинения между данными субъектами. Эффективность такого отношения не гарантирована или не обеспечена, оно осуществляется в одностороннем порядке; взаимодействующие в рамках обоих отношений субъекты должны квалифицироваться как вышестоящий и нижестоящий; оно характеризуется подчинением одного из субъектов взаимодействия другому в отсутствии подобной обратной связи.

Следует отметить, что судебные органы государств – членов ЕС находятся в более сложном положении двойного подчинения: с одной стороны, они должны учитывать судебную практику ЕСПЧ, а с другой стороны, они подчинены деятельности Суда ЕС. При этом в настоящее время отсутствуют правовые механизмы по разрешению противоречий судебных практик данных европейских судебных органов, что ставит их «пересекающихся» членов в затруднительное положение по их применению. В этой связи отметим, что возможное присоединение ЕС к ЕКПЧ может способствовать разрешению данной ситуации.

Судебные органы государств – членов Совета Европы, не являющихся одновременно государствами – членами ЕС (например, Азербайджанской Республики и Российской Федерации), находятся в более простой ситуации, но основы их взаимодействия с ЕСПЧ не отличается принципиально от того, которое существует у судебных органов государств – членов ЕС со Страсбургским судом.

2.2. Влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику судов евразийских государств – членов Совета Европы (на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации)

Если в европейских государствах применение судебной практики ЕСПЧ осуществляется без значительных проблем, то в евразийских (постсоветских) странах – членах СЕ, где обязанность исполнять решения ЕСПЧ, лежащая на органах государственной власти, в частности на судебных, не лишена противоречий. Тем не менее очевидным является тот факт, что влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику судов евразийских государств – членов Совета Европы идентично влиянию, осуществляемому этим органом на судебные органы европейских государств, так как все государства – члены Совета Европы связаны едиными обязательствами. Юридические основы взаимодействия судов Российской Федерации и обязательства применения судебной практики ЕСПЧ органами государственной власти (в том числе и судебными) закреплены Конституцией Российской Федерации, Законом от 30 марта 1998 г.⁴⁸² и т.д.⁴⁸³. Как указывают в этой связи российские правоведы, «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *«ipso facto»* и без специального соглашения юрисдикцию

⁴⁸² СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁴⁸³ Подробнее о влиянии ЕСПЧ в российском правовом порядке см., например: Kas'анов R.A. The Integration of Russia into legal space: applying the European Convention for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // Uppsala Yearbook of East European Law. - London: Simmons&Hill Publishing, 2006. P. 13-23.

Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней»⁴⁸⁴.

Такое доктринальное понимание взаимодействия российских судебных органов с ЕСПЧ, а также влияние на национальные суды практики последнего подтверждает вывод о квазиерархии между судебными органами государств-членов Совета Европы и ЕСПЧ. Необходимо признать, что термины «подчинение» или «квазиерархия» («иерархия») не используются российскими авторами при представлении рассматриваемого юридического взаимодействия (отношения).

Так, например, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отмечает, что «Европейский суд впервые «в жесткой правовой форме» подверг сомнению решение Конституционного Суда Российской Федерации»⁴⁸⁵ и довольно критично комментировал решения и судебную практику ЕСПЧ, противоречащие решениям Конституционного Суда Российской Федерации.

Как уже неоднократно отмечалось в настоящем исследовании, международные региональные судебные органы не могут быть обязаны применять судебную практику и решения судебных органов государств-членов организации, которой они принадлежат. Это невозможно практически (технически) – судебные органы государств – членов не объединены в единую судебную систему, что гипотетически предполагает возможность противоречия судебной практики судебных органов различных государств. Это невозможно и теоретически, так как в таком случае необходимо было бы сделать вывод о том, что в современном понимании иерархии норм международного и национального права национальное право (в том числе и судебная практика судов государства) следовало бы признать

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск №5325 (246). 29 октября 2010 г.

вышестоящим или, по крайней мере, равным по отношению к международному праву.

Единогласно разделяемый монизм в современной науке международного права, а точнее его форма, предполагающая примат норм международного права над национальным⁴⁸⁶, получившая воплощение в Конституции Российской Федерации (ст. 15), не позволяет выстраивать между органами власти двух правопорядков иное отношение, чем существующее.

Представители российской науки, как и зарубежные ученые, признают, что подчинения международного правопорядка, который является вышестоящим по отношению к национальному, быть не может. Таким образом, отношение между данными правопорядками и их органами организовано по общепризнанной схеме, которая предполагает верховенство международного права по отношению к национальному праву. Это правило распространяется и на взаимоотношения международных (региональных) и национальных органов (в том числе судебных), в связи с чем можно констатировать верховенство международных региональных судебных органов по отношению к национальным судебным органам.

Процитированное выше положение закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», касающееся признания юрисдикции ЕСПЧ, было единогласно истолковано в российской науке и практике как установленное на законодательном уровне обязательство органов государственной власти Российской Федерации по применению решений и судебной практики ЕСПЧ⁴⁸⁷. Так, например, Д. Аграновский утверждает, что «решения ЕСПЧ, равно как и любого другого

⁴⁸⁶ См., например: *Nguyen Q.-D., Pellet A., Daillier P.* Droit international public // LGDJ, 2001. P. 68.

⁴⁸⁷ См. подробнее по данной теме, например: *Касьянов Р.А.* Интегрирование России в европейское правовое пространство: некоторые аспекты применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями. Сборник статей. М.: Международные отношения, 2008. С. 98-109.

суда, в том числе мирового судьи, обязательны, и их надо выполнять — здесь нет и не может быть исключений»⁴⁸⁸. Российский ученый - конституционалист И.Б. Цымбаренко также пишет по этому поводу, что «Конституционный Суд применяет предписания Конвенции... и исходит из практики Европейского суда по правам человека по анализируемым вопросам»⁴⁸⁹. Зарубежные представители науки также приходят к выводу, что «высшие российские суды все чаще в своих решениях ссылаются на ЕКПЧ и на судебную практику ЕСПЧ»⁴⁹⁰. Совокупность положений процитированного Федерального закона и ст. 46 ЕКПЧ, закрепляющей обязательную силу решений ЕСПЧ, устанавливающих обязательство по применению национальными органами власти (в том числе и национальными судебными органами) решений и судебной практики ЕСПЧ.

Таким образом, отношения судебных органов двух правопорядков является односторонними, в которых национальные судебные органы призваны соблюдать принципы судебной практики и решения ЕСПЧ, тогда как ЕСПЧ не обязан соблюдать решения и судебную практику национальных судебных органов.

Рассматривая характер взаимоотношений ЕСПЧ и национальных судебных органов РФ, В.Д. Зорькин отмечает, что «каждое решение Европейского суда – это не только юридический, но и политический акт. Когда такие решения принимаются во благо защиты прав и свобод граждан и развития нашей страны, Россия всегда будет безукоснительно их соблюдать. Но когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный

⁴⁸⁸ *Аграновский Д.* Уступчивость на пределе // Советская Россия. 9 ноября 2010.

⁴⁸⁹ *Цымбаренко И.Б.* Международно-правовые основы судебной защиты прав и свобод личности // < http://www.eurolawco.ru/publ/review_68.html>.

⁴⁹⁰ См.: *Kahn J.* A marriage of convenience: Russia and the European Court of Human Rights // Radio free Europe/Russian political weekly: A weekly review of News and analysis of Russian domestic politics. Vol 2. N° 20, 19 juin 2002.

суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений»⁴⁹¹.

Из процитированного утверждения можно сформулировать один из недостатков любого взаимодействия международных региональных и национальных органов. Ссылаясь на принцип суверенитета и производные от него принципы международного права, в ряде случаев национальные суды игнорируют обязательство по применению международных норм, и это несмотря на действующие гарантии судебной защиты конвенционного права в правовом порядке Совета Европы. Отчасти такая ситуация сложилась по причине того, что решения ЕСПЧ, обладая обязательной силой, не обладают исполнительной силой судебного решения.

Если рассматривать зарубежные примеры взаимодействия ЕСПЧ и национальных судов, то можно выявить многочисленные свидетельства противоречий судебных практик национальных судебных органов судебной практике ЕСПЧ (несмотря на существование обязательства их соблюдения)⁴⁹², исключением не является и судебная практика российских судов⁴⁹³.

Противоречия национальной и международной европейской судебной практики, несмотря на существование обязательства применения решений ЕСПЧ, а также доктринальные высказывания о возможности установления механизма защиты от решений ЕСПЧ свидетельствуют о том, что взаимоотношения национального и международного европейского правового порядка, а также взаимоотношения их органов не основаны на абсолютном подчинении, характерном для отношений судов единой судебной системы. В российской науке международного и конституционного права, а также в судебной практике национальных

⁴⁹¹ Зорькин В.Д. Указ. соч.

⁴⁹² См. например: *Schilling J.M.* Deutscher Grundrechtsschutz zwischen staatlicher Souveränität und Menschenrechtlicher Europäisierung. Mohr Siebeck, 2010. 283 s.; *Ancel P.* Les divergences de jurisprudence // PUSE, 2003. 372 p.

⁴⁹³ См. по данному вопросу, например: Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России /под ред. Буркова А.Л. Екатеринбург, 2006. С. 48, 49.

судебных органов, так же как и у зарубежных коллег, существует единое представление о том, что, несмотря на обязательность исполнения решений ЕСПЧ, их неисполнение не влечет за собой юридических санкций, что и позволяет говорить об «отсутствии исполнительной силы решений ЕСПЧ»⁴⁹⁴.

Отсутствие юридических механизмов принуждения к исполнению решений ЕСПЧ отражается и на интенсивности применения его решений и судебной практики российскими судебными органами. Так, В.Д. Зорькин отмечал, что «за последние девять лет Конституционный Суд России более чем в 90 своих решениях сослался на конвенцию и решения Европейского суда, которые оцениваются им фактически как источник права»⁴⁹⁵.

Примеры применения судебной практики ЕСПЧ национальными судами Российской Федерации, в частности судами общей юрисдикции, также существуют, хотя их опыт применения международного права не столь обширный. Стоит все же отметить, что судами общей юрисдикции чаще применяется конвенционное право, чем судебная практика и решения ЕСПЧ, что является существенным недостатком взаимодействия судов общей юрисдикции Российской Федерации и ЕСПЧ и, по мнению некоторых исследователей, может свидетельствовать об отсутствии такого взаимодействия вообще.

Ряд авторов констатирует, что Верховный Суд Российской Федерации, обращаясь к положениям Конвенции, практически не использует прецедентного права ЕСПЧ, что приводит его к неправильному применению Конвенции и противоречиям судебной практики⁴⁹⁶. С другой стороны, нижестоящие суды общей юрисдикции применяют не только

⁴⁹⁴ См.: *Th. S. Renoux*, L'autorité de chose jugée ou l'autorité de la Constitution ? A propos de l'effet des décisions du Conseil constitutionnel, in *L'esprit des institutions, l'équilibre des pouvoirs*, Mélanges en l'honneur de Pierre Pactet, Dalloz, 2003. P. 846.

⁴⁹⁵ *Зорькин В.Д.* Конституционный суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005, № 3. С. 8.

⁴⁹⁶ *Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России* /под ред. Буркова А.Л. Екатеринбург, 2006. С. 44-52.

конвенционное право Совета Европы, но и прецедентное право ЕСПЧ. Так, отдельные авторы отмечают, что некоторые суды, в частности Ракитянский районный суд Белгородской области, а также Нижегородский районный суд, используют принципы свободы выражения мнения, разработанные ЕСПЧ⁴⁹⁷.

Такое отношение нижестоящих судов к международному праву, в частности к судебной практике ЕСПЧ, объясняется (по крайней мере, в зарубежной науке международного права⁴⁹⁸) желанием этих судов освободиться от «опеки» вышестоящих (верховных) судов. Тогда как последние сохраняют более жесткую позицию по отношению к международному праву и особенно к судебной практике международных европейских органов власти.

Следует признать, что явно низкий уровень взаимодействия судебных органов Российской Федерации с ЕСПЧ, который выражается в ограниченном обращении российских судов к судебной практике ЕСПЧ в своей деятельности по отправлению правосудия, демонстрирует, что в рамках опосредованного взаимодействия судов сохраняется его слабо интегрированный характер.

Анализ применения ЕСПЧ и судебной практики ЕСПЧ судебными органами Азербайджанской Республики необходимо начать с анализа деятельности Конституционного суда Азербайджанской Республики. В настоящее время практически невозможно обнаружить постановления Конституционного суда, которое бы не содержало ссылки на ЕСПЧ. Если применение судебной практики ЕСПЧ является менее востребованным в судебной практике Конституционного суда АР, то все же надо отметить, что фразы «учитывая положения Конституции, правовую позицию Европейского суда» встречаются практически в каждом третьем решении

⁴⁹⁷ Быков В., Шишкин Д. Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека в гражданских процессах о защите доброго имени // Обращения в Европейский суд по правам человека: руководство для журналистов / под. ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова М., 2004. С. 590.

⁴⁹⁸ См., например: *Verhoeven J. Droit international public. Larquier, 2000. P. 564.*

Конституционного суда Азербайджанской Республики. Следует также обратить внимание на то, что Конституционным судом цитируются конкретные решения ЕСПЧ; проводится анализ конкретной судебной практики, соответствующей тому или иному основному праву, применяемому в рассматриваемом им деле; нормы законодательства и Конституции Азербайджанской Республики интерпретируются в свете судебной практики и интерпретаций, данных ЕКПЧ Страсбургским судом⁴⁹⁹. Иная ситуация сложилась в рамках взаимодействия ЕСПЧ с судами общей юрисдикции Азербайджанской Республики.

Вместе с тем необходимо выделить также роль нижестоящих судов в применении ЕКПЧ и судебной практики судебного органа Совета Европы. Так, если Верховный суд Азербайджанской Республики ограничивается применением положений конвенции и соответствующих прецедентов ЕСПЧ, которые являются наиболее распространенными в судебной практике ЕСПЧ (например, положение ст. 6 ЕКПЧ, касающееся принципов справедливого судебного разбирательства и положение 1 Протокола № 1, касающееся права собственности)⁵⁰⁰, то судебные органы первой инстанции и даже апеллиционные суды применяют на практике практически все положения ЕКПЧ и Протоколов к ней, а также обращаются к судебной практике ЕСПЧ, применяющей практически все положения Конвенции и Протоколов к ней.

⁴⁹⁹ В качестве примера можно процитировать Постановление пленума Конституционного суда Азербайджанской Республики «О толковании статьи 157.5 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 9 июля 2010 года. См.: <constcourt.gov.az/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=165&Itemid=60>

⁵⁰⁰ То же самое можно сказать и о Конституционном суде АР, который довольно часто обращается к праву собственности, гарантированному Протоколом № 1, а также к судебной практике ЕСПЧ, разъясняющей действие данного права. См., например: Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 15 апреля 2011 г. «О проверке соответствия постановления Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Азербайджанской Республики от 2 июля 2009 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Виктора Озерова». // <constcourt.gov.az/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=165&Itemid=60>.

Статистические данные за 2012-2014 гг. свидетельствуют о росте интегрированного сотрудничества и активного применения национальными судами Азербайджанской Республики судебной практики ЕСПЧ. Так, в 2012 году суды первой инстанции ссылались на статьи ЕКПЧ в 1389 случаях, на протоколы к ЕКПЧ – в 618 случаях, на прецеденты ЕСПЧ – в 931 случаях; в 2013 году: на статьи ЕКПЧ – в 1884 случаях, на протоколы к ЕКПЧ – в 1081 случаях, на прецеденты ЕСПЧ – в 1458 случаях; в 2014 году: на статьи ЕКПЧ – в 2664 случаях, на протоколы к ЕКПЧ – в 1775 случаях, на прецеденты ЕСПЧ – в 2566 случаях⁵⁰¹.

В азербайджанской доктрине такая практика объясняется положительным отношением органов государственной власти (в том числе и судебных) к стандартам международного права, в частности права Совета Европы⁵⁰².

В итоге можно сказать, что судебные органы Азербайджанской Республики находятся в таком же положении по отношению к международному праву и региональным судебным органам, как и судебные органы любого национального правопорядка. Примат норм международного права⁵⁰³ создает отношение несанкционированного подчинения национальных судов региональным судебным органам, которое конкретизируется в судебной практике судов Азербайджанской Республики (в первую очередь высших – Конституционного суда, Верховного суда). Среди особенностей взаимоотношений судебных органов Азербайджанской Республики с ЕСПЧ в применении ими судебной практики последнего

⁵⁰¹ Докторантом был произведен статистический анализ судебной практики судов общей юрисдикции АР при содействии коллег из Министерства юстиции АР. Здесь и далее используются обобщенные данные, полученные докторантом.

⁵⁰² См. подробнее по данному вопросу: *Джафаров А.М.* Конституция Азербайджана как правовая основа деятельности органов прокуратуры и проблемы ее совершенствования в свете рекомендаций Совета Европы // *Российский следователь.* № 1. 2008. С. 38-40; *Алиев З.Г.* Отношения Азербайджана с Советом Европы в контексте прав человека // *Сборник аспирантских научных работ.* Вып. 9. Казань, 2008. С. 17-21.

⁵⁰³ Подробнее по данному вопросу см.: *Мамедов Ф.Ф.* Проблемы реформирования судебной системы Азербайджана в свете международно-правовых стандартов отправления правосудия // *Российский судья.* № 12. Юрист. 2007. С. 42-44

следует отметить более интегрированный характер взаимодействия, который наиболее ярко проявляется в судебной практике Конституционного суда.

§ 3. Международно-правовая природа взаимодействия региональных и национальных судебных органов

3.1. Специфика взаимодействия между региональными и национальными судебными органами

Как уже неоднократно было подчеркнуто, квазиерархия, присущая взаимоотношениям Суда ЕС и ЕСПЧ с национальными судами, отличается от иерархии действующих национальных судебных систем государств, существующей между судами нижних инстанций, апелляционными и кассационными судами. Системность, присущая, например, судам общей юрисдикции, которую можно обнаружить, в частности, в закреплении статуса высшего органа судебной власти за Верховными судами (см., например, ст. 126 Конституции РФ) не существует в отношениях национальных и международных региональных судебных органов. В позитивном праве региональных объединений отсутствуют положения, наделяющие региональные судебные органы статусом высшего судебного органа по отношению к национальным судебным органам, что свидетельствует о существовании различных правовых порядков и о существовании различных судебных систем – национальной и международной региональной.

В отличие от судебных систем отдельных государств⁵⁰⁴, отношения национальных и региональных судебных органов не оформлены юридически как отношения подчинения. Тем не менее, в отличие от отношений судебных органов единой судебной системы отдельно взятого государства, оформление квазиерархических отношений между

⁵⁰⁴ См. подробнее: *Гурвич М. А.* Судебное решение: теоретические проблемы. М: Юрид. лит-ра, 1976. 173 с.

национальными и международными региональными судебными органами осуществляется через установление квазиерархических отношений между правопорядками, к которым они принадлежат. Поиск оснований подчинения между национальными и региональными судебными органами должен осуществляться в позитивном праве, закрепляющем квазиерархический характер отношений между национальными и международными региональными правопорядками.

Положения основополагающих (учредительных) актов европейских правопорядков (Европейского Союза, Совета Европы), а также судебная практика (в первую очередь международных региональных судов), закрепляющие такие принципы, как верховенство международного права и его прямое действие в национальном праве, являются первоисточниками установления квазиерархии между национальными и региональными судебными органами. Так, например, закрепление верховенства Европейской конвенции о защите прав и основных свобод по отношению к праву государств – членов Совета Европы⁵⁰⁵, а также аналогичное закрепление верховенства права ЕС по отношению к праву государств – его членов⁵⁰⁶ в совокупности с принципом прямого действия⁵⁰⁷ устанавливают верховенство международного права по отношению к национальному.

Помимо верховенства международного права, а также его прямого действия во внутренних правопорядках соответствующих государств-членов, которое, по сути, обязывает национальные судебные органы его применять в случае противоречия, существующего между ним и национальным законодательством, также необходимо упомянуть и положения международного права, касающиеся региональных судебных органов. Квазиерархия между национальными и региональными судебными органами возможна лишь в том случае, если помимо

⁵⁰⁵ См.: CEDH, 30 janvier 1998. «Partie communiste unifié de Turquie c/ Turquie». *Sudre F.* Указ. соч. С. 57-69.

⁵⁰⁶ См.: CJCE, 15 juillet 1964, *Costa vs. Enel*, aff. 6/64 Rec. CJCE 1964, I. P. 78.

⁵⁰⁷ См.: CJCE, 5 févr. 1963, aff. 26/62, *Van Gend en Loos*, Rec. CJCE 1963, I. P. 3.

верховенства регионального правопорядка будет также установлена и компетенция по аутентичной интерпретации в последней инстанции региональным судебным органом, а также обязательная и (при возможности) исполнительная сила решений региональных судебных органов.

Установление компетенции регионального судебного органа по аутентичной интерпретации международного права, существующее в любом из рассматриваемых правопорядков (см., например, ст. 32 ЕКПЧ), представляется логически оправданным в связи с необходимостью однообразного применения международного права в правопорядках всех государств-членов. Данная компетенция в совокупности с обязательной силой решений международных региональных судебных органов (см., например, ст. 46 ЕКПЧ) является прямым основанием установления квазиерархии между национальными и региональными судами.

Совокупность данных норм предполагает, что национальные судебные органы обязаны соблюдать решения региональных судебных органов (обязательная сила решений региональных судебных органов) и интерпретацию, которую последние дают международному праву. В свою очередь, верховенство международного права и его прямое действие в национальных правопорядках не позволяют национальным судебным органам избежать действия обязательной силы решений региональных судов посредством, например, отказа от применения международного права.

Таким образом, квазиерархия между региональными судебными органами и национальными судами государств-членов соответствующих региональных образований устанавливается посредством существования квазиерархии между правопорядками, к которым относятся данные судебные органы, и аутентичной компетенции международных региональных судов по интерпретации международного права в последней инстанции, подкрепленной обязательной силой решений последних.

3.2. Концепция диалога между национальными и региональными судами

Как уже было отмечено, в отличие от российской юридической доктрины⁵⁰⁸, в зарубежной науке международного права в настоящее время становится популярной концепция, в соответствии с которой отношения между национальными и европейскими судебными органами, отношения между судебными органами различных европейских государств, а также отношения между европейскими судебными органами (ЕСПЧ и Судом ЕС) являются отношениями, построенными на диалоге⁵⁰⁹.

Концепт диалога, основанного на обмене аргументами между двумя субъектами, предполагает отсутствие подчинения между субъектами. Таким образом, применение концепта диалога к отношениям между национальными и региональными судебными органами предполагает, что между ними существуют скорее сотрудничество отношения. Очевидно, что такой подход не согласуется с фактически сложившимися отношениями судебных органов различных правопорядков, которые основаны на системе подчинения.

Так, например, один из французских представителей науки международного права утверждает, что «европейское пространство является наиболее адаптированным для концепта диалога судей, так как система отношений между национальными и европейскими (т.е. региональными) судами основывается на идее сотрудничества между ними и не предполагает ни иерархии в пользу европейских судов, ни механизмов автоматического подчинения национальных судебных практик европейским судебным

⁵⁰⁸ См., например: *Марченко, М. Н.* Верховенство права Европейского Союза по отношению к национальному праву государств-членов // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 117-124.

⁵⁰⁹ См., например: *Lichère F., Potvin-Solis L., Raynouard A.* Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant, 2004. 242 p.; *Schermers H., Waelbroeck D.* Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001. P. 228.

практикам»⁵¹⁰. Основным аргументом авторов, утверждающих, что отношения между национальными судебными органами и региональными европейскими судами строятся на основе диалога или, что равноценно, на основе сотрудничества, основывается на отсутствии отношений подчинения между судебными системами государств – членов (ЕС и Совета Европы) и соответствующими региональными судебными органами (ЕСПЧ и Суд ЕС)⁵¹¹.

В этой связи не представляется возможным согласиться с представленной аргументацией. Необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на независимость национальных судов и судебных органов региональных образований, существует квазиерархия между правопорядками, частью которых они являются. Как уже отмечалось выше, европейский правопорядок обладает превосходством по отношению к национальным правовым системам⁵¹², право которых, создаваемое или применяемое органами государств-членов (в том числе и судебными органами государств-членов), находится в подчинении праву ЕС, создаваемому и применяемому органами власти ЕС.

Такая квазиерархия правопорядков не может не отразиться на отношениях между национальными и региональными судами. Зная, что первые обязаны применять право ЕС, тогда как вторые обладают исключительной компетенцией по интерпретации в последней инстанции этого права, а также то, что обратной связи, в рамках которой международные региональные суды были бы обязаны применять национальное право государств-членов, не существует, и необходимо воспринимать такую связь не иначе как казиерархию.

В качестве примера можно рассмотреть отношения между национальными судебными органами и Европейским судом по правам

⁵¹⁰ См.: *Potvin-Solis L.* Le concept de dialogue entre les juges en Europe, in *Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ?* Bruylant, 2004. P. 23.

⁵¹¹ Там же. P. 34.

⁵¹² См. решение Суда ЕС «Costa vs. Enel» от 15 июля 1964 г. aff. 6/64.

человека. Так, в соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г.⁵¹³ о ратификации ЕКПЧ Российская Федерация «признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней». Она также обязалась «привести правоприменительную практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней». Буквальное толкование данных норм позволяет сделать единственный вывод о существовании квазиерархии в отношениях между ЕСПЧ и российскими национальными судами или о подчинении национальной судебной практики региональной практике⁵¹⁴. Отметим, что такая позиция отражена не только в российском праве, но и в зарубежной науке. Так, еще в 2002 г. президент Европейского суда по правам человека Жан-Поль Коста утверждал, что «национальные судебные органы, такие, например, как Государственный совет и Кассационный суд Франции, все больше и больше приходят к идее необходимости учета не только положений Конвенции, но и судебной практики ЕСПЧ, а также необходимости учитывать ее, с тем чтобы изменить свою собственную практику соответствующим судебной практике ЕСПЧ образом»⁵¹⁵.

Более того, как отмечается в зарубежной доктрине, «поведение органов государств-членов было бы неуважительным по отношению к европейскому судье, которого Римский договор наделил миссией единообразного применения права ЕС на территории государств Суда членов ЕС, если бы они интерпретировали основополагающие акты в смысле, противоречащем судебной практике Суда ЕС»⁵¹⁶.

⁵¹³ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁵¹⁴ См. подробнее о данном мнении в российской науке международного и конституционного права, а также о его основных представителях: Лукьянова Е.А. Крушение конституционных основ // Право и политика. № 1(133), 2011. С. 106-113.

⁵¹⁵ См.: La Cour européenne des droits de l'Homme e. Interview de Jean-Paul Costa, Dalloz, 2002. P. 3148.

⁵¹⁶ См.: *Genevois B.* Conclusions sur CE, Ass., 22 déc. 1978, Ministère de l'intérieur c. Cohn Bendit, RTD, 1979. P. 166.

Обратим внимание, что данные выводы касаются именно применения судебной практики региональных европейских судов судами стран – членом соответствующих региональных объединений и не решают вопрос о силе судебных решений. В этой связи необходимо вновь обратиться к действующему в рамках ЕС механизму, преюдициальным запросам судебных органов государств – членом ЕС, направляемых ими Суду ЕС. Как уже было отмечено, такой механизм не предусмотрен в процессе взаимодействия между судебными органами государств Суда членом Совета Европы и ЕСПЧ⁵¹⁷.

В отличие от влияния судебной практики (прецедентного права), при производстве по преюдициальным запросам отношение (подчинения) между судебным органом государства – члена ЕС, направившего запрос, и Судом ЕС, рассматривающим его, является очевидным и прямым, так как отношения судебных органов возникают по поводу одного и того же дела. В связи с этим обязательная сила решений Суда ЕС (ст. 65 регламента Суда ЕС), по выражению самого суда, является «обязательной к применению в деле, по отношению к которому национальный суд направил преюдициальный запрос»⁵¹⁸.

Несмотря на такой прямой характер обязательности применения решений Суда ЕС, некоторые авторы продолжают утверждать, что даже в данном случае сохраняется диалог, т.е. равноправное сотрудничество, между национальными и региональными судебными органами⁵¹⁹. Отношение подчинения или квазиерархия в пользу Суда ЕС с юридической точки зрения в данном случае неоспорима. Более того, говорить о существовании обратной связи или влияния со стороны

⁵¹⁷ Отныне компетенция по данному производству принадлежит Трибуналу первой инстанции. См.: ст. 256 ДФЕС (бывшая ст. 225 Римского договора).

⁵¹⁸ См.: CJCE, ord., 5 mars 1986, aff. 69/85, Wünsche, § 13, Rec. CJCE 1986, p. 947

⁵¹⁹ См., например: *Gautier Y.* Le revoi prejudiciel, un instrument efficace de dialogue ?, in *Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ?* Bruylant, 2004. P. 203-210; *Gervasoni S.* La cour de justice et le dialogue des juges ?, in *Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ?* Bruylant, 2004. P. 143-152.

национальных судебных органов на Суд ЕС можно лишь с (внешне) политической точки зрения.

Помимо обязательности (необязательности) исполнения решений Суда ЕС, вынесенных им в рамках преюдициального производства, у зарубежных авторов международного права существуют и другие аргументы, поддерживающие идею того, что отношения между судебными органами государств – членов ЕС и Судом ЕС являются отношениями диалога и сотрудничества. В числе таких аргументов, в частности, называют право судебного органа, получившего запрос, отказаться от его исполнения даже в тех случаях, когда есть все основания для его направления в Суд ЕС⁵²⁰.

Однако в европейской науке конституционного права⁵²¹, а также в практике самого Суда ЕС⁵²² выявлено, что запросы судебных органов государств регулярно направляются в Суд ЕС, что свидетельствует о желании судебных органов государств-членов использовать данный процессуальный механизм. Данное поведение закономерно, так как преюдициальный запрос является фактором «эмансипации» судебных органов государств-членов (в частности, эмансипации судов низших инстанций по отношению к вышестоящим национальным судам, а также от собственного законодателя), так как он позволяет избежать влияния органов власти своего правового порядка посредством подчинения судебной практике Суда ЕС.

Преюдициальный запрос является одним из инструментов, с помощью которого существующая квазиерархия между правовыми порядками государств-членов ЕС и правовым порядком ЕС переносится на отношения

⁵²⁰ *De Burca G., Weiler J.-H.H.* The European Court of Justice, Oxford University Press, 2001. P. 86; *Kokott J., Pernice I. et Saunders C.* The Future of the European Judicial System in a Comparative Perspective, Nomos Verlag, 2006. P. 187.

⁵²¹ См., например: *Favoreu L.* Droit constitutionnel, Dalloz, 2006. P. 234.

⁵²² См.: доклад Комиссии по применению европейского права // JOCE, C 30, 30 janvier 2001. P. 192.

между судебными органами этих правопорядков⁵²³. При этом отношения в рамках данного производства идентично выстраиваются по схеме отношений, существующих между судами общей юрисдикции и конституционным судом в рамках аналогичного судебного производства, действующего в настоящее время в любом европейском конституционном судопроизводстве – производстве по рассмотрению дел о конституционности законов по запросам судов⁵²⁴, т.е. по иерархической схеме.

Схожесть установленных процедур данного производства заключается в усмотрении судебных органов в отношении отправки запроса в конституционный суд (Суд ЕС), оснований отправки запроса, обязательности силы судебного решения конституционного суда (Суда ЕС) и необходимости ее применения. Все в данных производствах свидетельствует об отношениях подчинения между судебными органами, отсылающими запрос, и судебными органами, принимающими решения по преюдициальным запросам.

Так же как и в случае с отношениями, существующими между Судом ЕС и судебными органами государств – членов ЕС, эти отношения выстраиваются и между конституционным судом и судами общей юрисдикции в рамках внутреннего правопорядка. Между последними не существует какой-либо органической иерархии, характерной для отношений судов общей юрисдикции. Данный пример еще раз подтверждает идею о возможности существования отношений подчинения между судебными органами в отсутствие органической иерархии, характерной для судебных систем судов общей юрисдикции.

⁵²³ В подтверждение можно указать на существование «Информационного гида по направлению преюдициальных запросов национальными органами правосудия», который издается Судом ЕС. «Note informative sur l'introduction de procédures préjudicielles par les juridictions nationales» (2009/C 297/01, Journal Officiel de l'union européenne 5 Décembre 2009).

⁵²⁴ См., например: гл. XIII (ст. 101-104) ФКЗ от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, можно считать, что утверждения зарубежных исследователей о сотрудничестве региональных и национальных судебных органов, основанных на диалоге, продиктованы скорее политическими мотивами. Юридически же существуют лишь основания для признания квазиерархических отношений между этими субъектами права.

3.3. Характер международно-правового взаимодействия между судами государств – членом ЕС и Судом ЕС

Как и сотрудничество между судебными органами государств – членом ЕС, взаимодействие между судебными органами государств – членом ЕС и Судом ЕС также может быть охарактеризовано как сотрудничество, имеющее сильно интегрированный характер, что объясняется наличием специального механизма, посредством которого организовано взаимодействие этих судебных органов – производство по преюдициальным запросам судебных органов государств – членом ЕС, направляемых ими Суду ЕС. Такой прямой механизм взаимодействия между данными судебными органами сосуществует с опосредованными формами сотрудничества, существование которых обусловлено интеграцией национальных и европейского правопорядков и необходимостью учета судебной практики Суда ЕС национальными судебными органами государств – его членом.

Принципы верховенства права ЕС, его прямого и однообразного применения на всем пространстве ЕС, а также обязательная сила решений Суда ЕС и его компетенция по аутентичной интерпретации права ЕС в последней инстанции приводят судебные органы государств – членом ЕС к необходимости учета судебной практики Суда ЕС⁵²⁵. Таким образом, особенность права ЕС состоит в том, что гарантированные им права конкретных лиц могут быть защищены в национальном суде государства –

⁵²⁵ См.: *Mehdi R.* (sous la direction de) *L'avenir de la justice communautaire, enjeux et perspectives*. Paris, La Documentation française, 2000. P. 75 s.

члена ЕС, который обязан при этом учитывать⁵²⁶ как судебную практику Суда ЕС, так и его отдельные решения.

Исходя из имплементации норм права ЕС в национальное законодательство его членов, в том числе посредством их применения в судебной практике национальных судебных органов, а также с учетом подробной детализации современного права ЕС, которое регламентирует практически все сферы общественной жизни, можно лишь констатировать, что его применение национальными судебными органами становится все более и более частым⁵²⁷.

Среди конкретных правовых основ и принципов взаимодействия Суда ЕС с судебными органами государств – членов ЕС можно выделить: прямое применение права ЕС (как его интерпретировали судебные органы ЕС) судебными органами государств-членов, компетенцию Суда ЕС по констатации несоблюдения государством-членом обязательств, наложенных на него основополагающими договорами (ст. 258 и след. ДФЕС), компетенцией по отмене актов органов ЕС (ст. 263 ДФЕС) и т.п.

Во всех судебных производствах Суда ЕС можно выявить взаимодействие с судами стран – участниц ЕС, которое осуществляется путем нормативного влияния судебных решений и судебной практики, характерного для отношений верховных (конституционных) и нижестоящих судов (общей юрисдикции).

Тем не менее основным средством, свидетельствующим о сильно интегрированном характере взаимодействия между Судом ЕС и судебными органами государств – членов ЕС является производство по преюдициальным запросам⁵²⁸.

⁵²⁶ См.: CJCE, 15 mai 1986, Johnston, aff. 222/84 : Rec. CJCE 1986, I. P. 1651.

⁵²⁷ См. подробнее: *Haguenau C.* L'application effective du droit communautaire en droit interne, analyse comparative des problèmes rencontrés en droit français, anglais et allemand, Thèse Paris II, 1994.

⁵²⁸ См. подробнее: *Grevisse F. et Bonichot J.-C.* Les incidences du droit communautaire sur l'organisation et l'exercice de la fonction juridictionnelle dans les États membres // Mélanges en hommage à Jean Boulouis, Dalloz, 1991. P. 297 s.

Об интенсивности взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС с Судом ЕС в рамках производства по преюдициальным запросам, направляемых первыми последнему, свидетельствуют статистические данные. Так, в частности, количество преюдициальных запросов, направляемых судами государств – членов ЕС Суду ЕС, постоянно растет. За восемь лет (с 1990 по 1998 г.) их количество выросло на 85 % (в 1990 г. было направлено 142 преюдициальных вопроса, в 1998 г. – 264)⁵²⁹. За 2014 г. в Суд ЕС поступило 428 преюдициальных запросов национальных судов из общего числа обращений в количестве 622⁵³⁰.

На основании таких данных некоторые зарубежные ученые отмечают, что преюдициальный запрос является «жертвой своего успеха»⁵³¹, так как чрезмерное количество преюдициальных запросов приводит к удлинению сроков рассмотрения дел в Суде ЕС, что отрицательно сказывается на эффективности взаимодействия судебных органов государств – членов ЕС и Суда ЕС.

В данном случае также необходимо подчеркнуть, что в соответствии с подготовленным по заданию Европейской комиссии докладом ^{3/4} преюдициальных запросов направляются не верховными судами государств – членов ЕС, а нижестоящими судебными органами этих государств⁵³².

Тот факт, что компетенцией по его направлению обладает любой судебный орган любого государства – члена ЕС, а не только высшие суды государств – членов ЕС, объясняет высокую эффективность данного средства взаимодействия судов государств-членов и судебных органов ЕС.

⁵²⁹ См. доклад Комиссии по применению европейского права, *Journal officiel des Communautés européennes*, C30 du 30 janvier 2001, p. 192.

⁵³⁰ См. подробнее: *Annual report 2014*. P. 94 et s. // <http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-04/en_ecj_annual_report_2014_pr1.pdf>.

⁵³¹ См.: *Turner C., Munoz R. Revising the judicial architecture of European Union* // *YEL*, 1999/2000. P. 1.

⁵³² Об этом свидетельствует и доклад о деятельности самого суда. См.: *Annual report 2014*. P. 94 et s. // <http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-04/en_ecj_annual_report_2014_pr1.pdf>.

Нижестоящие суды заинтересованы в использовании данного механизма, так как он позволяет им «эмансипироваться» от власти национального законодателя и национальных вышестоящих судебных органов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сильно интегрированный характер взаимодействия Суда ЕС с национальными судами обусловлен в первую очередь заинтересованностью именно нижестоящих судов государств – членов ЕС.

В отношении производства по преюдициальным запросам, направляемым судами государств-членов Суду ЕС, необходимо уточнить, что, в отличие от подобного производства Суда Бенилюкса, их влияние не ограничивается рамками дела, давшего основание для направления запроса, а обладает юридической силой «*erga omnes*»⁵³³. Данный факт, свидетельствующий о том, что решение Суда ЕС, принятое им в рамках данного производства, должно применяться не только судом, направившим преюдициальный запрос, но и любым другим судом любого из государств – членов ЕС, говорит о том, что помимо организации прямого и сильно интегрированного характера взаимодействия между судами данное производство также позволяет Суду ЕС оказывать второстепенное или косвенное влияние на судебные органы государств – членов ЕС.

3.4. Характер международно-правового взаимодействия между судебными органами государств – членов Совета Европы и Европейским судом по правам человека

В отличие от взаимодействия судов государств – членов ЕС с судами ЕС, отношения ЕСПЧ и судов государств – членов Совета Европы отличаются меньшей интегрированностью. Если они и имеют такой же

⁵³³ См.: CJCE, 13 mai 1981, aff. 66/80, International Chemical Corporation, Rec. CJCE 1981, I. P. 1191.

квазиерархический характер, как и отношения судов государств – членов ЕС и судебных органов ЕС, единственным юридическим средством такого взаимодействия остается совокупность следующих принципов: обязательной силы судебных решений ЕСПЧ; компетенции последнего по аутентичному единообразному толкованию норм Конвенции; обязательства применять Конвенцию; ее высшая юридическая сила во внутреннем правопорядке государств-членов.

Такие принципы функционирования ЕСПЧ, как наличие института индивидуальной жалобы и необходимость исчерпания всех внутренних средств защиты для ее направления в ЕСПЧ (ст. 34 и 35 ЕКПЧ); обязательность решений ЕСПЧ (ст. 46 ЕКПЧ) и его компетенция по аутентичному толкованию текста Конвенции в последней инстанции (ст. 32 ЕКПЧ), а также верховенство Конвенции и, как следствие, верховенство ее толкования, данного ЕСПЧ, во внутренних правопорядках устанавливает вопреки распространенному мнению в европейской науке международного права⁵³⁴ квазиерархию между судебными органами государств-членов и ЕСПЧ, в пользу последнего. Представляется, что с учетом ограниченных механизмов взаимодействия ЕСПЧ и судами государств – членов Совета Европы можно квалифицировать как отношения слабо интегрированного характера. Отметим, что взаимоотношения рассматриваемых судов аналогичны отношениям между конституционными судами и судами общей юрисдикции, которые организуются лишь в рамках отдельного вида конституционного производства – производства по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (см., например, п. 4 ст. 125 Конституции РФ). В большинстве европейских государств, в которых конституционные суды обладают такого рода компетенциями (например, Германия, Испания), они рассматривают дела по жалобам лиц

⁵³⁴См.: *Costa J.-P.* La Cour européenne des droits de l'homme et le dialogue des juges, in *Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ?* Bruylant, 2004. P. 153-166.

(исключительно) о нарушении их конституционных прав и свобод только после того, как истцом были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты (в первую очередь речь идет о судебных средствах защиты)⁵³⁵. При этом конституционные суды действуют в целях защиты прав конкретного лица. Именно такие отношения, выстраиваемые между ними и органами общей юрисдикции, аналогичны отношениям, существующим между ЕСПЧ и судебными органами государств – членом Совета Европы.

Их компетенция различна – конституционные суды, как и ЕСПЧ, осуществляют лишь проверку актов государственной власти на нарушение ими основных прав и свобод, тогда как суды общей юрисдикции обладают компетенцией по рассмотрению всех вопросов по существу. Конституционные суды, как и ЕСПЧ, принимают решение «в последней инстанции»; их решения обязательны к применению судами общей юрисдикции (судами государства-члена); они обладают исключительной компетенцией по интерпретации учредительного акта своего правового порядка (конституции, Конвенции) и т.п.

Взаимодействие между ЕСПЧ и судебными органами государств-членов ограничивается влиянием судебной практики ЕСПЧ и обязательной силой конкретных решений ЕСПЧ на судебную практику судов государств – членом Совета Европы. За неимением в правовом порядке Совета Европы такого производства, как преюдициальный запрос, который существует как в праве ЕС⁵³⁶, так и в конституционных судопроизводствах различных европейских государств⁵³⁷, взаимодействие ЕСПЧ с судами государств – членом Совета Европы в сравнении с сотрудничеством Суда ЕС с национальными судами

⁵³⁵ См. о немецком конституционном производстве, инициируемом гражданами в связи с нарушением их прав (Verfassungsklage), например: *Benda K., Klein E. Verfassungsprozessrecht*, 2001, ss. 147, §358.

⁵³⁶ См., например: *Пушечникова Е.А.* Некоторые вопросы преюдициальной процедуры в Суде Европейских Сообществ // Сборник «Материалы семинара «Преподавание права Европейского Союза в Российских ВУЗах - II». М., 2001. С. 299-305.

⁵³⁷ См., например: *Клишас А.А.* Конституционная юстиция в зарубежных странах: Монография / Отв. ред. В.В. Еремян. М.: Изд. «Международные отношения», 2004.

стран ЕС отличается более слабым интегрированным характером. Многочисленные научные работы по данной тематике свидетельствуют о расхождении судебных практик судов государств-членов и судебной практики ЕСПЧ, об «уступках» ЕСПЧ национальным судам государств-членов во имя уважения их суверенитета; о «войне судей» и т.п.⁵³⁸ Сложившаяся практика взаимоотношений суда Совета Европы и судебных органов его членов обусловлена в большей степени политическими причинами, в то время как правовая их связь мало чем отличается от той, которая существует между высшими (конституционными) и низшими судами (общей юрисдикции).

Учитывая, что основная деятельность ЕСПЧ с момента вступления в силу Протокола № 11 посвящена рассмотрению индивидуальных жалоб⁵³⁹, можно сделать вывод о том, что ЕСПЧ выполняя, по сути, роль «кассационного суда», взаимодействует с судебными органами государств – членов Совета Европы на регулярной основе. Такой вывод подтверждается также анализом текстов решений ЕСПЧ, что позволяет утверждать следующее: учет фактов, процедуры и внутреннего материального права, которые практически в любом из рассматриваемых им дел были предварительно использованы судами государства-члена (что объясняется существованием необходимости исчерпания внутренних средств правовой защиты (п. 1, ст. 35 ЕКПЧ)), постоянно цитируются ЕСПЧ в мотивировочной части своих решений. Иначе говоря, ЕСПЧ, как и любой верховный (вышестоящий) суд, пользуется предварительным прохождением дела в «нижестоящих инстанциях» для целей судебного следствия в рамках собственного производства. В свою очередь, судебные органы государств-

⁵³⁸ См., например: *Andriantsimbazovina J.* L'autorité des décisions de justice constitutionnelles et européennes sur le juge administratif français // LGDJ, 1998 ; *Rousseau D., Sudre F.* Conseil constitutionnel et Cour européenne des droits de l'homme, STH, 1999 ; *K. Mellech.* Die Rezeption der EMRK sowie der Urteile des EGMR in der französischen und deutschen Rechtsprechung. Mohr Siebeck, 2012. 270 p.

⁵³⁹ См., например: Conseil de l'Europe, Rapport annuel 2010. Cour européenne des droits de l'homme, janvier 2011 // <www.echr.coe.int/>.

членов считают себя обязанными применять судебную практику ЕСПЧ⁵⁴⁰ и приводить в исполнение конкретные решения данного регионального судебного органа.

Выводы по третьей главе

Отношения между национальными и европейскими судебными органами (судами государств – членов ЕС и Судом ЕС, с одной стороны, и судами государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, с другой стороны) обладают рядом характерных лишь для них особенностей.

С одной стороны, они построены по подобию взаимодействия, существующего между правовыми порядками, которым они принадлежат, т.е. европейские судебные органы, как и европейские правовые порядки по отношению к национальному праву, обладают верховенством по отношению к судебным органам государств-членов соответствующих региональных образований. При этом для их взаимоотношений характерно отсутствие системности, присутствующей в судебной системе каждого отдельно взятого национального правового порядка, которая позволяет подчинить нижестоящие судебные органы вышестоящим посредством специальных механизмов. Анализ юридической природы взаимодействия национальных судов с международными региональными судебными органами позволил сделать вывод о невозможности его отнесения к отношениям международной иерархии, что обусловлено их функционированием в различных правовых порядках (международных региональных и национальных). Вместе с тем юридическая обязательность решений региональных судов для национальных судов, имеющая в ряде случаев императивный характер, придает этому взаимодействию «квазиерархичный» характер, отличный от традиционной концепции «координационной природы» международных организаций и их органов.

⁵⁴⁰ См., например: Постановление Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 2.

Данный факт объясняет ряд недостатков в существующих отношениях подчинения национальных судов Суду ЕС и ЕСПЧ, в числе которых следует назвать примеры отказа национальных судов в применении судебной практики региональных судебных органов.

Несмотря на наличие таких общих черт во взаимодействии национальных и региональных судебных органов, каждое из них обладает своими особенностями. Сравнительный анализ отношений судов государств – членов ЕС с Судом ЕС, с одной стороны, и судов государств – членов Совета Европы и ЕСПЧ, с другой стороны, также подтверждает идею о зависимости такого взаимодействия от отношений, существующих между правовыми порядками, которым принадлежат данные суды. Так, отношения между судами государств – членов ЕС и Судом ЕС следует охарактеризовать как взаимоотношения сильно интегрированного характера, что объясняется наиболее высоким уровнем интеграции государств – членов ЕС, а также наличием специальных механизмов взаимодействия региональных и национальных судебных органов. Слабо интегрированный характер взаимодействия ЕСПЧ с судами государств – членов Совета Европы обусловлен в первую очередь лишь опосредованным влиянием судебной практики ЕСПЧ на деятельность судов государств – членов Совета Европы.

ГЛАВА 4. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Следует отметить, что в настоящее время отношения между судебными органами Европейского Союза и Европейского суда по правам человека⁵⁴¹ прямо не регулированы. Вместе с тем данный факт не означает их фактического отсутствия. Как и в случае взаимодействия других судебных органов, которое не организовано в рамках единой, структурированной судебной системы, основы взаимодействия между названными европейскими региональными судебными органами заложены в правопорядках ЕС и Совета Европы.

Таким образом, правовые основы взаимоотношений двух европейских региональных правопорядков (Европейского Союза и Совета Европы), которым принадлежат европейские судебные органы (Суд ЕС и Европейский суд по правам человека) обладают рядом особенностей, основной из которых является отсутствие формальной юридической связи. При этом такое сотрудничество было организовано на основе добровольного одностороннего подчинения со стороны ЕС, который в одностороннем порядке признал ЕКПЧ частью права ЕС (ст. 6 Договора о Европейском Союзе).

Таким образом, в правопорядке ЕС существует обязательство по применению ЕКПЧ, которое неоднозначно было подтверждено современными основополагающими (учредительными) актами права ЕС (см. ст. 52 и 53 Хартия Европейского Союза об основных правах). В то же время следует признать, что в данном случае не существует обязательств по взаимодействию региональных судов, в частности обязательства Суда ЕС по

⁵⁴¹ См. подробнее: *Дроздов Р. Н.* Взаимодействие Совета Европы и Европейского Союза в сфере обеспечения прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия Юридические науки. 2009. № 2. С. 110 – 114.

применению решений и судебной практики ЕСПЧ. Влияние судебной практики ЕСПЧ на деятельность Суда ЕС организуется на добровольной основе; в отсутствие действия обязательной силы ст. 46 ЕКПЧ в отношении Суда ЕС, закрепляющей необходимость исполнения решений ЕСПЧ, можно констатировать отсутствие юридического механизма, организующего взаимодействие между ЕСПЧ и Судом ЕС. В связи с этим в настоящее время можно говорить только о влиянии Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также о влиянии судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику Суда ЕС⁵⁴².

Вместе с тем при рассмотрении вопроса взаимодействия Суда ЕС и ЕСПЧ нельзя обойти вниманием возможную перспективу развития их отношений.

Основополагающие (учредительные) акты ЕС (п. 2 ст. 6 Договора о Европейском Союзе) и Совета Европы (Протокол № 14) предусматривают присоединение Европейского Союза к ЕКПЧ, что изменит отношения между ЕСПЧ и Судом ЕС. При этом если на сегодняшний день можно говорить только о добровольном одностороннем подчинении Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ, то с присоединением ЕС к ЕКПЧ можно будет квалифицировать их взаимоотношения по аналогии с сотрудничеством национальным судов с международными региональными судами как основанные на квазиерархии. Так, компетенция ЕСПЧ по контролю актов ЕС, а также обязательство исполнения решений ЕСПЧ (ст. 46 ЕКПЧ), которое будет возложено на органы ЕС (в том числе и на Суд ЕС), поставят Суд ЕС по отношению к ЕСПЧ в положение, идентичное любому другому судебному органу государства – члена ЕС (§ 2).

⁵⁴² См. по теме судебной практики Суда ЕС, например: Суд Европейских сообществ: постановления и комментарии. Вып. 3 / под ред. Л.М. Энтина, Ю.А. Матвеевского; МГИМО (У) МИД России, Ин-т европейского права. М. : МГИМО-Университет, 2007. 295 с.

§ 1. Влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику Суда ЕС

Основываясь на доктрине правопреемства⁵⁴³, а также на положениях учредительных актов ЕС (см. ст. 6 Договора ЕС и ст. 53 Хартии ЕС об основных правах), можно утверждать, что ЕКПЧ является неотъемлемой частью права ЕС. Если применение судебной практики ЕСПЧ Судом ЕС не является обязательным в отсутствие присоединения ЕС к ЕКПЧ, то он все же учитывает с давних пор судебную практику ЕСПЧ. Учет Судом ЕС решений ЕСПЧ в своей деятельности объясняется несколькими причинами (как признанием ЕСПЧ собственной компетенции по опосредованному контролю актов ЕС, так и аутентичной компетенцией ЕСПЧ по толкованию ЕКПЧ) и является обязательной предпосылкой существования взаимодействия между европейскими судебными органами.

1.1. Использование в судебной практике Суда ЕС Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Интеграционные процессы в современном мире, которые в последнее время способствуют появлению новых, все более сложных форм взаимодействия, в том числе и между региональными образованиями, в определенной степени объясняют влияние Европейской конвенции о защите прав человека на право ЕС. Так, в частности, можно констатировать, что даже тогда, когда Суд ЕС не ссылается напрямую на ЕКПЧ, цитируя конкретное положение Конвенции, он все же использует текст последней, что следует из положения п. 3 ст. 6 Договора о Европейском Союзе. В соответствии с данной нормой «основные права, такие, какими они

⁵⁴³ См.: *Pescatore P.* La Cour de justice des Communautés Européennes et la Convention européenne des droits de l'homme, in *Protecting human rights: the European dimension. Studies in honour of Gerard J. Wiarda* / ed. by Franz Matscher, Herbert Petzoldfre. 2nd ed. Koeln, C Heymanns, cop. 1990. P. 441-456.

гарантированы Европейской конвенции о защите основных прав и свобод... являются частью права Союза в качестве общих принципов права».

Суд ЕС отметил по этому поводу: «осторожность Суда в составлении своих решений не должна скрывать тот факт, что ЕКПЧ просматривается в судебной практике Суда ЕС как неотъемлемая часть права ЕС. Принятие положений Конвенции в материальном смысле слова в качестве общих принципов права является чисто формальным и автоматическим явлением – на самом деле все происходит так, как будто Суд просто применяет Конвенцию»⁵⁴⁴.

Использование в судебной практике Суда ЕС Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод было закреплено в позитивном праве ЕС, в частности в учредительных актах. Сначала положения ЕКПЧ были включены в право ЕС с заключением Договора о Европейском Союзе, где в § 2 ст. 6 была закреплена сила общих принципов права ЕС за правами и свободами, гарантированными в упомянутой нами Конвенции. Затем в праве ЕС было установлено более детализированное положение: Хартия Европейского Союза об основных правах⁵⁴⁵ закрепляет, что «в той мере, в какой настоящая Хартия содержит права, соответствующие правам, гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека, их смысл и действие являются идентичными тем, которые даны им указанной конвенцией» (п. 3 ст. 52). Особый характер юридической силы ЕКПЧ в праве ЕС был закреплен за ней ст. 53 Хартии, в которой указывается, что «ни одно из положений Хартии не должно интерпретироваться как ограничивающее основные права и свободы, гарантированные... в особенности Европейской конвенцией о защите прав человека и конституциями государств-членов».

⁵⁴⁴ *Puissochet J.-P.* La Cour européenne des droits de l'homme, la Cour de justice des Communautés européennes et la protection des droits de l'homme, in *Mahoney P., Matscher F., Petzold H., Wildhaber L.* Protection des droits de l'homme : la perspective européenne. Mélanges à la mémoire de Rolv Ryssdal, Cologne, Heymanns, 2000, p. 1143.

⁵⁴⁵ Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий / Отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: Юриспруденция, 2001. 208 с.

По мнению Суда ЕС в праве ЕС среди источников основных прав и свобод человека Конвенция занимает «особое значение»⁵⁴⁶, что еще раз подтверждает ее важность в европейском правопорядке.

Отметим, что за последнее время Суд ЕС все чаще в своих решениях использует положения ЕКПЧ как непосредственный источник основных прав и свобод в правопорядке Европейского Союза.

Использование Судом ЕС Конвенции в своей судебной практике началось наряду с использованием им других инструментов международного права: Конвенций МОТ⁵⁴⁷; Международного пакта о гражданских и политических правах⁵⁴⁸; Европейской социальной хартии⁵⁴⁹.

ЕКПЧ, в свою очередь, была неоднозначно использована как источник права Судом ЕС в решении *Rutili* от 28 октября 1975 г.⁵⁵⁰ Суд ЕС указал на то, что все государства – члены Европейских сообществ на тот момент присоединились к ЕКПЧ, что и позволило ему сослаться на этот текст как на источник права, общий для всех государств – членов ЕС.

«Особое значение» ЕКПЧ для правопорядка Европейского Союза, о котором уже упоминалось, было отмечено Судом ЕС еще в 1989 г.⁵⁵¹ 28 марта 1996 г. Суд квалифицировал значение данного текста аналогичным образом в одном из особых заключений, выраженных им по отношению к присоединению Европейского сообщества к Конвенции⁵⁵².

Тем не менее самым неоднозначным и ярким утверждением особого значения ЕКПЧ для правопорядка Европейского Союза стало решение Суда ЕС «ERT», в котором он заявил: «в соответствии с постоянной судебной практикой основные свободы являются неотъемлемой частью общих

⁵⁴⁶ См.: CJCE, 28 mars 2000, C-7/98, Krombach, Rec., p. I-1935, § 25.

⁵⁴⁷ См., например: CJCE, 15 juin 1978 Defrenne c/ Sabena, 149/77, Rec 1365, §28, DCDF, §19.

⁵⁴⁸ См.: CJCE, 18 oct. 1989, Orkem c/ Commission, 374/87, Rec., 3334, § 18, 31.

⁵⁴⁹ См.: CJCE, 2 fev. 1988, Blaizot, Rec., 398, § 17, DCDF n° 14.

⁵⁵⁰ См.: CJCE, 28 oct. 1975, Rutili, 36/75, Rec., 1219, § 32, DCDF, n° 14.

⁵⁵¹ См.: CJCE, 21 septembere 1989, Hoesch, 46/87 et 227/88, Rec., 2859, § 13.

⁵⁵² См.: CJCE, Avis du 28 mars 1996, RTDE, 1996, 625.

принципов права, соблюдение которых гарантируется Судом. Для данной цели Суд вдохновляется общими конституционными традициями государств-членов, а также международными инструментами, касающимися прав человека, к которым присоединились государства-члены. Европейская конвенция о защите прав человека в данном отношении имеет особенное значение»⁵⁵³.

Таким образом, можно утверждать, что ЕКПЧ в настоящее время является основным источником основных прав и свобод в праве ЕС. Соблюдение прав и свобод такими, какими они гарантированы ЕКПЧ, является условием законности актов органов власти Европейского Союза и опосредованным источником взаимодействия Суда ЕС и ЕСПЧ.

Статус ЕКПЧ, подтвержденный судебной практикой ЕС, не изменился и с появлением Хартии Европейского Союза об основных правах, так как в целях недопущения расхождений в судебной практике ЕСПЧ и Суда ЕС по просьбе Великобритании в ее текст было включено уже упомянутое ранее положение, в соответствии с которым смысл и действие прав Хартии, идентичных тем, которые закреплены в ЕКПЧ, являются аналогичными им (§ 3 ст. 52). В той части, в которой права и свободы, гарантированные Хартией и Конвенцией совпадают, Хартия должна интерпретироваться в соответствии со смыслом, значением и действием, которые даны этим правам ЕКПЧ. Таким образом, ЕКПЧ представляется основополагающим (учредительным) текстом права ЕС как основной или, по крайней мере, один из основных блоков, закрепляющих основные права и свободы в правопорядке Европейского Союза.

В итоге можно сделать следующие выводы. Во-первых, ЕКПЧ является одним из основных правовых источников прав и свобод человека в праве ЕС. С исторической точки зрения это объясняется, в частности, тем, что правопорядок Европейского Союза не располагал собственным

⁵⁵³ См.: CJCE, 18 juin 1991, ERT, C-260/89, Rec., I, 2951, § 41, DCDF, 133.

каталогом основных прав и свобод человека, который появился в праве ЕС сравнительно недавно и ассоциируется в науке международного права с появлением Хартии Европейского Союза об основных правах, что тем не менее не привело к отказу Суда ЕС от применения ЕКПЧ в его судебной практике. Напротив, текст Договора о Европейском Союзе (ст. 6) сохранил ссылку на ЕКПЧ, а Хартия пошла дальше, так как она «литерально» отказалась конкурировать в защите прав и свобод человека с таким актом, как ЕКПЧ (п. 3 ст. 52).

Во-вторых, закрепленный за ЕКПЧ статус источника права ЕС является отправной точкой в сотрудничестве Суда ЕС и ЕСПЧ, которое может быть охарактеризовано как опосредованное (косвенное) взаимодействие.

В-третьих, использование акта Совета Европы в судебной практике Суда ЕС осуществляется на односторонне обязывающей основе, т.е. в отсутствие правовых оснований для применения права ЕС Страсбургским судом, что отражается на характере взаимодействия европейских судебных органов, в частности подчинения одного из них (Суда ЕС) нормативному влиянию судебной практики другого (ЕСПЧ).

1.2. Влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на судебную практику Суда ЕС

В настоящее время обязанность применения Судом ЕС Европейской конвенции о защите прав человека, закрепленная в основополагающих (учредительных) актах ЕС не подкреплена никакой юридической санкцией. Данный факт позволяет утверждать о существовании так называемой автономии Суда ЕС по интерпретации ЕКПЧ, которая тем не менее не является абсолютной, о чем свидетельствует судебная практика Суда ЕС, постоянно использующего в своей деятельности судебную практику суда Совета Европы.

Отметим, что автономия интерпретации (толкования) Европейской конвенции о защите прав человека, которой обладает Суд ЕС, основана на отсутствии юридически подкрепленной обязанности соблюдать решения Европейского суда по правам человека. § 2 ст. 6 Договора о Европейском Союзе закрепляет за ЕКПЧ статус части права ЕС не как таковой, а лишь в части основных прав, которые она гарантирует: «Основные права, такие какими они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод... являются частью права Союза». Это означает, что литерально органы власти Европейского Союза, в том числе и судебные органы, будучи обязанными соблюдать основные права, гарантированные ЕКПЧ, обладают автономией интерпретации ее текста. Иначе говоря, они не обязаны соблюдать интерпретации (толкования), которые дает данному тексту Европейский суд по правам человека⁵⁵⁴. Данный факт объясняется тем, что обязательная сила решений ЕСПЧ, закрепленная ст. 46 ЕКПЧ, не является положением Конвенции, закрепляющим основные права, и поэтому она не является «частью права Союза», которое Суд ЕС обязан соблюдать и применять.

Вместе с тем Хартия Европейского Союза об основных правах содержит ряд положений, которые позволяют утверждать об обязанности Суда ЕС следовать судебной практике ЕСПЧ и имплементировать в свою судебную практику конкретные решения последнего. Во-первых, как отмечено в иностранной литературе, составители текста Хартии имплементировали ряд положений, установленных ЕСПЧ в своей судебной практике. Так, зарубежные авторы приводят в пример § 2 ст. 19 Хартии, декларирующего защиту против незаконных выдворений за границу и в особенности запрет выдворений в страны, где лица могут быть подвергнуты

⁵⁵⁴ См.: *Simon D. Les fondements de l'autonomie du droit communautaire, in Droit international et droit communautaire // Perspectives actuelles, Paris, 2000. P. 207 et s.*

бесчеловечному обращению⁵⁵⁵. Во-вторых, стоит обратить внимание на преамбулу Хартии, которая однозначно закрепляет, что «Настоящая Хартия, вновь провозглашает... права, которые закреплены в частности ...судебной практикой Европейского суда по правам человека».

Несмотря на данные утверждения Хартии, действие судебной практики ЕСПЧ в праве Союза остается на сегодняшний день не санкционированным и, следовательно, не обязательным к применению Судом ЕС. Будучи обязанным применять ЕКПЧ в части гарантированных прав и свобод, Суд ЕС вправе не учитывать судебную практику ЕСПЧ, что в принципе соответствует положению § 3 ст. 6 Договора о Европейском Союзе, в соответствии с которым лишь основные права, гарантированные ЕКПЧ, являются частью права ЕС, что логически исключает обязательную силу других положений ЕКПЧ, в том числе и тех, которые устанавливают обязательную силу решений ЕСПЧ.

Таким образом, судебные органы Европейского Союза самостоятельно интерпретируя Конвенцию (что может привести к расхождению в судебной практике двух европейских органов), обеспечивают данный текст гарантией в рамках их деятельности по контролю актов государств – членов ЕС, имплементирующих право ЕС в свои внутренние правовые порядки⁵⁵⁶. Таким образом, Суд ЕС признает себя компетентным по осуществлению контроля национальных актов государственной власти, имплементирующих акты права ЕС, на их соответствие положениям ЕКПЧ⁵⁵⁷. Также в рамках производства по преюдициальным запросам Суд ЕС рассматривает вопросы по интерпретации Конвенции и ее применения, а также санкционирования национального законодательства, противоречащего праву ЕС и ЕКПЧ⁵⁵⁸.

⁵⁵⁵ См. подробнее: *Palazzo F.* Charte européenne des droits fondamentaux et droit pénal // RSC, n° 1 janvier-mars 2008. P. 1.

⁵⁵⁶ См.: CJCE, 18 juin 1991, ERT, C-260/89, Rec., I, 2951, § 41, DCDF, 133.

⁵⁵⁷ См.: CJCE, 13 juillet 1989, Wachauf, 5/88, Rec., 2609, DCDF, 46.

⁵⁵⁸ См.: CJCE, 29 mai 1997, Kremzow, C-299/95, Rec., I-2659, DCDF, 74.

При этом с 90-х годов прошлого века Суд ЕС при интерпретации ЕКПЧ в своих решениях все чаще ссылается на судебную практику ЕСПЧ, а не на конвенционное право Совета Европы. В числе таких решений можно назвать решения Суда ЕС по делу, связанном с правом на равенство транссексуалов⁵⁵⁹; в деле, связанном со свободой прессы⁵⁶⁰; в деле, связанном с правом на справедливое судебное разбирательство⁵⁶¹; в деле, касающемся презумпции невиновности⁵⁶²; в деле, касающемся неприкосновенности жилища⁵⁶³, и т.д.

«Обычное использование»⁵⁶⁴ в практике Суда ЕС Конвенции и толкований, которые дает данному тексту ЕСПЧ, проявляется в уже процитированном решении *Baustahlgewebe GmbH*, где, несмотря на ссылку Суда ЕС на «общий принцип права ЕС, в соответствии с которым любое лицо имеет право на справедливое судебное разбирательство», он все же основывает свое решение исключительно на ст. 6 ЕКПЧ. Более того, в данном деле Суд ЕС строго придерживается интерпретации, которую дал ст. 6 Конвенции ЕСПЧ, в частности использует критерии разумного срока разбирательства (*délai raisonnable*) для определения его разумности в деле, рассмотренном Трибуналом первой инстанции. Еще одним примером использования в судебной практике Суда ЕС интерпретаций (толкований) Конвенции, данных Европейским судом по правам человека, можно назвать использование Судом Европейского Союза такого специфического правила, как предоставление справедливой компенсации в случае нарушения одного из основных прав (ст. 41 ЕКПЧ). Судопроизводственная техника

⁵⁵⁹ См.: CJCE, 30 avril 1996, *P/S et Cornwall County Council*, C-13/94, Rec., I-1763, DCDF, 68, RAE, 1996, 171, chron. F. Picod.

⁵⁶⁰ См.: CJCE, 26 juin 1997, *Vereinigte Familiapress Zertungsverlags-und Vertriebs GmbH*, C-368/95, DCDF 75, Europe, août-sept. 1997, comm. 273, D. Simon.

⁵⁶¹ См.: CJCE, 17 dec. 1998, *Baustahlgewebe GmbH*, C-13/98, Rec., I-2163

⁵⁶² См.: CJCE, 8 juillet 1999, *Montecatini*, C-260/99, Rec., I, 1231.

⁵⁶³ См.: CJCE, 22 oct. 2002, *Roquette Frères SA*, C-94/00, §29, Europe, 2002, 12, comm. 422

L. Idot.

⁵⁶⁴ См.: *Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2003. P. 145.*

предоставления справедливой компенсации была заимствована Судом ЕС у ЕСПЧ в отсутствие правовых основ для нее в праве ЕС⁵⁶⁵.

Таким образом, можно утверждать, что в отсутствие обязательства подчиняться судебной практике ЕСПЧ и обязательства применять его решения, т.е. несмотря на право по интерпретации ЕКПЧ, которой обладает Суд ЕС, он регулярно использует в своей судебной практике различные аспекты судебной практики ЕСПЧ, т.е. интерпретации (толкования) Конвенции, которые дает ей последний.

Применение в добровольном порядке Судом ЕС судебной практики ЕСПЧ можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, в отсутствие обязательства Суда ЕС соблюдать судебную практику ЕСПЧ, источником добровольного подчинения Суда ЕС Страсбургскому суду может являться лишь перспектива присоединения Европейского Союза к ЕКПЧ, что и является, как представляется, основной причиной соблюдения Судом ЕС всех положений ЕКПЧ (в том числе и ст. 32, 46 ЕКПЧ), т.е. соблюдения судебной практики ЕСПЧ, которая является обязательной к исполнению именно в соответствии со ст. 32 и 46 ЕКПЧ, а не только тех положений, которые он обязан соблюдать в соответствии со ст. 6 Договора о Европейском Союзе. Именно данный факт является источником добровольного подчинения Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ, так как в противном случае по присоединении ЕС к ЕКПЧ риск большого количества решений ЕСПЧ, констатирующих несоответствие Конвенции актов органов ЕС, будет более чем вероятен по причине различий судебной практики Суда ЕС от судебной практики ЕСПЧ.

Во-вторых, причиной добровольного подчинения судебной практики Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ в отсутствие юридических обязательств между ними (а также в отсутствие юридических обязательств между правопорядками, которым они принадлежат, является необходимость

⁵⁶⁵См.: CJCE, 17 dec. 1998, Baustahlgewebe GmbH, C-13/98, Rec., I-2163.

поддержания юридической безопасности на европейском пространстве. Действительно, существуют и чисто практические основания для необходимости тождественности судебных практик двух европейских судов. Юридическая безопасность может быть поставлена под удар в связи с тем, что обязательства, вытекающие из судебных практик двух судов (Суда ЕС и ЕСПЧ), могут быть противоречащими, что, как следствие, влечет состояние «фрустрации» национальных органов европейских государств, в частности судебных органов, обязанных соблюдать такие противоречивые обязательства.

Расхождение между двумя судами возможно даже в отношении одного и того же дела, а не только лишь судебной практики вообще. Так, например, национальный судебный орган может «получить» от Суда ЕС конкретные указания по интерпретации права ЕС в рамках производства по преюдициальному запросу в деле, где рассматривается (помимо прочего) национальное законодательство, имплементирующее обязательства права ЕС. Затем, по исчерпанию всех внутренних средств защиты (п. 1 ст. 35 ЕКПЧ), лицо может обратиться в ЕСПЧ с жалобой на тот же акт национального законодательства, имплементирующего акт права ЕС во внутренний правопорядок⁵⁶⁶, который уже был предметом рассмотрения Суда ЕС в предыдущих инстанциях.

Если данная причина необходимости тождественности судебных практик двух региональных судебных органов является неоспоримой, то в отличие от предыдущей причины необходимости создания тождественности судебных практик, она не подразумевает необходимости подчинения именно судебной практики Суда ЕС судебной практике Страсбургского суда. Тем не менее данная необходимость является достаточной для

⁵⁶⁶ ЕСПЧ признает за собой компетенцию в данном и других подобных случаях. См. подробнее: CEDH, *Matthews c. Le Royaume-Uni*, 19 février 1999 ; CEDH, *T.I c. Royaume-Uni*, 7 mars 2000, req. N° 43844/98.

установления квазиерархии между Судом ЕС и ЕСПЧ, где первый находится в подчинении второго.

В целях поддержания юридической безопасности на европейском пространстве тождественность судебных практик двух судебных органов может быть осуществлена именно посредством подчинения Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ, что, конечно же, обусловлено как уже указанными положениями Хартии Европейского Союза об основных правах, так и возможным присоединением Европейского Союза к ЕКПЧ.

В-третьих, немаловажная причина добровольного подчинения Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ состоит в сфере действия ЕКПЧ, которая является «общим панъевропейским правом прав человека»⁵⁶⁷ и применяется в рамках компетенции ЕСПЧ даже к праву ЕС. Учитывая, что ЕСПЧ является компетентным органом по вопросам соблюдения ЕКПЧ и Протоколов национальными актами европейских государств, применяющих право ЕС, и, как следствие, опосредованно признает, что он уполномочен контролировать акты органов ЕС на их соответствие Конвенции и протоколам⁵⁶⁸, следует подтвердить вывод о необходимости соблюдения судебной практики ЕСПЧ органами власти ЕС (в том числе и Судом ЕС).

Отметим, что в случае признания Страсбургским судом акта ЕС несоответствующим Европейской конвенции, по указанным выше причинам судебные органы ЕС, в том числе и Суд ЕС не обязаны подчиняться такому решению ЕСПЧ. Однако с политической точки зрения данные признания актов ЕС несоответствующими ЕКПЧ не проходят «незаметными» для Суда ЕС, который фактически поставлен в зависимое положение от ЕСПЧ и вынужден в рамках своей деятельности по отправлению правосудия, в

⁵⁶⁷ См.: *Callewaert J.* La subsidiarité dans l'Europe des droits de l'homme: la dimension substantielle, in M. Verdussen (sous la dir.), *L'Europe de la subsidiarité*, Bruxelles, Bruylant, 2000. P. 13-61.

⁵⁶⁸ См.: CEDH, *Matthews c. Le Royaume-Uni*, 19 février 1999; CEDH, *T.I c. Royaume-Uni*, 7 mars 2000, req. N° 43844/98.

частности при контроле актов ЕС, учитывать судебную практику последнего.

Итак, в настоящее время следует констатировать осуществление судом Совета Европы опосредованного контроля соответствия принимаемых актов ЕС положениям ЕКПЧ. Так, например, решение *Cantoni*, в котором ЕСПЧ проверил положение французского уголовного закона на соответствие ЕКПЧ, которое было напрямую скопировано французским законодателем с директивы ЕС⁵⁶⁹. ЕСПЧ по данному поводу в одном из своих решений уточнил, что государств – члены Совета Европы не могут избежать взятых на себя обязательств в рамках Совета Европы лишь потому, что они передали часть своих компетенций интеграционному объединению⁵⁷⁰. Однако в своих последних решениях ЕСПЧ уже неоднозначно декларирует свою компетенцию по контролю положений национальных законодательств государств-членов, имплементирующих право ЕС⁵⁷¹.

Следует отметить, что в случае присоединения ЕС к Европейской Конвенции ЕСПЧ будет наделен правом осуществления прямого контроля за соответствием ее положений праву ЕС. В настоящее же время судебная практика ЕСПЧ подтверждает, что он регулярно отказывался и отказывается осуществлять прямой контроль актов органов власти Европейского Союза⁵⁷². Тот факт, что ЕСПЧ осуществляет контроль актов органов власти Европейского Союза посредством контроля национальных законодательств европейских государств, имплементирующих акты органов ЕС, является причиной подчинения Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ.

⁵⁶⁹ См.: CEDH, 15 nov. 1996, *Cantoni c. France*. См. также комментарий по данному решению: *Tulkens Fr. L'Union européenne devant la Cour européenne des droits de l'homme*, RUDH, 2000. P. 50.

⁵⁷⁰ См.: CEDH, *Beer et Regan c. Deutschland*, 18 fév. 1999, RGDIP, 2000, 445, note I. Pingel-Lenuzza.

⁵⁷¹ См., например: CEDH, 13 janv. 2005, *Emesa Sugar c. Pays-Bas*, req. 62023/00.

⁵⁷² См., например: CEDH, 2 sept. 2003, *P.L. c. France*, req. 42269/98.

В рамках рассмотрения вопроса контроля следует также указать на односторонний характер таких взаимоотношений, что выражается в обладании соответствующим полномочием только ЕСПЧ, в отношении Суда ЕС, последний не уполномочен контролировать акты, принимаемые органами Совета Европы, включая решения ЕСПЧ.

В этой связи необходимо согласится с мнением зарубежных исследователей, объясняющих сложившиеся отношения различием компетенций данных судебных органов. ЕСПЧ, в соответствии со ст. 1 ЕКПЧ, компетентен рассматривать любые вопросы, связанные с правами человека, в любой ситуации и независимо от того, какой акт их нарушает тогда, когда речь идет о лице, находящемся под юрисдикцией Высокой Договаривающейся Стороны. ЕСПЧ уполномочен рассматривать любое нарушение прав человека, произошедшее под юрисдикцией государства – члена Совета Европы независимо от того, какой акт (национального права или права ЕС) нарушает эти права. В свою очередь, компетенция Суда ЕС касается исключительно тех случаев, в которых применяется право ЕС: он отказывается гарантировать уважение прав человека в случаях, когда речь идет исключительно о проверке национального законодательства, не имеющего никакой связи с правом ЕС⁵⁷³.

Таким образом, в зарубежной науке подчинение именно Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ на односторонних началах объясняется различием в общей и специальной компетенциях двух региональных судебных органов⁵⁷⁴. Такая ситуация объясняет односторонний характер взаимодействия двух региональных органов, так как даже в отсутствие присоединения ЕС к ЕКПЧ, контроль осуществляется со стороны ЕСПЧ в отношении практически любого акта, в том числе и акта органов ЕС, тогда

⁵⁷³ См.: CJCE, 29 mai 1997, C-299/95, Kremzow, Rec., p. I-2629.

⁵⁷⁴ См.: *M. Wathlet*, La charte des droits fondamentaux de l'Union européenne. Le point de vue d'un juge à la Cour de justice des Communautés européennes, in J.Y. Carlier, O. De Schutter (sous la dir.), La Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne, Bruxelles, Bruylant, 2002. P. 142 ets.

как Суд ЕС, находясь в положении невозможности осуществления контроля в отношении актов органов Совета Европы, оказывается в положении невозможности влияния на ЕСПЧ. Иначе говоря, даже в случае неприсоединения ЕС к ЕКПЧ основы для выстраивания квазиерархических отношений между Судом ЕС и ЕСПЧ существуют и в настоящее время.

В итоге можно сделать вывод о том, что существует несколько причин для установления квазиерархии между Судом ЕС и ЕСПЧ в пользу именно последнего. Данное утверждение подтверждается и на практике, что проявляется в постоянном использовании Судом ЕС в своих решениях судебной практики ЕСПЧ и, как следствие, добровольном отказе от так называемой автономии Суда ЕС по интерпретации ЕКПЧ: он добровольно подчиняется толкованиям, которые дает ЕКПЧ Страсбургский суд. Такой поход Суда ЕС в полной мере соответствует идее, сформулированной в Хартии Европейского Союза о взаимоотношениях двух региональных судебных органов, так как преамбула данного текста, напомним еще раз, закрепляет права такими, какими они установлены в частности в судебной практике ЕСПЧ. Даже в отсутствии юридической связи подчинения между этими судебными органами, подобной той, которая, например, существует между судебными органами государств-членов и соответствующих региональных судов, существуют основания для подчинения судебной практики Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ.

Исходя из сделанного вывода следует вопрос о целесообразности присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции по правам человека в сложившейся ситуации добровольного подчинения Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ и осуществлении контроля последнего в отношении права ЕС.

По мнению зарубежных представителей науки международного права, контроль решений Суда ЕС необходим, так как «остается вопрос о том, каким образом избежать ситуации, в которой судебные органы ЕС могли бы приказывать национальным судебным органам изменить то, что им приказал

ЕСПЧ»⁵⁷⁵. По мнению ряда ученых, присоединение ЕС к ЕКПЧ позволит в полной мере реализовать контроль (желательно судебный контроль) практики применения Судом ЕС ЕКПЧ. Наиболее логичным и простым в таком случае было бы вменить данную компетенцию ЕСПЧ, юрисдикция которого в соответствии с Протоколом № 11 к ЕКПЧ будет осуществляться автоматически в связи с присоединением Европейского Союза к ЕКПЧ. Учредительная власть ЕС и Совета Европы пошла именно по данному пути: как Договор о Европейском Союзе, так и Протокол № 14 содержат положения, позволяющие ЕС присоединиться к ЕКПЧ.

§ 2. Международно-правовой прогноз присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Пункт 2 ст. 6 Договора о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) гласит: «Союз присоединяется к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод». В настоящее время данная декларация еще не имеет юридической силы и ждет соответствующего юридического оформления. В то же время в сомнение о таком присоединении вводит и судебная практика суда ЕС, который признал проект конвенции о присоединении ЕС к ЕСПЧ противоречащим учредительным актам ЕС⁵⁷⁶. Тем не менее, несмотря на судебную практику Суда ЕС, учредительные акты ЕС требуют такого присоединения и, как следствие, оно может быть оформлено уже в ближайшем будущем.

⁵⁷⁵ См.: *Tulkens F., Callewert J.* La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux, in *L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne*, 2002, IEE. P. 199.

⁵⁷⁶ См. консультативное заключение CJUE 2/13 от 18 декабря 2014 г. См. подробнее: *A. Popov*, « L'avis 2/13 de la CJUE complique l'adhésion de l'Union européenne à la CEDH », *La Revue des droits de l'homme, Actualités Droits-Libertés*, février 2015, URL : <http://revdh.revues.org/1065>.

2.1. Присоединение Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Президент ЕСПЧ Л. Вильдхабер уже ставил вопрос: «по отношению к высокому уровню взаимозависимости между ЕКПЧ и правом ЕС, остается ли оправданным рассматривать развитие этих правовых систем по отдельности»⁵⁷⁷. В то же время Президент Суда ЕС Р. Иглесиас отмечал, что «оба суда разделяют общие основные ценности, которые представляются единым европейским наследием, в основе которого лежат демократия и основные права. Таким образом, они (европейские судебные органы) вместе с конституционными и верховными судами европейских государств участвуют в создании европейского конституционного пространства»⁵⁷⁸.

Таким образом, взаимозависимость двух европейских правопорядков в настоящее время постулируется и не оспаривается ни в науке, ни на практике, что приводит к необходимости дальнейшего развития их взаимодействия посредством создания надлежащей правовой базы. В отсутствие юридического присоединения ЕС к ЕКПЧ существует множество недостатков во взаимодействии двух судебных органов, в частности невозможность Европейского Союза выступать в свою защиту в судебном разбирательстве в ЕСПЧ, в котором опосредованным образом рассматриваются вопросы, связанные с имплементацией права ЕС в национальные законодательства.

Следует отметить, что с принятием Хартии Европейского Союза об основных правах вопрос о возможном присоединении ЕС к Европейской конвенции вновь приобрел свою актуальность. Появление Хартии после столь продолжительного применения ЕКПЧ в правопорядке Европейского Союза стало, скорее, этапом в продолжении и развитии защиты прав человека в Европейском Союзе, чем заменой уже применяемых инструментов Совета Европы.

⁵⁷⁷ См.: <http://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2006_FRA.pdf>

⁵⁷⁸ Там же.

Именно в таком ключе должна быть рассмотрена позиция Комиссии и Совета Европы по данному поводу. Так, Комиссия заявляла, что «Существование Хартии не уменьшит интерес присоединения ЕС к ЕКПЧ... так же как и присоединение к Конвенции не лишит интерес разработки Хартии»⁵⁷⁹. В свою очередь, Совет Европы всегда представлял присоединение ЕС к ЕКПЧ «как естественное дополнение Хартии вне зависимости от статуса последней в праве ЕС»⁵⁸⁰.

Такой подход региональных европейских органов представляется оправданным, если принимать во внимание содержание Хартии, в которой был имплементирован обязательный минимум защиты прав человека такими, какими они гарантированы ЕКПЧ. Хартия, будучи более подробным каталогом прав и свобод, а также право ЕС, предусматривающее более совершенные гарантии прав человека, чем право Совета Европы, являются по отношению к ЕКПЧ дополнительным инструментом защиты прав человека государств – членов ЕС. Другими словами, ЕКПЧ содержит минимальный перечень основных прав и свобод, обязательных на европейском пространстве, тогда как Хартия является дополнительным инструментом защиты прав человека, содержащим более подробный набор основных прав. Таким образом, соблюдение органами Европейского Союза минимума основных прав и свобод, установленного в соответствии с Хартией Европейской конвенцией о защите прав и свобод, должно подвергаться внешнему контролю таким же образом, каким интерпретации ЕКПЧ, которые даются ей национальными органами государств – членов Совета Европы, проверяются ЕСПЧ посредством индивидуальных жалоб.

Основываясь на ЕКПЧ и признавая ее как обязательный минимум, который должно соблюдать право ЕС, Хартия является основой для установления прямых связей между правопорядком Европейского Союза и

⁵⁷⁹ См.: Communication de la Commission sur la nature juridique de la charte des droits fondamentaux de l'Union européenne, Bruxelles, 11 oct. 2000, COM (2000) 644 final.

⁵⁸⁰ См.: *Benoît-Rohmer Fl.* L'adhésion de l'Union à la convention européenne des droits de l'homme// RUDH, 2000. P. 57 et s.

правопорядком Совета Европы. Иначе говоря, Хартия является элементом, связующим «европейский конституционный правопорядок» воедино. Возможное присоединение Европейского Союза к ЕКПЧ создаст лишь необходимую институциональную основу для связи права ЕС с правовой системой Совета Европы, которая уже существует на практике, а также на уровне добровольных обязательств, взятых основополагающей (учредительной) властью ЕС, посредством закрепления ссылок на ЕКПЧ в Договоре о Европейском Союзе и в первую очередь в вышеуказанной Хартии.

Следует отметить, что, несмотря на создание всех условий для присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека, данный процесс практически не реализуется уже несколько лет.

Основная причина затягивания реализации данной идеи состоит в том, что процесс присоединения международной региональной организации к международной региональной Конвенции и международным (региональным) институтам (организациям) отличается большей сложностью по сравнению с присоединением к ним государств. Тем не менее Сообщества уже присоединялись к международным конвенциям и международным организациям, что свидетельствует о том, что у них уже есть такой опыт и, как следствие, причин для задержки данного процесса не должно быть⁵⁸¹.

В 1996 г. Судом ЕС было принято заключение № 2/94, в котором Суд утверждал о невозможности предоставления однозначного решения о присоединении ЕС к ЕКПЧ и о соответствии такого присоединения положениям основополагающих (учредительных) текстов: «На сегодняшний день не существует никаких уточнений... касающихся конкретного решения

⁵⁸¹ См.: *Rideau J.* La participation de l'Union européenne aux organisations internationales, Rapport au colloque de Bordeaux de la Société française pour le droit international. Pedone, 2000. P. 303 et s.

того, каким образом Сообщества будут подчинены юрисдикции международного судебного органа»⁵⁸².

Представляется, что такая позиция Суда ЕС по вопросу присоединения регионального образования к ЕКПЧ обусловлена «боязнью» ограничения автономии правопорядка ЕС, а также власти и независимости (в нормативном смысле) судебных органов ЕС. Иначе говоря, Суд ЕС не заинтересован в таком присоединении. Вместе с тем следует признать, что отдельные положения основополагающих (учредительных) актов ЕС не благоприятствуют присоединению ЕС к ЕКПЧ⁵⁸³.

Однако, как отмечают зарубежные юристы, автономия права ЕС состоит в том, что «никакая инстанция, внешняя по отношению к правопорядку ЕС, не может обладать компетенцией по интерпретации и применению положений права Союза»⁵⁸⁴. В случае если ЕС присоединится к ЕКПЧ, можно с уверенностью утверждать о «потере» такой автономии права ЕС, так как для существования автономии права ЕС исчезнут нормативные основания.

Однако в настоящее время автономия права ЕС уже «подорвана» посредством его добровольного подчинения судебной практике ЕСПЧ. Более того, как отмечается в зарубежной доктрине со ссылкой на п. 3 ст. 52 Хартии Европейского Союза об основных правах, в настоящее время уже существует неоднозначный источник ограничения действия принципа автономии права ЕС.

Таким образом, высказанная Судом ЕС неуверенность в отношении присоединения ЕС к ЕКПЧ закономерна, она свидетельствует о понимании

⁵⁸² См.: Avis 2/94 du 28 mars 1996, Rec., p. I-1759, § 21.

⁵⁸³ См., например: ст. 344 ДФЕС «Государства-члены обязуются не передавать споров, касающихся интерпретации или применения договоров, средству (имеется ввиду судебному) их разрешения, не предусмотренному данным договором».

⁵⁸⁴ См.: *De Schutter O. L'adhésion de l'Union européenne à la Convention européenne des droits de l'homme comme élément du débat sur l'avenir de l'Union*, in *L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne*, IEE, 2002. P. 236, 237.

Судом ЕС неизбежности ограничения автономии права ЕС и его нежелании способствовать такому развитию взаимоотношений.

Однако, несмотря на обозначенную позицию Суда ЕС, большинство представителей зарубежной науки международного права сходятся во мнении, что в настоящее время не существует серьезных (юридических) препятствий для присоединения ЕС к ЕКПЧ⁵⁸⁵.

Правовые основания для присоединения ЕС к ЕКПЧ существуют в двух европейских региональных правопорядках: Европейском Союзе и Совете Европы. Дополнительный протокол к ЕКПЧ № 14 от 13 мая 2004 г. содержит поправку к ст. 59 Конвенции, которая ранее ограничивала возможность подписания и ратификации данного договора только государствами – членами Совета Европы (ст. 17 Протокола). Согласно данной поправке Европейский Союз может присоединиться к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Как уже отмечалось, правовые основания для присоединения ЕС к Европейской Конвенции существуют и в праве Европейского Союза: В п. 2 ст. 6 Договора о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) утверждается, что «Союз присоединяется к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Комиссия уже несколько раз высказалась посредством коммюнике⁵⁸⁶ по поводу готовности присоединения ЕС к ЕКПЧ и существовании всей необходимой нормативной базы для эффективного завершения процедуры присоединения⁵⁸⁷. Тем не менее политические причины торможения данного процесса существуют и в настоящее время, так как, несмотря на осознание необходимости присоединения ЕС к ЕКПЧ, органы власти ЕС стремятся в полном объеме сохранить свою нормативную независимость.

⁵⁸⁵ См., например: *Kruger H.C., Polakiewicz J.* Propositions pour la création d'un système cohérent de protection des droits de l'homme en Europe, RUDH, 2002. P. 1-14.

⁵⁸⁶ См., например: Comm. UE, communiqué IP/10/291, 17 mars 2010.

⁵⁸⁷ См.: *Noguellou R.* Adhésion de l'Union européenne à la CEDH: position de la Commission, in *Droit administratif*, N° 5, 2010.

2.2. Перспективы развития взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Суда ЕС в случае присоединения последнего к Европейской конвенции по правам человека

Как уже было отмечено, в настоящее время взаимоотношения судов Европейского Союза и Совета Европы основаны на добровольном подчинении ЕС последнему, что реализуется и в отсутствие формального присоединения ЕС к ЕКПЧ. По своей природе существующая в их отношениях квазиерархия является нормативной, поскольку современные основополагающие (учредительные) акты права ЕС, в частности Хартия Европейского Союза об основных правах содержат обязательства подчинения регионального правопорядка ЕС правопорядку Совета Европы, а точнее, основным правам и свободам, гарантированным ЕКПЧ и Протоколами, что, как следствие, создает нормативную квазиерархию между ними, которая должна рассматриваться как основа для отношений подчинения их соответствующих органов, в том числе и судебных. Более того, она выражается даже в отсутствии специальных механизмов подчинения судебных органов между собой, которые существуют обычно в рамках определенной судебной системы отдельно взятого национального правопорядка. Он формируется посредством нормативного взаимоотношения.

Подчинение Суда ЕС праву Совета Европы и даже судебной практике ЕСПЧ уже было отмечено и до появления положений в основополагающих (учредительных) актах, закрепляющих за ЕКПЧ юридическую силу в праве ЕС, что де-факто создало квазиерархию между правопорядками ЕС и Совета Европы. Таким образом, несмотря на существование противоположных точек зрения в российской науке международного права, которые появились в основном под влиянием мнений зарубежных ученых⁵⁸⁸,

⁵⁸⁸ См.: *Sudre F.*, L'apport du droit international et européen à la protection communautaire des droits fondamentaux, in *Société française pour le droit international*, Colloque (33 1999

представляется, что отношения между Судом ЕС и ЕСПЧ построены на основе подчинения, а не на сотрудничестве или «диалоге» между этими региональными судебными органами.

Следует отметить, что учет решений и судебной практики между региональными судебными органами происходит, как и положено для квазиерархического взаимоотношения, в одностороннем порядке: Суд ЕС подчиняется судебной практике ЕСПЧ. В свою очередь, ЕСПЧ не обязан в своей деятельности учитывать решения Суда ЕС. Следует отметить, что в настоящее время существуют прецеденты применения судом Совета Европы судебной практики Суда ЕС, однако их незначительное количество свидетельствует о редких исключениях из общего правила, которые не позволяют сделать вывод о существовании правовых основ для такого взаимодействия, а также о взаимном влиянии судебной практики рассматриваемых судебных органов.

Более того, после возможного присоединения ЕС к ЕКПЧ односторонне обязывающий характер взаимодействия Суда ЕС с ЕСПЧ не изменится. Так, положения ДФЕС, в частности нормы, закрепляющие обязательный (ст. 266 ДФЕС) и исполнительный (ст. 280 ДФЕС) характер силы решений Суда ЕС, а также возможность принудительного исполнения последних (ст. 280 ДФЕС), не имеют (и не будут иметь после присоединения ЕС к ЕКПЧ) в отношении ЕСПЧ никакой юридической силы. Других актов международного права, содержащих для ЕСПЧ обязательства по исполнению решений Суда ЕС, также не существует.

Как уже было отмечено в науке международного права, взаимодействие между европейскими органами характеризуется как взаимное сотрудничество, более того, по мнению ряда ученых, Суд ЕС обладает правом автономной интерпретации; это может повлечь

(Bordeaux), *Droit international et droit communautaire, perspectives actuelles*, colloque de Bordeaux, [30 septembre - 2 octobre 1999] / Societe française pour le droit international, Paris, Pédone, 2000. P.169-193.

маргинализацию конвенционной системы защиты прав человека⁵⁸⁹. Тем не менее система защиты прав человека ЕС не обладает автономией, так как Хартия Европейского Союза об основных правах отменила действие автономии права ЕС в этой сфере (п. 3 ст. 53). Таким образом, в отсутствие присоединения ЕС к ЕКПЧ можно говорить лишь об автономии Суда ЕС в интерпретации Конвенции. С присоединением ЕС к ЕКПЧ квазиерархия получит свое оформление или юридическую санкцию, так как акты органов ЕС станут объектом контроля ЕСПЧ, а обязательная сила его решений (ст. 46 ЕКПЧ) будет распространяться на все органы ЕС, в том числе и на Суд ЕС.

Вместе с тем представляется необходимым еще раз уточнить, что присутствующая в настоящее время в отношениях судебных органов Европейского Союза и Совета Европы квазиерархия аналогична действующей системе подчинения судов общей юрисдикции конституционным судам в рамках отдельно взятого правопорядка. При этом даже в отсутствие конкретных элементов иерархической связи региональных судебных органов (например, судебного надзора), характерных для судебных систем государств, следует констатировать, что ЕСПЧ признает за собой компетенцию по контролю актов органов государств – членов ЕС, являющихся формальным исполнением актов ЕС, т.е. опосредованно контролирует право ЕС на соответствие ЕКПЧ. Данный феномен довольно подробно изучен в зарубежной науке международного права⁵⁹⁰.

Существование опосредованного контроля актов ЕС Европейским судом по правам человека и отсутствие подобного контроля актов Совета Европы Судом ЕС является наглядным подтверждением того, что на практике отношения между ними выстраиваются на односторонней основе и

⁵⁸⁹ См.: *Simon D.* Des influences réciproques entre CJCE et CEDH: "je t'aime, moi non plus"? in *Les Cours européennes*. Luxembourg et Strasbourg, Pouvoirs, № 96, Janvier 2001. P.46.

⁵⁹⁰ См., например: *Krueger H.-C., Polakiewicz J.* Propositions pour la création d'un système cohérent de protection des droits de l'homme en Europe // *RUDH*, vol. 13, n° 1-4. P. 1.

не могут быть охарактеризовано как диалог, предполагающий равноправные отношения. Как в зарубежной, так и в российской науке европейского и международного права речь ведется только о контроле актов ЕС Европейским судом по правам человека, тогда как контроль актов Совета Европы Судом ЕС (в частности, контроль национальных актов государств – членов ЕС, применяющих право Совета Европы и судебную практику ЕСПЧ) даже не упоминается. Хотя опосредованно Суд ЕС на настоящий момент (т.е. в отсутствии обязательства по соблюдению положений, закрепляющих за решениями ЕСПЧ обязательную силу) может опровергнуть решение ЕСПЧ или отдельные вопросы его судебной практики.

Следует еще раз подчеркнуть, что существующая квазиерархия между европейскими судебными органами несколько отличается от иерархии между судебными органами единой судебной системы отдельно взятого национального правопорядка. В данном случае нет и в ближайшей перспективе в сотрудничестве двух европейских судебных органов не предусмотрено установление специальных механизмов взаимодействия судов: производств по преюдициальным запросам судов, производств апелляционной и кассационной инстанции, судебного надзора и т.п. Взаимодействие между ними осуществляется и будет осуществляться в направлении опосредованного (косвенного) влияния судебной практики и судебных решений ЕСПЧ, подлежащих обязательному исполнению, т.е. взаимодействие между ними будет осуществляться таким же образом, как оно осуществляется между ЕСПЧ и судебными органами государств – членов Совета Европы.

С присоединением ЕС к ЕКПЧ механизм их взаимодействия не изменится: он останется механизмом опосредованного влияния судебных решений и практики ЕСПЧ на Суд ЕС. С присоединением ЕС к ЕКПЧ появится лишь юридическое обязательство Суда ЕС (и других органов ЕС) по соблюдению решений и судебной практики ЕСПЧ (ст. 46 ЕКПЧ), а также

появится возможность судебной санкции в отношении нарушающих права и законные интересы актов ЕС, инициируемых посредством индивидуальной жалобы и подкрепляемых указанной обязательной силой решений ЕСПЧ.

Таким образом, после присоединения ЕС к ЕКПЧ изменений во взаимодействии между судебными органами ЕС и ЕСПЧ произойдет не много. Квазиерархическая связь, осуществляемая посредством влияния решений и судебной практики ЕСПЧ на Суд ЕС, останется такой же, как и в настоящее время. Появление в праве ЕС юридически оформленного обязательства по исполнению решений ЕСПЧ, а также возможности признания Европейским судом по правам человека актов ЕС, противоречащими ЕКПЧ и Протоколам, позволит ЕСПЧ осуществить свое влияние на Суд ЕС в конкретной юридической форме.

В результате можно сделать следующие выводы.

Во-первых, такое взаимодействие двух европейских судебных органов, помимо того, что оно является идентичным взаимодействию, существующему между судебными органами государств – членом Совета Европы и ЕСПЧ, не лишено сходства с взаимодействием органов конституционного правосудия и органов общей юрисдикции отдельно взятого правового порядка. В частности, отношения между последними не организованы в рамках иерархической структуры судебной системы, а являются квазиерархическими лишь в связи с опосредованным действием решений и судебной практики, а также исключительной компетенцией конституционных судов по осуществлению конституционного контроля. Эти элементы влияния конституционных судов ставят их в приоритетное по отношению к судам общей юрисдикции положение, которое также наблюдается и в случае отношений ЕСПЧ с Судом ЕС.

Во-вторых, после возможного присоединения ЕС к ЕКПЧ органы ЕС, в том числе и Суд ЕС, в отношениях с ЕСПЧ окажутся (за исключением нескольких особенностей, касающихся, например, назначения судей в ЕСПЧ, членства в Совете Европы и т.п.) в идентичном положении с

органами государств – членом Совета Европы, право ЕС окажется в положении подчинения по отношению к праву Совета Европы и судебной практике ЕСПЧ: между данными правопорядками будет существовать иерархия, как и между любым национальным и международным правом.

Такая квазиерархия будет обусловлена обязательством, лежащим на органах ЕС, по соблюдению всех положений ЕКПЧ, которое в настоящее время ограничивается лишь соблюдением положений ЕКПЧ, закрепляющих основные права (п. 3 ст. 6 Договора о Европейском союзе). В связи с этим после присоединения ЕС к ЕКПЧ органы ЕС будут обязаны соблюдать и положение Конвенции, касающееся обязательной силы решений ЕСПЧ (ст. 46 ЕКПЧ), соблюдение которого в настоящее время в literalной интерпретации основополагающих (учредительных) текстов права ЕС не носит обязательного характера.

В-третьих, подчиненное положение Суда ЕС ЕСПЧ в настоящее время основано также на возможности подачи в ЕСПЧ индивидуальной жалобы, в которой лицо оспаривает соответствие актов права ЕС Конвенции и ее Протоколам. Возможность оспаривания актов одного правопорядка (в том числе и международного) в судебных органах другого правопорядка, как уже было отмечено, автоматически приводит к квазиерархии в отношениях между органами ЕС и Совета Европы.

В-четвертых, в результате возможного присоединения ЕС к ЕКПЧ помимо опосредованного закрепления квазиерархии во взаимоотношениях региональных органов ЕС и Совета Европы, будет также расширена сфера действия судебного контроля ЕСПЧ в отношении актов ЕС. Действительно создание юрисдикции ЕСПЧ в отношении актов права ЕС приведет к подчинению судебному контролю некоторых категорий актов права ЕС, которые ранее не подлежали контролю даже в рамках системы правосудия ЕС.

В-пятых, после возможного присоединения ЕС к ЕКПЧ лица, чьи права и свободы нарушены, будут наделены правом обращения в ЕСПЧ,

основываясь на том, что источником нарушения является один из актов органов ЕС, даже тогда, когда система правосудия ЕС не предоставляет соответствующих средств защиты прав. Действительно, правом на обращение в суд за защитой нарушенных прав, гарантированных актами Совета Европы, наделены любые лица, считающие, что их права нарушены одной из Высоких Договаривающихся Сторон, даже тогда, когда нарушение берет свое начало в общей (не индивидуализированной) норме⁵⁹¹.

Таким образом, для обращения в ЕСПЧ лицу необходимо доказать, что оно является жертвой нарушения этих прав, независимо от природы акта, действия/бездействия, являющегося источником нарушения. В итоге, после присоединения ЕС к ЕКПЧ жертвы нарушений смогут оспаривать даже те акты органов ЕС, которые ранее вообще не подлежали никакому контролю, что станет наиболее полным подчинением правопорядка ЕС правопорядку Совета Европы.

В настоящее время в праве ЕС «общие нормы, определенные объективно и применяющиеся к неопределенному кругу лиц»⁵⁹², не могут быть предметом обращений лиц в рамках компетенции Суда ЕС по аннулированию актов органов ЕС (ст. 263 ДФЕС). Отсутствие возможности у лица оспорить такие нормы, как на европейском, так и на национальном уровне, а также возможность опосредованного нарушения прав лиц такими нормами отмечаются в науке международного права, что свидетельствует о пробеле в системе защиты прав лиц от нарушений со стороны актов права ЕС. Очевидно, что если система права ЕС не позволяет гарантировать права отдельных лиц в отношении таких норм, то в случае присоединения ЕС к ЕКПЧ данный пробел будет восполнен посредством возможной подачи жалобы (ст. 34 ЕКПЧ) против нарушения прав лиц общими нормами права ЕС.

⁵⁹¹ См.: *De Schutter O. Fonction de juger et droits fondamentaux. Transformation du contrôle juridictionnel dans les ordres juridiques américain et européen*, Bruxelles, Bruylant, 1999. P. 858-894.

⁵⁹² См.: CJCE, 15 janvier 2002, C-171/00, *Libéros c. Commission*, § 28.

Среди других примеров актов, принимаемых в рамках права ЕС и не подлежащих судебному контролю ни в рамках судебной системы ЕС, ни в рамках национальных судебных систем государств – членов ЕС, но которые станут предметом контроля ЕСПЧ, можно назвать несколько категорий актов. В первую очередь, в их числе следует указать решения, принимаемые для организации сотрудничества органов уголовного правосудия государств-членов, правоохранительных органов государств-членов, которые, безусловно, могут нарушать права лиц, но в то же время избегают юрисдикции Суда ЕС⁵⁹³. К такой категории актов стоит отнести и меры, принимаемые в рамках внешней политики и политики безопасности, часть из которых не подлежит судебному контролю ни в рамках правопорядка ЕС, ни в рамках национальных правовых систем государств-членов ЕС. Следует также отметить, что присоединение ЕС к ЕКПЧ повлечет расширение компетенции судебного контроля в отношении и другой категории актов – речь идет о потенциальном признании компетенции ЕСПЧ по рассмотрению вопросов о соответствии Конвенции Общих акций.

Перечисленные и многие иные примеры актов, не подлежащих судебному контролю ни в рамках правовой системы ЕС, ни в рамках правовых систем государств – членов ЕС, но которые смогут быть оспорены в судебном порядке в случае присоединения ЕС к ЕКПЧ, свидетельствуют также о значительном расширении сферы подчинения актов ЕС ЕСПЧ.

Выводы по четвертой главе

Определение взаимодействия между европейскими региональными судами, т.е. между ЕСПЧ и Судом ЕС, представленного в зарубежной доктрине как взаимодействие, основанное на отношениях сотрудничества

⁵⁹³ См., например: *Van Simaey B., Carlier J. Y. Le nouvel espace de liberté, de sécurité et de justice*, in Y. Lejeune (sous la dir. de). *Le traité d'Amsterdam. Espoirs et déceptions*, Bruxelles, Bruylant, 1998. P. 274-277.

(или добровольного подчинения)⁵⁹⁴, в настоящее время объясняется отсутствием юридически оформленных отношений между ними. Однако на сегодняшний день «основные права, такие, какими они признаны Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод... являются неотъемлемой частью права Союза в качестве общих принципов» (п. 3 ст. 6 Договора о Европейском Союзе). Иначе говоря, Суду ЕС как «основному архитектору права ЕС»⁵⁹⁵ приходится в «строительстве» последнего учитывать Европейскую конвенцию и, соответственно, судебную практику Европейского суда по правам человека, так как последний в соответствии с п. 1 ст. 32 Конвенцией обладает аутентичной компетенцией по ее интерпретации в последней инстанции.

В отличие от отношений между судами государств-членов и региональных судебных органов, в отношениях между Судом ЕС и ЕСПЧ не существует юридических механизмов по принуждению к применению судебной практики и силы судебных решений ЕСПЧ, при этом обязательная сила его решений, установленная Конвенцией, не распространяется на институты ЕС (в том числе и на Суд ЕС). Данный вывод подтверждается редакцией п. 4 ст. 6 Договора о Европейском Союзе, в соответствии с которым частью права ЕС являются только те права, которые признаны ЕСПЧ. Это исключает из списка обязательных к применению органами ЕС положений Конвенции, не касающихся основных прав, в том числе и тех, которые закрепляют за решениями ЕСПЧ обязательную силу. Иначе говоря, применение положений Европейской конвенции Судом ЕС и, как следствие, учет в судебной практике последнего интерпретаций, которые им дает ЕСПЧ, осуществляется на сегодняшний день только в добровольном порядке.

⁵⁹⁴ См. подробнее, например: *Mbongo P., Vauchez A.* Dans la fabrique du droit européen : Scènes, acteurs et publics de la Cour de justice des Communautés européennes. Emile Bruylant, 2009. 258 p.

⁵⁹⁵ См.: *Rasmussen H.* European Court of Justice. Copenhagen, Gadjura, 1998. P. 23.

Отношения между этими судебными органами направлены, главным образом, на гарантирование юридической безопасности (правовой стабильности)⁵⁹⁶ на европейском пространстве, необходимость которой объясняется объективной необходимостью в большинстве случаев для судебных органов государств – членов Совета Европы и Европейского Союза в процессе их деятельности одновременно учитывать практику как Суда ЕС, так и ЕСПЧ. Как следствие, расхождения в судебной практике региональных судебных органов гипотетически может привести к феномену, который можно назвать «юридической фрустрацией» национальных органов (в том числе и судебных) государств – членов ЕС. Таким образом, взаимный учет судебной практики одного европейского судебного органа другим региональным судебным органом необходим для обеспечения гарантии юридической стабильности правопорядков государств – членов ЕС, так как именно они обязаны соблюдать юридические обязательства, налагаемые на них региональными правопорядками, а также региональными судебными органами, которые гипотетически могут налагать противоречивые юридические обязательства.

Изначально учет судебной практики ЕСПЧ судом ЕС объяснялся отсутствием в течение долгого времени каталога основных прав и свобод в праве ЕС и, как следствие, необходимостью Суда ЕС ссылаться на Европейскую конвенцию и учитывать судебную практику ЕСПЧ. Если отношения двух региональных судов и построены на добровольных началах, то взаимными или равными их квалифицировать невозможно, так как учет судебной практики одного регионального суда другим осуществляется в одностороннем порядке, предусмотренным еще в период разработки юридических основ современного европейского пространства⁵⁹⁷.

⁵⁹⁶См.: *Ancel P.* Les divergeances de jurisprudence // PUSE, 2003. P. 287.

⁵⁹⁷См. подробнее: *Tulkens F., Callewaert J.* La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux, in *L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne*. IEE, 2002. P. 177-205.

Итак, взаимоотношения Суда ЕС и ЕСПЧ необходимо определить как отношения добровольного подчинения первого второму; при этом квазиерархия возможна лишь при наличии юридических механизмов и конкретных, юридически оформленных критериев, условий и обязательств взаимодействия. В противном случае всегда будет иметь место положение добровольного подчинения, которое может быть охарактеризовано только как моральная или политическая иерархия, но не как полноценная юридическая иерархия судебных органов. В свою очередь, юридическая квазиерархия судебных органов существует либо в случае, когда она установлена непосредственно самим позитивным правом, либо в случае ее прямого установления нормативного подчинения одного правопорядка другому. Именно последний тип отношений характерен для взаимодействия между национальными и региональными судами.

Что касается уровня интенсивности взаимодействия между Судом ЕС и ЕСПЧ отметим, что на современном этапе сотрудничество между ними остается на низком уровне, что объясняется следующим.

Несмотря на тот факт, что Европейский Союз пока еще не присоединился к Европейской конвенции о защите прав человека, как того требует п. 2 ст. 6 ДЕС, ЕКПЧ применяется лишь с ограничением, которое буквально следует из указанного пункта статьи ДЕС, т.е. действие ЕКПЧ является конкурирующим с общими конституционными традициями государств-членов в данной области. Таким образом, если в праве ЕС и существует обязательство по применению Европейской конвенции по защите прав человека, то такое обязательство должно существовать лишь тогда, когда оно не противоречит аналогичному обязательству по соблюдению «основных свобод, такими, какими они происходят из общих конституционных традиций государств-членов»⁵⁹⁸.

⁵⁹⁸ См. подробнее: *Neuwahl N., Rosas A. (ed). The European Union and Human Rights, The Hague-Boston-London. Martius Nijhoff Publ. Kluwer, 1995. P. 45.*

Более того, обязательство судебных органов ЕС по применению ЕКПЧ на настоящий момент не санкционировано никаким юридическим инструментом (механизмом). В отличие от государств – членов Совета Европы, Европейский Союз не связан обязательной силой решений ЕСПЧ (ст. 46 § 1 ЕКПЧ), а также полномочиями ЕСПЧ по аутентичной интерпретации (толкованию) Конвенции (ст. 32 ЕКПЧ), поскольку в соответствии со ст. 6 Договора о Европейском Союзе частью его права являются лишь права и свободы, гарантированные ЕКПЧ. Иначе говоря, формулировки ст. 6 ДЕС свидетельствуют о том, что если Суд ЕС и обязан применять ЕКПЧ, то судебную практику ЕСПЧ он учитывать не обязан, а его обязательство по применению ЕКПЧ никак не может быть сравнено с теми, которые лежат на государствах – членах Совета Европы. Таким образом, в отличие от судебных органов последних, Суд ЕС обладает так называемой автономией интерпретации ЕКПЧ⁵⁹⁹.

Регулярные ссылки судебных органов ЕС на судебную практику ЕСПЧ были нужны лишь в связи с отсутствием (до недавнего времени) в праве ЕС положений, посвященных основным правам и свободам⁶⁰⁰. Именно для заполнения данного пробела права ЕС были сделаны ссылки на ЕКПЧ, а Суд ЕС, в свою очередь, на практике стал ссылаться не только на ее положения, но и на судебную практику ЕСПЧ в целом.

Более того, представляется, что тенденция к интеграции судебной практики ЕСПЧ в судебную практику Суда ЕС, несмотря на появление в правовом порядке Европейского Союза собственного текста, посвященного правам человека – Хартии Европейского Союза по правам человека⁶⁰¹, будет только возрастать. Перспектива юридического оформления присоединения

⁵⁹⁹См.: *Lawson R.* Confusion and Conflict? Diverging Interpretations of the European Convention on Human Rights in Strasbourg and Luxembourg, in R. Lawson, M. de Blois (ed), *The Dynamics of the Protection of Human Rights in Europe. Essays in Honour of H.G. Shermers*, Dordrecht-Boston-London, Martinus Nijhoff Publ., 1994, vol. III. P. 219 et s.

⁶⁰⁰См.: *Weiler J.* Fundamental Rights and Fundamental Boundaries: On Standards and Values in the Protection of Human Rights, Martinus Nijhoff Publ. Kluwer, 1995. P. 51 et s.

⁶⁰¹ *Journal officiel des Communautés européennes*, 18 décembre 2000. P. 364/1.

Европейского Союза к ЕКПЧ позволяет с уверенностью утверждать, что взаимодействие между региональными судебными органами выйдет на новый уровень. Суд ЕС, оказавшись по отношению к ЕСПЧ в положении, идентичном тому, в котором находится любой суд государства – члена Совета Европы, будет юридически обязан считаться с судебной практикой ЕСПЧ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы судебной защиты прав на трансграничном уровне в настоящее время приобретают особое значение, что обуславливает повышенную потребность в согласованной деятельности государств по обеспечению законных прав и интересов граждан и юридических лиц и содействию эффективному отправлению правосудия. Проведенное исследование позволило выявить ряд факторов, способствующих расширению взаимодействия судебных органов на европейском пространстве. К ним относится юридическая глобализация, которая сопровождается процессом «нормативной инфляции», порождающей потребность не только гармонизации законодательства, но и диалога судебных органов, а также увеличения их роли в обеспечении основных прав и свобод. Одним из таких факторов, способствующих взаимодействию судебных органов в Европе, выступает «юридическая регионализация», отличающийся большей степенью интегрированности государств и субъектов национальных правовых систем, более сложным характером и структурой отношений между европейскими государствами.

Формирование и развитие интеграционного правопорядка в ЕС, характеризуемого своеобразными принципами его взаимоотношений с национальными правовыми системами его государств-членов (прямое действие норм права ЕС, верховенство права ЕС, обязательство применять право ЕС внутригосударственными органами государств – членов ЕС), привело к усилению взаимодействия судебных органов в ЕС.

Развитие механизма контроля за соблюдением Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) в Совете Европы усилило роль судебного органа и его влияние на практику применения ЕКПЧ в государствах – участниках конвенции. Это обстоятельство также способствует расширению взаимодействия (информационного и иного) между судами европейских государств. Объективно уже само существование судебной системы ЕС (Суд ЕС) и ЕСПЧ представляется

необходимым условием становления и развития взаимодействия судебных органов в Европе на различных уровнях (между судами различных государств и европейскими судами межгосударственного характера).

Поскольку отношения между судебными органами некоторых правовых порядков уже не обременены классическими механизмами международного права, это позволило выявить разновидности сотрудничества между ними.

Первый вид взаимодействия, характеризуемый в работе как классическое сотрудничество, представляет собой взаимодействие государств в сфере правосудия, в рамках которого отношения между судебными органами осуществляются посредством взаимодействия национальных органов исполнительной власти. Второй вид сотрудничества отличается углубленным взаимодействием государств, в процессе которого отношения в правовой сфере выстраиваются напрямую между национальными судами. Такое сотрудничество исключает посредничество органов исполнительной власти взаимодействующих стран. Данный вид сотрудничества можно наблюдать в праве ЕС как между судами государств – членов ЕС, так и между ними и Судом ЕС. Третий вид в работе условно квалифицирован как «принцип взаимного признания судебных решений», который выступает одним из основополагающих принципов строительства «европейского пространства правосудия». На этом уровне сотрудничество судебных органов является уже менее значимым, так как взаимное признание судебных решений предполагает, что суды одного правового порядка в определенной мере являются судами другого правового порядка, с которым устанавливается взаимодействие в сфере правосудия.

В работе сформулировано понятие общеевропейского пространства правосудия, которое определено как формирование правовых основ для взаимодействия между международными региональными судами, действующими на европейском пространстве, а также их взаимодействия с национальными судами членов соответствующих региональных

образований с учетом соблюдения права Совета Европы, и в первую очередь Европейской конвенции по правам человека. При этом обоснован вывод о том, что его строительство осуществляется посредством двухуровневого взаимодействия судебных органов различных правопорядков: «вертикального» и «горизонтального» взаимодействия. На «вертикальном» уровне взаимодействие реализуется между региональными судами (Судом ЕС, ЕСПЧ и т.д.) и национальными судами государств. На «горизонтальном» уровне отношения складываются между национальными судами стран ЕС, а также между региональными судами (между Судом ЕС и ЕСПЧ).

Сравнительный анализ взаимодействия национальных судов с международными региональными судами позволил прийти к выводу о зависимости характера международно-правового взаимодействия судебных органов (слабо или сильно интегрированный) либо от уровня интеграции национальных правопорядков государств-членов и их судов, либо от наличия или отсутствия специальных процессуальных механизмов обеспечения единства правоприменения в правопорядке такой региональной организации (например, в рамках региональной организации ЕС механизм преюдициального производства в Суде ЕС).

Сотрудничество судебных органов различных правопорядков может быть реализовано путем различных судебных производств (например, преюдициальные запросы судов одного правопорядка, направляемые судебным органам другого правопорядка), механизмов или принципов (например, взаимное признание судебных решений), а также осуществляться опосредовано. При этом под опосредованным взаимодействием национальных и региональных судебных органов предлагается понимать нормативное взаимодействие судов, которое может осуществляться при отсутствии специальных средств, устанавливающих их взаимоотношения. Опосредованное взаимодействие осуществляется на принципах прямого применения и верховенства права одного

(вышестоящего) правопорядка в другом (нижестоящем), в наличии в них судебных органов и в обязательной для органов (в том числе и судебных органов) нижестоящего правопорядка силе решений суда вышестоящего правопорядка.

При этом международно-правовые отношения между судами, реализуемые только на основе опосредованного взаимодействия своих национальных правопорядков (при отсутствии специальных судопроизводственных механизмов), осуществляются посредством влияния их судебной практики. Они возникают преимущественно между национальными и региональными судами и являются наименее интенсивными. Такие отношения основаны на подчинении национального правопорядка европейскому, а также поддерживаются обязательной в отношении национальных органов (в том числе и органов правосудия) силой решений регионального суда. Кроме того, для отношений нормативного подчинения характерно отсутствие классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих (национальных) судов вышестоящим (региональным) судебным органам (кассация, апелляция, надзор и т.п.), свойственных отдельно взятым национальным судебным системам.

Нормативное опосредованное отношение судебных органов в работе было идентифицировано на примере применения судебной практики Европейского суда по правам человека судебными органами государств – членом Совета Европы.

Было выявлено, что для наиболее углубленного взаимодействия между судебными органами характерно заимствование отдельных элементов и механизмов сотрудничества, которые ранее были присущи лишь судебным системам отдельно взятого национального правопорядка.

В науке международного права (в частности, в зарубежной) превалирует позиция, в соответствии с которой отношения между национальными и региональными судами строятся на основе диалога.

Данная точка зрения последовательно опровергается как противоречащая сложившемуся порядку в отношениях судов двух уровней, которые, несмотря на отсутствие системности и классических судопроизводственных механизмов подчинения нижестоящих судов вышестоящим (верховным), все же являются односторонними отношениями нормативного подчинения национальных судов решениям и судебной практике региональных судебных органов. Анализ юридической природы взаимодействия судебных органов на примере сотрудничества национальных судов государств – членов Совета Европы и Европейского Союза и Судом ЕС и Европейским судом по правам человека позволил сделать вывод о том, что данный тип взаимодействия судебных органов не может быть отнесен к отношениям международной иерархии, так как они действуют в различных правопорядках (международных региональных и национальных). Вместе с тем юридическая обязательность решений региональных судов для национальных судов, имеющая в ряде случаев императивный характер, придает этому взаимодействию «квазиерархичный» характер, отличный от традиционной концепции «координационной природы» международных организаций и их органов.

В ходе исследования были выявлены сложности в деятельности и функционировании как отдельных судов, так и судебных систем различных европейских правопорядков в целом, которые обусловлены так называемой «мультиполярностью» международно-правовых отношений судебных органов. Так, довольно сложным остается вопрос применения судебной практики региональных судебных органов судами европейских государств: судебная практика европейских судебных органов часто либо игнорируется последними, либо не учитывается ими в связи с недостатком информации. Данный феномен можно наблюдать в отношении судов государств – членов Совета Европы, которые в некоторых случаях не соблюдают обязательств, установленных судебной практикой Европейского суда по правам человека.

Кроме того, противоречия в судебной практике европейских судебных органов и высших судебных органов отдельных государств создают объективные сложности для нижестоящих судов, так как последним приходится соблюдать решения как вышестоящих судебных органов, так и региональных судов, которые нередко противоречат друг другу. В частности в отношении судов государств – членов ЕС, которые также являются и государствами – членами Совета Европы, в науке международного права не раз подчеркивалась проблематичность соблюдения судами этих государств судебной практики двух региональных судебных органов, которая нередко в отношении определенных вопросов бывает противоречивой.

С учетом правовой основы и сложившихся на практике взаимоотношениями между Судом ЕС и ЕСПЧ, в работе были проанализированы перспективы развития их сотрудничества, которое может превратиться в полноценную квазиерархическую связь (или связь одностороннего подчинения). Такой прогноз обусловлен возможным присоединением ЕС как региональной организации к Европейской конвенции о защите прав человека. В настоящее время, в отсутствие присоединения ЕС к Европейской конвенции, в соответствии с положениями Договора о Европейском Союзе и Хартии Европейского Союза об основных правах судебные органы Европейского Союза буквально обязаны соблюдать положения Европейской конвенции, но не судебную практику и решения Европейского суда по правам человека. Другими словами, для таких отношений характерным является добровольное подчинение Суда ЕС судебной практике ЕСПЧ.

При этом с присоединением ЕС к Европейской конвенции Суд ЕС по отношению к Конвенции и Страсбургскому суду окажется в положении суда одного из государств – членов ЕС, в связи с чем отношения между судебными органами ЕС и Европейским судом по правам человека будут идентичными отношениям, существующим между судами государств – членов Совета Европы и Европейским судом по правам человека.

В диссертационном исследовании сформулированы возможные практические последствия такого присоединения, которые приведут к созданию многоуровневой сложносоставной судебной системы, что предполагает возможным существование как минимум пяти инстанций: трех в рамках судебной системы государства – члена ЕС – (первая инстанция, апелляция, кассация) и двух на европейском региональном уровне – в рамках судебной системы ЕС и Европейского суда по правам человека. Существование такой системы может отрицательно сказаться на положении лиц, участвующих в судебных разбирательствах, поскольку увеличение количества судебных гарантий прав граждан ЕС приведет к значительному снижению их эффективности из-за длительности судебного разбирательства.

В заключение следует отметить, что анализ международно-правовых норм, доктрины и практики взаимодействия судебных органов в Европе позволяет сделать вывод, что в науке международного права в рамках формирующейся отрасли изучения институтов международного правосудия складывается самостоятельное направление исследования международно-правовых основ взаимодействия судов в отдельных регионах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные источники

1. Acte du Conseil, 29 mai 2000 établissant, conformément à l'article 34 du traité sur l'Union européenne, la convention relative à l'entraide judiciaire en matière pénale entre les États membres de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.
2. Action commune 98/427/JAI, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.
3. Action commune n° 96/277, 22 avr. 1996 // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Avril 1996.
4. Action commune, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.
5. CEE n° 1697/79, 24 juill. 1979, concernant le recouvrement a posteriori des droits à l'importation ou des droits à l'exportation qui n'ont pas été exigés du redevable pour des marchandises déclarées pour un régime douanier comportant l'obligation de payer de tels droits // JOCE n° L 197, 3 août 1979.
6. Comm. CE, Comm. au Cons. UE et au PE, Vers une efficacité accrue dans l'obtention et l'exécution des décisions au sein de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 31 Janvier 1998.
7. Communication de la Commission au Parlement européen, au Conseil, au Comité économique et social européen et au Comité des régions du 13 septembre 2011, intitulée «Susciter la confiance dans une justice européenne, donner une dimension nouvelle à la formation judiciaire européenne» // COM(2011) 551 final – Non publié au Journal officiel.
8. Communication de la Commission sur la nature juridique de la charte des droits fondamentaux de l'Union européenne, Bruxelles, 11 oct. 2000 // COM (2000) 644 final.
9. Communication de la Commission, du 14 juillet 1999, au Conseil, au Parlement européen et au Comité économique et social - Les victimes de la

criminalité dans l'Union européenne - Réflexion sur les normes et mesures à prendre // COM(1999) 349 final - Non publié au Journal officiel.

10. Cons. UE, action commune n° 96/277/JAI // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Avril 1996.

11. Cons. UE, action commune n° 97/827/JAI, 5 déc. 1997 instaurant un mécanisme d'évaluation de l'application et de la mise en oeuvre au plan national des engagements internationaux en matière de lutte contre la criminalité organisée // Journal Officiel des communautés européennes, 15 Décembre 1997.

12. Cons. UE, action commune n° 98/428/JAI, 29 juin 1998 // Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

13. Cons. UE, action commune n° 98/733/JAI, 21 déc. 1998 relative à l'incrimination de la participation à une organisation criminelle dans les États membres de l'Union européenne, art. 4, § 1 // Journal Officiel des communautés européennes, 29 Décembre 1998 s.

14. Cons. UE, conv. 26 juill. 1995 relative à la protection des intérêts financiers des Communautés européennes, art. 6, § 2 // Journal Officiel des communautés européennes 27 Novembre 1995 s.

15. Cons. UE, déc. 2009/316/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 7 Avril 2009.

16. Cons. UE, déc. 98/427/JAI, action commune du 29 juin 1998 adoptée par le Conseil sur la base de l'article K.3 du traité sur l'Union européenne relative aux bonnes pratiques d'entraide judiciaire en matière pénale, Journal Officiel des communautés européennes, 7 Juillet 1998.

17. Cons. UE, déc. n° 2001/C 362/01, 6 déc. 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 18 Décembre 2001.

18. Cons. UE, déc. n° 2002/187/JAI, 28 févr. 2002 instituant Eurojust afin de renforcer la lutte contre les formes graves de criminalité // Journal Officiel des communautés européennes, 6 Mars 2002.

19. Cons. UE, déc. n° 2002/996/JAI, 28 nov. 2002 instaurant un mécanisme d'évaluation de l'application et de la mise en oeuvre au plan national

des engagements internationaux en matière de lutte contre le terrorisme // Journal Officiel des communautés européennes, 24 Décembre 2002.

20. Cons. UE, déc. n° 2004/926/CE, 22 déc. 2004 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Décembre 2004.

21. Cons. UE, déc. n° 2008/976/JAI, 16 déc. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 24 Décembre 2008.

22. Cons. UE, déc.-cadre 2008/675/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 15 Aout 2008.

23. Cons. UE, déc.-cadre 2008/909/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 5 Décembre 2008.

24. Cons. UE, déc.-cadre 2008/947/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 16 Décembre 2008.

25. Cons. UE, déc.-cadre 2009/299/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 27 Mars 2009.

26. Cons. UE, déc.-cadre 2009/315/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 7 Avril 2009.

27. Cons. UE, déc.-cadre n° 2009/829/JHA of 23 October 2009 on the application, between Member States of the European Union, of the principle of mutual recognition to decisions on supervision measures as an alternative to provisional detention//Official Journal of the European Union. 11 November 2009.

28. Cons. UE, déc.-cadre n° 2000/383/JAI, 29 mai 2000 sur la lutte contre les contrefaçons de l'euro, art. 7, § 3 // Journal Officiel des communautés européennes 14 Juin 2000 s.

29. Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/187/JAI // Journal Officiel des communautés européennes, 6 Mars 2002.

30. Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/465/JAI, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 Juin 2002.

31. Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/475/JAI, 13 juin 2002 relative à la lutte contre le terrorisme, art. 9, § 2 // Journal Officiel des communautés européennes, 22 Juin 2002.
32. Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/584/JAI // Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.
33. Cons. UE, déc.-cadre n° 2002/584/JAI, Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.
34. Cons. UE, déc.-cadre n° 2003/577/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 22 Mars 2005.
35. Cons. UE, déc.-cadre n° 2003/577/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 2 Aout 2005.
36. Cons. UE, déc.-cadre n° 2006/783/JAI // Journal Officiel de l'union européenne 24 Novembre 2006.
37. Cons. UE, déc.-cadre n° 2008/978/JAI, Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2008.
38. Cons. UE, dir. 2004/80/CE, 29 avr. 2004 // Journal Officiel de l'union européenne 6 Aout 2004.
39. Cons. UE, n° 2008/976/JAI // Journal Officiel de l'union européenne, 24 Décembre 2008.
40. Cons. UE, règl. (CE) n° 2201/2003, 23 nov. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Décembre 2003.
41. Conseil d'Etat, 11 février 2004, Mme Chevrol // Dalloz, 2004, J, 1414, Conclusions R. Schwarz ; AJDA, 2004, 439, chronique, F. Donnat, D. Cassis, RFDA, 2005, 163, obs. J. Andriantsimbazovina.
42. Conseil de l'Europe, Comité DH-PR, La CEDH : instauration d'une procédure de revision au niveau national pour faciliter la conformité avec les dicisions de Strasbourg, RUDH, 1992.
43. Conseil de l'Europe, Rapport annuel 2010. Cour européenne des droits de l'homme, janvier 2011 // <www.echr.coe.int/>.

44. Conv. 10 mars 1995 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Mars 1995.
45. Conv. 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 12 Juillet 2000.
46. CEE n° 1430/79, 2 juill. 1979, relatif au remboursement ou à la remise des droits à l'importation ou à l'exportation // JOCE n° L 175, 12 juill. 1979.
47. Déc.-cadre n° 2001/220/JAI, 15 mars 2001 // Journal Officiel des communautés européennes 22 Mars 2001.
48. Déc.-cadre n° 2001/413, 28 mai 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 2 Juin 2001.
49. Déc.-cadre n° 2001/500, 26 juin 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 5 Juillet 2001
50. Déc.-cadre n° 2002/465, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes 20 Juin 2002.
51. Déc.-cadre n° 2002/475, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 22 Juin 2002.
52. Déc.-cadre n° 2002/584, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes 18 Juillet 2002.
53. Déc.-cadre n° 2003/568, 22 juill. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Juillet 2003
54. Déc.-cadre n° 2003/577, 22 juill. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 2 Aout 2003.
55. Déc.-cadre n° 2003/80, 27 janv. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 5 Février 2003.
56. Déc.-cadre n° 2005/212, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne, 15 Mars 2005.
57. Déc.-cadre n° 2005/214, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne, 22 Mars 2005.

58. Déc.-cadre n° 2005/222, 24 févr. 2005 // Journal Officiel de l'union européenne 16 Mars 2005.
59. Déc.-cadre n° 2006/783, 6 oct. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 24 Novembre 2006.
60. Déc.-cadre n° 2006-960, 18 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne 29 Décembre 2006
61. Déc.-cadre n° 2008/675, 24 juill. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 15 Aout 2008.
62. Déc.-cadre n° 2008/841, 24 oct. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 11 Novembre 2008.
63. Déc.-cadre n° 2008/909, 27 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 5 Décembre 2008.
64. Déc.-cadre n° 2008/913, 28 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 6 Décembre 2008.
65. Déc.-cadre n° 2008/919, 28 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 9 Décembre 2008.
66. Déc.-cadre n° 2008/947, 27 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 16 Décembre 2008.
67. Déc.-cadre, 13 juin 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 18 Juillet 2002.
68. Decision of the Council of Ministers of October 24, 1988 // 1988 O.J. (L319) 1.
69. Déc.-cadre n° 2000/383, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 14 Juin 2000.
70. Dir. 2002/8/CE, 27 janv. 2003 // Journal Officiel des communautés européennes, 31 Janvier 2003.
71. Dir. 2008/52/CE, 21 mai 2008 // Journal Officiel de l'union européenne 24 Mai 2008.
72. Dir. 2008/99/CE, 19 nov. 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 6 Décembre 2008.

73. Dir. 98/27/CE du Conseil et du Parlement européen, 19 mai 1998, relative aux actions en cessation en matière de protection des intérêts des consommateurs // JOCE n° L 166, 11 juin 1998.

74. Directive 2012/13/UE // Journal Officiel de l'union européenne, 1 juin 2012.

75. PE et Cons. UE, règl. (CE) n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Juillet 2007.

76. PE et Cons. UE, règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne 30 Décembre 2006.

77. PE et Cons. UE, règl. n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

78. Protocol 5 to the ESA / Court Agreement on the Statute of the EFTA Court // <www.eftacourt.int/index.php/court/mission/esa_court_agreement.

79. Protocole à la convention relative à l'entraide judiciaire en matière pénale entre les États membres de l'Union européenne // Journal Officiel des communautés européennes, 21 Novembre 2001.

80. Recomm. 8 mai 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Mai 2003.

81. Règl. (CE) n° 805/2004, 21 avr. 2004 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Avril 2004.

82. Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

83. Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

84. Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

85. Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012

86. Règl. n ° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.

87. Règl. n° 156/2012, 23 février 2012 // Journal Officiel des communautés européennes.
88. Règl. n° 1206/2001, 28 mai 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Juin 2001.
89. Règl. n° 1206/2001, 28 mai 2001 // Journal Officiel des communautés européennes, 27 Juin 2001.
90. Règl. n° 1215/2012; 12 déc. 2012 // Journal Officiel des communautés européennes, 20 décembre 2012.
91. Règl. n° 1346/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.
92. Règl. n° 1346/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.
93. Règl. n° 1348/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.
94. Règl. n° 1348/2000, 29 mai 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 30 Juin 2000.
95. Règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2006.
96. Règl. n° 1896/2006, 12 déc. 2006 // Journal Officiel de l'union européenne, 30 Décembre 2006.
97. Règl. n° 2201/2003, 27 nov. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Décembre 2003.
98. Règl. n° 2201/2003, 27 nov. 2003 // Journal Officiel de l'union européenne, 23 Décembre 2003.
99. Règl. n° 44/2001, 22 déc. 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 16 Janvier 2001.
100. Règl. n° 44/2001, 22 déc. 2000 // Journal Officiel des communautés européennes, 16 Janvier 2001.
101. Règl. n° 593/2008, 17 juin 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 4 Juillet 2008.

102. Règl. n° 593/2008, 17 juin 2008 // Journal Officiel de l'union européenne, 4 Juillet 2008.

103. Règl. n° 743/2002, 25 avr. 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 1er Mai 2002.

104. Règl. n° 743/2002, 25 avr. 2002 // Journal Officiel des communautés européennes, 1er Mai 2002.

105. Règl. n° 861/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

106. Règl. n° 864/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne 31 Juillet 2007.

107. Règl. n° 864/2007, 11 juill. 2007 // Journal Officiel de l'union européenne, 31 Juillet 2007.

108. Règlement du Conseil du 16 mars 2011 relatif à la compétence, la loi applicable, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière de régimes matrimoniaux // COM(2011) 126 final.

109. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации. Сравнительный анализ. Русская версия. Изд. Совета Европы. Страсбург, 1997.

110. Регламент № 1393/2007 от 13 ноября 2007 г. // Official Journal L 324, 10/12/2007. P. 0079 – 0120.

111. Регламент Совета Европейского Союза №1206/2001(ЕС) от 28 мая 2001 г. о сотрудничестве судов государств-членов Европейского Союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам // Система ГАРАНТ: base.garant.ru/70333016/#ixzz3cZo4h9vJ.

112. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». // СЗ РФ, 1998. № 14. Ст. 1514.

Судебная практика

113. Avis 2/94 du 28 mars 1996, Rec., p. I-1759, § 21.
114. Cour de Cass. com., 14 déc. 1999 // Bull. civ. 1999, IV, n° 229.
115. Cour de Cass. com., 19 déc. 2000, Sté Ravil c/ Sté Bellon // Juris-Data n° 2000-007474.
116. Cour de Cass. com., 21 févr. 1995, Sté United Distillers // Juris-Data n° 1995-000326 ; Dr. adm. 1995, comm. n° 303.
117. Cour de Cass. com., 27 févr. 1996 // Juris-Data n° 1996-003975
118. Cour de Cass. com., 30 mai 2000 // Bull. civ. 2000, IV, n° 111
119. Cour de Cass. crim., 2 juin 1993 // Juris-Data n° 1993-704901
120. Cour de Cass. Crim., 4 mai 1994, Saïdi // JCP, 1994, II, 22349 ; note P. Chambon ; Dalloz,
121. Conseil d'Etat, ass., 22 déc. 1978, Min. int. c/ Cohn-Bendit // Recueil du CE. P. 524
122. CEDH, 13 janv. 2005, Emesa Sugar c. Pays-Bas, req. 62023/00.
123. CEDH, 15 nov. 1996, Cantoni c. France.
124. CEDH, 2 sept. 2003, P.L. c. France, req. 42269/98.
125. CEDH, 22 février 1994, Vallée c/ France // A. 289-A.
126. CEDH, 29 novembre 1991, Vermeire c/ Belgique, Série A, n° 214-C // AFDI 1991, 588, obs. V. Coussirat-Coustère.
127. CEDH, 30 janvier 1998. «Partie communiste unifié de Turquie c/ Turquie».
128. CEDH, Beer et Regan c. Deutschland, 18 fév. 1999 // RGDIP, 2000, 445, note I. Pingel-Lenuzza.
129. CEDH, Gençel c/ Turquie, 23 octobre 2003.
130. CEDH, Matthews c. Le Royaume-Uni, 19 février 1999 // CEDH, T.I c. Royaume-Uni, 7 mars 2000, req. N° 43844/98.
131. CEDH, Matthews c. Le Royaume-Uni, 19 février 1999 // CEDH, T.I c. Royaume-Uni, 7 mars 2000, req. N° 43844/98.
132. CEDH, Sejdivic c/ Italie, 10 novembre 2004.
133. CEDH, Somogyi c/Italie, 18 mai 2004.

134. CEDH, Tahir Duran c/ Turquie, 29 janvier 2004.
135. CJCE, 10 janv. 2006, aff. C-344/04, IATA et ELFAA // Rec. CJCE 2006, I. P. 409.
136. CJCE, 11 juill. 1991, aff. C-87/90, C-88/90 et C-89/90 // Rec. CJCE 1991, I.
137. CJCE, 11 juin 1987, aff. 14/86, Pretore di Salo // Rec. CJCE 1987. P. 2545
138. CJCE, 12 juill. 1973, aff. 70/72, Comm. CE c/ Allemagne // Rec. CJCE 1973, p. 813
139. CJCE, 13 juillet 1989, Wachauf, 5/88 // Rec., 2609, DCDF, 46.
140. CJCE, 13 mai 1981, aff. 66/80, International Chemical Corporation // Rec. CJCE 1981, I. P. 1191.
141. CJCE, 14 déc. 1995, aff. C-312/93, C-430/93 et C-431/93 // Rec. CJCE 1995, I.
142. CJCE, 15 janvier 2002, C-171/00, Libéros c. Commission.
143. CJCE, 15 juillet 1964, Costa vs. Enel, aff. 6/64 // Rec. CJCE 1964, I. P. 78.
144. CJCE, 15 juin 1978 Defrenne c/ Sabena, 149/77 // Rec 1365, §28, DCDF.
145. CJCE, 15 mai 1986, Johnston, aff. 222/84 // Rec. CJCE 1986, I. P. 1651.
146. CJCE, 15 mai 2003, aff. C-300/01, Salzmann // Rec. CJCE 2003, I, p. 4899.
147. CJCE, 17 dec. 1998, Baustahlgewebe GmbH, C-13/98 // Rec., I-2163
148. CJCE, 17 juill. 2008, aff. C-66/08, Kozłowski // Rec. CJCE 2008, I. P. 6041
149. CJCE, 17 sept. 1997, aff. C- 54/96 // Rec. CJCE 1997, I.
150. CJCE, 18 juin 1991, ERT, C-260/89 // Rec., I, 2951, § 41, DCDF.
151. CJCE, 18 oct. 1989, Orkem c/ Commission, 374/87 // Rec., 3334.
152. CJCE, 19 juin 1990, aff. C-213/89 // Rec. CJCE 1990, I. P. 2433.

153. CJCE, 19 sept. 2006, aff. C-506/04, Wilson // Rec. CJCE 2006, I. P. 8613.
154. CJCE, 1er juin 1999, aff. C-126/97 // Rec. CJCE 1999, I.
155. CJCE, 2 fev. 1988, Blaizot // Rec., 398, § 17, DCDF n° 14.
156. CJCE, 21 septemebre 1989, Hoescht, 46/87 et 227/88 // Rec., 2859.
157. CJCE, 21 avr. 1988, aff. 338/83 // Pardini, Rec. CJCE 1988. P. 2041.
158. CJCE, 21 janv. 2003, aff. C-318/00, Bacardi-Martini et Cellier des dauphins.
159. CJCE, 21 nov. 2002, aff. C-473/00, Cofidis // Rec. CJCE 2002, I.
160. CJCE, 22 oct. 2002, Roquette Frères SA, C-94/00 // Europe, 2002, 12, comm. 422 L. Idot.
161. CJCE, 22 juin 2010, aff. jtes C-188/10 et C-189/10, Melki et Abdeli
162. CJCE, 24 juin 2004, aff. C-278/02, Handlbauer // Rec. CJCE 2004, I. P. 6171.
163. CJCE, 25 juill. 2008, aff. C-127/08, Metock e.a. // Rec. CJCE 2008, I. P. 6241
164. CJCE, 26 juin 1997, Vereinigte Familiapress Zertungsverlags-und Vertriebs GmbH, C-368/95, DCDF 75 // Europe, août-sept. 1997, comm. 273.
165. CJCE, 28 mars 2000, C-7/98, Krombach // Rec., p. I-1935, § 25.
166. CJCE, 28 oct. 1975, Rutili, 36/75 // Rec., 1219, § 32, DCDF, n° 14.
167. CJCE, 29 mai 1997, C-299/95, Kremzow // Rec., p. I-2629.
168. CJCE, 29 mai 1997, Kremzow, C-299/95 // Rec., I-2659, DCDF, 74.
169. CJCE, 3 févr. 1977, aff. 52/76, Benedetti // Rec. CJCE 1977. P. 163.
170. CJCE, 30 avril 1996, P/S et Cornwall County Council, C-13/94 // Rec., I-1763, DCDF, 68, RAE, 1996, 171, chron. F. Picod.
171. CJCE, 5 févr. 1963, aff. 26/62, Van Gend en Loos // Rec. CJCE 1963, I. P. 3.
172. CJCE, 7 juill. 1981, aff. 158/80, Rewe // Rec. CJCE 1981, I
173. CJCE, 7 nov. 2002, affs. C-260/00 - C-263/00, Lohmann et Medi Bayreuth // Rec. CJCE 2002, I. P. 10045.

174. CJCE, 8 juillet 1999, Montecatini, C-260/99 // Rec., I, 1231.
175. CJCE, 9 nov. 1995, Atlanta, aff. C-465/93 // Rec. CJCE 1995, I.
176. CJCE, Avis du 28 mars 1996 // RTDE, 1996, 625.
177. CJCE, ord., 18 oct. 1979, aff. 40/79, Sirena // Rec. CJCE 1979. P. 3169.
178. CJCE, ord., 26 janv. 1990, aff. C-286/88, Falciola // Rec. CJCE 1990, I.
179. CJCE, ord., 4 mars 2002, aff. C-175/00, Verwayen-Boelen // Rec. CJCE 2002, I. P. 2141.
180. CJCE, ord., 5 mars 1986, aff. 69/85, Wünsche // Rec. CJCE 1986, p. 947
181. Постановление Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012).
182. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 №27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. №2, 2014.
183. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного

процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Официальный интернет-портал правовой информации <publication.pravo.gov.ru>. Номер опубликования: 0001201507170018, дата опубликования: 17.07.2015.

184. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 2.

185. Постановление пленума Конституционного суда Азербайджанской Республики «О толковании статьи 157.5 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 9 июля 2010 года. // <constcourt.gov.az/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=165&Itemid=60>

186. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 15 апреля 2011 г. «О проверке соответствия постановления Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Азербайджанской Республики от 2 июля 2009 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Виктора Озерова». // <constcourt.gov.az/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=165&Itemid=60>.

187. Решение «Зименталь» CJCE, 9 mars 1978, aff. 106/77, Simmenthal, Rec. // CJCE 1978. P. 629.

188. Решение от 11 февраля 2003 г., aff. jtes C-187/01 et C-385/01, Rec. CJCE 2003, I, P. 01345.

189. Решение Суда ЕС «Costa vs. Enel» от 15 июля 1964 г. aff. 6/64.

\

Специальная литература

190. Alegre S. et Leaf M. Mutual Recognition in European Judicial Cooperation : A step too far too soon? Case Study // The European Arrest Warrant, European Law Journal, n° 2004.
191. Alford R.P. The Proliferation of International Courts and Tribunals: International Adjudication in Ascendance // Am. Soc'y. Int'l L. Proc. V. 94, 2000.
192. Ancel P. Les divergeances de jurisprudence // PUSE, 2003.
193. Andriantsimbazovina J. L'autorité des décisions de justice constitutionnelles et européennes sur le juge administratif français // LGDJ, 1998.
194. Annual report 2014. // http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-04/en_ecj_annual_report_2014_pr1.pdf.
195. Arndt A. Selbständigkeit des Bundesverfassungsgericht. NJW, 1965. S. 807 f.
196. Barav A. La plénitude de compétence du juge national en sa qualité de juge communautaire, dans L'Europe et le droit, Mélanges en hommage à J. Boulouis, Paris, Dalloz, 1991
197. Barav A. Le juge et le justiciable, Scritti in onore di G.-F. Mancini, Giuffrè, 1998, vol. II
198. Barbe E. Le point sur dix années d'existence des magistrats de liaison // L'Observateur de Bruxelles, n° 54, déc. 2003.
199. Barbe E. L'espace judiciaire européen // La Documentation française, Réflexe Europe, 2007.
200. Barker C., Grant J. International Criminal Law Deskbook. Routledge. 2013. 568 p.
201. Baudenbacher C. EFTA Court in Action – Five Lectures. Stuttgart, 2010.
202. Baudenbacher C. The EFTA Court, the ECJ and the Latter's Advocate-Generals – A tale of Judicial Dialogue, dans Continuity and Change in EU Law, Essays in Honour of Sir Francis Jacobs. Oxford, 2007.

203. Benda E., Klein E. Verfassungsprozessrecht, Mueller Verl., 2e éd. 2001.
204. Benoît-Rohmer Fl. L'adhésion de l'Union à la convention européenne des droits de l'homme// RUDH, 2000.
205. Blekxtoon R., van Ballegooij W. Handbook on the European Arrest Warrant, The Hague, TMC Asser Press, 2005.
206. Bonichot J.-C. Les pouvoirs d'injonction du juge national pour la protection des droits conférés par l'ordre juridique communautaire // RFD adm. n° 6[5], oct. 1990.
207. Bosse-Platière I., Rapoport C. L'Etat tiers en droit de l'Union européenne. Bruylant. 2014. 504 p.
208. Boulouis J. Note ss l'arrêt Cass. ch. mixte, 24 mai 1975, Jacques Vabre // AJDA 1975, jurispr.
209. Bruneau C. Obtention des preuves en matière civile et commerciale au sein de l'Union européenne. Règlement CE n° 1206/2001 du Conseil du 28 mai 2001 // JCP, G 2001, I, 349, n° 6.
210. Brysk A. Globalization of Law and Human Rights: From Norms to Fulfillment. Routledge, 2013. 244 P.
211. Callewaert J. La subsidiarité dans l'Europe des droits de l'homme: la dimension substantielle, in M. Verdussen (sous la dir.), L'Europe de la subsidiarité, Bruxelles, Bruylant, 2000.
212. Canivet G. Le droit communautaire et l'office du juge national // Gaz. Pal. 1992, 1, doct.
213. Capatina O. L'entraide judiciaire internationale en matière civile et commerciale // RCADI I/1983, t. 179.
214. Cartier M.-E. Le mandat d'arrêt européen. Bruxelles, Bruylant, 2005.
215. Charpentier J. Vers un espace judiciaire européen // AFDI, 1978.
216. Costa J.-P. La Cour européenne des droits de l'homme et le dialogue des juges, in Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant , 2004.

217. Crabit E. Recherches sur la notion d'espace judiciaire européen, Presses universitaires de Bordeaux, 1988.

218. Da Cruz Vilaça J. L. Contrôle juridictionnel de constitutionnalité : quelques réflexions, in Vers une nouvelle architecture de l'Union européenne. Le projet de Traité-Constitution. Bruylant, 2004.

219. Danilenko G. Implementation of International law in CIS States: Theory and Practice // European journal of International law, 1999.

220. De Baynast O. Eurojust: lot de consolation pour les tenants du parquet européen ou socle pour la construction d'une action publique européenne? // RAE, 2003.

221. De Biolley S. L'harmonisation des procédures. Actualités de droit pénal européen. Bruxelles, La Charte. 2003.

222. De Biolley S., Weyembergh A. Comment évaluer le droit pénal européen ? Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles, 2006.

223. De Burca G., Weiler J.-H.H. The European Court of Justice, Oxford University Press, 2001.

224. De Gouttes R. De l'espace pénal européen à l'espace judiciaire pénal pan-européen. Mél. G. Levasseur. Paris, Litec, 1992. P. 3.

225. De Kerchove G. et Weyembergh A. La reconnaissance mutuelle des décisions judiciaires pénales dans l'Union européenne. Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles, 2001.

226. De Kerchove G. L'action de l'Union européenne en matière de risques contre le terrorisme // RMCUE, 2004. P. 421.

227. De Schutter O. Fonction de juger et droits fondamentaux. Transformation du contrôle juridictionnel dans les ordres juridiques américain et européen, Bruxelles, Bruylant, 1999.

228. De Schutter O. L'adhésion de l'Union européenne à la Convention européenne des droits de l'homme comme élément du débat sur l'avenir de l'Union, in L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne, IEE, 2002.

229. De Wit S. *Benelux gerechtshof geïllustreerd*. Kluwer, 1996. P. 65 ss.
230. Debré J.L. *Contrôle de constitutionnalité et contrôle de conventionnalité*, Intervention lors du colloque organisé par l'Association française de droit constitutionnel, le 6 juin 2008 au Conseil constitutionnel // www.conseil-constitutionnel.fr/.../pdt_debre_afdc_06062008.pdf.
231. Dehousse F. et Garciamartinez J. «Eurojust» et la coopération judiciaire pénale // *JTDE* n° 1, 2004, vol. 12.
232. Demanet G. *Considérations sur l'entraide judiciaire en matière pénale*. // *RD pén. crim.* 1997.
233. Demanet G. *Considérations sur l'entraide judiciaire en matière pénale*, *RD pén. crim.* 1997.
234. Dero-Bugny D. *Les rapports entre la Cour de justice de l'Union européenne et la Cour européenne des droits de l'homme*. Bruylant, 2015. 232 p.
235. Devaux S., Leboutte R. *Le traité de Rome: histoires pluridisciplinaires, l'apport du traité de Rome instituant la communauté économique européenne*. Peter Lang, 2009.
236. EFTA Court. *The EEA and the EFTA Court: Decentred Integration*. Bloomsbury Publishing, 2014. 224 p.
237. F. Geyer, E. Guild. *Security versus Justice?: Police and Judicial Cooperation in the European Union*. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 352 p.
238. Favoreu L. *Droit constitutionnel*, Dalloz, 2006.
239. Favoreu L. *Droit constitutionnel*. Dalloz, 2011.
240. Fazio S. *The Harmonization of International Commercial Law*. Kluwer Law International, 2007. 292 p.
241. Fleury R. *Verfassungsprozessrecht*, Luchterhand, 6e éd., 2004, spéc
242. Flore D. *Actualités de droit pénal européen*. Bruxelles, La Chartre, 2003.
243. Flore D. *Droit pénal européen: Les enjeux d'une justice pénale européenne*. Editions Larcier. 2014. 884 p.

244. Flore D. D'un réseau judiciaire européen à une juridiction pénale européenne, Eurojust et l'émergence d'un système de justice pénale, in: De Kerchove G. et Weyembergh A. L'espace pénal européen: enjeux et perspectives. l'Université de Bruxelles, 2002.

245. Flore D. Le mandat d'arrêt européen : première mise en oeuvre d'un nouveau paradigme de la justice pénale européenne, Journal des tribunaux, 2002.

246. Flore D. Une justice pénale européenne après Amsterdam. // JTDE, 1999. P. 122 et 123.

247. Fourgoux J.-C. La Cour de justice des Communautés européennes et les pouvoirs du juge national en matière de mesures provisoires // Dalloz Sirey 22 nov. 1990, n° 39.

248. Ganshof Van Der Meersch W.J. La juridiction internationale dans L'union économique Benelux. // Annuaire français de droit international, N° 15, 1969.

249. Gaudemet-Tallon H. Compétence et exécution des jugements en Europe. // LGDJ, 2002.

250. Gautier Y. Le revoi prejudiciel, un instrument efficace de dialogue ? // Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant , 2004.

251. Genevois B. Conclusions sur CE, Ass., 22 déc. 1978, Ministère de l'intérieur c. Cohn Bendit, RTD, 1979.

252. Gerkrath J. L'emergence d'un droit constitutionnel pour l'Europe: Modes de formation et sources d'inspiration de la constitution des Communautés et de l'Union européenne (Etudes européennes). Editions de l'Université de Bruxelles, 1997. 425 p.

253. Gervasoni S. La cour de justice et le dialogue des juges ? // Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant , 2004.

254. Gessner V., Budak A. C. Emerging Legal Certainty: Empirical Studies on the Globalization of Law. Asghate, 1998.

255. Gless S. Zum Prinzip der gegenseitigen Anerkennung // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft (ZStW), n° 2, 2004.
256. Grévisse F., Bonichot J.-C. Les incidences du droit communautaire sur l'organisation et l'exercice de la fonction juridictionnelle dans les États membres, L'Europe et le droit, Mélanges en hommage à Jean Boulouis. Dalloz, 1991.
257. Groud T.-H. Obtention de preuves situées à l'étranger. Harmonisation européenne et unification internationale // Petites affiches 28 févr. 2002.
258. Guinchard E. Le nouveau règlement Bruxelles I bis: Règlement n°1215/2012 du 12 décembre 2012 concernant la compétence judiciaire, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière civile et commerciale. Primento, 2014. 568 p.
259. Guinchard E. L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges // RTD. com. juill.-sept. 2008.
260. Haguenu C. L'application effective du droit communautaire en droit interne, analyse comparative des problèmes rencontrés en droit français, anglais et allemand, Thèse Paris II, 1994.
261. Horspool M. European Union Law. 2nd ed. London, Edinburgh, Dublin: Butterworths, 2000
262. Huet A. Un titre exécutoire européen parmi d'autres: l'acte authentique, Mélanges M. Revillard, Defrénois, 2007.
263. Ipsen H.P. Europäisches Gemeinschaftsrecht. Mohr Siebeck, 1972.
264. Jacobs F. The Role of National Courts and the European Court in Ensuring the Uniform Application of Community Law : Is a New Approach Needed // Mél. Capotorti F. Giuffrè, 1999, vol. II.
265. Jacobs F.-G. The evolution of the European legal order. Contributions to 40th Anniversary Conference, CMLR, 2004. Issue 41.2.
266. Jeuland E. Le titre exécutoire européen: un château en Espagne? // Gaz. Pal. 27-28 mai 2005.

267. Jung H. Une nouvelle procédure devant la Cour : le réexamen, Mél. B. Vesterdorf, Bruylant, 2007.

268. Kahn J. A marriage of convenience: Russia and the European Court of Human Rights // Radio free Europe/Russian political weekly: A weekly review of News and analysis of Russian domestic politics. Vol 2. N° 20, 19 juin 2002.

269. Kas'anov R.A. The Integration of Russia into legal space: applying the European Convention for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // Uppsala Yearbook of East European Law. - London: Simmons&Hill Publishing, 2006.

270. Kelsen H. The principles of international law. The Lawbook Exchange. New Jersey, 2003.

271. Kennedy D. Three Globalizations of Law and Legal Thought. Princeton University Press, 2011.

272. Kokott J., Pernice I. et Saunders C. The Future of the European Judicial System in a Comparative Perspective, Nomos Verlag, 2006.

273. Krueger H.-C., Polakiewicz J. Propositions pour la création d'un système cohérent de protection des droits de l'homme en Europe // RUDH, 2002, vol. 13, n° 1-4.

274. La Cour européenne des droits de l'Homme. Interview de Jean-Paul Costa, Dalloz, 2002.

275. Labayle H. Le juge dans l'Espace de liberté, sécurité et justice de l'Union européenne // Mélanges en l'honneur du président Bruno Genevois. Dalloz, 2008.

276. Lasok D. Law and Institutions of the European Union. 6-th ed. London. Dublin, Edinburgh: Butterworths, 1994.

277. Lasok K.P.E., Millett T. Judicial control in the EU. Procedures and principles // Richmond Law and Tax, 2004.

278. Lawson R. Confusion and Conflict? Diverging Interpretations of the European Convention on Human Rights in Strasbourg and Luxembourg, in R. Lawson, M. de Blois (ed.), The Dynamics of the Protection of Human Rights in

Europe. Essays in Honour of H.G. Shermers, Dordrecht-Boston-London, Martinus Nijhof Publ., 1994, vol. III.

279. Le Bars Th. Impact of the Regulation 1896/2006, creating a European order for payment procedure, in International arbitration: «an exception to the exception» // La Revue 2008 <<http://larevue.hammonds.fr>>.

280. Lecourt R. Le juge national devant le Marché commun // IUHEI, 1970.

281. Lecourt R. Le rôle de la Cour dans le développement des Communautés, Annuaire dr. eur. 1976, vol. 24.

282. Lecourt R. Le rôle unificateur du juge dans la Communauté, dans Études de droit des Communautés européennes, Mélanges P.-H. Teitgen, Paris, Pedone, 1984.

283. Lichère F., Potvin-Solis L., Raynouard A. Le dialogue entre les juges européens et nationaux: incantation ou réalité? Bruylant, 2004.

284. Livre vert de la Commission du 17 juillet 2006 sur le règlement des conflits de lois en matière de régime matrimonial, traitant notamment de la question de la compétence judiciaire et de la reconnaissance mutuelle // COM(2006) 400 - Non publié au Journal officiel.

285. Livre vert: Successions et testaments // COM(2005) 65 final - Non publié au Journal officiel.

286. Magnusson S. On the Authority of Advisory Opinions – Reflections on the Functions and Normativity of Advisory Opinions of the Court AELE, Europarättslig tidskrift, 2010, vol. 3.

287. Majone G. La communauté européenne. Un Etat régulateur. Montchrestien, 1996.

288. Malinverni G., Hotellier M. La pratique suisse relative aux droits de l'homme. // Revue suisse de droits international et de droit européen, 1994.

289. Masson A. Droit de l'Union Européenne Droit Institutionnel et Droit Materiell. Theorie, Exercices et Elements. Larcier, 2011.

290. Mbongo P., Vauchez A. Dans la fabrique du droit européen : Scènes, acteurs et publics de la Cour de justice des Communautés européennes. Emile Bruylant, 2009. 258 p.

291. Mehdi R. (sous la direction de) L'avenir de la justice communautaire, enjeux et perspectives. Paris, La Documentation française, 2000.

292. Mellech K. Die Rezeption der EMRK sowie der Urteile des EGMR in der französischen und deutschen Rechtsprechung. Mohr Siebeck, 2012.

293. Mertens de Wilmars J. L'efficacité des différentes techniques nationales de protection juridique contre les violations du droit communautaire par les autorités nationales et les particuliers. Cah. dr. eur. 1981.

294. Morand C.-A. La législation dans les Communautés européennes. Paris, 1968. // LGDJ.

295. Moreillon L. et Willi-Jayet A. Coopération judiciaire pénale dans l'Union européenne. Bruxelles, Paris, Bruylant, LGDJ, 2005.

296. Moreillon L. et Willi-Jayet A. Coopération judiciaire pénale dans l'Union européenne. Bruxelles, Paris, Bruylant, LGDJ, 2005.

297. Müller-Graff P.-Ch. The Treaty of Amsterdam: Content and Implications for EEE-EU-Relations // EEE-EU Relations.

298. Neuwahl N., Rosas A. (ed). The European Union and Human Rights, The Hague-Boston-London. Martius Nijhoff Publ. Kluwer, 1995.

299. Nguyen Q.-D., Pellet A., Daillier P. Droit international public // LGDJ, 2001.

300. Niboyet M.-L. et Lebeau D. Regards croisés du processualiste et de l'internationaliste sur le règlement CE du 28 mai 2001 relatif à l'obtention des preuves civiles à l'étranger (Règlement (CE) numéro 1206/2001 du Conseil du 28 mai 2001 relatif à la coopération entre les juridictions des États membres dans le domaine de l'obtention des preuves en matière civile ou commerciale) // Gaz. Pal. 19-20 févr. 2003.

301. Nilsson H.-G. From Classical judicial cooperation to mutual recognition // RID pén. 2006. Vol. 77½.

302. Noguellou R. Adhésion de l'Union européenne à la CEDH: position de la Commission // Droit Administratif n° 5, Mai 2010

303. Note informative sur l'introduction de procédures préjudicielles par les juridictions nationales 2009/C 297/01 // Journal Officiel de l'union européenne 5 Décembre 2009.

304. Olivier M. De l'exécution des mesures d'instruction ordonnées par le juge français ; le principe de la territorialité et la nouvelle réglementation communautaire // Gaz. Pal. 12 sept. 2002.

305. Olmi G. Les hautes juridictions nationales, juges du droit communautaire. Liber amicorum P. Pescatore. Nomos, 1987.

306. Onzième rapport annuel sur le contrôle de l'application du droit communautaire (1993), COM 94/500 Final // Journal Officiel du 6 juin 1994, Numéro.

307. Palazzo F. Charte européenne des droits fondamentaux et droit pénal // RSC, n° 1 janvier-mars 2008.

308. Papadopoulos Thomas Gr. EU Law and Harmonization of Takeovers in the Internal Market. Kluwer Law International, 2010. 280 p.

309. Peers J. Mutual Recognition and criminal law in the European Union : has the Council got it wrong ? // Common Market Law Review, 2004, n° 41.

310. Péroz H. Jugements étrangers et pratique notariale: l'apport du droit international privé communautaire // JCP, 2004.

311. Péroz H. La réception des jugements étrangers dans l'ordre juridique français // LGDJ, 2005.

312. Perrodet A. Étude pour un Ministère public européen // LGDJ, 2001. 412 p.

313. Pertek J. La pratique du renvoi préjudiciel en droit communautaire. Litec, 2001, n° 324.

314. Pescatore P. La Cour de justice des Communautés Européennes et la Convention européenne des droits de l'homme, in Protecting human rights: the

European dimension. Studies in honour of Gerard J. Wiarda / ed. by Franz Matscher, Herbert Petzoldfre. 2nd ed. Koeln, C Heymanns, cop. 1990.

315. Pescatore P. Le droit de l'integration. Geneve, 1972.

316. Pestalozza Ch. Verfassungsprozessrecht, 3e éd., 1991, n° 38 (3).

317. Petter Graver H. The EFTA Court and the Court of Justice of the EU: Legal Homogeneity at Stake // EEE-EU Relations, Oslo, 1999.

318. Picod F. Le droit au juge en droit communautaire in Le droit au juge dans l'Union européenne. CEDECE (sous la direction de J. Rideau), LGDJ, 1998.

319. Popov A. L'avis 2/13 de la CJUE complique l'adhésion de l'Union européenne à la CEDH // La Revue des droits de l'homme, Actualités Droits-Libertés, février 2015, URL: <<http://revdh.revues.org/1065>>.

320. Potvin-Solis L. Le concept de dialogue entre les juges en Europe, in Le dialogue entre les juges européens et nationaux : incantation ou réalité ? Bruylant , 2004.

321. Pradel J. et Corstens G. Droit pénal européen. Paris, Dalloz, 2009.

322. Proposition de Règlement du Parlement européen et du Conseil relatif à la reconnaissance mutuelle des mesures de protection en matière civile du 18 mai 2011 // COM (2011) 276 final.

323. Puissochet J.-P. La Cour européenne des droits de l'homme, la Cour de justice des Communautés européennes et la protection des droits de l'homme, in P. Mahoney, Matscher F. , Petzold H., Wildhaber L. Protection des droits de l'homme : la perspective européenne. Mélanges à la mémoire de Rolv Ryssdal, Cologne, Heymanns, 2000.

324. Rapport annuel 2014 // <<http://www.eurojust.europa.eu/doclibrary/corporate/Pages/annual-reports.aspx>>.

325. Rapport de la Commission au Parlement Européen et au Conseil sur la mise en oeuvre de la décision-cadre du Conseil relative au mandat d'arrêt européen et aux procédures de remise entre Etats membres du 11 avril 2011 (COM) 2011 175 final.

326. Rasmussen H. European Court of Justice. Copenhagen, Gadjura, 1998.
327. Reconnaissance mutuelle des décisions de justice en matière pénale et le renforcement de la confiance mutuelle entre les États membres // COM(2005)195 final, 19 mai 2005.
328. Renoux Th. S. L'autorité de chose jugée ou l'autorité de la Constitution ? A propos de l'effet des décisions du Conseil constitutionnel, in L'esprit des institutions, l'équilibre des pouvoirs, Mélanges en l'honneur de Pierre Pactet, Dalloz, 2003. Зорькин В.Д. Конституционный суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005, № 3.
329. Report of the EFTA Court (2014) (Books 1-3) // <<http://www.eftacourt.int/press-publications/annual-reports/all>>.
330. Rideau J. La participation de l'Union européenne aux organisations internationales, Rapport au colloque de Bordeaux de la Société française pour le droit international. Pedone, 2000.
331. Rideau J. Le contentieux de l'application du droit communautaire par les pouvoirs publics nationaux. D., 1974. chron.
332. Ritleng D. Le principe de primauté du droit de l'Union // RTDE, 2005.
333. Roccati M. Le rôle du juge national dans l'espace judiciaire européen, du marché intérieur à la coopération civile, Primento, 2014.
334. Rome Statute of the International Criminal Court, July 17, 1998. Art. 21 (2).
335. Ross J. Harper. Global law in Practice. Cambridge, MA: Kluwer Law International. 1997.
336. Rousseau D., Sudre F. Conseil constitutionnel et Cour européenne des droits de l'homme, STH, 1999.
337. Rozakis Ch. La position des organes de la convention européenne des droits de l'homme à l'égard des actes de l'ordre juridique communautaire // I.

Iliopoulos-Stragas (ed.), La protection des droits de l'homme dans le cadre européen. Baden-Baden Nomos Verlag, 1993.

338. Ruiz Fabri H., Sorel J-M. Organisation judiciaire internationale. Cour internationale de justice. Organe juridictionnel // Jurisclasseur droit international, 2001. §10.

339. Salmon J.J. Les Communautés en tant que personnes de droit et leurs privilèges // Droit des Communautés européennes: Les Nouvelles. Bruxelles, 1969.

340. Schermers H., Waelbroeck D. Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001.

341. Schermers H., Waelbroeck D. Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001.

342. Schermers H.G. International institutional law. Rockville, 1980

343. Schilling J.M. Deutscher Grundrechtsschutz zwischen staatlicher Souveränität und Menschenrechtlicher Europäisierung. Mohr Siebeck, 2010.

344. Schlaich K., Koriath S. Das Bundesverfassungsgericht. Stellung, Verfahren, Entscheidungen, Verlag C. H. Beck, München, 2004.

345. Sermet L. Le rôle du Comité des ministres dans le système européen de protection des droits de l'homme : derive ou orthodoxie, Mélanges L. Dubouis, Dalloz, 2002.

346. Simon D. Des influences réciproques entre CJCE et CEDH: "je t'aime, moi non plus"? // Les Cours européennes. Luxembourg et Strasbourg, Pouvoirs, № 96, Janvier 2001.

347. Simon D. et Barav A. Le droit communautaire et la suspension provisoire des mesures nationales, les enjeux de l'affaire Factortame. Rev. Marché commun n° 340, oct. 1990.

348. Simon D. et Rigaux A. Droit communautaire et Constitution française, une avancée significative de la Cour de cassation. À propos de l'arrêt Fraise du 2 juin 2000. Europe 2000. chron. 8.

349. Simon D. Les exigences de la primauté du droit communautaire : continuité ou métamorphose ? L'Europe et le droit. Mélanges en hommage à Jean Boulouis. Dalloz, 1991.

350. Simon D. Les fondements de l'autonomie du droit communautaire, in Droit international et droit communautaire // Perspectives actuelles, Paris, 2000.

351. Skouris V. C'est en grande partie grâce aux préoccupations et aux sollicitations des juridictions nationales que s'est forgée la jurisprudence communautaire. Europe 2007, entretien 1.

352. Slaughter A.-M. Judicial Globalization // Va J.Intl L. V.40, 2000.

353. Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2009.

354. Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2003.

355. Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme // PUF, 2015.

356. Sudre F. Les grands arrêts de la Cour européenne des droits de l'homme. 7 ed., 2015.

357. Sudre F., L'apport du droit international et européen à la protection communautaire des droits fondamentaux, in Société française pour le droit international, Colloque (33 1999 (Bordeaux), Droit international et droit communautaire, perspectives actuelles, colloque de Bordeaux, [30 septembre - 2 octobre 1999] / Société française pour le droit international, Paris, Pédone, 2000. P.169-193.

358. Sudre F., Marguénaud J.-P., Gouttenoire A., Levinet M. Les grands arrêts de la Cour européenne des Droits de l'Homme. Paris, 2003.

359. Terner C., Munoz R. Revising the judicial architecture of European Union // YEL, 1999/2000.

360. Thwaites N. Mutual trust in criminal matters : the European Court of Justice gives its first interpretation of a provision of the convention implementing the Schengen Agreement // German Law Journal, 2003.

361. Thwaites N. Mutual trust in criminal matters : the European Court of Justice gives its first interpretation of a provision of the convention implementing the Schengen Agreement, *German Law Journal*, 2003.

362. Tulkens F., Callewaert J. La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux // L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne. IEE, 2002.

363. Tulkens F., Callewaert J. La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux // L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne. IEE, 2002.

364. Tulkens F., Callewaert J. La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux, in L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne. IEE, 2002.

365. Tulkens F., Callewaert J. La Cour de justice, la Cour européenne des droits de l'homme et la protection des droits fondamentaux, in L'avenir du système juridictionnel de l'Union européenne, 2002, IEE.

366. Tulkens Fr. L'Union européenne devant la Cour européenne des droits de l'homme, RUDH, 2000.

367. Twining W. *Globalization and Legal Theory*. Butterworths, 2000.

368. Van der Meersch W.J. La juridiction internationale dans l'Union économique Benelux // *Annuaire français de droit international*. 1996 N° 15.

369. Van Reepenbusch S. *Droit institutionnel de l'Union européenne*. Larcier 2005. Bruxelles, 4e éd.

370. Van Simaey B., Carlier J. Y. Le nouvel espace de liberté, de sécurité et de justice, in Y. Lejeune (sous la dir. de). *Le traité d'Amsterdam. Espoirs et déceptions*, Bruxelles, Bruylant, 1998.

371. Vandensanden G. *Renvoi préjudiciel en droit européen*. 2013. Bruylant. 210 p.

372. Velu J. Responsabilités incombant aux Etats parties à la Convention européenne, in Conseil de l'Europe. 6ème colloque international sur la CEDH, Seville, 1985.

373. Verhoeven J. Droit international public. Larcier, 2000.
374. Vermeulen G., Vander Beken T., de Busser E., Dormaels A. Blueprint for an EU Criminal Records Database. Legal, politico-institutional & Practical Feasibility, Antwerpen-Apeldoorn, Maklu, 2002.
375. Vernimmen-Van Tiggelen G., Surano L., Weyembergh A. L'avenir de la reconnaissance mutuelle en matière pénale dans l'Union européenne. Université de Bruxelles, 2009.
376. Vervaele J. A. E. European Evidence Warrant. Transnational Judicial Enquiries in the EU, Antwerpen – Oxford, Intersentia, 2005.
377. Villey M. Le droit et les droits de l'homme. PUF. 1983.
378. Waelbroeck M. Community Law and National Courts, rights and remedies. Conférence des 26 et 27 mars 1994. Centre for European Legal Studies and Trinity Hall, University of Cambridge.
379. Wasmeier M. The principle of ne bis in idem // RID pén. 2006, vol. 77½.
380. Wathlet M. Contentieux européen. 2014. Larcier. 790 p.
381. Wathlet M. La charte des droits fondamentaux de l'Union européenne. Le point de vue d'un juge à la Cour de justice des Communautés européennes, in J.Y. Carlier, O. De Schutter (sous la dir.), La Charte des droits fondamentaux de l'Union européenne, Bruxelles, Bruylant, 2002.
382. Weatherill S., Beaumont P. EC Law. London: Penguin Books, 1995.
383. Weiler J. Fundamental Rights and Fundamental Boundaries: On Standards and Values in the Protection of Human Rights, Martinus Nijhoff Publ. Kluwer, 1995.
384. Weyembergh A. L'harmonisation des législations: conditions de l'espace pénal européen et révélateur de ses tensions, Bruxelles, éd. de l'Université de Bruxelles. 2004.
385. Weyembergh A., de Biolley S. The EU Mutual Legal Assistance convention of 2000 and the Interception of Telecommunications // European Journal of Law Reform, 2006, vol. 8, n° 2/3.

386. Williams C. The European evidence warrant, RID pén. 2006, vol. 77, 1/2.
387. Wyatt D. New legal order, or old? European law Review. Juin 1982.
388. Ziller J. et Lotarski J. Institutions et organes judiciaries, in B. De Witte (éd.), Ten Reflections on the Constitutional treaty for Europe, EUI 2003.
389. 76. Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система РФ. Теоретические проблемы: Дисс. . д.ю.н. — Воронеж, 2001. — 368 с.
390. Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. М.: Международные отношения. 2007. 304 с.
391. Абдрашитова В.З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека. Дисс. к.ю.н. Москва. 2008. 197 с.
392. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. М.: Юрист, 2005. Т. 1. 719 с.
393. Аверин Д.Д. Суд Европейского экономического сообщества // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1964. № 4.
394. Автономов А.С. Реформа правозащитных договорных органов в контексте глобализации // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции). М., 2006.
395. Аграновский Д. Уступчивость на пределе // Советская Россия. 9 ноября 2010.
396. Актуальные проблемы деятельности международных организаций: Теория и практика / Под ред. Г.И. Морозова. М., 1982.
397. Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996.

398. Алиев З.Г. Отношения Азербайджана с Советом Европы в контексте прав человека // Сборник аспирантских научных работ. Вып. 9. Казань, 2008.

399. Ализаде Ф.Э. Правовые основы совместных (международных) расследований по уголовным делам в европейском праве // Евразийский юридический журнал. 2011, № 7

400. Алисиевич Е.С. Решения Европейского суда по правам человека и российская правовая система. Обзор научно-исследовательских публикаций. // Электронный ресурс. < <http://www.demos-center.ru>>.

401. Алисиевич Е.С. Система правовых стандартов Европейского суда по правам человека // Юрист-международник. 2006. № 4.С. 29-41.

402. Андриенко Я.П. Роль Суда ЕС в создании институционального баланса в Европейском Союзе // Северо-кавказский юридический вестник. № 4. Ростов-на-Дону, 2003.

403. Андриенко Я.П. Роль Суда ЕС в унификации и гармонизации прав в рамках Европейского Союза // Право: теория и практика. № 1, М., Тезарус, 2004.

404. Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: Дисс... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

405. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. 627 с.

406. Аречага, Э. Х. де. Современное международное право Текст. /Х. де Аречага / под ред. и с вступ. статьей Г. И. Тункина; пер. с исп. Ю. И. Папченко. М.: Прогресс, 1983. 480 с.

407. Астапенко В. Лойша Д. Еврост: общая правовая характеристика // Международное право и международные отношения. 2005, №2.

408. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. 2-ое изд., изм. и доп. М.: 360

Норма, 2000. 776 с.

409. Баглай М. В. Малая энциклопедия конституционного права / М. В. Баглай, В. А. Туманов. М.: БЕК, 1998. 516 с.

410. Бадаев А.Г. Проблемы и перспективы сотрудничества и взаимодействия органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников СНГ по обеспечению экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5.

411. Байтеева М.В. Контрольные полномочия Суда Европейского Союза // <<http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2003/issue3/jur2.html>>.

412. Барак А. Судейское усмотрение / науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун. М.: Норма, 1999. 364 с.

413. Бартенев С.А. Европейский Союз и государства-члены: разграничение компетенции. М.: Юрлитинформ, 2009.

414. Бекашев К.А. Обладают ли межправительственные организации наднациональными функциями // Тезисы докладов участников научной конференции «Актуальные проблемы развития международного права». — М., 2006.

415. Беляевская О.Я. Влияние судебной практики Европейского суда по правам человека на практику Конституционного суда РФ (на примере права на доступ к суду) // Российское и европейское право: традиции и стратегия развития в условиях глобализации. Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию юридического факультета Поморского университета (Архангельск, 30-31 октября 2007 г.). Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008.

416. Берестнев Ю. Европейский суд по правам человека как контрольный механизм Конвенции о защите прав человека и основных свобод. // Новая юстиция. 2008. № 1.

417. Берестнев Ю.Ю. Распространение решений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2001. №3.

418. Бессарабов В.Г. Европейский Суд по правам человека. М., 2004.

419. Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М.: Научная книга, 2006.
420. Бирюков М.М. Европейское право до и после Лиссабонского договора. М.: Научная книга, 2009.
421. Бирюков М.М. Лиссабонский договор о новой роли парламентов государств — членов в механизме принятия решений институтами
422. Бирюков М.М. Особенности понятия пространства свободы, безопасности и законности по Лиссабонскому договору // Московский журнал международного права. 2009. № 2.
423. Бирюков М.М. Право Европейского Союза // Международное право: Учебник отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. М.: Проспект, 2008
424. Бирюков П.Н. Международное право. М., 2006. - 685 с.
425. Блищенко И.П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. 472 с.
426. Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991. 159 с.
427. Блюнчли И. Ю. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1876.
428. Бойцова Л.В. Европейское образование и преподавание права ЕС // Московский журнал международного права. 1998, № 3
429. Брановицкий К. Возможности использования информационных технологий в европейском приказном производстве (Регламент ЕС № 1896/2006 «О введении европейского приказного производства») // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2009, № 10.
430. Брэдли Ю.Э., Дженис М., Кэй Р. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии./ Науч. ред.: Блинков Н., Пер.: Иванченков А., Ред.: Архипова. М., 1997.
431. Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М.: Волтерс Клувер, 2010. 448 с.

432. Быков В., Шишкин Д. Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека в гражданских процессах о защите доброго имени // Обращения в Европейский суд по правам человека: руководство для журналистов / под. ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М. 2004.
433. Валеев Р.М. Контроль в современном международном праве. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Казань.1999. 41 с.
434. Варламова Н. Права человека: попытки интегративной интерпретации. // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6 (67).
435. Введение в право Европейского Союза: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. М.: ЭКСМО 2010.
436. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998.
437. Вильдхабер Л. Эффективная система защиты прав человека в Европе будет стоить национальным властям дороже и дороже // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2005. №3.
438. Витвицкая О., Горниг Г. Право Европейского Союза. СПб.: Питер, 2005.
439. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М.: Городец-издат, 2001. 508 с.
440. Витрук Н.В. Обязательства России как государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42).
441. Волеводз А., Дамирчиев А. Европейская полицейская организация в свете Лиссабонского договора // Уголовное право. 2011, № 2.
442. Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11.

443. Волеводз А.Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009, № 4.

444. Волженкина В.М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс / Науч. ред.: Волженкин Б.В. СПб.: Изд-во С.-Петербург, юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. 48 с.

445. Волобуев В.П. К вопросу о проблемах международного сотрудничества органов прокуратуры РФ с государствами – участниками СНГ и другими государствами в сфере выдачи лиц, осуществления уголовного преследования и оказания правовой помощи при расследовании преступлений // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1.

446. Волосюк П.В. Решения Европейского суда по правам человека как источники российского уголовного права. Автореф. дисс.к.ю.н. Ставрополь, 2005.

447. Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М.: Wolters Kluwer Russia, 2010.

448. Галузо В.Н. Международное сотрудничество в системе функций прокуратуры Российской Федерации: pro et contra // Международное право и международные организации. 2014. № 2.

449. Гарлицкий И. «Конституционные ценности» и Страсбургский суд // Сравнительное конституционное обозрение. — 2008. № 6 (67). С. 81-88.

450. Гетьман-Павлова И.В. Унификация внедоговорных обязательств в праве Европейского Союза // Международное право и международные организации. №1, 2011.

451. Гладышева С.С. Роль Европейского суда по правам человека в становлении справедливого суда в России // Московский журнал международного права. 2004, №1.

452. Глотов С.А., Мазаев В.Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы. М., 2001. - 553 с.
453. Глотов С.А., Петренко Е.Г. Права человека и их защита в Европейском Суде. Краснодар, 2000. - 137 с.
454. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юристъ, 2003. - 304 с.
455. Головистикова А. Н. Права человека: Учебник / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудицына. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
456. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.:МНИМП, 1998.
457. Горшкова С.А. Европейская защита прав человека и реформирование российской судебной правовой системы. // Журнал российского права. 2002. №7.
458. Грабенвартер К. Генеральный доклад на XVI Конгрессе Конференции европейских конституционных судов 2014 «Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время». Заключительный доклад и подведение итогов XVI Конгресса Конференции европейских конституционных судов 2014 // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6 (42).
459. Григорьева Л. Первое заседание Совета министров юстиции государств-участников СНГ // Адвокат. 2006. № 5.
460. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права. Пенза. 2003.
461. Гулиев В. И. Роль Совета Европы в международной борьбе с преступностью // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12.
462. Гумеров Л.А., Гумеров Ш.А. Некоторые аспекты применения постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Российский судья. 2007. № 2.

463. Гурвич М. А. Судебное решение: теоретические проблемы. М: Юрид. лит-ра, 1976. 173 с.
464. Гусейнов Абульфаз Ибрагим-оглы. Право как феномен культуры: Автореф. дис... докт.юрид.наук. М., 2007. 55 с.
465. Гуцуляк В.Н. Международное морское право (публичное и частное). Ростов-на-Дону, 2006. 416 с.
466. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: пер. с франц. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 1998. 400 с.
467. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Дисс... док. юрид. наук. М., 2011. 403 с.
468. Дамирчиев Э. И. Европейская организация правосудия (Евроюст): практика взаимодействия и перспективы развития // Международное право и международные организации. 2011, № 2.
469. Даниленко Г.М. Международная защита прав человека: Уч. пособие. М., 2000. 255 с.
470. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного суда // Государство и право. 1995, №11.
471. Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996.
472. Джафаров А.М. Конституция Азербайджана как правовая основа деятельности органов прокуратуры и проблемы ее совершенствования в свете рекомендаций Совета Европы // Российский следователь. № 1. 2008.
473. Дженнис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). М., 1997. 640 с.
474. Договор о создании Суда Бенилюкса от 31 марта 1965 г. // <www.courbeneluxhof.be/fr/basisdocumenten.asp>
475. Договоры, учреждающие европейские сообщества. М.: Право,

1994. 390 с.

476. Доклад Комиссии по применению европейского права // JOCE, C 30, 30 janvier 2001.

477. Доклад Комиссии по применению европейского права // Journal officiel des Communautés européennes, C30 du 30 janvier 2001.

478. Дроздов Р. Н. Взаимодействие Совета Европы и Европейского Союза в сфере обеспечения прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия Юридические науки. 2009. № 2.

479. Дружков М.П. Заключение международных договоров в рамках и под эгидой международных организаций. Киев, 1986. 186 с.

480. Европейская система защиты прав человека и ее влияние на правовую систему Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2007. 190 с.

481. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. / Отв. ред. Берестнев Ю.Ю. М.: Юридическая литература. 2003.

482. Европейский суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ, рекомендации / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2004;

483. Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения 2004: пер. с англ., фр. / Администрация Президента РФ. М.: Новая юстиция, 2006.

484. Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения / под ред. Берестнева Ю.Ю., М.В. Виноградова. М.: Норма, 2004.

485. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1. / Председатель редакционной коллегии — доктор юридических наук, профессор В.А.Туманов. М.: Издательство НОРМА, 2000. 856 с.

486. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2

т. Т.2. / Председатель редакционной коллегии — доктор юридических наук, профессор В.А.Туманов. М.: Издательство НОРМА, 2000. 808 с.

487. Европейского Союза / Ютношения Россия — ЕС на пороге перемен. *Liber amicorum* в честь профессора М. Энтина. М.: Аксиом, 2009.

488. Ершов В.В., Ершова Е.А. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // *Российское правосудие*. 2007. № 7.

489. Ершова Е.А. Правовая природа постановлений Европейского суда по правам человека // *Трудовое право*. 2009. № 2.

490. Жданов Ю.Н., Лаговская Е.С. Европейское уголовное право. Перспективы развития. М., 2001. 232 с.

491. Занина М.А. Коллизии норм национального права и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // *Российская юстиция*. 2005. № 11.

492. Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // *Российская юстиция*. 2003. № 10.

493. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М.: Российская академия правосудия; Статут, 2010. 416 с.

494. Зимненко Б.Л. Надзорное судопроизводство: гарантия права на справедливое судебное разбирательство или его ограничение // *Международное публичное и частное право*. 2007.

495. Зорькин В.Д. Конституционный суд России в европейском правовом поле // *Журнал российского права*. 2005. №3.

496. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // *Российская газета*. Федеральный выпуск № 5325 (246), 29 октября 2010.

497. Иваненко В.С. Всеобщая декларация прав человека и Конституция Российской Федерации // *Правоведение*. 1998. № 4.

498. Игнатенко Г.В. Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // *Журнал российского права*. 2008. №1.

499. Изварина А.Ф. Исполнение судебных решений в России должно стать компетенцией суда // Мировой судья. 2006, № 10.

500. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: Монография / Отв. ред. С.Ю. Кашкин, М.: Норма; ИНФРА, 2014. 112 с.

501. Институты международного правосудия / под ред. В.Л. Толстых. – М., 2014. 504 с.

502. Иншакова А.О. Шенгенская информационная система как мера компенсаторного характера в рамках Шенгенских достижений // Законы России. 2010. № 4.

503. Источники российского права: вопросы теории и истории: Учебное пособие / отв. Ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2005. 336 с.

504. Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса, 1904.

505. Каламкарян Р. А. Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М.: Наука, 2004. 494 с.

506. Канашевский В.А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в РФ // Журнал российского права. 2003. № 4.

507. Капустин А.Я. Европейский Союз: интеграция и право. М. 2000.

508. Капустин А.Я. К вопросу об особенностях компетенции Европейского Союза и его международно-правовой природе // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Тезисы конференции. М.: РУДН, 2001.

509. Капустин А.Я. Международные организации в глобализирующемся мире: Монография. М.: РУДН, 2010. 320 с.

510. Капустин А.Я. Особенности и структура обязательств государств-ответчиков обеспечить выполнение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. № 4.

511. Караман И.В. Международный трибунал по морскому праву.

Одесса, 2007. 160 с.

512. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. 135 с.

513. Карташкин В.А., Пожидаева М.В. Пакты о правах человека и реформирование правозащитного механизма ООН // Юрист-международник. 2006.№ 3.

514. Касьянов Р.А. Интегрирование России в европейское правовое пространство: некоторые аспекты применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями. Сборник статей. М.: Международные отношения, 2008.

515. Касьянов Р.А. Интегрирование России в европейское правовое пространство: некоторые аспекты применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями. Сборник статей. М.: Международные отношения, 2008.

516. Кашкин С.Ю. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями М.: Инфра-М, 2011.

517. Кашкин С.Ю. Лиссабонский договор — новый этап развития права Европейского Союза // Право. № 1. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

518. Кашкин С.Ю. Право Европейского Союза. М.: Юрайт, 2011.

519. Кашкин С.Ю., Каличенко П.А., Четвериков А.О. Введение в право Европейского Союза. М.: Эксмо, 2010. 464 с.

520. Кашкин С.Ю. Хартия Европейского Союза об основных правах и право Совета Европы // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия: Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2001.

521. Кашкин С.Ю., Ядрихинская О.А. История становления и развития науки европейского права в России. // www.eulaw.edu.ru/documents/articles/sciencehistory.htm

522. Каюмова А.Р. Механизмы осуществления уголовной юрисдикции государствами ЕС в рамках формирования пространства свободы, безопасности и правосудия // Международное публичное и частное право. 2005. № 4 (25).

523. Каюмова А.Р. Создание единого европейского пространства свободы, безопасности и правосудия – приоритетная задача Европейского Союза на современном этапе развития интеграционных процессов / Науч. ред. Л.Х.

524. Квитко Н. Суд Европейский, проблемы - российские // Законность. 2007. № 1.

525. Клеандров М.И. Международные суды: Учебное пособие. Тюмень, 2000.

526. Клемин А.В. Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального. Казань, 2004.

527. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах: Монография / Отв. ред. В.В. Еремян. М.: Международные отношения, 2004.

528. Ковлер А.И. Новые тенденции в практике Европейского Суда по правам человека: «пилотные постановления» о «структурных проблемах» // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. № 5.

529. Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н. Международный трибунал ООН по морскому праву новое международное судебное учреждение // Юрист-международник. 2006. № 1.

530. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения / под общей ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М.: Норма, 2002. 336 с.

531. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общей ред. В. Д. Карповича // <<http://www.constitution.garant.ru/DOC3300115.htm> (09.04.2008)>.

532. Комментарий к Конституции Российской Федерации по

состоянию на 1 мая 2003 г. Электронный ресурс. / под ред. В. В. Лазарева // <<http://www.constitution.garant.ru/DOC384890.htm> (09.04.2008)>.

533. Конев Д.В. Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений: анализ практики Суда Европейских сообществ // Арбитражный и гражданский процесс. 2008, № 2.

534. Конев Д.В. Отдельные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Арбитражный и гражданский процесс. 2007, № 1.

535. Конституционное правосудие в меняющихся правовых системах. М., 1999. 305 с.

536. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / под ред. О. И. Тиунова. М. : Норма, 2005. 608 с.

537. Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М. : Юристъ, 1997. 716 с.

538. Конюхова И.А. Международное и конституционное права: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права, 2006. 496 с.

539. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. 238 с.

540. Крылов Н.Б. Правотворческая деятельность международных организаций. М., 1988. 174 с.

541. Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций: разработка текста Устава ООН (1944-1945 гг.). М., 1960. 343 с.

542. Кузнецова С.Н. Международная защита прав человека. Н.Новгород, 2005.

543. Кузнецова С.Н. Хартия основных прав ЕвроСоюза — шаг к укреплению прав человека в ЕС // Юридическая наука, образование и практика: актуальные вопросы. Сборник научных статей. Вып.2. Н.Новгород: изд. ННГУ, 2008.

544. Курдюков Д.Г. Индивидуальная жалоба в контексте

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 192 с.

545. Курдюков Д.Г. Право на индивидуальную жалобу по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Московский журнал международного права. 2003, № 2.

546. Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Минтис, 1973. 280 с.

547. Курс международного права: Понятие, предмет и система международного права. В 7-ми томах. Т. 1 / Отв. ред.: Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И. М.: Наука, 1989.

548. Кустова И.Е. Защита прав и свобод человека в Хартии ЕС об основных правах // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы научно-практической конференции 19 мая 2006 г. Санкт-Петербург: изд. ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006.

549. Кучин М.В. Прецедентное право Европейского суда по правам человека. Екатеринбург, 2004.

550. Лазарев В.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец; Формула права, 2003. 528 с.

551. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань. 1972.

552. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань. 1975.

553. Ландо Д.Д., Самарин В.И. Европейское публичное право. М.: Проспект, 2014.

554. Лаптев П.А. Правовые позиции Европейского суда по правам человека и правовая система РФ. // Российское правосудие. 2008. № 11 (31).

555. Лаптев П.А. Прецеденты Европейского Суда по правам человека и российская судебная практика // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38).

556. Лаптев П.А. Российское правосудие и Европейский суд по правам человека // Общеизвестные принципы и нормы международного

права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы всероссийского совещания. Москва 24 декабря 2004 г.

557. Лаптев П.А., Федоров А.В. О необходимости совершенствования российского оперативно-розыскного законодательства с учетом постановления Европейского суда по правам человека по делу «Ваньян против Российской Федерации // Наркоконтроль. 2006, № 4.

558. Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958, 275 с.

559. Левин Д.Б., Мовчан А.П., и др. / Отв. ред.: Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И. М.: Наука, 1989. 360 с.

560. Ленников А.С. Европейское право в России: международный семинар «Современные тенденции развития права ЕС и российского юридического образования» // Московский журнал международного права. 2000. № 4.

561. Леонов А.С. Соблюдение прав человека как политический критерий вступления в Европейский Союз // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей-юристов. Выпуск 3. Н.Новгород: Изд. ННГУ, 2003.

562. Литвинский Д.В. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 805/2004 от 21 апреля 2004 г., устанавливающий Европейский исполнительный лист для бесспорных требований // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. СПб.: Изд. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. №4.

563. Литвишко П.А. Создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп в СНГ: текущий этап нормотворчества // Российский следователь. 2010. № 4.

564. Лич Ф. Эффективность работы Комитета Министров по надзору за исполнением решений Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1 (58).

565. Лобов М.Б. Вопросы применения Европейской конвенции по

правам человека. М., 2001.

566. Лобов М.Б. Исполнение решений Европейского суда по правам человека: возможные правовые последствия для Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3 (36).

567. Лобов М.Б. Прямое действие решений Европейского Суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. Институт права и публичной политики. 2006. № 1 (54).

568. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. 279 с.

569. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Изд. 3. М., 2005. 432 с.

570. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. Изд. 3. М., 2005. 544 с.

571. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. Киев, 1980.

572. Лукашук И.И. Победа в Отечественной войне и развитие международного права // Международное публичное и частное право. 2005. № 4.

573. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 404 с.

574. Лукьянова Е.А. Крушение конституционных основ // Право и политика. № 1(133), 2011.

575. Лукьянцев Г.Е. Европейские стандарты в области прав человека: Теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. М., 2000.

576. Лукьянцев Г.Е. К вопросу о повышении эффективности функционирования договорных органов по правам человека (теоретические и практические аспекты) // Московский журнал международного права. 2005. № 4.

577. Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М.: Междунар. отношения, 1979. 168 с.

578. Мазов В.А. Принципы Хельсинки и международное право. М., 1979. 224 с.

579. Маковой М. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность. Прецеденты и комментарии. / М. Маковой, С. А. Разумов. М.: Российская академия правосудия, 2002. 115 с.

580. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект Текст. / А. В. Малько. Саратов: СГУ, 1994. 184 с.

581. Мамедов Ф.Ф. Проблемы реформирования судебной системы Азербайджана в свете международно-правовых стандартов отправления правосудия // Российский судья. № 12. Юрист. 2007.

582. Манукян В.И. Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии: Научно-практическое пособие. Киев: Истина, 2007.

583. Маргиев В.И. Внутреннее право международных организаций. Майкоп, 2001.-475 с.

584. Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права // Советский ежегодник международного права 1988 г. М., 1989.

585. Марочкин С.Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению в Российской Федерации // Юридический мир. 2006. № 4.

586. Марочкин С.Ю., Лесин А.В. Еще раз к вопросу о том, подлежат ли применению неопубликованные международные договоры // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. №1.

587. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 1. СПб., 1887. 686 с.

588. Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. СПб., 2004. 224 с.

589. Марусин И.С. Физические лица в международных судах. Санкт-Петербург, 2007.
590. Марченко М. Н. Верховенство права Европейского Союза по отношению к национальному праву государств-членов // Журнал российского права. 2009. № 5.
591. Марченко М. Н. Источники права: Учебное пособие. М.: Проспект, 2006. 760 с.
592. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. М.: Проспект, 2007. 768 с.
593. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2007. 512 с.
594. Марченко М.Н. Европейский Союз и его судебная система: монография. М.: Проспект, 2015.
595. Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005. 760 с.
596. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: Учебник. М.: Зерцало, 2001. 560 с.
597. Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2.
598. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского Союза. Основы истории и теории. М.: Проспект, 2010.
599. Матвеев Д.Ю. Обеспечение реализации в Российской Федерации постановлений Европейского суда по правам человека // Юрист-международник. 2004. №4.
600. Медведев И.Г. Взаимодействие стран Европейского Союза в области получения доказательств по гражданским и торговым делам // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002 – 2003, № 2.
601. Международное право / Под ред. Г.П. Калюжной и Д.Б. Левина. М.: Юрид. Лит, 1960. 331 с.

602. Международное право / Под ред. Е.А. Коровина. М.: Госюриздат, 1951. 600 с.

603. Международное право / Под ред. Ф.И. Кожевникова. М.: Госюриздат, 1957. 472 с.

604. Международное право. Общая часть: Учебник / Лукашук И.И. М.: БЕК, 1996. 368 с.

605. Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч I / сост. и авт. вступ. Статьи К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 1391 с.

606. Мещерякова О. М. Национальные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // Московский журнал международного права. 2010. № 2

607. Мингазов Л. Х. // Европейское право. Политика и интеграция: Актуальные проблемы. Казань: Таглимат ИЭУП, 2005

608. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Казань: КГУ, 1990. 207 с.

609. Мовчан А.П. Международная защита прав человека. М., 1958. 167 с.

610. Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1982. 145 с.

611. Москаленко К.А. Международная защита прав человека с использованием некоторых международно-правовых механизмов. М., 2006.

612. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного урегулирования и практики. Дисс.докт. юрид.наук. Казань. 2004. 599 с.

613. Мурашова Е.Н. Восприятие решений Европейского суда по правам человека национальными правовыми системами и их реализация в деятельности органов власти национального государства // Журнал российского права. 2006. № 3.

614. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.,

1991. 160 с.

615. Мюллерсон, Р. А. Соотношение международного и национального права М.: Международные отношения, 1982. 132 с.

616. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. М.: НОРМА, 2002. 552 с.

617. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1999. 272 с.

618. Николаев А.М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации. Дисс...док. юрид. наук. М.: 2012. 512 с.

619. Нормы международного права в правовой системе России. Учебно-практическое пособие / Лукашук И.И. М.: Спарк, 1997. 90 с.

620. Носникова Н. Международно-правовые стандарты в области судопроизводства: проблемы судебной реформы в Российской Федерации //Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3 (64).

621. Нудненко Л. А. Теория демократии. М.: Юрист, 2001. 94 с.

622. Нурумов Д.И. Кризис западного мировосприятия и права человека // Право и политика. 2001. №3.

623. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Том 2. Теория права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. 640 с.

624. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы всероссийского совещания 24 декабря 2004 г. / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, А.В. Сычевой. М., 2004.

625. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества. Учебное пособие / Волженкина В.М. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т ген. прокуратуры РФ, 1999. 112 с.

626. Орлова Ю.М. Принципы взаимодействия суда ЕС с национальными судебными органами государств — членов ЕС // Международно-правовые чтения. Выпуск 4. Воронеж: изд. Воронежского

университета, 2005.

627. Осипян Б.А. Правомерные возможности защиты прав российских граждан в Европейском Суде по правам человека // Международное право и международные организации. 2015. № 1.

628. П.Волжина Т.А. Роль практики Суда ЕС в формировании единого механизма защиты прав индивида в Евросоюзе // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КГУ. Выпуск 5, 4.1. Казань: Центр инновационных технологий, 2004.

629. Панюшкина О. В. О взаимном признании приговоров с целью исполнения наказаний между государствами-членами Европейского Союза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2010. № 1.

630. Пименова О.И. Роль и место принципа субсидиарности в законодательном механизме наднационального регулирования отношений в Европейском Союзе: субстансивный, инструментальный и институциональный аспекты. // Современное право. 2014, №9.

631. Попков В.Д. Соотношение внутригосударственного и международного права // Проблемы теории государства и права: Учебное пособие. Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. 656 с.

632. Потапова А. Европейский суд ужесточает позицию в отношении России // Адвокатская газета. 2009. № 6 (47).

633. Потемкина О.Ю. Наднациональный и межправительственный методы интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Дисс...док. юрид. наук. М., 2013. 438 с.

634. Право Европейского Союза / Под. ред. Кашкина С.Ю. М.: Юристъ, 2004. С. 230.

635. Правовые системы стран мира / Ф.М. Решетников, У.Э. Батлер и др; Под ред. А .Я. Сухарева, М.: Норма, 2000. 834 с.

636. Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / Под. ред. А.Л. Быкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. инст-та, 2006.

637. Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. Буркова А.Л. Екатеринбург, 2006.

638. Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2003 год. М.: Новая юстиция, 2005.

639. Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2004 год. М.: Новая юстиция. 2006.

640. Пушечникова Е.А. Некоторые вопросы преюдициальной процедуры в Суде Европейских Сообществ // Материалы семинара «Преподавание права Европейского Союза в Российских ВУЗах - II». М., 2001.

641. Пушечникова Е.А. Некоторые вопросы преюдициальной процедуры в Суде Европейских Сообществ // Сборник «Материалы семинара «Преподавание права Европейского Союза в Российских ВУЗах - II». М., 2001.

642. Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. 480 с.

643. Пыриков Е.Г. Пересмотр в порядке надзора судебных постановлений по гражданским делам в оценках Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. № 9. С.78-90.

644. Равкин Н.В. Европейское сообщество как субъект международного права // Московский журнал международного права. № 2, 2000. С. 520.

645. Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты права на справедливое судебное разбирательство. // Российский судья. 2009, № 2.

646. Рехтина И.В. Постановления Европейского суда по правам человека: проблемы применения и исполнения // Международное публичное

и частное право. 2007. № 6. С. 13-16.

647. Рисдал Р. Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе. Защита прав человека в современном мире: Сборник статей. М., 1993.

648. Родионова Ю.М. Компетенция Европейского суда правосудия // <www.law.edu.ru>.

649. Саидов А.Х. Международное право прав человека. М., 2002. 198 с.

650. Сальвиа М. Европейская Конвенция по правам человека. Спб., 2004.

651. Самович Ю.В. Право человека на международную судебную защиту: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Казань, 2007.

652. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В.В. Ершова. М., 2006. 493 с.

653. Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест: трансформация процесса экстрадиции. // Московский журнал международного права. 2003. № 4.

654. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

655. Соглашение заключено 18 мая 1999 между Советом, Республикой Исландия и королевством Норвегия об ассоциации этих государств по применению и развитию Шенгенских соглашений // *Journal Officiel des communautés européennes*, 10 Juillet 1999.

656. Соглашение между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда // *JOUE*, L 344, 31.1.1994. P. 3.

657. Соглашения между государствами-членами ЕАСТ о создании наблюдательного органа и Суда // *JOUE* L 344, 31.1.1994. P. 3; *EFTA States' official gazettes*.

658. Сонькин Н.Б. Адвокат в Европейском Суде по правам человека. М., 2004. 288 с.

659. Сорокин, В. В. Теория государства и права переходного периода: Учебник. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2007. 512 с.

660. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика. Сборник аналитических статей / под ред. М.Р. Воскобитовой. М.: Анахарсис, 2005. 528 с.

661. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: избранные права. М.: Институт права и публичной политики. 2002. 604 с.

662. Суворова В.Я. Реализация норм международного права. Екатеринбург, 1992.

663. Суд Европейских сообществ: постановления и комментарии. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Энтина, Ю.А. Матвеевского. М.: МГИМО-Университет, 2007. 295 с.

664. Султанов А.Р. Об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека как средстве реализации конституционных ценностей. // Международное публичное и частное право. 2008. № 4.

665. Султанов А.Р. Правовая определенность в надзорном производстве: ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5.

666. Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2.

667. Сыченко Е.В. Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав граждан и права на социальное обеспечение. Litres, 2015

668. Тавров Г. О международной защите прав человека // Советское государство и право. 1948. № 7.

669. Тарло Е.Г. Правовой статус Европейского суда по правам

человека // Современное право. 2004. № 4.

670. Теория государства и права / под ред.: Стрекозов В.Г. 2-е изд., доп. и испр. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

671. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-ое изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 776 с.

672. Теория государства и права: Учебник / отв. ред. А. В. Малько. 2-е изд., стереотип. М.: КНОРУС, 2007. 400 с.

673. Теория государства и права: Учебник для вузов / отв. ред. Д. В. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 496 с.

674. Теория государства и права: Учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2007. 496 с.

675. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. 238 с.

676. Тиунов О.И. О применении Конституционным судом РФ норм международного права // Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами. М., 1996.

677. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник для юридических факультетов и вузов. М.: БЕК, 1995. 496 с.

678. Тихоновецкий Д.С. Проблемы прецедента в праве ЕС // Московский журнал международного права. 2003. № 24.

679. Тихоновецкий Д.С. Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейских сообществ // Московский журнал международного права. № 2. М., Международные отношения, 2003.

680. Тихоновецкий Д.С. Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейских Сообществ // Моск. журн. междунар. права. 2003, № 2.

681. Топорнин Б.П. Право Европейского Союза. М.: Юрист, 2001.

682. Травников М.А. Будущее Европейского Суда по правам человека: тупик или смена концепции // Журнал российского права. 2002. №

б.

683. Трыканова С.А., Энтин М.Л., Орина И.В., Энтин Л.М. Актуальные проблемы европейского права. М.: Флинта, 2011.

684. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции. М., 2006. 463 с.

685. Туманов В. А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. 304 с.

686. Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека//Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2003. № 5 (44).

687. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. 511 с.

688. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000. 397 с.

689. Фельдман Д. И. Основные тенденции развития международной правосубъектности Текст. / Д. И. Фельдман, Г. И. Курдюков. Казань : КГУ, 1974.-131 с.

690. Фердросс А. Международное право. М., 1959. 520 с.

691. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 814 с.

692. Хадсон Менли О. Международные суды в прошлом, настоящем и будущем. М., 1947. 391 с.

693. Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий / Отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: Юриспруденция, 2001. 208 с.

694. Цанава Л.В. Взаимодействие Совета Европы и Европейского Союза в области прав человека: основные проблемы // Международное право. 2008. №4(36).

695. Цымбаренко И.Б. Международно-правовые основы судебной защиты прав и свобод личности // Государство и право. 2004. № 2.

696. Черниченко, С. В. Теория международного права: в 2-х т. М.: НИМП, 1999. 336 с.

697. Чиркин В.Е. Разделение властей: социальные и юридические

аспекты. // Советское государство и право 1990. №8.

698. Чуксина В.В. Специализированные институты по содействию и защите прав человека и «классический» омбудсмен: сравнительно-правовой анализ // Академический юридический журнал. №1 (43). Иркутск, 2011.

699. Шамсутдинова Р.Р. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза: становление, развитие и основные формы сотрудничества государств-членов. Казань, 2009.

700. Швыдак Н.Г. Законодательство зарубежных государств: Правовое сотрудничество и унификация права стран Бенилюкса. Унифицированное регулирование специализации и кооперирования производства в рамках ЕЭС. М., 1994.

701. Шibaева Е.А. К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера // Московский журнал международного права. 1992. № 4.

702. Шibaева Е.А. Право международных организаций: вопросы теории. М., 1986. 160 с.

703. Шibaева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1988. 192 с.

704. Шинкарецкая Г. Г. Новые действующие лица в международном праве // Международное право и международные организации. 2011, №1.

705. Шинкарецкая Г.Г. Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития): Дисс... докт. юрид. наук. М., 2010.

706. Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009.

707. Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 2001. 288 с.

708. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 576 с.

709. Энтин М.Л. О проекте Конституции Европейского Союза //

Московский журнал международного права. 2004. №1.

710. Энтин Л.М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. М: Аксиом, 2009.

711. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М.: Изд-во МНИМП, 1997. 296 с.

712. Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ: Правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М.: Международные отношения, 1987.

713. Юрьев Е.Е. Право Европейского Союза и международный коммерческий арбитраж: особенности взаимодействия. М.: Юрлитинформ, 2010.